

ПРОСПЕР
МЕРИМЕ

Scan Kreyder - 08.08.2014
STERLITAMAK

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

М

ПРОСПЕРИМЕ

ТОМ 6

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

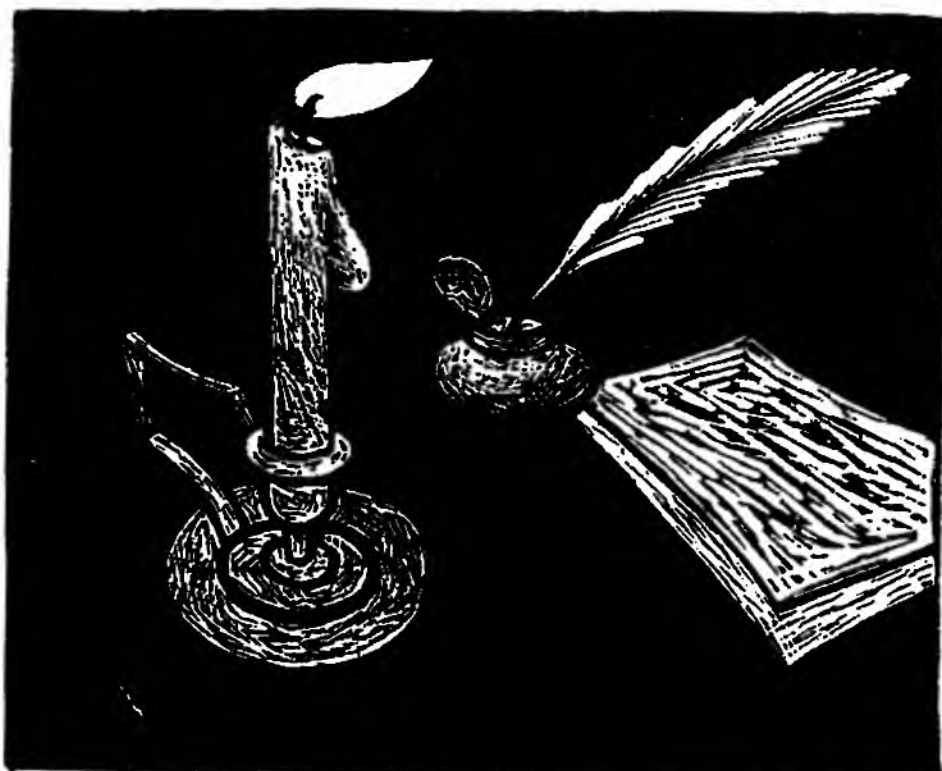
МОСКВА • 1963

Издание выходит
под редакцией
Н. М. Любимова.

Подбор писем А. Михайлова.

Оформление художника
Д. Бисти.

Гравюры
А. Гончарова, Д. Бисти.

ПИСЬМА

1822

1. ЖОЗЕФУ ЛИНГЕ

Куломьс, 9 апреля 1822.

Дорогой мэтр,

Я живу в деревне больше двух недель, а сделал еще очень мало. Но все же я заполнил оставленные мною пробелы и даже добавил нечто вроде целого эпизода. Более того, я переписал около трети моей тарабарщины.

Свежий деревенский воздух совершенно избавил меня от моих постоянных головных болей, но, к несчастью, меня покинуло лихорадочное стремление сочинять трагедии, и я не могу без содрогания смотреть на мои гнусные тетради. Если бы не мое обещание доставить их Вам в *разборчивом* виде, *Кромвель* уже давно бы погиб в огне. Вы не можете себе представить, как мучительно перечитывать хладнокровно то, что было написано в порыве вдохновения. Не смейтесь над этим выражением, потому что оно не только *романтическое*, оно *правдивое*. Вдохновение необходимо для того, чтобы создать *Аталию* и *Отелло*, так же как и для того, чтобы создать *Кромвеля*. А без вдохновения я нахожу мою возвышенную трагедию только нелепой, фальшивой и смешной. Со стыдом признаюсь: я считал, что написал вполне пристойную вещь. Сейчас я понимаю, как я ошибался. Даже англичанин не найдет в моей пьесе ничего, кроме неудачного описания нравов, и не испытает к автору ничего, кроме жалости.

Прежде всего для того, чтобы драматическое произведение было интересным, в нем должна быть изображена выдающаяся личность. Между тем ни *Кромвель*, ни *король*, ни *Людлов* не интересны. *Честолюбец Кромвель*

не понравится никому. Король, изображенный слишком простодушным, каким он и был на самом деле, возмутит роялистов. А люди, называющие себя сейчас республиканцами и подставляющие свои головы под сабли жандармов, не смогут полюбить фанатичного болтуна Людова. К этому маленькому недостатку (отсутствию занимательности) прибавьте невероятную растянутость, которую я заметил только при переписке.

Не думайте, однако, что я стал классиком. Сохрани бог! Мои романтические принципы еще более укрепились в обществе неких провинциальных классиков, с которыми я ломаю копья буквально каждый вечер.

Если Атеней, *Журналь де Пари* и Данте оставят Вам свободную минуту, прошу Вас — напишите мне несколько строк, чтобы поднять мой дух. Я знаю, что Вы будете добры ко мне и подбодрите меня; Ваши похвалы не вскружат мне голову, они дадут мне мужество закончить мою скучную работу.

Примите, дорогой мэтр, искреннее уважение вашего почтительного ученика.

П. Мериме
(Куломье, дом д-ра Ренье).

Поклон госпоже Линге.

1823

2. ЖОЗЕФУ ЛИНГЕ

Куломье, 21 сентября 1823.

Дорогой мэтр,

Вы мне говорили, что не любите, когда Вам пишут просто из вежливости; так вот, я пишу эти строки не для того, чтобы уверять Вас в своей неизменной преданности, а для того, чтобы дать Вам поручение.

Знаете ли Вы что-нибудь об испанском генерале Ла Романа, который был в Гамбурге в тот момент, когда Буонапарте взял в плен короля Фердинанда и завладел землями, которых он добивался для обеспечения безопасности? Я припоминаю, что Ла Романа погрузил на суда испанскую дивизию, которой он командовал, и переправил ее в Испанию, где потерпел многочисленные поражения, что несколько не уменьшает его благородства. *Монитор*, говоря о нем, называет его постоянно — предатель Ла Романа; в самом деле, нечестно покинуть своего капрала, чтобы отправиться на защиту своего отца! Ведь отечество, как Вам известно, — это наш отец. Заметьте, пожалуйста, что с упомянутой просьбой к Вам обращается Клара Гасуль. Эта мерзавка страшно ленива. Она хотела закончить *Берг-оп-Зом*, но вскоре забросила свою толстую владелицу пивной и безрассудного Макса, который никак не мог прийти к какому-нибудь решению. Я говорю — вскоре, и, однако, двадцать страниц, не знаю — хороших или плохих, были подшиты к началу. Перечитывая это произведение, я пришел в восторг от пролога и, чтобы его сохранить, нарочно для этого стал писать пьесу. Классик *Делиль* создал поэму, чтобы дать оправу своим эпизодам; почему же мне не сделать комедию для моего пролога?

Я начал также работу над романом, но написал только заглавие, так как ко мне пришли, отняли у меня карандаши, дали взамен хлыст и отправили в окрестности Куломье на серой лошадке, которая бы Вам очень понравилась. Это бедное животное сильно пострадало сегодня из-за взятия Памплоны. Я был в отчаянном настроении, так как мне сказали, что крепость неприступна. Поэтому я убедил себя в том, что моя серая лошадь — маршал Лористон, и отстегал ее беспощадно, бог его накажет за это!

Я уверен, что мы возьмем Кадис с одного приступа, потому что принц генералиссимус и белая кокарда прикажут делать это автоматам, получающим десять су в день, а называются эти автоматы — «французы». Согласитесь, что жизнь в таком подлом веке, как наш, очень жалка. Подрастающее поколение уже развращено, иезуиты готовятся обратить в свою веру наших детей. На свободу нет надежды! О берега Огайо! Когда я вновь увижу вас? О самки кайманов! О мисс Р<айт>!

Ваша история Реставрации помогает вам переносить несчастья родины. Я представляю себе, с каким пылом Вы работаете над ней, а также над Вашей картиной, которую Вы мне обещали к 15 октября. Я буду в Париже раньше этого срока и помогу Вам держать корректуру.

Я пришел со спектакля. К нам приехали четыре актера — мужчины и женщины: они сыграли для нас пьесу в стихах под названием *Каролина*. Я поклялся записать все стихи, в которых будет свыше пятнадцати стоп, но у меня скоро не хватило бумаги. Среди актрис была маленькая замарашка, сифилитичка до мозга костей, но не лишенная какой-то прелести, она напомнила мне о Мариките.

Я хотел бы послать Вам книжные полки, но столяр их еще не принес.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей супруге и примите мои лучшие пожелания.

П. М.

1825

3. АНРИ БЕЙЛЮ

<Февраль 1825>

Милостивый государь,

Я дважды прочитал Ваш прелестный маленький памфлет. Вы блестяще изложили суть дела, и я надеюсь, что впредь никто уже не назовет романтиками гг. Гюго, Ансло и их присных. Вами удивительно удачно придумана форма памфлета, Вы превосходно уловили стиль обоих противников. Ваши письма классика напомнили мне письма одного старинного приятеля. Это умный человек, но ум у него французский и академический, хотя он и не академик. Чтобы выполнить обязанности критика, которые Вам угодно было возложить на меня, я счел своим долгом сделать Вам несколько замечаний, а так как серьезных замечаний у меня нет, то я ограничиваюсь мелкими придирками, за которые прошу меня простить. Чтобы не марать рукопись, я не делал отметок в тех случаях, когда я хвалил и аплодировал, «а то бы я не кончил никогда». Есть, однако, один пункт, по которому мне бы хотелось поспорить с Вами. По-видимому, Вы рассматриваете историческую трагедию главным образом как трагедию романтическую; я держусь другого мнения, и если мне удастся в ближайшее время найти веские доводы, поддерживающие мою точку зрения, я позволю себе Вам их изложить.

Примите, милостивый государь, мою благодарность, а также выражение искреннего восхищения.

П. Мериме.

Р. С. Забыл сделать самое важное возражение. Вы не боитесь, что Маршанжи назовет Вас старомодным? По-моему, хорошо бы смягчить некоторые выражения, в особенности на страницах 77 и 78-й.

1828

4. ДОКТОРУ ЭДВАРДСУ

Четверг, утро, <март 1828>.

Дорогой доктор,

Что довелось когда глупее встретить вам,
Чем автор, что везде свой клянчит фирмам,
Что встречных за уши стремительно хватает
И в жертв бессонницы своей их превращает?

Это маленькая романтическая трагедия известного автора, озаглавленная *Жакерия*: произведение в каких-нибудь триста страниц; правда, они *in-folio*. Автор поручает мне спросить Вас, не слишком ли Вас утомило путешествие и не желаете ли Вы еще больше устать во вторник вечером в квартире вышеназванного, на улице Пти Огюстен, 16, в обществе герцога Стритилиса, графа Жакмона и барона де Марест? Все эти господа Вам знакомы.

Будет подан чай, будет разрешено спать при условии, чтобы сон был не слишком громким.

Если Вы мне не ответите, я, согласно поговорке, приму Ваше молчание за знак согласия.

Прошу засвидетельствовать мое почтение госпоже Эдвардс; я пришел бы Вас поздравить со счастливым возвращением, но я сегодня же еду в деревню.

П. М.

Р. S. Посылаю вам девять томов Фруасара, которые Вы мне давали, и еще раз благодарю.

5. АЛЬБЕРУ СТАПФЕРУ

16 декабря 1828.

Дорогой Альбер, очень Вам благодарен за статью Гете, над переводом которой Вам пришлось потрудиться для меня. По правде говоря, статья мне кажется несколько более тяжеловесной, чем критические замечания в *Глоб*, а этим уже сказано многое. Но моя благодарность за Ваше внимание не становится от этого меньше, и я так же, как и Вы, горжусь полученной Вами медалью. Кстати, в Вашем письме есть одна фраза довольно низменного свойства. Вы говорите, что медаль за заслуги стоит восемьдесят франков. Вы что же, хотели бы ее продать? Если у Вас нет *динаров*, отдайте ее в ломбард, вот и все. Подражание, как Вы его называете, показалось мне лучше, чем статья, — возможно, его украсили Ваши стихи. Да будет Вам известно, что я люблю все стихи, в которых есть мысли, ну, а в Ваших они есть. О стихах нашего друга я этого не скажу. Жду третьего тома — боюсь, он будет слегка убелен сединой.

Вчера я видел Ампера; он поручил передать Вам, что не писал, потому что ждал Вас со дня на день. Но, кажется, Вы не думаете так скоро оставить Талси, раз не говорите ни слова о своем возвращении. Вы прекрасно делаете, что проводите в деревне скучную новогоднюю пору. Поверьте мне, я очень хотел бы быть с Вами, но если бы я не решил захворать первого января, не знаю, как бы я отделался от визитов. Я работаю необычайно много — много не только для такого лентяя, как я, но даже для любого литератора, исключая господина Дефокомпре! Я пишу плохой роман, который наводит на меня скуку, но я хочу его закончить, потому что на будущее у меня совсем другие планы. Если бог поможет, в 1829 году я намараю много бумаги. Возвращаюсь к

статье Гете. Его заслуга, заключающаяся в том, что он угадал автора *Гуэлы*, не так уж велика, если принять во внимание, что я послал ему с одним русским, ехавшим через Веймар, экземпляр с моей подписью. Он похвастался мнимым открытием, чтобы блеснуть своей проницательностью.

Что вы хотите знать о Париже? Опера *Клари*, что бы о ней ни говорили, довольно посредственна. Г-жа Малибран избалована Вите и публикой; ей нужно не меньше двух лет, чтобы снова стать такой же деланно естественной, какой она была прежде. Нужно снова увидеть *Вашу Джудитту*, чтобы научиться настоящей естественности.

Мемуары Видока, которые, несомненно, дошли до Вас, заразили публику. В салонах начинают говорить на воровском языке; жена пэра, герцогиня, сказала недавно, что у нее *стибрили* бриллиантовые серьги. Письма Курье превосходны, но, как мне передавали, их мало читают. Вы их, конечно, знаете в рукописи. Его пророчества не совсем подтвердились, особенно то, которое относится к браку моей знакомой дамы.

Прощайте, будьте веселы, ешьте побольше косулей и фазанов и возвращайтесь к 15 января. Так как Вы мне не сообщаете новостей о госпоже Стапфер, я из этого заключаю, что она чувствует себя хорошо. Моя мать полтора месяца проболела. Теперь ей лучше.

Вы, конечно, знаете о проказах госпожи Партц. Двое близнецов, мальчик и девочка!

Напишите на прозрачной бумаге следующее число, потом рассказывайте эту историю.

Русские предлагают мир Махмуду при условии, что он им оплатит издержки войны, 10 000 000 рублей, что составляет в франках:

9679M

Переверните листок, и Вы получите ответ Махмуда.

1829

6. СЮТТОН ШАРП

8 янв<аря> 1829.

*Illustrissime nec non ornatissime causidice! **

Разрешите направить к вам г-на Лабенского, секретаря русского посольства в Лондоне и друга одного из моих близких друзей. Он мне показался умным человеком и добрым малым; он жалобным тоном рассказывал мне, как, проведя три или четыре года в лучшем обществе Лондона, он вдруг понял, что он не знает в этом громадном городе никого, а главное, никого, с кем можно было бы поболтать. Я посоветовал ему ходить к девочкам, но, поскольку он человек интеллектуальный, я направляю его к Вам, чтобы Вы поболтали с ним, когда Вам не представится ничего лучшего.

Прошу Вас, заступитесь за меня перед мадмуазель Софи. Я вижу ясно, что она меня презирает и считает чем-то вроде злодея-подмастерья, делающего в области преступлений честь своему учителю, то есть Бейлю. Представьте себе, что она и главным образом ее мать возмущаются мною и называют меня лицемером, лжецом, обманщиком и т. д., и все это за то, что я будто бы хотел обмануть своих соотечественников, выдав *Гузлу* за перевод. Жду, что в один из ближайших дней я буду изгнан в Ботанический сад или, что еще хуже, заперт, как чудовище, в зверинец. Эти дамы стали невероятно чувствительны: если ты не добродетелен до приторности, если ты восхваляешь людей сильных страстей, тебя считают Дон Жуаном, человеком, хвастающим своими дурными поступками... Как бы то ни было, мадмуазель Софи всегда мила, а ее маменька невыносима, и мы

* Славнейший и высокопочтеннейший ходатай! (лат.)

боимся, как бы она не испортила свою дочь. Я очень сожалею, что был введен в этот дом Бейлем, так как он взвалил на меня бремя своей скверной репутации, а мне довольно и собственной.

Вы так любезны, что предлагаете мне Вашу спальню и гостиную. Я удовольствовался бы чердаком и складной кроватью. Но я просто не представляю себе, когда я поеду в Лондон. По правде говоря, я так счастлив в данный момент в Париже, что не променял бы его даже на рай. Мадам Скьясетти, которая хорошо разбирается в мужчинах, сказала мне как-то, что мужчина особенно ценится в возрасте от 25 до 27 лет. Три месяца назад я вступил в этот счастливый возраст и не теряю времени. Возможно, хотя и не ручаюсь, в мае я получу трехнедельный отпуск. Тогда я нанесу Вам недолгий визит в том случае, если Вы еще будете в Лондоне. Если бы я был уверен, что не беспокою Вас, то, конечно, с радостью бы у Вас остановился.

Слышали ли Вы, что Беранже осужден на девять месяцев тюрьмы? Сегодня я в первый раз был у него, и он сказал мне, что короля просили о помиловании. «А как он это примет?» — спросил король. «Быть может, ваше величество, без надлежащей признагельности». — «Ах, так? Ну, пусть убирается ко всем чертям!»

У Вашего друга барона Жерара болит глаз, поэтому он все время бранится. Другой Ваш друг, которого Вы встречали у госпожи Ансиллы, г-н Оже, будучи классиком, кончил жизнь, как романтик: он бросился в реку. Время от времени госпожа Ансилла, вздыхая, заводит разговор о Вас. Бейль — толстый, жирный; если он случайно навестит свою любовницу, то потом весь вечер грустит. Наш друг президент, наоборот, от этого становится веселее и ругался еще крепче. Мареск болен, смотрит сентябрем. Делакруа в деревне растолстел, но, вернувшись в Париж, стал прозрачным.

Есть известия от Жакмона. Он прибыл в Рио-де-Жанейро в тот момент, когда английское судно приготовилось к отплытию в Европу. Чувствовал он себя хорошо. Его письмо из Тенерифа не дошло. При переходе через экватор все очень веселились, но стыдливость Жакмона пострадала из-за офицерских песен.

Прощайте, будьте веселы.

1830

7. ВИКТОРУ ГЮГО

<Около 14 февраля 1830>.

Один очень приятный русский господин, некто Тургенев, просил меня умолить Вас и т. д. Об остальном Вы догадываетесь. Я ему ответил, что все уже роздано. Но потом, однако, я вспомнил, что г-жа Гюго поручила мне найти надежных людей, чтобы поместить их в маленьких ложах верхнего яруса и помешать классикам пробиться туда. Не осталось ли местечка для г-на Тургенева? Он романтик и во всем разбирается.

Прошу Вас написать мне хоть одно слово, если только у Вас найдется время. Я совсем заработался, иначе навестил бы Вас.

В случае, если какой-нибудь билет на *Эрнани* освободится, будьте добры, приберегите его для г-на Тургенева.

Если бы Вы мне достали три-четыре билета в партер или оркестр, я бы их дал верным людям. Например, моим друзьям по фехтовальному залу; они ничего не понимают в трагедиях, но будут восхищаться и аплодировать по моему указанию.

Прощайте.

П. Мериме.

8. СОФИ ДЮВОСЕЛЬ

Понедельник <22 февраля 1830>.

Ваша записка пришла слишком поздно. Не думаю, чтобы в кассе остался хоть один билет на первое представление *Эрнани*. Да это и неслыханно, чтобы дамы занимали места в партере. Я считаю, что эти места предназначены для презренного пола, то есть для того, к которому принадлежу я. Причем билет Вы просите для женщины-классика! По всем этим причинам Ваша тегя может быть почти уверена, что она не увидит первого представления *Эрнани*. Ей бы следовало подстеречь какую-нибудь знакомую даму с насморком и попросить у нее билет. Несомненно, что из числа дам, забронировавших ложи, по крайней мере восемьдесят выйдут из строя из-за балов и карнавала. Со своей стороны, я обращусь к В<иктору> Г<юго>, но у меня мало надежды, или, вернее, совсем нет. Вам следовало бы самой написать В<иктору> Г<юго>.

Барон С<тендаль> все еще болен. Вчера он обедал у одних знакомых, в двух шагах от своего дома, сидел рядом с доктором Кореф, и тот, как мне показалось, позволил ему много съесть.

Нет, у меня нет самомнения! Я просто глубоко убежден в моих достоинствах. Если гений Гомера выразить числом 100, то мой может быть выражен числом 99,9. Заметьте, что все великие люди сознают свои достоинства.

Барон Модесто.

Р. С. Я получил наконец письмо от Шарпа. Он пишет мне несколько строк, так как очень торопится, но обещает скоро написать подробно.

9. СОФИ ДЮВОСЕЛЬ

<3 марта 1830>.

Вам трудно угодить! И на этот раз я опять не угодил! А ведь я сочинил этот рассказ для Вас; даже, если бы посмел, то посвятил бы его Вам. Не упрекайте меня в смерти моего героя. Это моя личная месть ему. Он так мне надоел, что я не мог сдержаться и убил его. Но я поражен тем, что Вам не нравится моя героиня. В сущности, это очень честная женщина, которая завела любовника с намерением выйти за него замуж. Вся ее вина в том, что она не точно вычислила время своего вдовства. И, если мне сказали правду, она испытывала угрызения совести. Вот ее портрет*.

История короля Богемии — самое глупое произведение на свете. И в то же время я не знаю книги, более достойной для отправки в Англию. Конечно, в ней не поймут ни единого слова. Ну так что ж! Заставки восхитительны и полны своеобразия, что бы ни говорил г-н Стендаль.

Книгопродавец *Короля Богемии* — не мой книгопродавец. Поэтому на скидку я не смогу рассчитывать; впрочем, если ее и сделают, то в мою пользу. И это только справедливо! Вам это будет стоить пятнадцать франков, и Вы получите книгу в четверг вечером. Если желаете, чтобы книга была в переплете, или с золотыми застежками, или украшена рубинами, известите меня заранее.

Дон Фьеро Феросьос де Корго Кабеса.

* На полях письма Мериме нарисовал женскую головку.

10. ВИКТОРУ ГЮГО

Воскресенье утром <6 июня 1830>.

Простите, что я пишу вместо того, чтобы навестить Вас. У меня тысяча неотложных дел, одно скучнее другого. Однако я не тронусь в путь в *el pais de los conejos* *, не обняв Вас, и мы с Вами увидимся через несколько дней, когда мой багаж будет упакован, паспорт визирован и т. д.

О том, что *Эрнани* был сыгран с громадным успехом перед американской публикой, я узнал не из письма из Нью-Йорка. Мне сказал об этом некий г-н Астуен, книгопродавец, и поручил спросить у Вас, не согласитесь ли Вы написать что-нибудь для французского *Кипсека*, который должен быть издан в Америке. Я обещал поговорить с Вами; впрочем, не знаю, каковы условия и т. д. В Америке много людей, думающих, что они знают французский; в Нью-Йорке есть французский театр,— там-то и состоялось представление *Эрнани тагно сит арплаусу* **. Боже Вас сохрани от американских переводов! Этот же книгопродавец Астуен принес мне перевод 1572 — ничего нелепее не может быть. Тем не менее мне придется благодарить переводчика. Если хотите переговорить с Астуеном, он живет на ул. Гранд-Огюстен, дом № 21.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение г-же Гюго. Преданный Вам

Пр. М.

* Страну кроликов (исп.).

** Под гром рукоплесканий (лат).

11. АЛЬБЕРУ СТАПФЕРУ

Севилья, 4 сентября 1830.

Дорогой Альбер,

Если я Вам не писал раньше, то это еще не значит, что я не думал о Вас. Вы один из тех людей, путешествовать с которым доставило бы мне громадное удовольствие, и один из тех, кто, по-моему, с радостью побывал бы в стране, где я нахожусь. Ужасно смотреть на прекрасные вещи одному или — что еще хуже — в обществе людей равнодушных и бормотать о прекрасном на чужом языке. Я страдал от всего этого как никто; теперь я начинаю привыкать к одиночеству и думаю, что если бы я, путешествуя по Испании, приобрел хотя бы одну эту привычку, мои деньги не были бы истрачены впустую.

Я пробыл в Мадриде на пятнадцать дней дольше, чем намеревался, из-за тех проказ, которыми Вы там забавлялись. При первых же известиях я хотел вернуться, но по письмам моих родителей я понял, что все прошло тихо. Я не могу успокоиться, что пропустил зрелище, которое бывает раз в тысячу лет. Я пропустил в жизни два зрелища: первое — из-за того, что родился немного поздно, а второе — спектакль потрясающий, наш бенефис — из-за этой несчастной поездки по Испании. Если бы я остался дольше в этой стране, то, возможно, увидел бы спектакль, равноценный тому, которым наслаждались Вы. У французской музыки здесь много сторонников, и я не сомневаюсь, что Пиренейский полуостров присвоит ее через полгода, если только у директоров театров не хватит ума опередить требования публики, показав ей наши оперы. Известие о том, как ведут себя наши друзья, порадовало меня, но не удивило. Напомните им обо мне и скажите, что я их очень люблю.

Я уже начал писать о Мадридском музее и об испанской школе живописи вообще, как вдруг пришло письмо от 25 июля. Я все бросил, решив, что Вам с этим нечего будет делать. Теперь я путешествую очень быстро, и у меня нет времени приводить в порядок мои заметки. Когда вернусь, то если Вам это будет интересно, я буду много рассказывать о Мурильо, Веласкесе и т. д. Маршал Сульт оставил здесь много сокровищ, но его пребывание прошло почти незамеченным. Я расскажу Вам также о своеобразных нравах здешнего народа. Испанской черни присущи ум, остроумие, богатое воображение, но привилегированное сословие, по-моему, ниже всегдашних парижских кабачков и рулетки. Быть может, в силу того, что оно малообразованно, ему свойственны предрассудки и глупость так называемых «порядочных» людей. Мне кажется, что испанский сапожник мог бы занять самую высокую должность, а гранд в лучшем случае мог бы стать хорошим тореадором. Кстати, о бое быков: да будет Вам известно, что это самое красивое зрелище на свете. Конечно, нет ничего более жестокого, более кровавого, чем бой быков, но заставьте этого филантропа, г-на Аппера, пойти на корриду, и — держу пари — он сделается бóльшим любителем боя быков, чем сами испанцы. Это говорю вам я, а я не могу спокойно смотреть, когда пускают человеку кровь, и я пошел на бой быков только для очистки совести, чтобы увидеть все необыкновенное, что только можно увидеть. Ну так вот, теперь я испытываю невыразимое наслаждение, глядя, как закалывают быка, как распарывают живот лошади и опрокидывают человека. В одну из последних коррид в Мадриде я оскандалился. Мне потом говорили — впрочем, я верю этому с трудом, — что я бешено аплодировал, но не матадору, а быку в тот момент, когда он поднял на рога лошадь и человека. Быком, лошадью, человеком здесь интересуются в десять, в тысячу раз больше, чем любым персонажем трагедии. Я не удивляюсь, что люди, которые минимум раз в неделю видят, как убивают десять быков, теряют вкус к драматическим произведениям.

Театры, за исключением итальянской оперы, посещаются еще меньше, чем в Париже, разве только один Скриб так же, как и в Париже, обладает способностью

привлекать зрителей. Я смотрел *Брак по расчету*, украшенный какими-то переделками, довольно жалкими. Актеры отвратительны, женщины более естественны, чем мужчины. К тому же они очень красивы. Здешние директора театров, как и у нас, прогорают и жалуются на дурной вкус нашего века.

С тех пор, как я увидел Севилью и Кордову, меня так и тянет стать турком. Все, что здесь есть прекрасного и полезного, сделано руками мавров. Их водопроводы еще и теперь орошают все южные города, хотя местные жители-христиане не позаботились ни разу починить акведуки. Эти варвары изуродовали мечети, превратив их в церкви, а в частных домах густо замазали чудный орнамент, которым отлично умели пользоваться архитекторы-арабы. Алькасар в Севилье и мечеть в Кордове (в настоящее время это кафедральный собор) были покрыты сверху донизу цветными арабесками, а теперь все это заштукатурено. Обычай все красить в белый цвет — в этом только и проявляется опрятность в стране, где в лучших домах едят суп с мухами. Из любви к белому цвету местные жители отчищают песком античные статуи, от этого статуи сверкают, как алебастровые фигуры на часах, которые Вы видите на улице Ришелье.

Когда я приеду, не просите у меня сигар. Да будет Вам известно, что его католическое величество, многие ему лета, не желает, чтобы его подданные курили какой-нибудь другой табак, а не тот, который он им по своей доброте продает. Но этот табак так плох, что приходится прибегать к контрабандистам, а тем нисколько не стыдно спросить у Вас пять су за более или менее сносную сигару. Полагаю, что при к<онституционном> п<равительстве> мы будем курить хорошие и дешевые сигары. В надежде на это я с Вами прощаюсь. Иду франкировать письмо, тороплюсь на почту, а то бы я Вам рассказал массу любопытных вещей. Я буду в Париже к 20 октября.

Граф Ромпоно.

1831

12. ЭЖЕНУ СЮ

<Май — июнь 1831>.

Милостивый государь, я с громадным удовольствием прочитал *Атар Гюль*. Примите мою искреннюю благодарность за подаренную книгу, доставившую мне много приятных минут. Ваше описание моря — это сама природа. Ханжи, быть может, в чем-нибудь упрекнут Вас, но будьте уверены, что читать Вас будут все. Я не знаю ничего более своеобразного, чем почтенный г-н Бенуа, или г-н Брюлар, или... пришлось бы перечислить всех действующих лиц, одного за другим.

И все же я хочу сделать Вам замечание вроде того, которое сделала покойная Сафо одному из своих друзей-поэтов, — я не назову его из боязни показать свое невежество. Она сказала: «Вы похожи на человека, который, засевая свое поле, бросает все зерна из фартука в первую же борозду, вместо того, чтобы бросать постепенно». Я хочу сказать, что Вы сбиваете цену нам, романистам, тем, что вкладываете в один том материал, которого хватило бы на несколько томов. Мне жаль, что после сотой страницы г-н Бенуа исчезает, и т. д.

Правда, Вы можете быстро написать новый роман, и это будет Ваш победоносный ответ на мою критику. Я лично очень этого хочу.

Я должен еще поблагодарить Вас за приятные и вполне легитимные сигары. Кстати, советую Вам писать *le-jitimos*, а не *legitimos* — это по старой орфографии.

Примите, милостивый государь, вместе с благодарностью выражение моей преданности.

Пр. Мериме.

Воскресенье вечером.

1832

13. ГРАФУ Д'АРГУ

Лондон, декабря 14, 1832.

Ваше сиятельство,

Благодарю Вас за Ваше любезное и доброе письмо от 11-го. Мне вручили его вчера, в тот момент, когда я уходил от князя Талейрана, у которого я обедал. Я уже представлен князю, но благодаря Вашему письму я буду иметь удовольствие чаще видеть и изучать этого поистине необыкновенного человека. Мне показалось вчера, что он выше своей репутации. Я не нахожу слов, чтобы выразить мое восхищение глубиной его мыслей, его простотой, изысканностью его манер. Это настоящий аристократ. Англичанам, претендующим на элегантность и хороший тон, очень далеко до него. Всюду, где он бывает, он создает свой двор и царит над ним. Очень смешно наблюдать, как самые влиятельные члены палаты лордов унижаются и почти раболепствуют перед ним. Однако у князя есть смешная привычка.

После обеда он вместо того, чтобы прополоскать рот, как принято в Лондоне и Париже, прополаскивает нос вот каким способом. Ему подвязывают под подбородок клеенчатую салфетку, потом он втягивает носом два стакана воды, а затем выпускает воду изо рта. Это довольно шумная операция производится у буфета, в двух шагах от стола. Вчера во время этого своеобразного омовения все дипломаты, стоя, опустив глаза, молча ожидали конца этой процедуры, а стоявшая позади князя леди Джерси, держа в руках салфетку, с почтительным интересом следила за перемещением воды. Если бы она была способна на бóльшую смелость, то держала бы таз. Леди Джерси — самая высокомерная, самая дерзкая женщина

в Англии. Она красива, умна, образованна и, кроме того, очень знатного рода. Только такой очаровательный человек, как князь, мог добиться от нее такой благосклонности. «Это очень хорошая привычка, князь», — сказала леди Джерси. — «О нет, очень неприятная, очень неприятная!» — ответил князь и предложил ей руку, предварительно заставив ждать себя пять минут. Говорили о политике, о литературе и о кухне, и князь во всех этих трех вопросах оказался наиболее сведущим. Он сказал, что меня можно поздравить с тем, что я изучаю дела и людей под Вашим руководством; с его точки зрения, литератор не может написать ничего путного, если он с юности не занимался делами. В доказательство он сослался на Шатобриана, который, сидя у себя в кабинете, среди книг, так и не научился распознавать людей, и что, начав заниматься делами, он допускал самые смешные промахи. Говоря о Шатобриане, князь процитировал фразу, которую он приписывает г-же Амлен; подозреваю, что сочинил ее он сам. Эта дама, недовольная встречей с Шатобрианом, сказала, что «Шактас писал свои произведения вороньим пером».

Я присутствовал на выборах в Вестминстере — они обещали быть наиболее бурными. Это было очень веселое зрелище, хотя все прошло довольно мирно. Правда, министерские кандидаты Френсис Бердет и Гобгауз были освистаны и слегка запачканы, но камней и палок не было. Во время речи Гобгауза шериф Вестминстера с удивительной ловкостью подхватывал на лету луковицы и капустные кочерыжки, предназначавшиеся оратору, а тот с изумительным бесстрашием продолжал свою пространную речь. Из всех брошенных в него метательных снарядов самые шумные аплодисменты выпали на долю дохлой кошки. Это были одновременно и эпиграмма и довольно опасное оружие. Кошкой называют плеть, которой наказывают английских солдат. Будучи депутатом оппозиции, Гобгауз требовал отмены кошки; сделавшись же товарищем военного министра, он предлагает в своем законопроекте чаще применять это наказание. Вы понимаете, какая это язвительная насмешка — бросить ему в голову кошку. Даже если она прошла незамеченной для Гобгауза, то его друзьям было не по себе. В этом году выборы проходили спокойнее, чем

прежде. Оказывают честь избирательной реформе. Впрочем, виги и тори говорят теперь «реформа», как Пургон говорил «легкие». Исключение составляют выборы в Гертфорде, в шести милях от Лондона,— я там, к сожалению, не присутствовал. Каждый кандидат взял себе в помощь сотню боксеров и фехтовальщиков палками. После речей началась драка, и пять или шесть человек были убиты. Пришлось послать эскадрон *life guards* *, чтобы положить этому конец! По этому поводу мне рассказывали, что какой-то боксер, не из местных жителей, собрался было прикончить одного избирателя, но лорд Инджестри, нанявший боксера, закричал: *Don't you see you are knocking down the wrong man* **. И, действительно, это был избиратель партии лорда.

Выборы превзошли ожидания даже самых самонадеянных вигов. Тори разбиты почти по всем пунктам, радикалы почти всюду отвергнуты. В Лондоне не прошел ни один из них. Конечно, они еще достаточно могущественны, почти так же, как г-н Кабе. Полковник Джонс, например, говорит, что нужно поставить на углу городской площади Портленд-плейс гильотину, а в конце Реджент-стрит виселицу: гильотину — для одной половины аристократов, виселицу — для другой. Он же в годовщину смерти Карла I непременно устраивает обед, на котором подается голова телят, и хозяин с огорченным видом говорит гостям: «Я не мог достать голову короля,— будьте добры, удовольствуйтесь этой».

Впрочем, радикалы везде одинаковы: радикал бьет жену и детей, не платит кредиторам, а когда его хотят посадить в тюрьму по жалобе его портного, он кричит: где же свобода?

Мне не пришлось увидеть лорда Пальмерстона, который *canvasses* *** в Фальмуте за свое избрание. Он должен скоро возвратиться, тогда я вручу ему письмо от герцога Деказа. В свете я встречал членов бывшего парламента и высших правительственных чиновников. Все поздравляют друг друга с ходом наших дел. Если бы прогрессивная партия взяла верх, говорят они, свобода в

* Телохранилищ (англ.).

** Разве вы не видите, что вы нокаутировали не того, кого нужно (англ.).

*** Агитирует (англ.).

Англии погибла бы, потому что тори снова взяли бы власть, вновь воспользовавшись старым пугалом французской революции. К счастью, кажется, дело обстоит не так. На стороне правительства внушительное большинство, и оно даже увеличивается. Мне было очень приятно, Ваше сиятельство, всюду слышать панегирики тому направлению, какое Вы придали нашей торговле, и тем полезным изменениям, какие Вы внесли в прежние мероприятия. Англичане не очень льстивы от природы, и они большие знатоки в области торговли. Думаю, что Вам приятно будет узнать, что они отдают Вам должное. Не считая маршала Сульта, Вы единственный французский министр, имя которого здесь известно, а ведь Вы же знаете, что Джон Буль — невежда во всем, что происходит за пределами его острова. Выборы в графстве произойдут через несколько дней, и начнется отчаянная избирательная борьба. Я рассчитываю на них присутствовать, поскольку Вы разрешаете мне продлить мое пребывание в Англии. Я буду в Париже на Новый год и надеюсь быть одним из первых и наиболее искренних из числа тех, кто пожелает Вам здоровья и счастья.

Рассказывают, что один ирландец, написавший такое же длинное письмо, как это, и немного поздно заметивший, что он злоупотребил терпением своего корреспондента, так закончил свое письмо: «Вы можете пропустить первые шесть страниц и прочитать только эту...» Я похож на этого ирландца. Я прошу Вас, Ваше сиятельство, пропустить все это длинное письмо и прочитать только уверение в моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга

П. Мериме.

1834

14. ЖЕННИ ДАКЕН

Авалон, 14 августа <1834>.

Я думал быть в Лионе 10-го, а мне до него еще больше шестидесяти миль. Прежде чем я получу известия от Вас, я должен остановиться в Отене. Будьте добры, напишите мне еще в Лион. Мне все больше и больше нравится Везле. Вид там превосходный, а кроме того, одиночество доставляет мне иногда удовольствие. Вообще-то мне плохо, когда я наедине сам с собой, но когда я грущу беспричинно, когда эта грусть не следствие затаенного гнева, тогда мне нравится быть в полном одиночестве. В таком расположении духа я был те последние дни, которые провел в Везле. Я гулял или лежал на краю естественной насыпи — поэт, наверно, сказал бы: на краю бездны — и философствовал о себе, о провидении, если предположить, что оно существует. Я думал также о Вас, и притом с большим удовольствием, чем о себе. Но эта мысль была не из веселых, потому что, стоило ей возникнуть, я представлял себе, как я был бы счастлив видеть Вас в этой глуши. А потом, потом эта мысль сменялась другой, еще более печальной, что Вы далеко от меня, что встречаться нам не просто, и я даже не уверен, хотите ли Вы со мной встречаться. Мое присутствие в Везле возбудило сильное любопытство у местного населения. Когда я рисовал, особенно когда я при этом пользовался камерой клара, вокруг меня собиралась порядочная толпа людей, строивших догадки относительно рода моих занятий. Эта слава быстро мне наскучила, и мне захотелось иметь при себе янычара, который бы сдерживал любопытных. Но тут я опять попал к людям. Я приехал сюда, чтобы по-

видаться с моим старым дядей, с которым я почти не был знаком. Мне пришлось задержаться у него на два дня. На мою беду, он повел меня осматривать какие-то безносые головы, найденные в окрестностях при раскопках. Я не люблю родственников. Почему-то вы должны быть близки с людьми, которых вы никогда не видели, только на том основании, что их отец является также отцом вашей матери. Тем не менее мой дядя — очень порядочный человек, не чересчур большой провинциал, и, может быть, он бы мне понравился, если бы мы сошлись с ним хотя бы по двум вопросам. Женщины здесь так же безобразны, как в Париже. Кроме того, лодыжки у них толстые, как бревна. В Невере мне попадались довольно хорошенькие глазки. Национальных костюмов нет. Помимо нравственного совершенства, мы обладаем еще и преимуществом быть самым хилым, самым безобразным народом Европы. Посылаю вам кусочек пера совы, который я нашел в щели, в монастырском храме Магдалины в Везле. Бывшая владелица пера и я на мгновение столкнулись нос к носу, почти одинаково испугавшись этой неожиданной встречи. Сова оказалась менее храброй, чем я, и улетела. У нее громадный клюв, страшные глаза, а два пера напоминают рога. Посылаю Вам это перышко, чтобы Вы полюбовались его мягкостью, а еще потому, что я читал в одной книге по магии, что если подарить женщине перо совы и она положит его под подушку, то увидит во сне своего милого. Вы мне расскажете свой сон.

Прощайте.

1835

15. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

Париж, 18 января 1835.

Я полагал, милостивый государь, что у *Гузлы* было всего только семь читателей, в том числе Вы, я и корректор; мне очень приятно, что я могу прибавить еще двух человек,— это составляет красивое число девять и подтверждает изречение, что нет пророка в своем отечестве.

Я отвечу на Ваши вопросы откровенно. *Гузла* написана мной по двум поводам, первым из которых было желание посмеяться над местным колоритом, в который мы ринулись очертя голову начиная с лета от рождества Христова 1827. Что же касается второго повода, то тут я должен рассказать Вам одну историю. В том же 1827 году у одного моего друга и у меня возникла мысль о поездке в Италию. Став перед картой, мы начали вычерчивать по ней наш будущий маршрут: мы приехали в Венецию, разумеется, на карте, встретили там англичан и немцев, они нам быстро надоели, и я предложил уехать в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение мое было принято, но мы сидели без денег, и этот «недуг невыносимый», как говорит Рабле, расстроил наши планы. Тогда я предложил сделать заранее описание нашего путешествия, продать его издателю и употребить полученные деньги на проверку того, очень ли мы ошиблись. Я брал на себя сбор и перевод народных песен. Мой попутчик заявил, что я с этим не справлюсь, но на следующий же день я принес ему пять-шесть таких переводов. Осенью я жил в деревне. Там завтракали в полдень, а я вставал в десять часов утра. Выкурив одну-две сигары и не зная, чем заняться до прихода

дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я опубликовал, окутав свое имя непроницаемой тайной, и которым сумел ввести в заблуждение двух-трех человек. Вот источники, из которых я почерпнул столь восхваляемый всеми местный колорит: для начала — брошюрка французского консула в Баньялуке. Я позабыл ее название, но дать о ней представление нетрудно. Автор стремится доказать, что босняки — отъявленные свиньи, и приводит довольно основательные доводы. То тут, то там он вставляет иллирийские слова, желая щегольнуть своими познаниями (знает он их, наверно, столько же, сколько и я). Я тщательно собрал все эти слова и вставил их в примечания. Затем я прочитал главу под названием *De costumi dei Morlacchi* * из *Путешествия по Далмации* Фортиса. Он дает текст и перевод жалобной песни жены Асана-Аги — песня эта подлинно иллирийская. Но перевод был в стихах. Мне было бесконечно трудно делать дословный перевод, сравнивая повторяющиеся слова текста с переложением аббата Фортиса. Запасшись терпением, я перевел слово в слово, но некоторые места меня все же смущали. Я обратился к одному из моих друзей, знающему русский язык. Я прочитал ему текст, произнося его по-итальянски, и он понял почти все. Забавно, что Нодье, который, откопав Фортиса и балладу Асана-Аги и переведя ее со стихотворного перевода, сделанного аббатом, еще более опоэтизировал его в своей прозе, этот самый Нодье кричал на всех перекрестках, что я его ограбил. Вот первый стих в иллирийском тексте:

*Seto se bieli u gorje zelenoi **.*

Фортис перевел:

*Che mai biancheggia nel verde Bosco ***.*

Нодье перевел *Bosco* — *зеленеющая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объяснили, *gorje* означает *гора*. Вот и вся история. Передайте, пожалуйста, г-ну Пушкину мои извинения. Я горжусь и вместе с тем стыжусь, что мне удалось обмануть и его. Я буду Вам чрез-

* О морлацких костюмах (лат.).

** Что белеет на горе зеленой (сербск.).

*** Что же белеет в зеленой роще (итал.).

вычайно признателен, если Вы пришлете автограф г-на Пушкина, а также других знаменитых Ваших соотечественников, живых и мертвых.

Я отнюдь не лорд Филинг. Лорд Ф<илинг> — это некий господин Фонтане, одно время состоявший при нашем посольстве в Мадриде. Об Испании я написал всего несколько страниц в *Ревю де Пари* и подписал их своим именем. У меня было намерение в этом году навестить моих испанских друзей, — я желал убедиться, узнают ли меня они, превратившись в важных господ из нищих, какими они были в то время, когда я с ними познакомился. Но моя поездка по югу Франции затянулась до декабря месяца, и у меня не хватило мужества замерзать в тех местах, где за несколько лет до этого я поджаривался.

Г-жа Ансло чувствует себя великолепно, ее муж тоже. Бюшон некоторое время лежал в параличе. Несколько месяцев назад он вновь начал появляться. Корэф удачно женился. Его жена — некая Матиас. Как настоящий врач, он еще до брака убедился в том, что будущая супруга обладает всеми качествами, требуемыми для продолжения его рода. Я совершенно не представляю себе, кто этот г-н Суареле, о котором Вы говорите.

<...>

Я живу по-прежнему на улице Пти Огюстен, в доме № 16. Вы можете послать мне автограф на имя г-на Лабенского, русского консула в Париже. До свиданья, милостивый государь, я Вам очень благодарен за Ваше внимание.

П. Мериме.

Ваше поручение я немедленно исполнил — отослал Ваше письмо к г-ну Доминику.

1837

16. АНРИ БЕЙЛЮ

12 февраля 1837.

В этом предисловии полное отсутствие системы. Я хочу сказать, что ход мыслей в нем изложен далеко не с самой доступной для читательского ума последовательностью, что Вы заставляете читателя проделывать трудную работу по приведению этих мыслей в надлежащий порядок, работу, которую автор обязан всегда принимать на себя.

Из-за Ваших умалчиваний Вас сочтут республиканцем, несмотря на то, что на последней странице Вы торжественно высказываетесь в защиту нынешнего положения дел.

Зачем сначала гордиться знакомством с Наполеоном, когда несколькими страницами дальше Вы говорите, что это знакомство свелось к четырем встречам, что из четырех раз Наполеон разговаривал с Вами три раза и из этих трех один раз он говорил глупости? Не лучше ли было сказать о том, что Вы жили при его дворе и были дружны с его министрами? Это звание сейчас в цене, тогда как у каждого, даже самого ничтожного бригадного генерала разговоры с императором были продолжительнее Ваших.

Вы начинаете с заявления, что цель Вашей работы — уничтожить прошлое заблуждение. Но доказывать сегодня, что Наполеон был великим человеком, что он не назывался Николаем, что он был храбрым и т. д., — значит попусту терять время.

Вы нашли средство оскорбить одновременно литературных знатоков и людей из общества. Одним Вы гово-

рите: вы лжете, вы пишете в академическом стиле, и у вас нет ни простоты, ни ясности. Другим: вы полны предрассудков; вы не умеете отличать все благородное и доброе, что было в революции, от тех преступлений, которые совершались во имя революции.

К тому же, не говоря об из ряда вон выходящей бестактности — так неуважительно обходиться со своим читателем, — Ваши утверждения далеки от истины. Люди из общества имеют, или по крайней мере имели, достаточно ума, чтобы отличать добро от зла, чтобы не возмущаться, например, когда отдают должное комитетам общественного спасения за их энергию в деле обороны страны. Все читали историю Тьера; ему ставили в упрек не его пристрастие к террористам, а явное равнодушие ко всякого рода мошенничествам.

17. АЛЬБЕРУ СТАПФЕРУ

Париж, 2 сентября 1837.

Дорогой Альбер,

Вернувшись в Париж, я нашел Ваше милое письмо. Вы стали отцом — примите мои поздравления. Всею душою разделяю радость, которую Вы должны испытывать, имея маленькую дочь; мне легко представить себе это, вспомнив, как я радовался когда-то, воспитывая котят. Не обижайтесь на это сравнение. Маленькие котята значительно приятнее маленьких детей. Но они теряют свою прелесть уже к концу первого года, тогда как малыши и особенно малышки, подрастая, только выигрывают в своей прелести. Имя Матильда мне кажется весьма подходящим, необычайно средневековым. Вы можете придать ему еще большее своеобразие и называть Вашу дочь Мао или Маэ, что звучит не так приятно для слуха, но должно понравиться нашему другу Тьери, который ради благозвучия заменил имя Луи именем Хлодвиг. В этом году я бродил в продолжении трех месяцев по самым грязным провинциям Франции — Оверни и Лимузину. Там кладут слишком много волос в суп, но зато там видишь великолепные горы и даже вулканы. Есть такие, которые как будто погасли накануне вечером, и если бы у жителей Оверни было хоть какое-нибудь понятие о живописности, они должны были бы в некоторых кратерах зажигать по ночам бенгальский огонь или запускать римские свечи. Тогда можно было бы не ездить в Неаполь или в Сицилию. Среди этих прелестных ужасов природы я увидел массу старых развалин и привез целую коллекцию заметок, которые я непременно разберу и отредактирую в назидание господам де Монт <аливе> и Вату. Смешная задача, не правда ли?

Я хотел бы сделать Вам подарок в виде какого-нибудь интересного рассказа в награду за восхитительное изображение принцессы Бельджойозо в домашнем туалете, но — увы! — я только недавно прибыл в Париж и не встретил еще никого, кто мог бы мне рассказать такие вещи, о которых можно поболтать с порядочными людьми. Однако да будет Вам известно, если Вам об этом уже не сообщили, что Вашего друга, профессора Кузена, чуть не растерзал дог из свиты упомянутой принцессы. Эта собака чистокровной английской породы была обучена хватать зубами палку и висеть на ней. Однажды Кузен, разговаривая где-то в саду, сильно размахивал руками. Пес, не разобравшись, схватил его за руку. Понадобилось вмешательство Минье, чтобы заставить пса разжать челюсти. Философ счел, что он заболел бешенством, и слег в постель на две недели. По поводу собаки шли ожесточенные споры, причем Кузен требовал для нее смертной казни, а Ш. д'Арагон находил поступок собаки заслуживающим оправдания. Кончили тем, что его убили, — разумеется, пса.

Существует где-то на свете некий Мартен д'Уази, главный редактор *Ревю Франсез*. Он был недавно в Валансе, где господин Талейран держит открытый стол. Так вот, за столом в присутствии тридцати лиц этот Мартен возвышает голос. «Ваша светлость! — говорит он. — Мне очень хотелось бы знать, какой век вы предпочитаете: семнадцатый или восемнадцатый?» Дорого бы я дал за то, чтобы посмотреть на лицо господина Талейрана. Впрочем, я считаю, что он получил по заслугам. Зачем он ухаживает за литературными дураками? Итак, до будущей зимы, мой дорогой Альбер; если пожелаете, я Вас увезу летом с собой. Я намерен прославить Сентонж, Гиен и окрестности и заранее прошу Вас откопать для меня как можно больше памятников старины. Вы счастливые люди, у вас жара. У нас десять градусов, и уже три дня льет дождь. Флюгер поворачивается на запад, всюду топят печи. Прощайте; засвидетельствуйте мое глубокое уважение г-ну и г-же С., а г-же Альбер передайте, что я от всего сердца поздравляю ее, что у нее родилась девочка, а не мальчик.

П. Мериме.

1839

18. РЕКЪЕНУ

Бастиа, 30 сент<ября> <1839>.

Мой дорогой друг,

Я поручаю одному офицеру со «Звезды» доставить Вам из Тулона в Авиньон три стилета хорошей работы. «Звезда» уходит во вторник вечером, полагаю, что она прибудет одновременно с моим письмом. Этот образец корсиканского кинжального мастерства доставит Вам дилижанс. Умоляю Вас: бережно храните эти стилеты для меня и уплатите за пересылку, отнеся расходы на мой счет.

Вы, конечно, думаете, что я в Неаполе. Вовсе нет. Я очень приятно проводил время в этом краю и старался увидеть все, от кедра до иссопа. По части памятников край беден; попадаются, однако, дольмены и каменные столбы, редкостные вещи, о которых Вы мне ничего не говорили; есть финикийская статуя — точный портрет Бомилькара, если не Гискона или кого-то другого. Но что меня особенно пленило, это первобытность. Я говорю не о маки, единственное достоинство которых — это то, что они хорошо пахнут, а недостаток тот, что они превращают любой сюртук в лохмотья. Я говорю не о долинах, не о горах, не о вечно одинаковых и потому убийственно скучных ландшафтах, не о лесах, довольно жалких, что бы там о них ни рассказывали, — я говорю о первобытной природе человека. Это млекопитающее животное здесь действительно очень любопытно, и я не устаю слушать разные истории о кровавой мести. Несколько дней я провел в Сартене, классическом городе *schiorrettata* *, у одного знаменитого человека, г-на Же-

* Перестрелки (итал.).

рома Р., который в один прекрасный день, сделав двойной выстрел, убил двух своих врагов. Потом он прикончил третьего, и, как всегда, присяжные заседатели единодушно оправдали его. Я видел также одну героиню, г-жу Коломбу, которая очень искусно изготавливает патроны и не менее искусно направляет их в людей, имеющих несчастье ей не понравиться. Я завоевал расположение этой знаменитой женщины, ей всего 65 лет, и, расставаясь, мы целовались по-корсикански, то есть прямо в губы. Такой же большой успех я имел и у ее дочери, тоже героини, но двадцатилетней, красивой, как ангел, с косами до земли, с тридцатью двумя жемчужинами во рту, с прелестными губками, пяти футов и трех дюймов росту; когда ей было шестнадцать лет, она дала здоровенную взбучку рабочему противной партии. Зовут ее Морганой, и она действительно фея, так как я ею околдован; уже две недели, как я от нее без ума. Без клопов Корсика была бы очаровательной страной, но клопы везде. Еще нужны были бы здесь дриады или нимфы, чтобы отвечать на вздохи путешественников, но здесь все страшно целомудренны.

Завтра я уезжаю в Мурато и Алгахолу; по возвращении я отправляюсь из Бастии на мыс Корсику, оттуда опять вернусь сюда. Надеюсь десятого или двенадцатого октября застать какой-нибудь пароход, который доставит меня в Италию. Будьте любезны, напишите мне в Неаполь и сообщите, не изменили ли Вы своему намерению встретиться со мной в Марселе. Я буду там к десятому ноября.

19. РЕКЬЕНУ

Рим, 15 октября <1839>.

Мой дорогой друг,

Из Бастии или из Марселя на Ваше имя может прийти, а может быть, уже и пришла посылка, о чем я не успел предупредить Вас. В этой посылке должна быть корсиканская куртка, которая, вероятно, чувствует себя там не совсем ловко. Прошу Вас, пусть она выйдет на свежий воздух и запасется терпением, так как я совершенно не знаю, когда она будет иметь честь прикрыть своего хозяина. Я позволил себе еще одну вольность — дал на почте Ваш адрес, чтобы Вам пересылали все письма с Корсики, а также из Франции, адресованные мне. Не забудьте взять большой лист бумаги, чтобы записывать расходы. Лучше, если бы Вы сами оплачивали счета.

Человек предполагает, а бог располагает. Я не рассчитывал увидеть Рим, а г-н Бейль увез меня туда. Я бесконечно рад этому. Я говорю о Риме; но тут столько надо посмотреть, что можно погибнуть. Усталость в ногах ничто по сравнению с той, которую испытываешь, увидев за одно утро сорок тысяч изумительных вещей.

В понедельник я уезжаю в Неаполь, где задержусь на не менее длительный срок, чем намечал раньше. Думаю быть в Марселе к 10-му; если хотите, мы могли бы назначить свидание в Арле, который я непременно должен посетить.

Сегодня я видел сына господина К<амбиза>, — у него борода, вызывающая ужас даже в этой стране, где

столько бородатых. Впрочем, он показался мне очень любезным — качество, редкое у нынешней молодежи.

Прощайте, мой дорогой друг, голова у меня трещит от усталости, а перед глазами тридцать шесть тысяч свечей. У меня не хватило мужества поблагодарить господина Одибера за его письмо и справки. Обстоятельства не позволили мне воспользоваться ими.

Громадное тутовое дерево с острова Лавеццо было срублено два года назад.

1840

20. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Бургос, 16 октября <1840>.

Дорогая графиня,

От роли султана, как говорила Пака,— султана *ad honores* * разумеется,— я скатился до роли безвестного путешественника по Старой Кастилии, по краю, в сущности весьма невежественному. Вы, без сомнения, слышали легенду о замечательной Стране изобилия, где с неба падают жареные рябчики и где пьют только мансанилью. К несчастью, между этой страной и остальным миром пролегают сто миль горчицы, и в ней очень трудно плавать. Страны изобилия — это Караванчель и Ла Пласуэла дель Анхель, и теперь я в горчице по уши. Отбросим метафоры. Если бы Вы видели, что делается на улицах Бургоса после потопа, Вы не усомнились бы в точности сравнения. Я не знаю ничего печальнее, чем этот город без солнца. Здесь нет ничего, что бы радовало взор. Вместо чистеньких гризеток Мадрида видишь только старых женщин в лохмотьях, да кое-где молодых, загорелых, курносых чертовок, шлепающих по грязи в шелковых рваных башмаках и вышитых чулках. Вы забыли дать мне письмо к местному жителю дону Лукасу, так что я не могу сообщить Вам сведений о нравах туземцев.

Знакомства у меня ограничиваются моей хозяйкой, которая весьма сварлива и неподатлива, солдатом, которого я приручил благодеяниями, и монахиней при кафедральном соборе, которая была бы прелестной особой, если бы ее не уродовал лишай. Вам известно, что

* Почетного (лат.).

на подъемной деревянной скамье для настоятельницы собора вырезаны по дереву непристойные вещи? Обсуждая эти непристойности, мы сделали с монахиней добрыми друзьями; думаю, что я первый путешественник, у которого хватило смелости говорить с ней об этом. Взамен она рассказала мне следующую историю, которую я могу Вам передать, а Вы сможете читать ее вслух дочкам. На одном деревянном сиденье в Бургосе вырезана фигура епископа верхом на дьяволе. Это скульптурное изображение предназначено для того, чтобы передать потомкам следующий случай. Был когда-то епископ в Бургосе, который, торопясь куда-то, но не найдя экипажа, крикнул, что охотно отдал бы дьяволу половину того, что будет есть завтра, если дьявол доставит его куда нужно. Зная, что епископ служит обедню каждое утро, дьявол понадеялся, что принудит епископа совершить кощунство, отдал себя в распоряжение его преосвященства, тотчас оседлавшего его, и в мгновение ока доставил епископа по назначению. На следующий день дьявол явился и потребовал, чтобы епископ выполнил свое обещание. Тогда святой епископ взял лесной орех, съел ядро, а дьяволу отдал скорлупу, и дьявол, как Вы легко можете вообразить, убежал в полной растерянности.

В почтовой карете рядом со мной сидели англичанин и англичанка, оба в высшей степени безобразные и глупые. Они провели десять дней на улице Монтера и уезжают с вполне установившимся мнением об Испании. В дороге я развлекался, сначала рассказывая им страшные истории о ворах, а потом, за обедом, мешал им есть при помощи рассказов о кулинарных методах испанцев. Вчера вечером со мной обедали прибывшие в дилижансе из Витории жительницы Сантандера и Бискайи, одна другой лучше. Я имел громадный успех у последних благодаря тому, что говорил им любезности на баскском языке. Я беседовал также о высокой политике с очаровательной дамой, настоящей мусульманской красавицей величественной полноты. Это необыкновенно экзальтированная особа, она говорила со мной о Феррере, как о третьем лице троицы. Мое мнение о нем настолько совпало с ее оценкой, что мы быстро сделались самыми лучшими друзьями, и если бы я был

моложе, то без всяких колебаний отправился бы в обратном направлении, чтобы разделить ее восторги. В кофейных Бургоса нет газет. Все политические сведения я получаю, читая объявления достопочтенного *Аюнтамьенто* *, который, по-моему, исполнен самых патриотических чувств. Надеюсь, что у Вас в Мадриде тихо и что вскоре появится герой и заставит цвести оливковое дерево мира в Ваших окрестностях. Мне не нужен был этот ужасный контраст между моим нынешним положением и тем, в котором я находился последние дни, для того, чтобы я сожалел о Караванчеле. Я о нем думаю беспрестанно и уверяю Вас, что мне просто необходимо вспоминать о нем и надеяться вновь его увидеть, иначе я впаду в меланхолию в этом странном помещении, которое мне предоставили. Я хотел было сделать для Вас набросок с него, но здесь так темно, что не видно даже кончика карандаша. Я нашел *hausewife* **, которую считал потерянной, но тут же обнаружил, что забыл книгу *Знаменитые люди Испании*. Она была бы мне так нужна, она была бы мне утешением в разлуке с теми, кого я недавно видел. Прощайте, графиня. Поцелуйте детей. Напомните обо мне мадмуазель Альвир и мадмуазель Комин. Я вспомнил, что забыл проститься с г-ном Таранко, будьте добры — извинитесь перед ним за меня. Еще раз прощайте, и если *despacho* *** Вам это позволит, напишите мне в Бордо до востребования. Хотелось бы знать, прошел ли этот ужасный насморк, который Вас мучил при мне.

* Муниципалитет (исп.).

** Шкатулку, несессер (англ.).

*** Здесь — почта (исп.).

21. ЭТЬЕНУ КОНТИ

Тулон, 12 ноября <1840>.

Милостивый государь,

Я был в Мадриде, когда Ваше письмо длинным кружным путем дошло наконец до меня; оно доставило мне громадное удовольствие. Ваши похвалы моей милой Коломбе,—если откинуть некоторую долю пристрастия, с которым Вам было угодно судить ее отца,—необычайно взволновали меня. Я старался создать мозаику из всех рассказов о Вашей стране, собранных мною где только было возможно, и в этих маленьких разноцветных кусочках, кое-как соединенных между собой, Вы сможете найти и несколько таких, которыми я обязан Вам. Признаюсь Вам в одной вещи. Конец повести я сделал не по тому плану, который был задуман мной вначале. У меня было намерение показать в Коломбе ее любовь к семье — чувство, имеющее такую власть у Вас на острове. Я хотел показать, что эта девушка, отомстив за отца, начинает заботиться о судьбе своего брата и, чтобы женить его на богатой английской наследнице, подстраивает ей что-то вроде ловушки. Быть может, так было бы правильнее. Одна дама, которой я показал этот финал, сказала мне: «До сих пор я понимала вашу героиню, а теперь отказываюсь ее понимать. Сочетание возвышенных чувств с корыстными намерениями представляется мне невозможным».

Я очень считаюсь со вкусом этой дамы и, как видите, сделал изменения, оставив замыслы Коломбы неясными. Однако упрек в низости и корыстных намерениях несколько встревожил меня, вот почему я так усилил

чувство вендетты в последней сцене. Вспомните, что в глазах Коломбы главный виновник — это все-таки старик, а у Вас, мне думается, прощают не часто. Очень жалею, что бросил в огонь первый вариант конца, я бы послал Вам его, чтобы узнать Ваше мнение.

Случай привел меня в Испанию во время революции, которая собралась было посадить Эспартеро на трон и, конечно, приблизила его к Тарпейской скале. Это было любопытное зрелище. Люди, умирая от страха, в течение нескольких дней формируют армию в сорок тысяч человек, чтобы поддержать правительство, которое им нежелательно, выражают недовольство хунтой и подчиняются ей с неслыханной покорностью. Кто этого не видел, вряд ли сможет это понять. Девять десятых мадридского народного ополчения составляют умеренные. А шесть или семь членов *аунтамьенто*, напугав умеренных, добились того, что обратили их в послушное орудие для исполнения своих намерений. Самое печальное в Испании — это глубокая развращенность всех классов. Они продают себя сегодня даром, но продают ежедневно, а выиграют, может быть, в конце года. Первого сентября многие офицеры предали свою партию за пятьдесят франков. Народ менее развращен; я имею в виду крестьян, но они до сих пор еще карлисты, и в настоящее время у них нет предводителя, потому что дон Карлос известен всем, как самое дикое животное во всем королевстве. Думаю, что революция в этой стране только начинается, и для достижения устойчивого положения нужно, чтобы в дело вмешались крестьяне. У меня такое впечатление, что со времени установления конституции каждое правительство старается сделать народ еще более несчастным. Народ терпит и страдает, но он отомстит за себя. Тогда произойдут страшные события. Судите сами, что сделают крестьяне, если в их стране воспитанные люди заставляют расстреливать женщин и четырехлетних детей. Мой друг г-н Б<ертодано> был в Мадриде, но мы с ним не встретились, хотя, кажется, однажды мы были с ним в одном доме, но не узнали друг друга. Я предполагаю, что он явился в Мадрид с какими-то тайными замыслами, связанными с инфантой, но сомневаюсь, что это ему удастся.

Я прибыл сюда, чтобы посмотреть картины, которые наше правительство хочет приобрести. Завтра я уезжаю в Марсель, но мне хотелось, находясь так близко от Вас, поблагодарить Вас за Вашу добрую обо мне память и попросить напомнить обо мне всем нашим общим друзьям. Если Вы увидите П. Ф. Рокасера, попросите его написать мне. Не обиделся ли он на меня или думает, что я на него обижен? Прощайте, глубокоуважаемый господин Конти, я буду в Париже к 1-му декабря, и мне нет нужды говорить Вам, что я буду там весь к Вашим услугам. У меня есть надежда пожать Вам руку этой зимой.

Пр. Мериме.

1841

22. ЭДУАРУ ГРАСЕ

Париж, <2> июня 1841.

Мой дорогой друг, окольными путями до меня дошли вести о Вас — и хорошие и дурные. Мне сказали, что Вы до сих пор мучаетесь воспалением глаз; это меня очень огорчает, потому что в Янине, наверно, трудно найти медицинскую помощь.

Хорошими же новостями я обязан генералу Фавье, который мне сообщил, что Вас наградили крестом. Я рад. Не то чтобы я считал, что Вам доставляет большое удовольствие воткнуть в петличку красную орденскую ленточку, но это доказывает, что Вы в хороших отношениях с министром. Полагаю, что среди дикарей Вы будете пользоваться бóльшим уважением, а это означает и бóльшую для Вас безопасность. Г-н Тери передал мне 600 франков. Я не уведомил Вас о получении, так как был уверен в том, что он Вас известит об этом официально.

Я совершенно серьезно думаю побывать этой осенью в Парфеноне. Мой друг Ленорман и еще некоторые антиквары едут в Константинополь. Я поеду с ними до Афин, но вместо того чтобы отправиться в Константинополь, хочу осмотреть Коринф, Аргос, частично Аркадию и возвратиться через Корфу и Венецию. К несчастью, у меня очень мало для этого времени. Если какие-нибудь неожиданности не нарушат моих планов, я рассчитываю быть в Афинах к 10 сентября. Будьте добры, напишите мне сюда и дайте совет по поводу моего путешествия. Сначала я отправлюсь в Беотию и Фокиду, а оттуда в Морею. Легко ли из Мореи попасть морем в Албанию? Или поехать сушей? Могу ли я взять с собой

багаж или нужно странствовать, подобно солдату, с мешком за плечами? Еще скажите мне, смогу ли я из Албании попасть на Корфу, не подвергаясь карантину, а если уж есть карантин, то сколько он длится дней? Я буду счастлив проездом пожать Вам руку и через три месяца, если это возможно, увидеться с Вами в Вашем поместье. Но мне необходимо не позднее 30 ноября быть в Венеции. В том случае, если я уеду, я попрошу Вас дать мне несколько рекомендательных писем либо в Марсель, либо в Афины, но я Вам до этого еще напишу. На всякий случай я опять взялся за новогреческий язык. Я зубрю его стойко и мужественно, но сомневаюсь, что изучил его настолько, чтобы суметь когда-нибудь спросить дорогу. Я считаю комедию Якоракиса Ризоса и Коракидтиса. Существует множество различных диалектов, которые похожи друг на друга, как пикардийский и провансальский, и, наверно, это не легкое дело — понимать греческих погонщиков мулов и ослов, а с погонщиками всегда есть о чем поговорить. Я никак не мог достать здесь французско-греческий словарь Залика Оглу, и, чтобы набить голову словами, я решил выучить наизусть побольше греческих песен. Мне сказали, что Вы готовите сборник албанских стихотворений. Значит, Вы себя посвятили изучению этого дьявольского языка. Вы сослужите хорошую службу всем академиям. Через несколько дней я отправляюсь в служебную поездку, и у меня нет сейчас времени перевести Вам из Юлия Цезаря несколько мест, относящихся к осаде Диррахии. Я отошлю их Вам с комментарием, или лучше Вы сами сделайте комментарий к тем неясным моментам, которые я Вам укажу. Не забудьте узнать, есть ли в Ваших окрестных местах съедобный корень, который Цезарь называет *chara*. Этим корнем Цезарь, не имея хлеба, кормил свои войска. Одни говорят, что это репа, другие, что это нечто вроде капусты; большинство толкователей не в силах этого понять. Прощайте, мой дорогой друг, лечите Ваши глаза, скоро мы с Вами будем на берегу озера Янины курить славный табак и болтать о Париже.

Пр. Мериме.

1842

23. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, суббота 14 мая 1842.

Начну с того, что я не сгорел. «Железнодорожная катастрофа на левом берегу» — так все мы в Париже вот уже четвертый день начинаем наши письма. А после этого я Вам скажу, что Ваше письмо доставило мне большую радость. Я его нашел, вернувшись из короткой поездки, которую я только что совершил по делам, связанным с моими занятиями, вот почему я отвечаю Вам с таким опозданием. Если нужно быть откровенным, — а Вы знаете, что я не свободен от этого недостатка, — должен признаться, что физически Вы мне показались очень похорошевшей, но морально — нисколько. У Вас прелестный цвет лица и восхитительные волосы, на которые я смотрел больше, чем на Вашу шляпку, а она, вероятно, заслуживала внимания, потому что Вы были очень раздражены тем, что я не сумел ее оценить. Но я никогда не умел отличить кружево от коленкора. У Вас все еще талия сильфиды. Я никогда не видел таких больших черных глаз ни в Константинополе, ни в Смирне, хотя вообще я на черные глаза нагляделся достаточно.

А теперь обратная сторона медали. Во многих отношениях Вы остались ребенком и стали сверх того лицемеркой. Вы не умеете скрывать первые побуждения, но думаете, что их можно разными жалкими способами вывернуть наизнанку. Что Вы от этого выигрываете? Помните великое и прекрасное житейское правило Джона-тана Свифта? *That a lie is too good a thing to be lavished about!* * Благородная мысль — быть суровой по от-

* Ложь — слишком удачная выдумка для того, чтобы щедро расточать ее (англ.).

ношению к самой себе,— безусловно, заведет Вас далеко, и через несколько лет Вы поймете, что Вы так же счастливы, как тот траппист, который после многократных самобичеваний открыл однажды, что рая нет. Я не знаю, о каком залоге Вы говорите, и вообще в Вашем письме много неясностей. У нас не может быть таких отношений, как у меня с г-жой де <Монтихо>: первое условие в отношениях между братом и сестрой — это безграничное доверие. Г-жа де <Монтихо> меня избаловала в этом смысле. Это глупо, но меня огорчил этот укол, хотя я утешаю себя мыслью, что в конце концов Вы раскаялись. Вот еще одна хорошая черта у Вас. Ваш стоицизм должен быть польщен Вашей победой над самою собой! Вы думаете, что у Вас есть гордость. Мне очень неприятно Вам это говорить, но у Вас есть только мелкое тщеславие, достойное какой-нибудь богомолки. Теперь в моде проповеди. Ходите ли Вы на них? Вам только этого не доставало. Я бросаю эту тему, она приводит меня в слишком дурное расположение духа. Думаю, что в Сарагосу я не поеду. Не исключена возможность, что отправлюсь во Флоренцию. Но уж совершенно несомненно, что я проведу два месяца на юге, чтобы осмотреть церкви и римские развалины. Может быть, мы встретимся с Вами в углу какого-нибудь храма или античного цирка. Я очень Вам советую отправиться прямо в Неаполь. Но если Вы задержитесь на пять-шесть часов в Ливорно, Вы могли бы этим воспользоваться и отправиться в Пизу посмотреть Кампо-Санто. Я вам рекомендую Смерть Орканьи. *Vergonzoso* и античный бюст Юлия Цезаря. В Чивита-Веккья Вам нужно только пойти к г-ну Буччи; Вы купите у него античные резные камни и передадите ему от меня привет. Потом Вы направитесь в Неаполь, остановитесь в «Победе», проведете несколько дней, упиваясь воздухом и глядя на небо и море. Иногда Вы будете посещать *study* *. Г-н Бонуччи сведет Вас в Помпею. Вы пойдете в Пестум и будете думать обо мне; в храме Нептуна Вы сможете себе сказать, что видели Грецию. Из Неаполя Вы поедете в Рим, где пробудете один месяц, уверяя себя, что бесполезно все осматривать, раз Вы сюда возврати-

* Занятия (англ.).

тесъ. Потом Вы уедете во Флоренцию и останетесь там на 10 дней. Затем Вы будете делать все, что хотите. Проезжая Париж, Вы найдете мою книгу для г-на Бонуччи и мои последние наставления. Вероятно, я тогда буду в Арле или Оранже. Если Вы там остановитесь, Вы меня пригласите, и я Вам сделаю не очень для Вас интересное сообщение об античном театре. Вы мне что-то обещали взамен моего турецкого зеркала, я почтительно полагаюсь на Вашу память. Да! Важное известие! Первый покойник из сорока академиков будет причиной того, что я нанесу тридцать девять визитов; я их сделаю самым неловким образом и, конечно, приобрету тридцать девять врагов. Причину этого припадка честолюбия пришлось бы объяснить Вам слишком долго. Достаточно того, что Академия станет теперь моей голубой кашемировой шалью.

Прощайте; я Вам еще напишу до отъезда. Будьте счастливы, но запомните правило, что нужно делать только те глупости, которые Вам нравятся. Быть может, Вы предпочтете правило Талейрана, что нужно остерегаться первых побуждений, потому что они почти всегда честны.

24. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 24 октября 1842.

Очень любезно с Вашей стороны, что Вы оставляете меня в неведении относительно той части света, которую Вы осчастливили своим пребыванием. Куда адресовать мне это письмо — в Неаполь, или в..., или в Париж? В Вашем последнем письме Вы говорите, что собираетесь в Париж, а может быть, в Италию, и с тех пор никаких известий. Подозреваю, что Вы здесь и сообщите об этом после того, как уедете; это будет *highly in character* *. Написав Вам письмо, я уехал на несколько дней, а по возвращении застал Ваше письмо с такой давней датой, что не счел возможным ответить Вам в... Кроме того, я поражен тем, что Вы совершенно самостоятельно, как Вы говорите, разбирая крупные печатные шрифты, угадали курсивные. С такими способностями, при наличии терпения, из Вас получится вторая г-жа Дасье. А вот я больше не занимаюсь ни греческим, ни французским; я впал в состояние окаменения, и когда читаю или пишу, буквы пляшут передо мной, и это очень неприятно. Вы спрашиваете, есть ли у греков романы. Конечно, есть, но, по-моему, очень скучные. Вы наверняка достанете перевод романа *Феаген и Хариклея*, который так нравился покойному Расину. Попробуйте его одолеть. Есть еще *Дафнис и Хлоя* в переводе Курье. Это изысканно-наивно и далеко не образцово. И, наконец, есть одна чудная новелла, но безнравственная, в высшей

* В ваших правилах (англ.).

степени безнравственная: это *Золотой осел* Апулея, тоже в переводе Курье. Хвалиться тем, что я, мол, его читал, не принято, но это истинный шедевр! Теперь решайте, я умываю руки. Беда греков в том, что их представления о приличии и даже о нравственности резко отличаются от наших. Многие в их литературе может Вас шокировать и даже вызвать у Вас отвращение, если Вы их поймете. После Гомера Вы смело можете читать трагиков, они Вас займут и понравятся Вам, потому что у Вас есть чувство прекрасного, τὸ καλόν, чувство, которым греки обладали в высшей степени и которое перенимают у них *harry few**. Если Вы полны рвения читать историю, Вас пленят Геродот, Полибий и Ксенофонт. Геродот приводит меня в восторг. Я не знаю ничего более непосредственного. Начните с Ксенофоновой истории отступления десяти тысяч греков; возьмите карту Азии и проследите путешествие этих десяти тысяч мошенников; это Фруасар в исполинских размерах. Потом прочтите Геродота и, наконец, Полибия и Фукидида — эти два очень серьезны. Достаньте еще Феокрита и прочтите *Сиракузские женщины*. Я бы рекомендовал Вам также Лукиана: он самый остроумный из греков в нашем понимании остроумия, но он негодник, и это меня останавливает. Вот Вам три страницы о Греции. Что касается произношения, то, если хотите, я Вам пришлю страничку, которую я написал специально для Вас; по ней Вы можете изучить самое лучшее произношение, то есть произношение современных греков. Школьное — легче, но оно нелепо.

Мы начали нашу переписку, упражняясь в остроумии, а что у нас из этого вышло? Не буду напоминать Вам об этом. А теперь мы занимаемся научными исследованиями. Есть латинская поговорка, которая восхваляет золотую середину. Начиная письмо, я собирался говорить с Вами сурово, и только грекам Вы обязаны ласковости этого письма. Я не сержусь на Вас за Вашу закорене-

* Немногие счастливицы (англ.).

лую привычку к лицемерию. Пока я писал Вам, настроение у меня стало лучше. Если Вы не в Италии, не жалейте, что не поехали туда. В Италии ужасная погода, холод, дожди и т. д. Нет ничего безобразнее страны, не привыкшей к этим стихийным бедствиям. Прощайте. Очень хотелось бы знать, где Вы находитесь. Ε' ρρωβο (Укрепляй себя).

Это конец греческого письма.

P. S. Открываю книгу и нахожу два маленьких цветка, сорванных в Фермопилах на холме, где погиб Леонид. Вам должно быть ясно, что это реликвия.

1843

25. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, вторник 3 января 1843.

Браво! Хорошо сказано! Вы можете быть такой милой, когда захотите! Почему же Вы бываете так часто злой? Конечно, благодарность в письме ровно ничего не стоит, и все же та дипломатия, которую я применил для получения горячих рекомендательных писем Вашему брату, заслуживает, чтобы Вы мне сказали что-нибудь приятное. Я Вам прощу от всего сердца все Ваши насмешки по поводу шаров и академии, о которой я думаю гораздо меньше, чем Вы себе это представляете. Если я когда-нибудь буду академиком, я буду твердым, как кремень. Может быть, я немного огрубею, превращусь в мумию, но буду, в сущности, довольно славным малым. Что касается Персиани, то у меня нет никакого другого средства для того, чтобы превращать ее в моего Давида; как только ездить каждый четверг слушать ее. А что до мадмуазель Рашель, то мне не свойственно наслаждаться стихами так же часто, как музыкой. Она — Рашель, а не музыка — напомнила мне, что я обещал Вам рассказать одну вещь. Рассказать сейчас или отложить до встречи с Вами? Лучше напишу, при встрече я найду, что Вам сказать. Итак, дней 12 назад я обедал вместе с ней у одного академика. Обед был устроен для того, чтобы представить ей Беранже. Было много великих людей. Она пришла поздно, и то, как она вошла, мне не понравилось. Мужчины говорят ей столько глупостей, а женщины при виде ее столько делают глупостей, что я решил не выходить из своего угла. Кроме того, я уже больше года с ней не разговаривал. После обеда Беранже с присущей ему откровенностью и умом сказал ей,

что она совершила ошибку, растрчивая в салонах свой талант, что настоящая ее публика — это публика Театр-Франсез и т. д. Рашель сделала вид, что вполне согласна с этим наставлением, и в доказательство того, что она извлекла из него пользу, сыграла первый акт *Эсфири*. Нужен был кто-то, кто мог бы подавать ей реплики, и она заставила академика, состоящего в должности чичисбея, почтительно принести мне Расина. Я грубо сказал, что ничего не понимаю в стихах и что в гостиной есть люди, которые гораздо искуснее, чем я, могут прочесть стихи. Гюго сослался на свои глаза, другой — еще на что-то. Хозяин дома принес себя в жертву. Представьте себе Рашель в черном платье между роялем и чайным столом. Сзади нее дверь, Рашель принимает театральную позу. Это превращение на глазах было очень забавно и мило; продолжалось оно приблизительно две минуты, потом она начала:

Ты ли это, дорогая Элиза?..

Наперсница в середине своей реплики уронила очки и книгу; прошло десять минут, пока она нашла страницу и очки. Аудитория замечает, что Эсфирь нервничает. Она продолжает. Дверь сзади нее открывается. Входит слуга. Ему делают знак, чтобы он ушел. Он исчезает и тщетно пытается закрыть за собой дверь. Упомянутая дверь притворяется, снова отходит и презабавно аккомпанирует Рашель мелодичным скрипом. Так как конца этому не предвиделось, Рашель схватилась рукой за сердце и упала в обморок, но, как человек, привыкший умирать на сцене, выждала время, чтобы окружающие могли прийти к ней на помощь. Во время этой интермедии Гюго и Тьер поспорили из-за Расина. Гюго утверждал, что у Расина был небольшой ум, а у Корнеля — великий. «Вы так говорите, — заметил Тьер, — потому что вы сами — великий ум; вы Корнель (Гюго скромно наклонил голову) той эпохи, а Расин — Казимир Делавинь». Решайте сами, какого рода была эта скромность. Между тем обморок проходит, и действие оканчивается, но — *fiascheggiano* *. Один хороший знакомый Рашели, вы-

* Выпивкой (итал.).

ходя, сказал: «Как она должна проклинать этот вечер!» Эти слова навели меня на размышления. Вот и вся история. Не компрометируйте меня перед академиками — это все, о чем я Вас прошу.

В воскресенье я Вас узнал, только когда был уже в двух шагах от Вас. Первым моим движением было подойти к Вам, но, увидев, сколько с Вами народу, я прошел мимо. Думаю, что поступил правильно. Вы мне всегда казались бледной, очевидно, Вы порозовели по случаю праздника.

Добрый вечер или, вернее, добрый день! Понедельник или, вернее, вторник. Сейчас три часа утра.

26. БАРОНУ А. ГИРО

Воскресенье, 2 апреля <1843>.

Милостивый государь,

Я только что дочитал прекрасную книгу, которую Вы так любезно мне прислали. Мои друзья обвиняют меня в том, что я не люблю стихов, но Ваши стихи полны таких благородных мыслей, они так хорошо отражают Вашу великолепную южную природу, что даже ум, еще более прозаический, чем мой, не мог бы остаться к ним нечувствительным. Хотя я рожден среди холодных туманов Парижа, сердцем я принадлежу солнечным странам. Читая Вас, я снова увидел Канигú и все Ваши красивые горы, которые Вы знаете как охотник и описываете как художник. Я знал эту старую цыганку, и мне пришла в голову мысль разделить с ней трапезу из ее жалкого котелка. Мне кажется даже, что я видел ее молодую спутницу с полумертвым от голода ребенком, однако нужно быть таким поэтом, как Вы, чтобы увидеть столько красоты под этими лохмотьями. Заметьте: я говорю только о том, в чем я разбираюсь. Я очень хотел бы сказать Вам о Вашем слоге, высоком и в то же время простом, но так как считается, что я ничего не понимаю в стихах, то Вам могло бы показаться, что я повторяю общее мнение.

Примите, милостивый государь, вместе с моей благодарностью выражение самого глубокого почтения и преданности.

Пр. Мериме.

27. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 15 апреля 1843.

У меня так болели глаза сегодня утром и вчера, что я не мог Вам писать. К вечеру мне стало немного лучше, так что я почти уже не плачу. Против обыкновения Ваше письмо довольно любезно. В нем есть даже одна или две нежные фразы, без «но» и без задних мыслей. Мы с Вами на многое смотрим совершенно различно. Вы не понимаете, как великодушно с моей стороны жертвовать собою ради Вас. Вы должны были бы благодарить меня для поощрения. Но Вы считаете, что Вы это заслужили. Почему так получается, что мы редко чувствуем одинаково? Вы очень хорошо сделали, что не говорили о Катутле. Этого автора нельзя читать на святой неделе, в его произведениях есть места, невысказанные для перевода на французский язык. Там ясно написано, что называлось любовью лет за 50 до рождества Христова в Риме. И все же это немного лучше, чем любовь в Афинах во времена Перикла. Тогда женщины уже представляли собою нечто. Они заставляли мужчин делать глупости. Их власть пришла не вместе с христианством, как думают обычно, но, по-моему, вместе с влиянием, которое северные варвары оказали на римское общество. Германцам была свойственна экзальтация. Они любили душу. Римляне любили только тело. В самом деле, у женщин очень долго не было души. На Востоке у них нет ее и сейчас, и это очень грустно. Вы знаете, как души говорят друг с другом. Но Ваша почти не слушает мою.

Я доволен, что Вы отдаете должное стихам Мюссе, и совершенно правильно, что Вы сравниваете его с Катуллом. Мне кажется, что Катулл лучше звучит на своем языке, а Мюссе делает ошибку, что верит в душу не больше, чем Катулл, которого оправдывает его эпоха. Время позднее. Я прощаюсь с Вами и иду промывать глаз. Пишу Вам и плачу. До понедельника! Помолитесь, чтобы была хорошая погода. Я Вам принесу книгу. Наденьте Ваши сапоги-скороходы.

28. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 4 мая 1843.

У меня бессонница, и я в отвратительном настроении. Я мог бы многое сказать по поводу Вашего письма. Но я не стану даже начинать именно из-за этого настроения, или, вернее, постараюсь немного смягчить его. Ваше определение моих двух «я» очень мило. В нем сказывается Ваш глубокий эгоизм. Вы любите только себя, поэтому Вы немного любите ту часть моего «я», которая похожа на Вас. Третьего дня это несколько раз меня задевало. Я думал об этом с грустью, в то время как Вы, по своему обыкновению, были заняты только созерцанием деревьев. Очень умно, что Вы любите железные дороги. Через несколько дней за три часа можно будет доехать до Руана или Орлеана. Почему бы нам не отправиться посмотреть Сент-Уэн? Но что может быть красивее наших лесов, какими они были тогда? Мне только кажется, что Вам бы следовало побыть подольше. Когда у человека такая богатая фантазия, что он может самым естественным образом объяснить, откуда взялась ветка плюща, то совсем уж нетрудно для него придумать объяснение, на что он потратил несколько часов. Был ли этот плющ у Вас в волосах вечером? Я несколько не сомневаюсь, что он помогал Вам кокетничать.

Я так недоволен Вами, что Вы, может быть, найдете, что во мне слишком много того «я», которое Вы любите. Право, я думаю, что приведу в исполнение угрозу, о которой я Вам говорил.

Какого Вы мнения о фейерверке? Я был у одного «превосходительства»; у него прекрасный сад, оттуда был хорошо виден фейерверк. Фонтан в конце фейерверка

мне понравился. Это лучше, чем какой-нибудь вулкан, потому что искусство всегда прекраснее природы. Прощайте. Постарайтесь подумать немного обо мне.

Наши прогулки стали частью моей жизни, я не понимаю, как я жил до этого. Мне кажется, что Вы не вкладываете в них души. Но какими мы будем, когда встретимся вновь? Полгода назад мы возобновили прерванный разговор почти на том же слове, на каком остановились. Повторится ли это? Не могу выразить, как я боюсь, что увижу Вас совсем другой. Когда мы встречаемся, на Вас всегда бывает ледяной покров, и тает он только через 15 минут, не раньше. К моему возвращению вырастет настоящий айсберг. Полно! Лучше не думать о печальном, пока оно не наступило. Всегда лучше мечтать. Вы допускаете, что римлянин может говорить прекрасные вещи и быть нежным? Я хочу показать Вам в понедельник латинские стихи, Вы их сами переведете, и они очень нам пригодятся во время наших постоянных споров. Вы увидите, что древнее искусство лучше, чем Ваш Вильгельм Мейстер.

1844

29. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Суббота, 3 февраля 1844.

Дорогая графиня,

Я ужасно зол на одну женщину. Я очень бы хотел ей отомстить. Но как? Мы же не на Корсике, где имеются *palla calda o ferro freddo* *. Увы! Вот Вам рассказ. Во Французской академии возросла смертность. Вот уже трое ждут, чтобы о них сказали надгробное слово. Мне советуют просить о том, чтобы наследовать третьему из них, то есть Нодье. Значит, мне предстоит заняться ремеслом просителя без особой надежды на успех, так как я должен бороться против одного друга его величества. После этого вступления я должен сообщить Вам следующее. Я написал приятную повесть, отличающуюся остротой мысли и прелестью стиля. Я дал ее Вал<ентине> без намерения когда-либо издать ее. Вал<ентина> рассказала о ней г-же де Буань, и та пристала ко мне, чтобы я прочитал у нее эту повесть. Кроме самой г-жи де Буань, там были еще три женщины, более или менее причастные к литературе, о которых мне ничего не было сказано. Я не приглашал никого; Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понять, до чего подобные церемонии не в моем вкусе. Кажется, г-жа де Буань приглашала еще г-жу де Кастелан, но та не явилась. А на следующий день сказала одному моему другу, что не пришла по той причине, что ей показалось очень смешным, что я соби-

* Горячая пуля или холодная сталь (корсик.).

раю светских женщин, чтобы положить конец разговорам о непристойности моих сочинений. Это меня мало трогает. Но она к этому прибавила, что я мечу в академии, что я, конечно, этого достоин, но неправ в том, что имел намерение реформировать упомянутую академию, поставить в ней все вверх дном, что я слишком молод для того, чтобы революционизировать столь почтенную корпорацию и т. д., и т. д., и т. д. Все это, как Вы понимаете, чистейшая ложь, но очень ловкая, так как единственно, чего не любят в академии,— это перемен. По мнению лица, информирующего меня, все эти выдумки г-жи де К<астелан> объясняются исключительно тем, что я не ей первой рассказал о повести и не предложил ей прочесть повесть у нее. Не правда ли, премилая история? С точки зрения академической дама эта довольно могущественная. Трое из этих господ находятся всецело под ее влиянием. Что же мне делать? Конечно, я предпочел бы академическому креслу хорошенькую чернушку. Не сможете ли Вы дать мне совет? Ваше письмо от 27-го я только что получил. Честное слово, я ничего в нем не понял. Как? Ваши бриллианты возвращены? Недаром английская пословица говорит, что нет большего мошенника, чем абсолютно честный человек. Но я не понимаю, на что он надеется и кому нужно то письмо, которое он Вам написал. Ему была нужна только Ваша расписка. Прибавлять еще одно доказательство к тем, которые уже имеются, мне кажется большой ошибкой. Значит, в Вас говорит жалость к бедному вздыхающему герцогу. Я бы отдал надежду на мое кресло за то, чтобы присутствовать на церемонии и посмотреть на выражение лица Паки на следующий день за завтраком. Но мое начальство держит меня на привязи бесконечными поручениями. Я сильно сомневаюсь, удастся ли мне переплыть море раньше осени — столько дел у нас с нашими памятниками. Я Вам говорил, что мадмуазель Рашель и Валевский помирились, условившись, что будут жить, как принято в высшем свете: муж на своей половине, жена на своей? Все молодые девушки в отчаянии, что умер герцог Кобургский: из-за этого отменено множество дипломатических балов. Мартинес желает, чтобы его называли именно так,— по-видимому, он не хочет титула маркиза, и это с его стороны неглупо, так

как в Париже уже ничего не понимают в этих изменениях имен. Как-то он очень хорошо рассказывал у Тьера про последнюю революцию. Эспартеро поразителен! Он проиграл партию при самых благоприятных для него обстоятельствах. Он еще глупее, чем я думал.

Прощайте, дорогая графиня! Сердечный привет барышням, если у Вас их будет еще две, когда Вы получите это послание. Заканчиваю письмо, так как Вам некогда читать его. Я ничего не слышал о Лосано.

30. ЖЕННИ ДАКЕН

Четверг вечером, 14 марта 1844.

Я воспринял это как большую радость, тем более что приготовился к поражению. Мне доставляли бюллетени по мере того, как они поступали. Успех мне казался невозможным. Моя мать, которую несколько дней мучил острый ревматизм, мгновенно выздоровела... Теперь я еще больше хочу видеть Вас. Испытайте, люблю ли я Вас больше или меньше, и сделайте это как можно скорей. Меня измучила беготня: ведь теперь, чтобы показать свое душевное благородство, мне нужно благодарить и благодарить друзей и врагов. Мне повезло, что черные шары клали люди, которых я ненавижу, это счастье — не быть обремененным признательностью по отношению к людям, которых не уважаешь. Напишите мне, пожалуйста, когда Вы хотите со мной встретиться.

Я так хочу совершить с Вами длительную прогулку!

Вы действительно колдунья: Вы так верно предсказали события! Мой Гомер меня обманул, или, вернее, его грозные пророчества относились к Вату.

Прощайте, *dearest friend!* * Из-за корректуры, которую надо было править, доклада, который надо было написать, отчасти из-за трехдневной суеты я почти не спал. Попробую уснуть... У меня будет что рассказать Вам — это довольно забавные истории о людях и о происшествиях.

* Дорогой друг (англ.).

31. ЖЕННИ ДАКЕН

17 марта 1844.

Я очень благодарен Вам за поздравление, но я хочу большего. Я хочу видеть Вас и совершить с Вами длительную прогулку. Однако, по-моему, Вы восприняли событие как трагедию. Почему Вы плачете? Сорок кресел не стоят одной маленькой слезинки. Я измучен, загнан, потерял бодрость и совершенно *out of my wits* *. К тому же, *Арсена Гийо* провалилась с треском и возбуждает против меня негодование так называемых добродетельных людей, особенно женщин в современном вкусе, танцующих польку и слушающих проповеди П. Равиньяна. Словом, говорят, что я похож на обезьян, которые лезут на деревья и, забравшись на самую высокую ветку, корчат людям рожи. Думаю, что из-за этой скандальной истории я потерял голоса; с другой стороны, я на этом выигрываю. Люди, забаллотировавшие меня все семь раз, уверяют, что они были моими самыми горячими сторонниками. Как, по-Вашему, стоит лгать людям, которые Вас обманывают? Все это общество, в котором я находился почти две недели, вызывает во мне страстное желание поскорее увидеть Вас. Мы по крайней мере хорошо знаем друг друга, и когда Вы мне лжете, я могу Вас в этом упрекнуть, а Вы умеете заставить меня простить Вас. Любите меня, несмотря на то, что скоро будет ровно три дня, как я стал лицом почтенным.

* Не в себе (англ.).

32. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Суббота, 23 марта <1844>.

Дорогая графиня,

Наконец-то я получил два Ваших письма, от 9 и от 14 марта, равно как и коробку карандашей, которые Вы были так добры прислать мне. Карандаши превосходные, и при содействии Ваших даров я собираюсь осчастливить людей. Из газеты и из моего письма от прошлой субботы Вы знаете о моем успехе. Я не очень надеялся на него, и действительно это была игра судьбы. Наверно, добрая треть моих избирателей не знала, что их голоса могут оказаться решающими. Другая треть сейчас раскаивается в том, что выбрала меня. Таким образом, я освобожден от какого-то количества благодарностей. Мое избрание было все-таки встречено довольно благосклонно, но на следующий день по воле случая в *Ревю де де Монд* появилась моя повесть и вызвала громадный скандал. Нашли, что она богохульна и безнравственна. Три-четыре женщины, заслуженные нарушительницы супружеской верности, испускали крики ярости, а их прежние любовники дружно им вторили. Вот уж именно: кто бросит в меня камень. Три дня тому назад в одном доме в присутствии одного из моих друзей говорили про общество, которое обнаружила на прошлой неделе полиция. Молодые люди наняли комнату в отдаленном квартале, заманивали туда молодых девиц и нехорошо с ними поступали. Тут одна женщина спросила, схватили ли меня, так как она нимало не сомневалась, что я состою в этом обществе. Вы, наверно, догадываетесь, что г-жа де Кастелан тоже не упустила случая вставить словечко. Г-н Моле, подававший голос за меня, сказал, что жалеет об этом, но особенно неистовствовал г-н де Сальванди,

который на практике великолепно сочетает распутство и религиозность, а в теории — это самый нравственный, самый богобоязненный из смертных. Сначала это разнузданное ханжество возбуждало во мне гнев, теперь оно меня забавляет. Мне нечего больше бояться, и я смеюсь над ними. Придет время, я отомщу им и обойдусь с ними, как они того заслуживают. Вы не можете себе представить, что такое неокатолицизм в наши дни. Мы семимильными шагами идем ко всяким крайностям, и если так будет продолжаться, то скоро наступит самое настоящее средневековье. Четыре дня тому назад Мицкевич, поляк, который читает курс славянской литературы в Колеж де Франс, вместо того, чтобы объяснять склонения и спряжения, вдруг произнес нудную, пропитанную мистицизмом проповедь, настоящую иеремиаду. Потом вдруг остановился и спросил своих слушателей, согласны ли они с ним. «Да, да!» — закричали сто молодых людей с более или менее всклокоченными бородами, а одна женщина, ринувшись к кафедре, крикнула: «Я хочу погибнуть на кресте!» — и для начала в истерическом припадке повалилась навзничь. В Париже сейчас есть три или четыре пророка и в два раза больше святых обоего пола, которые исцеляют все болезни. Недавно приговорили к тюремному заключению и к крупному штрафу одного человека, который написал книгу, отрицавшую божественное происхождение Иисуса Христа. Если бы священники не были так глупы и если бы у них хватало здравого смысла держаться тише воды, ниже травы, вполне возможно, что мы через несколько лет увидели бы у себя модернизированную инквизицию. К несчастью или, вернее, к счастью, эти господа слишком торопятся. Их погубят сумасбродства, и неокатолицизм в один прекрасный день исчезнет так же, как вышли из моды буфы. Ваш рассказ о дьяволе-проповеднике очень хорош, только не нужно, чтобы поддельный брат Антолин тотчас же возвращался в свое настоящее жилище. До восстановления конституционного режима у нас будет еще несколько лет тирании, это я Вам предсказываю. Мартинес де ла Роса запутался со своими старыми друзьями-либералами, которые не видят, как изменились нравы умеренных. Он живет довольно уединенно и, как мне говорили, пишет.

Вам знакома орфография Рамбюто? Если да, то Вы знаете, что он пишет, как кухарка. Как-то он сказал своей жене, что, наверно, будет лишен удовольствия ехать с ней в гости, потому что у него назначена встреча с инженером, который должен при нем произвести испытание отопления в одном большом здании. Уходя из дому, г-жа де Рамбюто получила от мужа записку следующего содержания: «*Mon rat, mon heure est venue adieu!*»*. Она вообразила, что ее муж умирает, и пришла в отчаяние. Посылают всех на розыски и нигде не могут его найти; все безутешны. В час обеда появляется г-н де Рамбюто как ни в чем не бывало. Зачем так пугать людей? Зачем объявлять о своей смерти? О смерти? Что, когда? А записка? Ну, так что же там написано? «*Mon rat mon heure est venue*» — это значит: инженер-отопитель пришел за мной, чтобы проверить отопление.

Прощайте, дорогая графиня! Передайте от меня, пожалуйста, самый нежный привет Вашим дочерям. Я очень сочувствую бедному маркизу Эйербу. Я так же, как и Вы, верю, что разлука вылечит сеньориту от ее мимолетной любви. Всегда остерегайтесь поручиков: у них такая блестящая форма! Еще раз свидетельствую Вам свою благодарность и беззаветную преданность.

* Записка была безграмотно написана, и ее можно было понять так: «Мой мышонок, мой час пришел, прощай!»

33. ШАРЛЮ ДЕ РЕМЮЗА

22 июля <1844>.

Вы слишком любезны, милостивый государь, Вы портите людей. Мало того, что Вы их хвалите, Вы еще даете им полезные советы. Вы совершенно справедливо заметили, что я чересчур резко осуждаю римские нравы. Поразмыслив над этим, я вижу, что Вы правы и что мы не лучше. Если мы менее жестоки, это происходит, быть может, единственно оттого, что в нашем распоряжении романы и театры, а также оттого, что полиция запрещает бои гладиаторов. Мое заблуждение произошло из-за того, что, слишком сильно любя римлян и особенно Цезаря, я боялся показаться пристрастным. Я упал на тот бок, на который не наклонялся,— это часто бывает. В следующих томах я постараюсь быть более точным. Что касается Цицерона, я настаиваю на том, что он действовал весьма коварно по отношению к Лентулу и его группе. Поверьте мне: это гнусная фигура. Прочтите его переписку во время вторжения Цезаря в Италию и его слова после смерти того же Цезаря, которому он курил фимиам при жизни: «*Utinam Idibus adessem*» *, и т. д.

Прощайте, милостивый государь! Благоволите принять мою глубокую благодарность, а также выражение моей преданности.

Пр. Мериме.

Разрешите напомнить Вам об одном Вашем любезном обещании — дать мне на время рукопись, о которой я слышал самые лучшие отзывы.

* Ах, если бы я был <в Риме в мартовские> иды (лат.).

1845

34. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Париж, 8 февраля 1845.

Дорогая графиня,

Третьего дня все прошло великолепно. Я дрожал от страха; мне говорили, что у меня был вид приговоренного к повешению. Мое лицо было цвета зеленой вышивки на моем фраке. Но я волновался только из-за того, как бы меня не подвел голос. Я прочитал свою речь довольно хорошо, твердым и решительным тоном. Кажется, мной остались довольны. Я был доволен публикой,—надеюсь, что и она мною. Был высший свет, множество прелестных дам, присутствие которых меня не отвлекало, клянусь Вам. Итак, дело сделано. Вы не представляете себе, какое я испытываю счастье, что освободился от этой повинности. Пишу Вам наспех несколько строчек, только чтобы сообщить, что моя затея окончилась лучше, чем я ожидал. И на этот раз, как это уже со мной бывало, я заметил, что опасности гораздо страшнее издали, чем вблизи. Через пять минут я уже чувствовал себя уверенно и заключительную часть речи произносил так спокойно, как будто передо мной сидят три человека. Прощайте, дорогая графиня! Нежнейший привет сеньоритам.

35. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Париж, 16 мая 1845.

Дорогая графиня,

Наши письма разошлись. Как видите, мы говорим об одной и той же работе. Я не понимаю, как этот Санча, издавая сочинения Лопе де Вега, ухитрился заполнить двадцать один том самыми неудачными произведениями. Но вот что мне еще труднее понять: почему сейчас, когда в Испании настроены против классицизма, не издали комедий Лопе де Вега? Вам бы следовало подать эту хорошую мысль какому-нибудь умному человеку. У вас почти все комедии печатаются ужасно, почти всегда крайне неисправно, на отвратительной бумаге и отвратительным шрифтом. Несколько лет назад в Германии, в Гамбурге, опубликовали *Театр Лопе де Вега, Teatro escogido* *, в одном томе, содержавшем, как мне говорили, не то пятьдесят, не то шестьдесят пьес. Все издание распродано. Что же касается двадцатитомного собрания пьес, выходивших прежде отдельными изданиями, то оно представляет собою невероятную редкость и стоит безумно дорого. Вы ничего не рассказали мне о своем путешествии во Францию. Недавно я Вам сообщил, что в Нижних Пиренеях есть префект с испанской фамилией. Его зовут Асеведо. Это умный человек; он радушно встретит Вас в своем департаменте; Ваш приезд доставит ему радость, какую испытывает светский изгнанник при встрече с себе подобными в провинциальном одиночестве. Я провел сейчас взаперти

* Избранные пьесы (исп.).

восемь дней отнюдь не для того, чтобы описывать подвиги и деяния покойного Д. Педро, а чтобы записать тот рассказ, который я услышал от Вас пятнадцать лет назад и который я, кажется, испортил. Речь шла о том, как некий Яго из Малаги убил свою любовницу — публичную женщину. После *Арсены Гийо* я не нашел ничего более нравственного, чтобы предложить нашим милым дамам. Так как я с некоторого времени тщательно изучаю быт цыган, то я сделал свою героиню цыганкой. Кстати, не знаете ли Вы, есть ли еще в Мадриде книга, изданная неким Борроу на *chipe calli*, или на языке гитан, под названием *Embeo e tajago Lucas?* Это евангелие от Луки. Борроу написал очень забавную книгу под названием *Bible in Spain* *. Жаль только, что он записной враль и к тому же протестант-фанатик. Например, он заявляет, что в Испании еще скрываются мусульмане и недавно еще в Толедо был архиепископ, исповедовавший мусульманскую веру. О цыганах он рассказывает очень любопытные вещи, но поскольку он англичанин, да еще святой, то он не заметил, а может быть, не захотел рассказывать о многих чертах, а между тем о них стоило бы поговорить. Он утверждает, что цыганки очень целомудренны, и что какому-нибудь *bisno*, то есть человеку другой расы, нечем поживиться. Однако в Севилье, в Кадисе и в Гранаде я в свое время встречал цыганок, добродетель которых не могла устоять против одного *duro* **. Была одна очень красивая в *tazmorras* *** около Альгамбры, более неприступная, но и ее можно было приручить. Большинство этих женщин ужасно некрасивы, из-за этого они и целомудренны; есть, впрочем, и лучше. В Париже сейчас находится человек двенадцать индейцев со Скалистых гор и несколько индианок. Мужчины очень высокие и крепкие, некоторые из них довольно красивы. Женщины отвратительны. В нецивилизованном мире женщина — вьючное живот-

* Библия в Испании (англ.).

** Монета (исп.).

*** Подземельях (исп.).

ное, с ней настолько грубо обращаются, что она не может не быть безобразной в силу своего бедственного положения. Я думаю, что, наверно, потому гитаны так уродливы. Они спят под открытым небом, таскают своих детей на спине, питаются объедками, которые им оставляют мужья, а главное, не знают употребления мыла и воды. Этого больше чем достаточно, чтобы сделаться страшилищем.

Прощайте, дорогая графиня! Надеюсь, что Ваша поездка в Саламанку не помешает Вам совершить и другую. Нежнейший привет Вашим дочерям.

1847

36. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Париж, 20 февраля <1847>.

Дорогая графиня,

Почтовые кареты больше не ходят. Я получил Ваше последнее письмо только в воскресенье утром. Я очень благодарен Вам, что Вы заинтересовались моим другом Аларом. Он, конечно, может поговорить и охотно поговорит о Кс<ифре> с Гизо, но вопрос этот может решить только посол. Ордена даются только послом, помимо него они почти никогда не даются. А, к сожалению, Мартинес отнюдь не благоволит к Кс<ифре>. Наоборот, он, по-моему, намеренно вредит ему. Словом, будет сделано все, что возможно. В ожидании войны с пушечной пальбой, в которую я еще не верю, между английским посольством и министерством иностранных дел ведется война при помощи неучтивости и грубости. Лорд Нормэнби еще неопытен, и у него плохие советники. Его заставляют вести себя нагло, что вовсе не в его характере, у него нет умения говорить дерзости с той легкостью, которая, не снимая оскорбительности, делает их остроумными. Чем все это кончится? Вот этого никто не знает, и, по-моему, никто пока об этом не беспокоится. Боюсь, что дело примет серьезный оборот, сначала для вас, а потом уж для нас. Лорд Пальмерстон полон рвения по отношению к графу Монтемолину, и как только его светлости не надо будет опасаться простуды в ваших горах, ждите его с английскими гинейями и ружьями, а может быть, даже и с конституцией, просмотренной и одобренной английским министерством иностранных дел. Вот к чему привел в данный момент союз четырех держав. Если Ваши офицеры времен *convenio de Vergara*, кото-

рые являются сейчас, как мне кажется, господами положения у вас в армии, склонны к переменам, то, вероятно, салический закон будет восстановлен и даже до того, как сложный вопрос наследования будет урегулирован и согласован с содержанием Утрехтского договора.

Но оставим политику, она не слишком забавна. На смену балам-маскарадам и прочему пришли проповеди. Ими увлекаются, всюду процветает лицемерие, что весьма поучительно. В прошлую среду мы, человек шесть безбожников, были званы к одной правоверной даме, причем угостили нас исключительно рыбой, жаренной на постном масле. Ясно, что это было подстроено для того, чтобы хозяйка дома попала в рай за наш счет. В Сен-Жерменском предместье было решено не писать на приглажительных билетах о бале, с тем чтобы танцы были как бы неожиданными. Весь пост не будут ходить в театры, за исключением итальянской оперы, которая, по мнению досточтимого аббата Дюпанлу, сродни монастырю. Меня тошнит от этого всеобщего ханжества. Его встречаешь всюду. Вы не можете себе представить, как от этого стало скучно в нашем обществе, и без того напыщенном и надутым. До каких же пор будут делать одни и те же глупости? Хоть бы уж придумали новые!

Прощайте, дорогая графиня! По поводу отъезда дона Энрике, а также о Вашем короле, который должен был бы дать обет целомудрия, болтают всякую чепуху. Между прочим, я слышал, будто Евгения — дама сердца упомянутого дона Энрике.

37. ЭДУАРУ ДЕЛЕСЕРУ

Понедельник, 26 июля <1847>.

Дорогой Эдуар! Благодарю Вас за память обо мне. Я очень обрадовался, узнав, что *Петроний* Вам пригодился и развлек Вас. Если откинуть ее безнравственность, это действительно прекрасная книга. Ужасно досадно, что три четверти ее уничтожены крысами и монахами. Знаете, что Вам следовало бы сделать? В дождливую погоду, когда Вы не можете ездить верхом, попытайтесь перевести несколько *приличных* рассказов из тех, какие мы читали с Вами вместе, и прочтите их Вашей матери. Люди, которые знали в этом толк, вроде Босюэ, Монтеस्कье и других, часто прибегали к такому приему, чтобы выработать себе слог. Я считал, что в Помбьере должны быть римские надписи. До сих пор я ни разу не слышал, чтобы при упоминании о горячих источниках не указывалось бы на следы римлян. Баньер полон их памятниками, а в Пиренеях везде, где есть горячие источники, можно встретить и надписи и жертвенники, которые по обету ставили больные, исцеленные либо нимфами, либо местными божествами. Эти нимфы и эти боги навели меня на мысль заняться мифологией вместе с Вами, если только у Вас на это хватит терпения. Мне кажется, что это Вас заинтересует. Эта наука связана со всеми наиболее спорными вопросами о происхождении мира и каждого народа в отдельности. Вы увидите — и это самое любопытное, — как часто умные люди сходятся во мнениях. Сейчас я готовлюсь к путешествию в Африку, как Вы готовились к своему экзамену, и изучаю древнюю географию Алжира. Она довольно запутанна; карты, которые у меня перед глазами, резко отличаются одна от другой. Есть основание полагать, что они не очень верно

изображают эту страну. Мне хотелось изучить, хотя бы немного, арабский язык, чтобы разговаривать с бедуинами, но это дьявольски трудный язык. Все звуки выходят из подложечки. Мой друг Бу-Маза представляется мне чревовещателем первого ранга. Я думаю, что первоначальное изучение языка состоит в том, что люди должны говорить с кляпом во рту. Г-жа де Монтихо спрашивает меня в письме, когда Вы к ней приедете. Портрет Евгении во весь рост пишет лучший из местных художников. Быть может, этот портрет будут рассылать по всем европейским дворам, пока кто-нибудь из принцев не влюбится по уши в оригинал. Мне говорили, что она правит коляской, запряженной злыми, как черти, пони, и что она все опрокидывает. Подумайте: не прельщает ли Вас возможность опрокинуться вместе с ней в ров? Мне кажется, что в Вашем возрасте эта перспектива меня не очень бы испугала. Прощайте, дорогой Эдуар, заботьтесь о своей матери.

Пр. Мериме.

38. ЭЛУА ЖОАНО

Четверг, 11 нояб<ря> 1847.
Улица Жакоб, 18.

Милостивый государь,

Я очень горжусь тем, что такой ученый, как Вы, могли на какой-то момент принять всерьез мое шуточное произведение. Венера Ильская никогда не существовала, надписи были составлены мной *secundum artem** по Муратори и Орелли. Идея этого рассказа пришла мне в голову при чтении одной средневековой легенды, пересказанной Фреером. Кроме того, я взял кое-какие мысли у Лукиана, который в своем *Φιλοψευδης*** рассказывает об одной статуе, избивавшей людей. Свой плагиат я наспиговал намеками на моих друзей и шутками, понятными в кругу людей, среди которых я жил, когда писал эту новеллу.

В Пиренеях я видел много надписей, посвященных местным божествам, но там не было ни одной, где была бы упомянута Венера, по крайней мере под этим именем. Возле Тарб весьма чтили богиню Лаэ, но не осталось никаких признаков, по которым можно было бы судить, каков был круг ее полномочий. <...>

Я с громадным удовольствием воспользуюсь любезным предложением, которое Вам угодно было мне сделать, и буду говорить с Вами на мифологические темы. Когда-то я был по-настоящему влюблен в греческую мифологию и, усиленно занимаясь ею, чуть не стал язычником. Тем большее удовольствие я получу, занимаясь ею с Вашей помощью.

* Научно (лат.).

** Любителе лжи (греч.).

Раз уж Вы читали мою заметку о монетах гражданской войны, я хочу исправить допущенную мною ошибку. Самнитская золотая монета с надписью *рааріі g* и положенным на омфал тирсом безусловно подлинная. Мне написали из Лондона, что она поддельная, и я поверил на слово своему корреспонденту. Сейчас она принадлежит герцогу де Люинь. У всех истинных знатоков не возникает никаких сомнений в ее подлинности. Это уникальная монета и притом одна из самых интересных.

Примите, милостивый государь, уверение в моем глубочайшем уважении.

Пр. Мериме.

1848

39. ЭДУАРУ ДЕЛЕСЕРУ

1 февраля 1848.

Дорогой Эдуар! Ваш рассказ, в общем, мне нравится, хотя Вы написали его с коварной и безнравственной целью. Если принять Ваш безнравственный замысел (тут я умываю руки), то мои замечания таковы:

1. Никогда не следует говорить в начале рассказа, что он трогателен или что он смешон. Это отнимает у читателя впечатление неожиданности, а человеку свойственна такая сильная склонность к противоречию, что иногда достаточно бывает предупредить о намерении воздействовать на одно из его чувств, чтобы человек облекся в броню. Думаю, что лучше было бы начать с изложения греческого двустишия, к которому Вы удачно возвращаетесь в конце, уверяя эту милую даму, что Вы способны внушить ей ужас.

2. Ваша характеристика Радовица не точна, а главное, недостаточно полно развернута. Так как доверие, с которым отнесутся к его рассказу, зависит от того, какое мнение составит о нем, по-моему, лучше изобразить его как человека большой учености, очень любознательного и точного наблюдателя, видного метафизика и т. д.

3. В рассказе слишком много иронии. Я хотел бы большей простоты. И затем: нельзя забывать, что когда рассказывают о чем-нибудь сверхъестественном, надо как можно подробнее описывать материальную действительность. Именно в этом — великое искусство Гофмана в его фантастических рассказах. Вспомните немок, которых Вы видели, или, вернее, одну из них: как она вязала, были это белые чулки или черные, как она накрывала на стол к чаю, не забудьте ни про хлеб, ни про масло. Постарайтесь в нескольких словах описать обстановку:

здесь стол, там камин, напротив дверь, кресла размещены так-то и так-то. Рабле говорит, что лгать нужно, прибегая к нечетным числам. Это великий урок Рабле всем романистам.

4. Фамилия любовника Кауфман, а не Гауфман — Гауфман звучит не по-немецки. Мне кажется, что Радовиц говорил, что жениха принесли к невесте мертвым.

5. То, что в конце рассказа Радовиц делает замечания на дурном французском языке, оправдывалось бы в том случае, если бы Ваш рассказ был предназначен для публичного чтения. Это производит некоторый эффект, вырывая читателя из круга тех представлений, с которыми он освоился. Писателю это придает нечто свободное, нечто бесовское, что может в общем нравиться. Но в данном случае, по-моему, Вы не должны гнаться за дешевым успехом. Цель, которую Вы всегда должны ставить перед собой, — это взять верх над своей красоткой, смотреть на нее издалека. И не нужно, следовательно, мгновенно укрощать ее волнение. Лучше кончите тем, как Вы это и делаете, и делаете очень хорошо, что изложите ей свое мнение о смещении *θάνατος* * и *θάλαμος* **. Начните, разумеется, с первого, и ей, конечно, это так понравится, что она ничего больше не захочет.

Искренне Ваш

Пр. М.

<...>

* Смерти (греч.).

** Брачного чертога (греч.).

40. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

25 февраля <1848>.

Я успею написать Вам только две строчки. Из газет. Вы узнаете обо всем. Пока большой порядок. В такие дни этот страшный народ проявляет присущее ему одному величие. Рабочие принесли в музей найденные ими в Тюильри камни стоимостью более чем в сто тысяч франков. Вал <ентина> с мужем уехали. Надеюсь, что они доедут благополучно. Вообще все в один голос говорят, что он держит себя благородно. Прощайте, дорогая графиня! Во время такой громадной катастрофы некогда думать о своих личных делах. Однако меня уже начинает беспокоить мысль о том, чем я буду жить и смогу ли я помогать моей старушке матери. Прощайте.

41. ЭДУАРУ ДЕЛЕСЕРУ

24 апреля <1848>.

Дорогой Эдуар! Этот Ваш Сенека со своими короткими фразами, которые чем короче, тем многозначительнее, — ужасный человек. Он забавляется тем, что коверкает красивый и простой язык Цицерона. Но ума у него хватает на четверых, и иногда, несмотря даже на вычурность и дурной вкус, он превосходен. Не думайте, что это легкое дело — перевести за одно утро такое письмо, какое Вы прислали мне. У Сенеки есть слова, которые не поддаются переводу. Я не уверен, что кто-нибудь точно знает, что он понимал под словами: *Vona mens, Deus, Animus* *. Ремюза, может быть, объяснит Вам, что это обозначало для стоиков. Чтобы понять Сенеку, надо начать с заучивания его наизусть, так как он при помощи одного оборота речи объясняет другой. У каждого автора свой особый язык, и язык Сенеки не из самых легких. Я Вам прямо скажу, что в Вашем переводе много ошибок. В сравнении, которое он делает между ручным львом, осыпанным золотыми блестками, и диким львом, Вы увидели только одного льва, а у него их два. Это сравнение — впрочем, довольно вычурное — является намеком на цирковое представление, настолько привычное для всех римлян, что даже философы черпали оттуда свои метафоры. Римским купцам показывали разукрашенных львов, подававших лапу, и т. д. Сенека говорит, что человек, украшенный благами жизни, похож на этих ручных львов, которые не стоят одного льва пустыни *speciosus ex horrido* **: я не знаю, как перевести это прелестное выражение, несомненно — в ту

* Здравый смысл, бог, дух (лат.).

** Грозного, но прекрасного (лат.).

пору, когда Сенека его употребил, — новое. Вы чисто по-христиански переводите *Bonus vir sine Deo nemo est*: человек без бога — нехороший человек. Я не думаю, что такова была мысль Сенеки. Он хочет сказать: *nullus bonus vir est sine Deo* *. Это звучит более гордо и более язычески. Насколько мне известно, некоторые предполагают, что Сенека учился у апостола Павла, и этим объясняется то обстоятельство, что некоторые места его произведений имеют оттенок своеобразного христианства. *Credat Judaeus Apella* **. Вообще Вы старались передать смысл фраз Вашего автора, но не подыскивали эквивалентов. А между тем это — необходимое условие для хорошего перевода. Нужно передавать стиль автора, воссоздавать его оригинальные обороты, вплоть до его ошибок. Я наскоро сделал *currente calamo* *** перевод этого письма не для того, чтобы он служил Вам образцом, но чтобы помочь Вам добраться до смысла тех мест, которые остались Вам непонятными. Я не ручаюсь, что сам не извратил смысла письма. Надо было бы потрудиться над этим три-четыре дня, чтобы добиться чего-нибудь хорошего. Попробуйте через некоторое время, когда Вам станет понятен смысл каждого слова, сделать новый перевод, причем переводите как можно точнее, стараясь передать все. После Сенеки все латинские авторы Вам покажутся легкими. Возьмите, напр<имер>, Цезаря, который писал своеобразно, даже с какой-то подчеркнутой простотой. Прочтите битву в Каталонии, положив перед глазами карту (*Bell. Civ.* ****, кн. 2) или же битву при Фарсале — превосходный отрывок. Это может заинтересовать Вашего отца. Поблагодарите его за добрую память обо мне. Я ему напишу после того, как смогу встретиться с Тьери: он теперь кандидат, председатель избирательной комиссии и абсолютно невидим. Мы очень спокойны. Говорят, что мало кто голосует. Существует 278 избирательных участков. Посмотрим, что из этого выйдет. Прощайте, дорогой друг. Продолжайте работать и заботиться о Вашей матери.

* Нет хорошего человека без бога (лат.).

** Пусть верит иудей Апелла (цитата из Горация) (лат.).

*** Торопливым пером (лат.).

**** <О>гр<ажданской> войн<е> (лат.).

42. ГОСПОЖЕ ДЕ МОНТИХО

Париж, 28 декабря 1848.

Дорогая графиня,

Податель этого письма — один из моих лучших друзей, г-н Сергей Соболевский, русский дворянин, знатный путешественник — задумал осмотреть Испанию. Разрешите мне особенно рекомендовать его Вам. Я так восторженно описал ему Вашу страну, что он обвинил меня в преувеличении, но это человек большого ума, и он поймет, что я ее не приукрашивал. Вы чрезвычайно обяжете меня, если сведете его с Вашими знатоками старины, главным образом с библиофилами, потому что г-н Соболевский — большой любитель старинных книг. И, наконец, дорогая графиня, я знаю, как Вы добры к моим друзьям, а тот, кого я к Вам направляю, мой настоящий друг. Только что ушло мое вчерашнее письмо, как я получил Ваше. Бесконечно благодарен Вам за диплом. Нельзя ли послать его через посольство? Соболевский передаст Вам книгу и письмо для академии. Не знаю, составлено ли оно в требуемой форме. Попросите, пожалуйста, извинения за ошибки автора. *Expresiones a las señoritas** и наилучшие пожелания к Новому году.

* Приветы барышням (исп.).

1849

43. <ШАРПАНТЬЕ>

1 июня <1849>.

Милостивый государь,

В субботу я увижу Моле, а в воскресенье, если смогу, Кузена. Что касается Пискатори, то его нелегко найти. Но я предвижу главную трудность. Все эти господа живут политикой и убеждены, что все зависит от нее. Как можно спорить с Прудоном, пользуясь одним романом? Я лично считаю, что единственный недостаток изданий с улицы Пуатье — это их незанимательность. Согласен с Вами, что Мадлен могла бы быть полезной. Во всяком случае, верьте, что при всем моем слабом красноречии я постараюсь убедить этих господ.

Я Вам чрезвычайно благодарен за произведения Пушкина. Мой посланец уплатит Вам, сколько они стоят. Я в отчаянии от перевода, — он сделан кем-то, кто почти не знает русского и совсем не знает французского языка. Я хотел бы напечатать в журнале статью о Пушкине, но нельзя же предложить читателю этот ужасный перевод!

Искренне и дружески Ваш

Пр. Мериме.

44. ЛЕОНСУ ДЕ ЛАВЕРНЬ

21 июля 1849.

Мой милый друг! Я имел глупость потерять Ваше письмо, и только сегодня мне пришла в голову блестящая мысль спросить Ваш адрес у Бюло, чтобы поблагодарить Вас за добрую память. Несмотря на Ваших соседей-социалистов, я завидую Вам, что Вы живете в сельской местности. Париж день ото дня становится скучнее. Утром вас терзают газеты, а вечером — народные представители, которые прожужжали всем уши, рассказывая о том, что они говорили и что делали в палате депутатов. Вы изучаете людей прошлого века и поступаете очень умно; наши современники вызывают либо грусть, либо отвращение. Разве Вас не поражает общее невежество? Мой брат по академии, профессор Патен, обязанный экзаменовывать бакалавров, рассказывал мне, что он задавал им вопрос, читали ли они Мольера. — «Да». — «Прекрасно! Какая комедия вам больше всего нравится?» — Молчание. Из десяти этих господ девять не читали ни одной строчки Мольера и не знают, писал он комедии или трагедии. Сын одного моего друга, неглупый юноша, кончивший коллеж и кое-чему там научившийся, спросил меня, кто написал *Цинну*. Он никогда не читал Вольтера и с тех пор, как кончил учение, читает только фельетоны. Вот почему мир так скучен. Утренние газеты дают вам тему для вечерних бесед, и никто больше ни о чем не думает. Мне много рассказывали о Ваших галльских пещерах и земляных укреплениях. Нечто похожее на то, что Вы описываете, я видел близ Пюи. Я бы непременно поехал поглядеть на подземелья Крез, если бы не стал в Бусаке жертвой некоего господина Барайона, местного историографа, который заставил меня проделать немисли-

мое количество миль и выделить немислимое количество пота только для того, чтобы я посмотрел в Тулле на эрратические валуны. Он уверял, что это циклопические сооружения. Я очень обрадовался, узнав, что Ваши развалины не вымысел знатоков древностей, и если когда-нибудь я буду милях в двадцати от Вас, Вы можете быть уверены, что не премину воспользоваться Вашим любезным приглашением. Я провожу время, вернее, теряю его в пяти или шести комиссиях, где работают не лучше, чем при покойной монархии, а кроме того, изучаю русский язык. Это самый красивый язык на свете. Только слов невероятно много, у глаголов — пять или шесть причастий и четыре формы, определяющие четыре оттенка в образе действия, так что, не будучи казаком, разобраться во всем этом довольно трудно. Тем не менее непременно нужно научиться говорить и понимать все эти тонкости, чтобы в 1855 году вас не избил кнутом. Я полагаю, что тогда фамилия парижского губернатора будет оканчиваться на ов или на ин, а журнал *Ревю* будет проходить цензуру какого-нибудь калмыка. Прощайте, милый друг! Прошу засвидетельствовать мое глубокое уважение г-же де Лавернь.

Пр. Мериме.

45. ЭДУАРУ ДЕЛЕСЕРУ

24 августа 1849.

Только что собрался Вам писать, мой милый Эдуар, как получил Ваше письмо. Благодарю Вас за добрую память, а особенно за то, что Вы вспомнили меня, когда увидели такую красоту. Очень жаль, что Вам пришлось знакомиться со всем этим наспех, но все-таки теперь Вы имеете больше представления о том, что такое романский город, чем какой-нибудь ученый, прошедший всю свою жизнь в комментировании Витрувия и Фронтинна. Ваш восторженный отзыв о св. Петре мне кажется несколько преувеличенным. Вам нужно было бы поехать в Афины, чтобы научиться отличать в архитектуре красивое от великого. Я не знаю, верно ли я понял причину Вашей болезни, привезенной из Неаполя. Это не тоска по Неаполю, это, надеюсь, только воздействие макарон на еще не закаленный желудок. Кухня Сен-При быстро вылечит Вас. Во время Вашей поездки Ваша мама проводила свои дни в том, что представляла себе, что ее любимого сына убил Гарибальди, либо что он упал с самого высокого карниза св. Петра, либо что его растерзали львы, буйволы или римские дамы. Ох уж это материнское воображение! Самое худшее из всех ее опасений — это тревога о Вашей будущности. Она приучила себя к мысли, что Вы поступите в банк Пиле и в положенное время выйдете оттуда законченным, но честным банкиром. Мне же тогда очень понравилось Ваше решение этого вопроса, и я почти рассердился на Вас, что Вы его не выполнили. Но в конце концов совершенно безразлично, какую профессию Вы выберете, лишь бы Вы вообще избрали ее. В наше счастливое время это неизбежно, жизнь праздную я считаю дурной и опасной. Я знаю, что Вы и не собираетесь

так жить, но человеку в Вашем возрасте, если у него есть свободные деньги и ярко выраженные чувственные влечения, недостаточно желать работать, надо поставить себя в такие условия, чтобы работа стала необходимой. Читая какого-нибудь Сенеку, Вы твердо решаете, что будете изучать его, но если в это время у Вас в голове мелькнет воспоминание о какой-нибудь юбке, Вы тут же бросите философию, чтобы проверить, что там, под этой юбкой. Вы можете прочесть у Саллюстия, что Катилина, который не был трусом, убил свою лошадь перед тем, как дать сражение Шангарнье того времени; он очень хорошо понимал, что невозможность побега надежнее, чем нежелание его. Послушайтесь меня и, пока Вы находитесь в одиночестве, обдумайте хорошенько, что Вы собираетесь делать. Проверьте себя, взвесьте все «за» и «против», выберите наконец и тогда непоколебимо продолжайте начатое. <...> поверьте, что какова бы ни была выбранная Вами профессия, Вы никогда не умрете с голоду. Мне говорили, что Вам хотелось стать дипломатом. Это было бы великолепно, если бы Вы были англичанином, потому что Вы представляли бы великую нацию, но министру Французской республики придется долго еще играть жалкую роль в Европе. Ученичество же там не более интересно, чем в банкирском доме Пиле, Уил и К^о. В течение многих лет надо будет строчить никому не нужные бумажки и списывать цифры. Выкуривать пропавшие сигары, большею частью — лучшего качества, чем наши, но находиться в весьма посредственном и не очень забавном обществе. Секретари посольства, которых я знавал, разделяются на две категории: одни поднимают веер жены посланника и кормят сухариками ее собачку, сдувают пылинки с костюма посланника и всячески выражают ему свою преданность; вторые находят, что посланница — дура, посланник — скотина, и жалуются, что на обедах им достаются одни куриные лапки. Вознаграждают они себя тем, что погрязают в пороках и начинают играть в ландскнехта. Я понимаю, что *in medio virtus* *. Будучи дипломатом, можно и работать, и учиться, и продвигаться, не делая подлостей. Можно написать такие же хорошие мемуары, как принц Альберт, только

* Добродетель — посредине (лат.).

без его педантства. Но как бы Вы ни старались, Вам всегда грозит опасность, после того как из Вас вымотали все жилы, очутиться без работы, уступив свое место какому-нибудь депутату, красному или белому. Все это я говорю не для того, чтобы отвратить Вас от дипломатической карьеры, но чтобы предостеречь от возможных опасностей. Если будете стараться, то непременно выдвинетесь, так как основное свойство наших дипломатов — лень. Прощайте, мой милый Эдуар! Я хотел только поблагодарить Вас за Ваше письмо и не заметил, как прочитал целую проповедь, но у Вас такие широкие возможности, что было бы обидно не извлечь из них пользы и удовольствоваться связями с лоретками и утолять свое честолюбие в Джокей-клубе. Засвидетельствуйте мое глубокое уважение г-же де В<алон>. Я не теряю надежды встретиться с ней в Сен-При в конце сентября.

46. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛАГРЕНЕ

Париж, 31 августа <1849>.

Сударыня,

Я бесконечно давно собираюсь написать Вам, а потом вдруг чувствую себя таким дураком, что теряю смелость. К тому же я очень болен. Боюсь, что стану параликом и в результате гражданином республики покойников, так как, не опиваясь мансанильей и не куря опиума, я стал очень плохо видеть. У меня постоянная головная боль, я чахну на глазах. Через несколько дней собираюсь отправиться в небольшое путешествие по Лангедоку. Надеюсь в начале октября снова встретиться с Вами в Париже и возобновить занятия русским языком. С этой целью я только что прочел *Бориса Годунова* Пушкина, который мне очень нравится, хотя в нем слишком чувствуется подражание *Гецу фон Берлихингену*. Это вызвало у меня желание прочитать у Карамзина историю *Лжедмитрия*, и мне показалось, что он ее очень плохо написал. Наконец, я решил прочесть воспоминания французского авантюриста, капитана *Маржерета*, который состоял сначала на службе у Бориса, а потом у *Дмитрия*. Мне они показались очень забавными. Вы их читали? Такое длинное вступление понадобилось мне, чтобы спросить у Вас, что такое *день Юреф* или *Юрес*. О нем упоминается в драме Пушкина два раза, а в моем словаре я не нашел объяснения. По-видимому, это такой же скучный день, как *четверть часа Рабле*, потому что *Гришка Отрепьев* в тот момент, когда его задерживают *Борисовы сыщики*, восклицает (про себя): «*Вот тебе, бабушка, Юрьев день*». Дальше враг Бориса, *Пушкин*, говорит о нем: «*Вот, Юрьев день задумал уничтожить*»*.

* Слова, здесь и далее набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

Наконец, еще дальше: «*Попробуй самозванец им посулить старинный Юрьев день, так и пойдет потеха*». Я не понимаю, как одно и то же выражение может быть употреблено в совершенно разных обстоятельствах.

В Париже осталась только мад<муазель> де М<онтихо> Е<вгения>; она старается наносить публично всяческого рода оскорбления нашему другу О<суне>, а он относится к этому довольно спокойно. Иногда мне кажется, что дело сладится, иногда — нет. Несомненно одно, что, если бы она захотела, все было бы решено. Но ей нравится злить его. Дюшатель либо еще в Париже, либо был здесь, потому что вчера он должен был уехать. Он привез двух англичанок; у одной из них естественно подкрашены глаза; по черноте и выразительности они превзошли все, что я видел в Испании и в Малой Азии. Все парижские неудачники, которые еще держатся на поверхности, потеряли из-за них покой. Как человек благоразумный, я принял меры, чтобы с ними встретиться только на юге, где они произведут такие же разрушения.

Я получил письмо от г-на де Л<агрене> с очень неразборчивым названием какого-то местечка близ Сен-и-Марн. Я сделал факсимильную копию, и почта, которая разбирает все, очевидно, разобрала и это, потому что в ответ я получил письмо из Перонны от одного друга г-на де Л<агрене>. Я полагаю, что г-н де Л<агрене> где-то далеко гоняется за зайцами или, поедая амьенские паштеты, произносит речи перед своими избирателями. Мне кажется, что наши дела плохи. Говорят, что социалисты добились огромных успехов среди крестьян. На восемьдесят шесть префектов приходится около восьмидесяти никуда не годных. Не вижу средства спасения. Считают, что Паскевич слишком поэтически выражается: «Венгрия у ваших ног». Хорошо только, что это приводит в бешенство немцев. Прощайте, сударыня, прошу принять изъявление моего глубокого уважения.

П. М.

47. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

Париж, 31 августа <1849>, день получения
Вашего почтенного послания, помеченного
Гранадой.

Я догадывался, мой милый друг, что Вы увлечены какой-нибудь андалусской, и не беспокоился о Вас. Но Ваше письмо меня встревожило, и я опасюсь, как бы Ваша поездка верхом в Валенсию не закончилась самыми поэтическими приключениями, то есть встречами с *caballeros**, которые сначала отрежут Вам уши, а потом перережут горло. Я даже не знаю, стоит ли Вам писать, так как боюсь, что моя проза пропадет. Пишу на всякий случай: может быть, письмо попадет к Вам, а может быть, к Вашим праотцам. Вы правы, что Испания испорчена тем, что там ввели в моду шляпы и изгнали монахов. Я вижу, у Вас хороший вкус, Вам нравится всякая сволочь. В Андалусии она очаровательна, у нее превосходные манеры. Когда социалисты уничтожат академию, я буду просить милостыню в Эсихе. Я прочитал окончание (русское) Вашего письма и понял его. Так начинается одно арабское письмо, но труднее всего было расшифровать Ваши величественно-небрежные буквы, которые Вы не потрудились ради меня вывести отчетливо. Вы пишете совершенно одинаково и, н, ш и т, так что, не будь я настоящим Эдипом, я ничего бы не понял. Как Вы с Вашей опытностью еще верите газетным сообщениям? Как Вы могли предположить, что я буду писать о Пушкине не под Вашу диктовку? Просто-напросто я перевел повесть П<ушкина> *Пиковая дама*. Кажется, она понравилась. Я нахожу, что фраза у П<ушкина> совершенно французская — я имею в виду французский язык XVIII

* Дворянчиками (исп.).

века, потому что теперь так просто уже не пишут. Иногда я задаю себе вопрос: может быть, вы бояре*, сначала думаете по-французски, а потом уже пишете по-русски? Существует ли книга, написанная по-русски до того, как русские узнали французский язык? Мне говорили об одном замечательном сборнике народных стихотворений. Когда будете возвращаться из чужи в очизну**, пришлите мне стихотворения мужиков и не забудьте, что обещали прислать мне шкуру. Я прочитал *Евгения Онегина*; по-моему, он слегка растянут. Есть удивительные места, но я не принимаю его постоянных отступлений. Этому изобретению Рабле слишком часто подражают. *Цыганы**** мне представляются шедевром. Я очень люблю *Бориса Годунова*. Из-за этого я решил прочитать Карамзина. У нас в институте есть только один французский перевод, дрянной перевод, но история Карамзина, на мой взгляд, и не стоит лучшего. Кажется, нельзя быть более тяжеловесным, более добродетельным, более плоским и более посредственным. Я говорю лишь о том эпизоде, который читал, то есть о Лжедмитрии. После этого Ландрес (он шлет Вам сердечнейший привет) дал мне воспоминания капитана Маржерета — подлинное издание 1607 года, которое этот изверг купил за 15 сантимов, — повесьтесь! Это просто восхитительно! Вы слышали об этой книге? В Барселоне Вы достанете старинные книги, советую обратиться к Бофарулю, — помнится, я давал Вам письмо к нему. Если нет, то найдите в Барселоне Хосе Ксифре (*hijo*)****, которого Вы как будто знаете; если не знаете, то скажите, что Вы от меня; всякий покажет Вам его дом, только *po se equivoque V******, не обращайтесь к отцу: я у него на дурном счету. Если будете возвращаться из Барселоны сушей (это будет удобный случай для *trabucaires******), чтобы отрезать то, что у Вас осталось от ушей), мы могли бы, пожалуй, встретиться где-нибудь в Лангедоке, — я пробуду там весь сентябрь.

* Это слово Мериме написал по-русски.

** Так у Мериме.

*** Это слово Мериме написал по-русски.

**** Сына (*исп.*).

***** Не ошибитесь (*исп.*).

***** Мушкетеров (*исп.*).

Пришлите мне Ваш маршрут в Бордо, до востребования.

<...>

Я одобряю Вашу любовь к Мурильо, но Веласкес, по моему, несравненно более великий художник. Заметьте, дикий славянин, что у Мурильо Вы любуетесь не художником, но поэтом. А нужно, чтобы каждый делал свое дело. Кстати о поэзии. Я нахожу, что граф Паскевич весьма поэтичен: «Ваше Величество! Венгрия у ваших ног». Австрийцы за это испытывают к нему такую же признательность, как когда-то к Собесскому. Прощайте. Остерегайтесь некоего маркиза, который слоняется в Барселоне по Рамбла и упражняется в почетном ремесле сводника. Кс<ифре> покажет Вам все, что там есть хорошего. Это не так много. Среди произведений Пушкина я нашел мое письмо к Вам и переведенную часть *Гузлы* Переведя *Пиковую даму*, я уплатил долг вежливости.

Искренне и дружески Ваш

Пр. М.

1850

48. ЖЕННИ ДАКЕН

Лондон, 1 июня 1850.

Если я не писал Вам до сих пор, то это потому, что, вынужденный проезжать в день по десять миль, я тотчас засыпал, стоило мне сесть за письменный стол. О моих дорожных впечатлениях распространяться не стану, скажу только, что, бесспорно, англичане дураки каждый в отдельности, а вкуче народ преотличный. Все, что можно сделать при помощи денег, здравого смысла и упорства, они делают, но в искусстве они понимают не больше моего кота. Здесь можно увидеть непальских раджей, которые вскружили бы Вам голову. Они носят плоские чалмы, окаймленные подвесками из крупных изумрудов, а одежда их сплошь кашемир, шелк, жемчуг и золото! Кожа у них цвета кофе с молоком очень темного оттенка. На вид они добродушны и, кажется, неглупы.

В этом месте мне помешал приход посетителя, и я смог восстановить прерванную нить мыслей только нынче, 2 июня, в воскресенье. Мы едем в Хэмтон-Корт, дабы избежать соблазна покончить жизнь самоубийством, ибо по случаю воскресного отдыха такая опасность, несомненно, грозила бы нам. Вчера я обедал с епископом и *dean*'ом*, что сильно укрепило мою тягу к социализму. Епископ принадлежит к школе, которую немцы называют рационалистической; он не верит даже в то, чему поучает, и благодаря своему черному граденаплевому фартуку загребает ежегодно пять-шесть тысяч фунтов стерлингов, а время проводит за чтением древних греков. К тому же я схватил насморк, так что пребываю в крайнем

* Настоятелем собора (англ.).

унынии. Под предлогом, что на дворе июнь, меня подвергают вредоносному действию сквозняков. Все женщины кажутся мне восковыми куклами. Они нацепляют *bustles* (турнюры) таких размеров, что больше одной женщины на тротуаре Риджент-стрит не помещается. Вчерашнее утро я провел в новом здании Палаты общин. Чудовищное уродство! Мы доселе и вообразить не могли, что можно соорудить на два миллиона фунтов стерлингов при полном отсутствии вкуса. Я боюсь стать ярым социалистом, поглощая чрезмерно сытные обеды с золоченых тарелок и глядя на людей, которые выигрывают сто сорок тысяч фунтов на скачках в Ипсومه. Но покамест мало вероятия, чтобы здесь разразилась революция. Мы, привыкшие к демократическому образу мыслей, просто изумляемся раболепству здешних бедняков. Каждый день мы видим сему новые примеры. Вся загвоздка в том, не счастливее ли они наших? Пишите мне в Линкольн, до востребования. Линкольн — это, кажется, в Линкольншире, но не ручаюсь.

49. ШАРЛЮ ЛЕНОРМАНУ

<24 ноября 1850>

Дорогой коллега,

Когда Бейль был консулом в Чивита-Веккья, ему удалось благодаря доверию, которым он пользовался в Риме, получить списки с хранящихся в неприступных архивах Ватикана некоторых итальянских манускриптов XV и XVII веков; это по преимуществу рассказы о необычайных приключениях, о более или менее скандальных судебных делах и т. д. Они составляют 14 толстых томов инфолио, переписанных превосходным итальянским письмом. Эти 14 томов и несколько неразборчивых рукописей — вот все, что Бейль оставил своей сестре, особе весьма достойной, очень старой и полуслепой. Мы пытаемся продать эти манускрипты, чтобы дать средства к существованию этой бедной женщине. Александр Дюма предлагал заплатить за них пятнадцать или восемнадцать тысяч франков, но векселями, из-за этого сделка не состоялась. Я подумал, что, быть может, они подойдут библиотеке. Это было бы доброе дело. Если Вы считаете, что имеет смысл предложить их хранилищу, я распоряжусь, чтобы Вам прислали несколько томов.

Кстати, у меня объявился родственник — троюродный брат по фамилии Лефевр-Мериме. Он родом из Рюфека, но он не пирожник, а переплетчик. Он просил меня рекомендовать его в библиотеку. Я отвечал ему, что там имеется дипломированный переплетчик, но что, может быть, срочные заказы отдают на сторону. Я посоветовал ему приготовить образцы своего мастерства, и если это Вас не слишком затруднит, я Вам их пришлю. Заметьте: я его знать не знаю, но он мне родня.

Всего Вам доброго.

Пр. Мериме.

50. ГОСПОЖЕ ДЕ СИРКУР

<26 декабря 1850>

Милостивая государыня,

Боюсь, что г-н Гоголь не отнесется столь благосклонно, как Вы полагаете, к моей попытке получить его комедию *Ревизор* и вместо того, чтобы счесть это данью уважения его таланту, заподозрит меня в умысле, выражаясь академическим слогом, что-то выудить у него. Тем не менее если переговоры состоятся по Вашему почину и под Вашим покровительством, то они не могут не увенчаться успехом, но я хочу быть уверен, что это не доставит Вам ни малейшего беспокойства, — разве только прибавит постскриптум, когда будете писать к Вашим петербургским корреспондентам.

Я буду очень счастлив начать год на улице де Сосе. Обычно его начинают с официальных визитов, и если я вступлю в год 1851-й в таком любезном обществе, я почти это добрым предзнаменованием.

Примите, милостивая государыня, выражение моего глубочайшего уважения.

Пр. Мериме.

Четверг утром.

1851

51. Л. С. ПУШКИНУ

Париж, 18 ул. Жакоб.
19 августа <1851>.

Милостивый государь,

Министерство внутренних дел сообщило мне, что так как г-н Тургенев не значится в списке политических эмигрантов, то адрес его неизвестен, и следует обратиться в префектуру полиции. Однако там предполагают, что Вы сможете узнать, где он живет, на его последней парижской квартире — Новая Люксембургская ул., № 14. Как только я получу более точные сведения, я незамедлительно сообщу их Вам.

Я прочел несколько мест из *Илиады*, мне кажется, что они переведены необычайно верно. Тем не менее мне хочется поставить автору в упрек некоторые слова, показавшиеся мне слишком современными, но, может быть, это происходит оттого, что я неправильно сужу о русских словах. С тех пор, как я заставил человека затянуть пояс вместо того, чтобы затянуться дымом, я крайне недоверчиво отношусь к своим толкованиям.

Примите, милостивый государь, уверения в моем глубоким уважении.

Пр. Мериме.

52. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛАГРЕНЕ

Понедельник, 22 сент<ября> 1851.

Милостивая государыня,

Спешу поблагодарить Вас из Трувиля за любезное, но уже давнее письмо, которое я нашел по возвращении из моих археологических странствий. Я привез с собой основательный насморк и по сему случаю очень нуждаюсь в *пих vomica* *. Итак, готовьтесь по приезде приступить к моему лечению. Какая ужасная стоит погода! Картофель болеет, виноград болеет, свекла болеет. Оказалось сверх того, что во всей средней полосе Франции еще какие-то твари подтачивают дубы. Как Вы думаете, не предвещает ли все это светопреставления? Впрочем, сдается мне, что оно пришлось бы кстати для грядущего 1852 года. Я даже полагаю, что для нас это единственный вполне удачный выход из положения. Я встречаю людей, которые уверяют меня, что князь де Жуанвиль дал согласие выставить свою кандидатуру и что на то у них имеются доказательства; другие говорят, что он и слышать об этом не хочет и что в этом нет никаких сомнений. Располагаете ли Вы достоверными сведениями? В таком случае не откажите поделиться с нами. Этой зимой у нас всюду возникнут свои малые жаке-рии, особенно если усугубится нужда, чего непременно следует ожидать. В провинции я не застал сколько-нибудь заметного беспокойства, добрые люди трусят ничуть не меньше, чем всегда. Видимо, я поступил очень неловко и глупо по отношению к соседке г-жи де Б<уань>, но зачем писать поэтическим слогом ко мне,

* Рвотный орешек (стрихнин) (лат.).

когда я ничего не смыслю в стихах? Кроме того, Гомер, который наделил море сотней с лишним эпитетов: грозно-гремящее, многопенное, божественное и т. д., — ни разу не вздумал назвать его именитым. Правда, это прилагательное как нельзя лучше подходит к княгине Ливен?

Прощайте, милостивая государыня. Знайте, что я закончил историю Димитрия и принимаюсь за писанину о Гоголе, которую имел неосторожность обещать Бюло. Так как мне придется перевести несколько мест из *Мертвых душ* и *Ревизора*, то я рассчитываю на Вас в смысле исправления ошибок. Кстати, о переводах. Г-н Пушкин сказал мне, что я внес бессмыслицу в *Пиковую даму*. Он *затянулся** — я перевел: затянул пояс. Оказывается, *затянуться* на языке русских офицеров — значит вдохнуть табачный дым. Надеюсь, Вам это было так же неведомо, как и мне. Прощайте, милостивая государыня, свидетельствую Вам мое нижайшее почтение и прошу напомнить обо мне Вашим милым соседям и соседкам. Это не относится к именитой соседке.

Пр. Мериме.

* Слова, здесь и далее набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

1854

53. ЭРНЕСТУ ШАРЬЕРУ

Суббота, 20 мая 1854.

Милостивый государь,

Я с большим интересом прочел Ваш перевод *Записок охотника* и весьма благодарен за то, что Вы познакомили меня с таким замечательным произведением. Очень сожалею, что не имею возможности обратить внимание императора на Вашу книгу. Я редко удостоиваюсь чести видеть его величество и еще реже — беседовать с ним. Если не ошибаюсь, преподносить его величеству посвященные ему книги надлежит первому камергеру. Я, если смогу, рад буду своим свидетельством содействовать благосклонному приему *Записок охотника*. Я намерен, как только найду немного досуга, опубликовать в *Рею де де Монд* разбор книги, в котором я скажу о ней все то хорошее, что я о ней думаю.

Примите, милостивый государь, изъявление моей благодарности и глубочайшего уважения.

Пр. Мериме.

54. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 2 августа вечером, 1854.

Я приехал сюда нынче утром разбитый, недовольный, хворый и грустный. Никак не проходит боль в боку и груди, которая мешает мне улечься поудобнее и уснуть. Позавчера я приехал в Кан в самый день заседания. Я повидал секретаря и принял все меры к тому, чтобы избежать официальных визитов. В три часа я вошел в актовую залу Училища правоведения и застал там восемнадцать — двадцать женщин, восседавших на трибуне, и сотни две мужчин с такими же физиономиями, какие, по всей видимости, можно найти в любом другом городе; тишина стояла изумительная. Я отбарабанил свою речь без малейшего волнения, и мне вежливо похлопали. Заседание длилось еще полтора часа и закончилось не слишком плохими стихами, которые прочел горбун ростом в два с половиной фута. Тотчас же городские чиновники увели меня в ратушу, там в мою честь был дан обед, занявший всего два часа и за которым нас потчевали отменной рыбой и восхитительными омарами. Я думал, что уже отделался, но тут поднялся президент антиквариев, и все встали вслед за ним. Взяв слово, он предложил выпить за мое здоровье, поскольку я примечателен в трех отношениях, а именно: как сенатор, как писатель и как ученый. Нас разделял только стол, и мне очень хотелось запустить ему в голову блюдо с ромовым желе. Пока он говорил, я обдумывал свой ответ, но не мог сочинить ни слова. Когда он умолк, я понял, что отвечать необходимо, и произнес начало фразы, не зная, чем ее закончу. Так я ораторствовал минут пять с большим апломбом, почти не отдавая себе отчета в том, что говорю. Меня уверяли, что я был весь-

ма красноречив, но и этим дело не кончилось. Мэр зарканил меня и повел на концерт, который давали в пользу бедных патрона и патронессы из Филармонического общества. Меня посадили в кресло и выставили напоказ великому множеству хорошо одетых мужчин, хорошеньких, беленьких женщин, разряженных, как в Париже, с той лишь разницей, что плечи у них были не так оголены да на ногах — к бальному платью — красовались темные башмачки. Пели очень плохо и только арии из комических опер; затем крупная, нарядная женщина из высшего круга собирала деньги в хрустальную чашу. Я дал ей двадцать франков, за что был вознагражден милостивейшим поклоном. В полночь меня привели домой, спал я очень плохо, вернее, вовсе не спал. Наутро в восемь часов за мной пришли — председательствовать на заседании (не политическом), и я выслушал протокол вчерашнего заседания, где было сказано, что я говорил весьма красноречиво. Я произнес спич, требуя, чтобы всякая аттестация была изъята из протокола, но тщетно. Наконец я сел в почтовую карету, и вот я здесь: все было бы хорошо, если бы я мог провести с Вами денек, дабы прийти в себя. Я не верю Вашим отговоркам. Я полон сомнений и печали. Мой министр хочет, чтобы я поехал на Мюнхенскую выставку. У меня особенной охоты нет; но куда ехать в этом году, если не в Германию? Прощайте; я люблю Вас, что бы Вы ни делали, и, по моему, это должно бы немного сильнее трогать Вас. Письма посылайте мне, во всяком случае, сюда.

1855

55. МИССИС СЕНИОР.

Париж, 52, ул. Лиль, 23 марта 1855.

Милостивая государыня,

Я прочел *Руфь*; более того, я видел автора, — г-жа Мооль приведет ее завтра ко мне пить китайский чай. Должен Вам сказать, что я обладаю несчастной способностью ближе принимать к сердцу прочитанное в книге, нежели подлинное происшествие или даже пьесу, сыгранную на театре. Я предпочел бы, чтобы рядом со мной умирал человек, чем читать описание смерти героини, в особенности, если на ее долю не выпало хоть немного радостей. Поэтому я читал *Руфь* с некоторой досадой и преимущественно для того, чтобы не ослушаться Вашего повеления. Развязку я предугадал с первой страницы. Много таланту и даже натуральности. Характеры, по крайней мере те, о которых могу судить, на мой взгляд, верны и хорошо очерчены. Одним словом, это очень хорошо, но хотите выслушать мою критику? Почему *Руфь* несчастна? Не потому, что она произвела на свет ребенка, а потому, что была слишком бедна, чтобы позволить себе такую прихоть. Дайте ей пятьсот фунтов стерлингов, и она уедет во Францию, где все будут ее любить и ублажать, как она того заслуживает. В вашем английском обществе и, надо сознаться, почти в любом обществе злополучие — это всегда такое состояние, из которого легко выйти, были бы деньги, но их-то и нет. Я не говорю, конечно, о случаях роковых. Можно потерять ребенка или возлюбленного. Это удары судьбы, а не длительные муки, не клеймо позора, которое тяготее над человеком зависимым. Из *Руфи* ничего нельзя заключить, разве только, что крайне опро-

метчиво иметь ребенка, если нечем прокормить его. Вы думаете, что для замужней женщины это меньшее несчастье? Позвольте рассказать Вам одну историю. В Испании, где солнце палит, как черт, у девиц это тоже бывает (не солнце и не черт, а младенцы). Я имею в виду девиц из почтенных семейств. В Испании люди столь снисходительны, что выпутаться из беды нетрудно. *Criatura* (новорожденный младенец) вручается преданной горничной, и та ночью кладет его на порог какого-нибудь вельможи, затем звонит и удирает. Швейцар поднимает ребенка, относит его барыне; барыня, пошептав молитву, велит крестить ребенка (весьма похвальная предосторожность) и почти всегда оставляет его у себя. Графиня де М<онтихо> получила два таких подарка и дала им вполне приличное воспитание. Из одного вышел довольно плохой поэт, из другого — очень дельный военный инженер. Поэта я знал еще маленьким мальчиком. Глаза у него такие черные, что зрачок и радужная оболочка сливаются; это редкость даже в Испании. Госпожа де М<онтихо> весьма неосмотрительно рассказала мне, что есть основания предполагать, будто мать этого ребенка — девица из Гранады, никогда не видевшая сына. Несколько дней спустя, когда мы были в Мадриде, к графине является дама из Гранады, вышедшая замуж года три-четыре назад. Не успел я взглянуть на нее, как узнал эти бесовские черные глаза и позволил себе злую выходку: за спиной гостьи скорчил страшную рожу, дабы показать г-же де М<онтихо>, что меня не проведешь. Но двусмысленность положения усугубилась: мальчик, которому было лет семь-восемь, пулей влетает в комнату, не обращая внимания на родную мать, а та со своей стороны и бровью не повела. Мы с г-жой де М<онтихо> чувствовали себя очень неловко, ожидая тягостной сцены. Но у вас, женщин, когда нужно, нервы крепче железа, хоть вы и способны упасть в обморок при виде паука. Мы несколько успокоились, но невольно поглядывали то на глаза матери, то на глаза сына. Г-жа де М<онтихо> ненадолго вышла из комнаты. Тогда мать ребенка совершенно спокойно спросила его: *Со то te llamas, hijo?* (Как тебя зовут, сынок?). Но в Испании всем детям говорят «сынок». Вскоре она ушла и больше не появлялась. Сходство в самом деле было угрожаю-

шим. Как, по-Вашему, нет ли здесь темы для небольшой повести? Дарю ее Вам. Миссис Гаскелл рассказала мне, что *Руфь* публично предали сожжению во имя нравственности. Это достойно ваших пуритан. Надо надеяться, что от общения с зуавами, законченными философами, с них немного слиняет их пресловутый *cant* *.

Я уныл, словно ночной колпак, и страшно тоскую. Мир мне несносен, не знаю, что с собой делать. Кажется, у меня на свете не осталось ни одного друга. Я потерял всех, кого любил,—они либо умерли, либо переменились. Будь это возможно, я удочерил бы девочку, но наш мир и особенно мое отечество столь ненадежны, что я не смею позволить себе такую роскошь. Как живет господину Сениору среди дикарей? Он ест зеленый горошек и свежие артишоки, но я сомневаюсь, чтобы он нашел, с кем поговорить, общаясь с арабами и нашими офицерами. Как поделиться мыслями в Алжире? Правда, это всюду трудно. Вы сделаете доброе дело, если в дождливый день напишете мне и присоветуете какое-нибудь занятие, а кстати, сообщите свое мнение о романе мисс Джюсбери под названием *Мэриен Уизерс*. Меня он позабавил. Там рассказывается о молодом человеке, который, хоть и повеса, искренне влюблен в скучающую знатную даму и кружит ей голову. Так бывает в Англии? Некогда у нас это была не редкость, но нынче молодые люди уже не думают о женщинах, они любят только карты, *id est* ** — деньги. Прощайте, милостивая государыня, примите свидетельство моего глубочайшего уважения.

P. S. На Всемирную выставку приедете?

* Ханжество, лицемерие (англ.).

** То есть (лат.).

56. МИССИС СЕНИОР

Париж, 10 апреля 185<5>.

Хотя Вы, милостивая государыня, пишете на розовой бумаге, Вы ухитряетесь наговорить мне уйму оскорбительных слов по поводу моего пола и украшения оно́го — меня самого. Одно только место в Вашем письме восхитило меня, там, где Вы пишете, что для того, чтобы быть любимым, вовсе не требуется быть молодым. Будь я в Лондоне, я тотчас упал бы к Вашим ногам, объяснился в любви, Вы засмеялись бы мне в лицо, и я пошел бы топиться в Серпентину, каковую провидение нарочно поместило по соседству с Кенсингтоном, дабы принимать в свои объятия несчастных, коим Вы разбиваете сердца. Расстояние, разделяющее нас, вынуждает меня отложить объяснения и прыжок в воду. А покамест, умоляю Вас, не думайте, что письма докучают мне. Разумеется, есть письма и письма, и за свои грехи я иной раз получаю такие, что меня одолевает зевота. Ваши письма могут бесить меня, но и они всегда желанны. Вы спрашиваете мое мнение о миссис Гаскелл? Должно быть, она была очень недурна, по ее дочери можно судить о ее наружности в прошлом; на мой взгляд, у обеих один и тот же недостаток — лица у них плаксивые. Это не меланхолия: глядя на миссис Гаскелл, так и кажется, что она только что разбила севрскую вазу. На днях она пила у меня чай вместе с г-жой Мооль и не проронила и трех слов. Я со своей стороны был во власти *blue devils**, и мы расстались, вероятно, злясь друг на друга. Не знаю, с чего Вы взяли, что я насмешник. Я всегда последним замечая комическое в людях, но, к несчастью, не умею

* Дурного настроения (англ.).

относиться без предубеждения к их внешности, манере одеваться и т. д., и я способен прожить пятьдесят лет бок о бок с человеком, чей нос противоречил бы моим принципам, ни разу не заговорив с ним. Из-за этой моей черты я нажил немало врагов. Остальных приобрел тем, что был чересчур откровенен. А засим рад сообщить Вам, что невозможно иметь друга одного с тобой пола и дьявольски трудно иметь друга противоположного пола, ибо тут без дьявола не обойдется. Впрочем, два друга у меня, кажется, были. Одна из них умерла десять лет тому назад. Другая живет в Испании. Именно потому, что первое невозможно, а второе трудно, мне и хочется иметь подле себя девочку, но кто поручится, что через несколько лет маленькая негодница не влюбится в какого-нибудь кобеля и не бросит меня? Быть может, Вы недостаточно искушены в знании человеческого сердца, чтобы без моей помощи уразуметь, почему нельзя иметь друга одного с тобой пола. Причина в том, что нас распирает тщеславие и мы всегда хотим казаться *manly* *. Но время от времени наши души необычайно мелеют. Если сознаться в этом перед мужчиной, как бы не пришлось перерезать друг другу горло от страха, что он станет презирать тебя, или — что одно и то же — от страха, что тебе покажется, будто он тебя презирает. Иное дело с женщиной. Мы полагаем, что вы созданы природой не так, как мы, и перед вами мы меньше стыдимся своей низости: во-первых, потому, что низкие поступки мы совершаем преимущественно из-за вас; во-вторых, мы знаем, что вы слабы, и когда мы признаемся вам в своих слабостях, нам мерещится, что мы становимся вам душевно ближе. Из сего следует, что, будь я женщиной, я не позволил бы ни одному мужчине поцеловать даже ноготь моего мизинца.

Очень любопытно мне посмотреть картину, о которой Вы пишете. Боюсь, что художник не воздал Вам должное. Ведь так трудно написать хороший портрет женщины, сохранив ее обычное выражение безотчетного кокетства! Как может прийти на ум наделить женщину выражением, какого ты, может быть, никогда не видел! Несколько лет тому назад химики извлекли (для Вас)

* Настоящими мужчинами (англ.).

желтую краску из кадмия, в виде полужидкого золота, посредством которой можно было бы изобразить Ваши волосы. Все остальное в портрете внушает мне опасения. Ваше намерение поехать в Ричмонд, где Вы будете по воскресеньям любоваться кокни, сидящими с удочками или обедающими в обществе своих дражайших половинок, никуда не годно. Лучше приезжайте в Париж. Осенью я отправлюсь в Италию или Испанию, и если Вы пожелаете воспользоваться моей квартирой во время моей отлучки, я предоставляю ее Вам вместе с моими книжонками, при условии, однако, что Вы их не разворуете, не испортите мои трубки и будете заботиться о мерзком приبلудном коте, которого я приютил. Он белый с серым, до крайности безобразен, однако умен и скромнен. Но он видел только вульгарных людей и не знает светского обращения. Это печально. Я убежден, что некогда встретил в Испании женщину, наделенную всеми добродетелями и достоинствами, и не оценил ее потому, что она была не в ладах с грамматикой и лепетала бессвязный вздор. Прощайте, милостивая государыня, я замечая, что сам наговорил Вам немало вздору, и боюсь, Вы меня не простите, даже узнав, что у меня его было припасено много больше, однако я воздержался. К тому же у меня невралгические боли в глазу, и последние три дня я не полностью владею своими умственными способностями. Не читайте *Мэриен Уизерс*, — право же, это неважная книга. Мне она понравилась только тем, что показалась очень английской. Еще раз прощайте, милостивая государыня; врачи обнаружили, что самая упорная невралгия поддается действию присланной из-за моря розовой бумаги, украшенной притом милыми каракулями. Это очень полезно для глаз. Примите, милостивая государыня, выражение моего глубочайшего уважения

Пр. Мериме.

57. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

21 июня 1855.

Милостивая государыня,

Не пойму, как это г-же Ч<айлд> пришло в голову одолжить Вам мои романы и почему Вы их прочли, не предупредив меня. Среди написанного мною многое я охотно дал бы Вам прочесть, а есть и такое, что я предпочел бы не показывать Вам, тем более, что Вы очень мало меня знаете. Люди всегда склонны предполагать, будто автор думает то же, что говорят его герои. Относительно меня это глубокое заблуждение. В ответ на Вашу критику приношу повинную, а Ваши похвалы принимаю как свидетельство Вашего доброго мнения об авторе, а не об его писаниях. Одн<ако> несправедливо судить человека с точки зрения, на которую он и не думал становиться. Я никогда не притязал на роль блюстителя нравственности и не пытался писать ничего, кроме портретов. Смолоду я очень любил рассекать человеческие сердца, дабы посмотреть, что там внутри. Считаю долгом предупредить Вас, что это сказано фигурально. Таким способом я утолял свое любопытство, никому не причиняя вреда, в то же время извлекая для себя немалое удовольствие. Но я давно отказался от этого занятия. Помимо развлечения, доставляемого мне писанием, у меня своя цель. Я стремился к чему-то (безусловно, не к славе) и работал не для себя одного. Ныне, если бы я писал, то либо для себя, либо для публики. Первого теперь столь трудно развлечь, что не стоит и пытаться, а вторая, к несчастью, не пользуется у меня уважением. Вот почему я ничего не делаю. Впрочем, это не совсем верно. Я печатаю рассуждения о *Бароне де Фенесте*,— это гнусный памфлет, написанный протестантом XVII века, одним из остроумнейших и яз-

вительнейших людей своего времени, дедам очень злой женщины, которая Вам, быть может, по душе. Сообщаю это Вам, чтобы Вы не читали моего предисловия; впрочем, женщине нельзя читать это произведение, а интерес оно представляет только для тех, кто учится французскому языку, в чем Вам нет нужды. Я недавно воротился из Шинона. Тамошние жители, видимо, очень желают сохранить свой замок, лишь бы им это ничего не стоило. Они говорят, что он вот-вот обрушится на них, и они, безусловно, заслужили такую участь, ибо они содрали облицовку и понаделали себе крылечек. Тут не столько вандализма, сколько тяги к воровству. Я также видел облачение св. Мема, прескверно починенное. Сожалею, что не увез его для музея Ключни. В Юсе я не ездил, зато побывал в Шампиньи и в Комаке у г-на Люсакка, который выстроил себе такой готический замок, какого я даже в Англии не видел. Уверяют, что он обошелся ему в шестьсот тысяч франков. Я бежал из Орлеана, где меня хотели заставить смотреть трагедию, а вчера она была представлена семинаристами у моего коллеги епископа. Давали *Филоктета*, по-гречески, с хорами Мендельсона. У меня не хватило духу притвориться, что я понимаю, как это делают наши красавицы, восхищающиеся игрой Ристори. Не знаю, куда деваться летом. Я не прочь съездить в Швецию или в Сицилию, но мне нужен спутник, с которым я бы не соскучился. С самим собой мне убийственно скучно. Ваши друзья не пускают меня в Испанию, где я чувствую себя лучше всего. Они уже сжигают почтовые кареты, и я не сомневаюсь, что они очень скоро начнут сжигать проезжих. Если Вы знаете кого-нибудь, кто захотел бы взять на себя заботу обо мне и сопровождать меня в Палермо, я постараюсь быть как можно любезнее с ним и прочту ему курс археологии.

Свидетельствую Вам, милостивая государыня, мое глубочайшее уважение.

Пр. Мериме.

1856

58. МИССИС СЕНИОР

Париж, 16 февраля 1856.

Милостивая государыня,

Если бы мое сердце уже не принадлежало Вам, Вы завоевали бы его Вашим последним письмом и Вашей терпимостью к неаккуратной переписке. Вы сочувствуете лени и лентяям. Вы не обидчивы; так Вы, значит, совершенство? Впрочем, знаете ли Вы, что помешало мне ответить Вам тотчас по получении Вашего письма? Отнюдь не лень. Уступи я первому побуждению, Вам не миновать бы по меньшей мере десяти страниц моей выпреннейшей прозы. Дело в том, что я хотел обратиться к Вам с проповедью. Но я поразмыслил, что ремесло проповедника для меня несколько внове, и, быть может, я отчитал бы Вас слишком сурово, если бы сделал это под свежим впечатлением от Вашего письма. Теперь, когда я поостыл, я все выскажу Вам в трех словах: во-первых, я чрезвычайно рад, что Вы, вальсируя, сломали ногу своему кавалеру, потому что не одобряю вальса; во-вторых, мне очень не нравится, что Вы ухаживаете за больным, ибо Вы живете в стране, подчиненной условностям,— ханжеским, если угодно, но кои нужно соблюдать. *Dixi* *. Заметьте: я говорю это к своей невыгоде. Бесспорно, если бы я мог рассчитывать на такую сиделку, как Вы, я нарочно отправился бы в Лондон, дабы сломать себе ногу. Но я столь строгих нравственных правил, что не известил бы Вас об этом происшествии, случись оно в Лондоне. Вы, англичане, ужасные лицемеры, однако нужно соблюдать обычаи даже негод-

* Здесь в смысле: мое дело Вас предупредить (лат.).

ные; вот когда Вы будете в Испании — сделайте одолжение. Это страна свободы, где всяк делает что хочет, и там не возбраняется иметь доброе сердце. Здесь я умолкаю, чтобы не докучать Вам доле и немного похвалиться самим собой. Разве Вам некогда не сказали, что было бы весьма предосудительно остановиться у меня, хотя я находился в то время в четырехстах милях от Парижа? И откуда у меня столь завидная репутация? А вот откуда: когда я был молод, я не лицемерил и не заботился о том, что обо мне скажут. Есть люди, которых я никогда не видел и чье знакомство доставило бы мне, быть может, много радости, но они никогда не увидят меня, ибо вполне искренне считают меня существом безнравственным. Если бы я мог начать свою жизнь сначала, умудренный (уввы!) опытом, я поступал бы совсем иначе. Думается мне, что от этого я не стал бы хуже, а был бы счастливее. В свое время я начал писать роман, который посвящу Вам, если когда-нибудь кончу его. У него еще нет названия, потому что названия для моих книг сочиняет мой издатель, но его можно бы назвать *Беды чистосердечия*. Это рассказ о человеке, который открывает свою душу любимой женщине и тем самым убивает все ее иллюзии. Читали Вы когда-нибудь *Любовь Бейля*? Это небольшой томик, весьма своеобразный, но там есть очень верные наблюдения. Автор, чтобы объяснить одну из самых обычных примет любви, выдумал слово «кристаллизация». Если бросить персиковую ветвь в соляную копь, она покрывается сгустками соли, похожими на алмазы. Кора ветки исчезает под этими кристаллами. Точно так же воображение рисует влюбленному предмет его любви. Он покрыт алмазами, и подлинная его сущность не видна. Теперь в моде благоразумие и правдивость. У многих это лишней повод для лицемерия; у меня — просто лень, а у Вас — незнание человеческой глупости и злобы. Но, что бы там ни было, надо беречь эти драгоценные кристаллы, как зеницу ока. Однако, скажете Вы, разве не мучительно сознавать, что любят не тебя, а кого-то другого? Пусть это призрак, игра воображения, все же это не я. Милостивая государыня! Когда два «я» узнают друг друга, они уже не любят, или, что еще трагичнее, тот, который декристаллизовался, еще любит, а его — нет. Позвольте мне

пояснения ради, привести один пустяковый случай, касающийся меня лично; но, предупреждаю, случай слегка грешит против морали, хотя извлечь из него мораль можно.

Так вот: в дни моей молодости я был единственным (как я полагал) обладателем прелестнейшей ножки — обстоятельство само по себе весьма редкое, чему немало причин, перечисление коих заняло бы слишком много места. Видел я ее не иначе как обтянутой шелковым чулком. Я добился того, что чулок был снят. Подвязка оставила красный след, почти багровый; объяснялось это, вероятно, необычайной тонкостью кожи, но это было некрасиво. С той поры мне постоянно мерещился этот красный след под шелковым чулком. Судите сами, милостивая государыня, сколь велико было мое желание отчитать Вас, если, вопреки твердому решению, я не устоял перед соблазном. Не смею перечесть письмо и не знаю, пошлю ли Вам его. Впрочем, пошлю, ибо Вы простите мне все глупости и увидите только чувство искренней дружбы, подсказавшее их. Прощайте, милостивая государыня, напишите мне поскорей, что не сердитесь за то, что я проповедую лицемерие, тогда как сам лицемерить не умею вовсе. Повергните меня к стопам очаровательной переводчицы Наполеона.

59. ГОСПОЖЕ ДЕ БУАНЬ

Эдинбург, 26 июля 1856.

Милостивая государыня,

Труднее всего найти время написать письмо, когда бездельничаешь. Я возвращаюсь домой каждый раз такой усталый и разленившийся, что у меня не хватает духу взяться за перо. Я живу в великолепном замке гнуснейшей архитектуры среди упоительной природы, в четверти мили от последних диких быков Шотландии — совсем не страшных тварей для человека, выдавшего боевых быков Хереса. Беда в том, что на быков и на замок дует ветер с многочисленных фабрик, застилая все дымом, так что бездельник, приехавший в Гамильтон подышать воздухом, вынужден наполнять свои легкие смесью дождя и каменного угля. Все здесь поставлено на княжескую ногу. Имеются полотна Ван-Дейка, Рубенса, Веласкеса — на них указывают, но, поскольку они висят в простенках между двумя окнами, разглядеть их невозможно. Есть также библиотека, собранная тремя герцогами, множество книг красуется в переплетах работы де Ту, Лонжпьера, Гролье и других. Разумеется, их не читают и даже лишь смутно догадываются об их существовании. Однако теперешний герцог — человек просвещенный и большой любитель произведений искусства. Он покупает все: греческие урны, редкие книги, севрский фарфор, китайских болванчиков, — сваливает это добро в каком-нибудь закутке своего огромного замка и больше не вспоминает о нем. Я позволил себе крепко выбранить его за это, и он выслушал меня с примерным смирением.

Мы здесь составляем *a select party* *, в которое, помимо меня, входит княгиня Гогенцоллернская — сестра княгини Марии, очень любезная и глухая, и ее пятнадцатилетняя дочь, которая со слезами умиления говорит о лунном свете и о росе. Затем некий князь де Ваза, которого герцог именует свояком, — почему, я так и не понял, но решил, что спрашивать было бы *vulgar* **. Мы пьем, едим, глядим друг другу в глаза, но не веселимся ничуть. Мы отправились всем скопом — двадцать человек — осматривать замок Бофуел, расположенный по соседству с Гамильтонским. Битва у Бофуелского моста, описанная в *Пуританах*, произошла в парке владельца замка. Теперь эти развалины — утеха пейзажистов. Нет и никогда не было в этой стране архитектуры. Во время моего пребывания здесь я сделал открытие. Почему всюду хорошо принимают французов? Потому, что они стараются позабавить людей и позабавиться сами. По правде сказать, мне сдается, что в нашем кружке я забавнее всех, но мне самому донельзя скучно. Письмо это я начал в Гамильтонском замке, потом мне помешал *dinner bell* ***, и я заканчиваю его в Эдинбурге, от которого я в восхищении. Если бы эти чертовы эдинбуржцы не вздумали насаждать у себя греческое и итальянское зодчество, город их был бы просто очарователен. На беду им внушили, что он похож на Афины, и они пожелали иметь свой Парфенон, но денег не хватило. Тогда они возвели вокруг, без малейшего художественного чутья, другие памятники древности — рабские списки, никуда не годные. Затем на одном из самых красивых проспектов они водрузили Вальтера Скотта (он уже красуется на колонне под моим окном), снабдив его колпаком, возвышающимся на двенадцать футов над головой. Мне больше пришлись по вкусу кровать Марии Стюарт и следы крови Риччо, похожие на пятна

* Избранное общество (англ.).

** Неучтиво (англ.).

*** Звонок к обеду (англ.).

сажи. Я скоро поеду на озера. Меня хотят повезти в местечко, которое называется Гленнакуой, куда, как говорят, не проник обычай носить штаны. Потом я погощу денек-другой у леди Эшбертон, после чего, я думаю, с меня хватит туманов и *hodge podge* *. Я получил известие, глубоко огорчившее меня: мне сообщили, что Г<абриэль> Делесер серьезно пострадал на охоте.

Я надеялся получить здесь более точные сведения, но ничего не узнал.

Прощайте, милостивая государыня, не откажите напомнить обо мне господину к<анцлеру> и примите уверение в моем глубочайшем уважении.

П. М.

* Шотландское блюдо: рагу из нескольких сортов мяса (англ.).

60. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Париж, 29 окт<ября 1856>.

Милостивая государыня,

Вы расточаете мне столь незаслуженные похвалы, что я не дерзал Вам больше писать. Я ждал, когда меня осенит какая-нибудь гениальная мысль, чтобы поделиться ею с Вами. К сожалению, у меня вообще нет никаких мыслей. По-моему, я глупею с каждым днем. Ничто меня не влечет. *Man delights me not: nor woman neither* *. Знаете, как я пользуюсь здесь ясной погодой? Малюю. Может быть, по Вашем возвращении в Париж я Вас ознакомлю с моим талантом живописца. Хотел бы писать, но не могу. Вечерами сижу над статьей о Брантоме. Пишу о *Великих полководцах*. Прохожу три-четыре мили от письменного стола до моей библиотеки, чтобы сочинить несколько заметок исторического или лингвистического содержания. Только эти два предмета еще занимают меня; Вы сами видите, что я превратился в машину и отвык думать. Я знаю, какое лекарство Вы мне присоветуете. Но нет лекарств, целительных для всех. Мой желудок, сдается мне, схож с желудком Митридата. На протяжении пятнадцати лет у меня была цель — угождать одной особе. Я почитал себя счастливым, и мне казалось, что я достигаю цели. Я никогда в жизни не писал для публики, только для некой особы. В настоящее время я держу корректуру для переиздания некогда написанного мною вздора. По этому случаю меня непрерывно осаждают воспоминания. Это молодит меня и причиняет боль, потому что я читаю между строк. Прошло около трех лет с тех

* Мужчины не занимают меня и женщины тоже (англ.).

пор, как я лишился цели. Мне кажется, тут нет моей вины. Я так и не сумел ни узнать, ни догадаться, почему так получилось: ни одна из причин, которые обычно приводят к подобной развязке, здесь не подходит. Быть может, чрезмерная скука, скука, вызываемая мной? Поначалу горе мое было не так уж велико. Я смотрел на себя как на жертву несправедливости, и это давало мне опору. Я был словно Галилей, запертый в темнице со всей своей жаждой деятельности. Мало-помалу горе мое усилилось, потом я сделался *callous* * и по-настоящему глубоко несчастным.

Вы спросите, с какой стати я рассказываю Вам такую чепуху. Отвечаю: *primo* — мне некому больше рассказывать.

Я знаю со слов г-жи де Кастелан, что однажды, когда она была у князя Талейрана, кучер попросил князя выслушать его: «Ваше сиятельство! Помните черную собачонку, которая бежала впереди вашей кареты? Так вот, она сдохла. Мне, кроме вас, некому было здесь сказать об этом». Во-вторых, я хотел бы попросить у Вас совета. Что мне попытать: перемену места, житейскую суету или сделать над собой усилие и предаться занятиям умственным? Последние три-четыре дня глаза мои устремлены на Египет, или, вернее, один поглядывает в сторону Нила, а другой в сторону Мансанареса. В глубине души я уверен, что не поеду ни туда, ни сюда. Курить трубку или сигары — велика ли разница? Притом путешествовать одному — для меня мука. Может быть, лучше запереться здесь или на лоне природы и взять на себя какую-нибудь литературную работу, не слишком обременительную, поклявшись отдавать ей ежедневно столько-то часов. Словом, милостивая государыня, я хочу, чтобы Вы снабдили меня средством, которое помогло бы мне жить как разумное существо. Я открыл Вам свою тайну и я искренне надеюсь, что Вы научите меня, что мне делать в моем положении. Я читал и перечитывал Ваше письмо, за которое еще не поблагодарил Вас. В любой религии есть своя красота. У мусульман, к примеру, караван, возносящий молитву в пустыне, — что может быть торжественнее? Я нарочно ссылаюсь на худ-

* Черствым, бесчувственным (англ.).

шую из религий. Каждый раз, когда человек признает, сколь он ничтожен и убог, он воздействует на своего ближнего. Душа потрясена, словно видишь тяжелораненого. Молитва трогает меня, как изъявление горя. Я рад был бы сказать Вам, что верю в силу молитв. Говорил ли я Вам, что я проводил на пароход беднягу Чайлда и его детей? Думаю, что сегодня они прибыли в Нью-Йорк. Мистер Чайлд почтительнейше просил напомнить Вам о себе. Прощайте, милостивая государыня, не гневайтесь на мое письмо. Вы сами виноваты, ибо внушаете мне столь глубокое доверие, что я становлюсь назойлив, как кучер князя Талейрана. Если Вы по доброте своей мне ответите, что бы Вы ни написали, принесет мне утешение. Примите, милостивая государыня, свидетельство моего глубочайшего уважения.

Пр. Мериме.

Мне сказали, что зеленый цвет бумаги сохраняет зрение.

1857

61. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Париж, 18 февраля 1857.

Милостивая государыня, наконец-то я опять в Париже. Пришлось расстаться с чудесным солнцем и снежными вершинами гор. К счастью, я застал здесь весну и — к не меньшей моей радости — Ваше письмо. По своему обыкновению, не зная, на что решиться, и живя, как птичка на ветке, я не велел пересылать мне письма, адресованные в Париж, и мне мерещилось, будто я в письме из Ниццы просил Вас писать мне в Канн. Не получая от Вас вестей, я вообразил, что впал у Вас в немилость, ибо письмо (отправленное в Марсель), о котором Вы упоминаете, до меня не дошло. А между тем я заходил на почту, когда был там проездом, и оставил свой парижский адрес. Я восхищен своим путешествием. У меня было пять смертельных недугов, а осталось, кажется, всего четыре. Ревматические боли в плече, весьма докучавшие мне, исчезли, вероятно, под действием свежего воздуха. И видеть я стал лучше, так что на днях я вдруг спохватился, что пишу без очков. На другой же день по возвращении домой я принялся опять за известного Вам маленького Самуила, хоть он и показался мне изрядно подурневшим. Но вот он — более или менее конченный, недостойный быть преподнесенным Вам, но такой, каким сумели его сделать мои глаза и моя рука. Позвольте мне, ради более радушного приема, присовокупить к нему небольшой сувенир из Святой земли, который мне привез один из моих друзей — некий консул — и которому, несомненно, лучше находиться в Ваших руках, нежели в моих. Это несколько загладит ошибки живописца. Я получил весточку от мистера Чайлда. Он

здоров и не заикается о возвращении, хотя, видимо, грустит и скучает на родине. Он прислал мне восхитительное письмо одной американской мисс, весьма характерное для этой нации. Тому несколько месяцев я прочел очень любопытную книгу, переведенную с французского на английский некой мисс Мори, под названием *Memoirs of a huguenot family**. Это история священника из Сентонжа, которому удалось бежать после отмены Нантского эдикта и который обосновался в Англии. Это был большой оригинал, несомненно, более приспособленный к деятельности пирата, нежели проповедника евангелия. Поскольку он писал в XVII веке, я подумал, что стоило бы напечатать его мемуары в подлиннике, и попросил осведомиться у мисс Мори, не будет ли она против опубликования их на французском языке. Она отвечала мне обстоятельной сметой, где были проставлены суммы в франках, фунтах и динариях, без единого лишнего слова — образец позитивизма. Будь у меня деньги, я написал бы ей письмо с предложением руки и сердца, ибо убежден, что она управляла бы моим состоянием не хуже самого прожженного барышника. За два месяца, проведенных в Канн, я имел случай говорить по-французски всего раза три-четыре. Я жил среди англичан, весьма любезных, какими они умеют быть, когда пожелают. Здесь был сэр Дэвид Брюстер, известный физик, достаточно большой ученый, чтобы снизойти до таких невежд, как я, посвящая их в тысячу маленьких чудес по любому поводу. Мы совершали упоительные совместные прогулки. У него есть дочь, которая *видела* привидение. До сей поры я встречал только людей, которые знали тех, кто видел привидение. Хотя ее привидение живет в Шотландии, однако от нее, видимо, исходит некая сила, способная привлекать их, ибо ее слуга с месяц тому назад видел привидение в нашей Почтовой гостинице. То была женщина в черном шелковом платье; боязливо озираясь, она скользила по коридорам без малейшего шума и открывала все двери. Меня она не удостоила своим посещением. Почему жители севера видят больше призраков, чем южане, а протестанты больше, чем католики? Растолкуйте мне, почему в Италии, стране буйного во-

* Хроника семьи гугенотов (англ.).

ображения и бесчисленных суеверий, не бывает ни духов, ни *ghostseers* *, меж тем как в Англии нет ни одной мало-мальски родовитой семьи, которая не имела бы своего привидения? Читали Вы написанный мною рассказ о привидениях под названием *Венера Ильская*? По-моему, это мой шедевр. Г-жа де Кастелан думала так же, и это согласное мнение, мне кажется, положило начало более тесной дружбе между нами. Всегда вспоминаю о ней с живейшей печалью. У нее было чудесное сердце и ум, непрерывно воевавший со всем светом, кроме, быть может, одного человека, совершенно ее недостойного и которого я люто возненавидел после ее смерти. Мне кажется, будь я этим человеком, она бы сделала что-нибудь из меня. Я очень завидовал ему. Если я заговорил с Вами о привидениях, то это потому, что подумываю написать о них. Довольно нелепо в мои лета сочинять небылицы, и Вы очень убедительно даете мне почувствовать это, но как удержаться, если тебя одолевает пагубный зуд сочинительства? Я очень много размышлял над Вашими советами, хоть это и незаметно. Я больше не способен на длительное усилие воображения. Еще менее мне по силам труд умозрительный, призванный просвещать людей. Пожалуй, я мог бы писать об исторических предметах, но меня стали бы упрекать в бесчувствии и неверии, ибо я полагаю первейшим долгом историка быть беспристрастным и справедливым. Прощайте, милостивая государыня, мне помешали, и я вынужден кончить письмо в ту самую минуту, когда я начал входить в суть дела. Позвольте еще раз поблагодарить Вас за милое письмо. Когда Вы возвратитесь в Париж, маленький Самуил тотчас прибежит и попросит Вас сунуть его в темный угол. Примите, милостивая государыня, уверения в моем глубочайшем уважении.

Пр. Мериме.

* Духовидцев (англ.).

62. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Воскресенье, 5 апреля 1857.

Дорогой господин Тургенев,

Прошу Вас оказать мне любезность отобедать со мной в среду восьмого апреля. Будет мой друг, шахматист. Разумеется, по-домашнему, без церемоний.

Примите, милостивый государь, уверения в моей сердечной преданности.

Пр. Мериме.

63. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Суббота вечером <11 апреля 1857>.

Милостивая государыня, боюсь, что Вы приписываете слишком много чести Микеланджело. Хотя он лицезрел трех великих пап — Александра VI, Юлия II и Льва X, он никогда не блистал правотоверностью, о чем свидетельствуют стихи, сочиненные им для его статуи *Ночь*:

Crato m'e il sonno e piu l'esser di sasso.

Mentre che il danno e la vergogna dura * и т. д.

К тому же он никогда не создавал христианских мадонн, ибо пресвятая дева *Страшного суда* — подлинный портрет г-жи Полифем. Несколько лет тому назад я слушал в Лувре лекции некоего Рио о христианском искусстве, — он приспособлял историю не хуже его преподавания Лорике. Он внушал нам, что все итальянские мастера были люди святые, и ежели мы никудышные художники, то в этом повинно наше нечестие. Именно это меня и злит в современном христианстве — стремление присвоить себе решительно все. Если я не ошибаюсь, г-ну Шатобриану пришло на ум приписать религии всю славу самых мирских свершений, которые ей совершенно ни к чему. Что нужды, если стихи или статуи, созданные язычниками, были прекраснее? От этого их религиозные верования не становятся лучше. Бесспорно, в стране, где устраивались состязания в красоте, где девицы из знатных семейств публично танцевали в весьма откровенных нарядах, художникам чаще представлялся случай изучать строение тела, нежели в нашем общест-

* Мне любо спать — отрадней камнем быть.

В сей век стыда и язвы повсеместной...

(Перевод Ф. И. Тютчева.)

ве, выдумавшем кринолины и турнюры. Из этого не следует, что в Париже надо вводить обычаи Коринфа или Спарты. Но христианство — завоеватель. В XVII веке вместо того, чтобы обращать китайцев в истинную веру, ими решили управлять. Вместо того, чтобы создавать хороших мадонн, вы хотите отнять у нас наших языческих художников.

Что до моей «академической» победы, то я ею очень горжусь, и, прошу прощения, недаром, ибо мне пришлось сражаться против коалиции почтенных людей, которые, не прочитав ни единой строчки стихов своего кандидата, не погнушались, дабы обеспечить ему успех, пустить в ход гнусную клевету по адресу его соперника. Разумеется, необходимо вводить в Академию наряду с писателями видных светских людей, иначе писатели будут вершить свои дела, как Вадюс и Триссотен, но академикам не следует хвататься за первого встречного только потому, что он поет им хвалу и обещает всегда быть их покорнейшим слугой. Я ничего не имею против герцога Ноайского и даже против г-на де Фалу. Я лишь нахожу, что лучше бы первый сам писал свои книги, а второй не сам сочинял свои речи, но я решительно против того, чтобы они навязывали мне коллег по своему выбору и вкусу.

У меня уже нет *Шарля Эдуара*, но я надеюсь в скорости иметь свой экземпляр, и он будет к Вашим услугам.

Хоть я и не пользуюсь особенно доброй славой в префектуре, тем не менее я охотно обращусь туда с просьбой о билетах. Однако опасаясь, что их раздают только послам. Благоволите все же сообщить мне имена Ваших шотландских друзей, и я постараюсь улестить префекта. Я вычеркнул три страницы из того, что написал Вам о падении Рафаэля. Это годится только в непринужденной беседе, при условии, что говоришь то, что думаешь и чувствуешь. Может быть, у Перуджино в его мастерской : был один набожный ученик, но если поставить рядом *Сикстинскую мадонну* и *Успение богородицы*, то Вы согласитесь со мной, что *Сикстинская* — вещь недурная. Прощайте, милостивая государыня, примите свидетельство моего глубочайшего уважения.

Пр. Мериме.

64. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Вторник, 9 июня <1857>.

Милостивая государыня, я все ждал хорошего расположения духа, чтобы ответить на Ваше письмо, но у меня *blue devils* * и если откладывать ответ до их ухода, то бог весть, когда он будет написан. Кстати, я завтра уезжаю в Манчестер, хотя и побаиваюсь, что еду смотреть *humbug* **, но лучше обмануться, чем сожалеть об упущенном. У меня слюнки текут, когда я читаю то, что Вы пишете о Флоренции и о чичероне, который появится там к середине июля. На беду, я должен дать ход моим великим полководцам и я обещал своему издателю быть в Париже к началу июля. Если мне удастся вовремя избавиться от сих господ, я поеду во Флоренцию, пусть даже я там испекусь. В Париж я ворочусь около двадцать пятого. Ради бога, сообщите мне свой маршрут и, простите за дерзость, благоволите писать покрупнее названия мест, как если бы Вы имели дело с придурковатым почтальоном. Вы называете место своего пребывания, а я читаю его то Бачинелла, то Рассинетта, но в конце письма Вы как будто сообщаете, что писать Вам нужно в Болонью. Я адресую это письмо в Б., уверенный, что Вас там хорошо знают и письмо не затеряется.

Посылая мне птичку, Вы тем самым показали, что точно угадали, чего мне не хватает. Мой еврей, не сумевший прочесть надпись, говорит, что это древнееврейское слово, которое в библии не имеет значения веры. И в самом деле, до Нового Завета не было веры в нашем смысле. Равным образом латинское слово *fides*, коим переводится *амуна*, у авторов-язычников означает только

* Дурное настроение; буквально — синие черти (англ.).

** Вздор, обман (англ.).

чистосердечие, честность. Энный сказал о Сципионе, что он преисполнен *fides*, а он, как все великие римляне, был эпикурейцем и материалистом. Обретение веры — чудесная вещь, но, к сожалению, это не каждому дано, это обнаруживается как шестое чувство.

Вы пишете мне об одном из моих близких друзей, которого я знаю с детства; я восхищаюсь им и завидую ему. <...> Я завидую его способности предаваться своим размышлениям и занятиям в любом месте. Я вспоминаю, как однажды вечером, в Эфесе, во время грозы, какая бывает только в этом краю, под раскаты грома, эхом отдававшиеся в горах, мы с ним сидели в кофейне, то есть в хижине, служившей нам жильем, и я любовался зигзагами молний, а он читал китайскую книгу и делал заметки при свете нашей коптилки. Он работает всегда и всюду, а я ни на что не годен без *my own table* * и без пера, очиненного так, как это делается только в Институте. У нас имеется великий мастер по части очинки перьев. К несчастью или—кто знает—к счастью для Ампера, все его острые углы, все признаки самобытности были *smoothed down* ** женщиной, которую он любил, а я терпеть не мог. Вы, конечно, знавали госпожу Рекамье. Я ни в чем не могу ее упрекнуть, кроме одного: в том, что она ни к кому не питала сильной ненависти, а это бывает необходимо. Она находила, что все отлично, во всяком случае, она всех хвалила. Она отводила вас в сторонку и говорила вам, что вы гений. За это и еще за благоговение, которым в ее доме окружали величайшего эгоиста своего века, я с самого начала невлюбил ее. Думаю, что все же она вправду была добрая и что я относился к ней несправедливо. Но первое впечатление не изглаживается.

Я настойчиво ходатайствовал перед генеральными инспекторами культов о церкви в Юсе. Полагаю, что в ближайшие дни один из этих господ повидает в Туре архитектора Герена и что их пятиминутный разговор принесет больше пользы, чем вся писанина префектуры. Но что Вы скажете о Ваших шинонцах? Мы заткнули им их бреши, наметили дальнейшие работы и спрашиваем их,

* Моего стола (англ.).

** Сглажены (англ.).

сколько они намерены платить. Они заявляют: шестьсот девяносто восемь франков, ассигнованные на башню, где у них жительствоует человек, показывающий посетителям замок за деньги. Мы отвечаем им отборной бранью. Вдобавок мэр посулил мне любопытные сведения о Рабле и не присылает их, хотя в ратуше висит его портрет, который должен бы напоминать о данном слове. То-то порадовался бы Рабле, если бы мог себе представить, что его портрет будет красоваться в парадной зале вместе с гипсовым бюстом государя!

Перехожу к парижским новостям. Великий герцог потерпел фиаско. Король Баварский был весьма учтив и любезен. Говорят, княгиня Багратион умерла от ярости, узнав, что г-н Тернисен сбежал с ее бриллиантами. Впрочем, сафьяновые футляры он оставил. По слухам, она отказала свой дом и прочее лорду Хаудену, но русские утверждают, что она не могла ничего завещать, так как была под опекой, и что наследство достанется образцу всех добродетелей, ее племяннице, г-же Самойловой, сиречь г-же Морне. Еще пикантная сплетня: княгиня Рагузская, тоже покойная, завещала г-ну Перего тысяч десять ливров годового дохода, но помещенные таким образом, чтобы он не мог истратить все сразу. Остальное наследует некий г-н Шатри-Лафос. Так вот, вышеозначенный Перего, который далеко не дурак, хочет затеять тяжбу, чтобы доказать, что сей Шатри-Лафос ее незаконный сын и, следовательно, она не имела права составлять духовную в его пользу. Однако, хотя установление материнства не возбраняется, наличие родства довольно трудно доказать; с другой стороны, чтобы доказать измену супружеской верности, понадобилось бы содействие князя Рагузского, а это невыполнимо по известным Вам причинам. Итак, может случиться, что родство будет доказано и г-н Шатри-Лафос станет князем Рагузским, дабы *Судебные ведомости* оповестили горстку непосвященных о том, что у благоверной маршала был внебрачный ребенок. Все это ужасно глупо, то есть вполне достойно времени, в кое мы с Вами имеем счастье жить.

Вы как-то сказали мне, и, как всегда, были совершенно правы, что во времена рыцарства (над которым я зря смеялся) люди были, вероятно, не лучше нынешних, но не столь подлы. Меня поразила эта Ваша мысль, когда я

читал Брантома и делал заметки к нему. В конце концов его книга — наилучшая и самая правдивая картина европейского общества XVI века. Тогда убивали, крали, совершали тысячу злодеяний, но, мне кажется, что по сути своей люди были лучше, чем теперь. Прежде всего многие шли на преступления, не сознавая, что они преступники; во-вторых, бывали замечательные примеры поистине высокого чувства чести и вдохновенных порывов. В молодые годы, не изучив досконально Варфоломеевскую ночь, я писал, что это был такой же несчастный случай, как февральская революция. Это мое изречение относится к 1829 году. Чем ближе я знакомлюсь с тогдашней эпохой, тем больше я укрепляюсь в своем мнении. Если положить на весы убийства, совершенные 24 августа 1572 года, и плутни, на которые пускаются многие акционеры железнодорожных компаний в 1857 году, я, право, не знаю, какая чаша перетянет. Взгляд на человеческую жизнь как на нечто очень важное появился недавно, и я думаю, что есть вещи похуже убийства. Вот что мне хотелось бы сказать читателям моего Брантома, и притом как-нибудь так, чтобы меня не побили камнями. К ужасу своему, я вижу, что, зря пожурился Вас за почерк, я сам уже добрый час пишу как курица лапой.

Благоволите, милостивая государыня, извинить и почерк мой и пустословие. Я Вам напишу о том, чем порадуется меня Манчестер.

Прощайте, милостивая государыня, примите уверения в моем глубочайшем уважении.

Пр. Мериме.

65. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Париж, 26 июля 1857.

Милостивая государыня,

Вот я и воротился к своему домашнему очагу, где застал Ваше милое письмо из Баричеллы, но оно такое давнее, что, видимо, писать Вам нужно во Флоренцию. Итак, я ездил на выставку в Манчестер. Я Вам уже сообщал свое мнение о ней. Не помню ни одной картины: Герардо делле Нотте. Гвоздь выставки, на мой взгляд, — *Три грации* Рафаэля, принадлежащие лорду Вильяму Уарду. Говорят, что это список с античного, но я готов биться об заклад, что он лучше подлинника. Красота этих трех обнаженных женщин доведена до такого совершенства, что она целомудренна: они поистине богини. Беда этой выставки в том, что мало кто прислал свои лучшие картины. Иные, как мой друг лорд Эшбертон, вовсе не дали ни одной; другие, как маркиз Вестминстерский, удовольствовались посылкой нескольких второстепенных вещей, лишь бы проявить добрую волю. Засим множество бахвалов отправили целыми возами омерзительные копии, и, хочешь не хочешь, а пришлось выставить их под именами, коими владельцам вздумалось их наречь. Таким образом, наряду с *Грациями* лорда Уарда появилась *Мадонна с жемчужиной*, аттестованная как копия Эскуриальской, а это просто-напросто мазня, сделанная метлой трубочиста. Все это обойдется в миллион пятьсот тысяч франков людям, затеявшим выставку, но не жалеете их, ибо, помимо того, что они могут гордиться пользой, принесенной своему отечеству, они, бедненькие, так богаты, что полтора миллиона меньше или больше — для них все едино.

Я частенько встречался в Лондоне с крупнейшим манчестерским мануфактурщиком — он же один из глав-

ных заправил выставки, — который недавно получил титул лорда Овертона; человек он вполне разумный, хотя годовой доход его, как говорят, составляет сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, у него имеется единственная дочка, девятнадцати лет, собой недурная. Однако я не предлагал ей ни сердца, ни руки. Я много бывал в лондонском свете. Не могу сказать, чтобы я уж очень веселился. «Я желал увидеть; я увидел». С недавней поры там выдумали званые завтраки. Так что, если бываешь в обществе, то день начинается с десяти утра. Позавтракав, посещаешь членов парламента, осматриваешь достопримечательности города, пока не настанет час *luncheon*'а *, который необходим ввиду легкости здешних первых завтраков. Все же, чтобы напроситься на второй завтрак, нужно быть хоть немного знакомым с хозяевами. Засим снова отправляешься с визитами, но никого не застаешь дома, после чего идешь обедать. Я с полным беспристрастием обедал и у вигов и у тори, и всюду меня потчевали одним и тем же обедом. Вкусив в двадцатый раз черепаховый суп и *haunch of venison* **, я понял, на какую пытку император обрек собрание, заставив его целый месяц есть один и тот же обед. Вы не поверите, с каким наслаждением я однажды спасся бегством и пообедал в кабачке. Сдается мне, что в Англии происходит такое же поглупение, какое мы наблюдаем во Франции. С одной оговоркой: шестидесятилетние люди кажутся мне орлами по сравнению с более молодыми. Мне по большей части пришлось общаться с вигами старого закала, которых я глубоко уважаю. Я не говорю об их политических взглядах, а только об их уме. Один старый виг, демократ, с годовым доходом в десять тысяч фунтов стерлингов, у которого я проводил почти все свое время, восхищал меня рассказами о былых временах. Это человек на редкость сведущий *практически*, и он мне сообщил, что своими знаниями обязан давнему обычаю (ныне отброшенному) выпивать после обеда. По его словам, слушать беседу стариков, потягивая кларет, было ему очень полезно. «А какую пользу, — спрашивал он меня, — приносит вам курение после обеда?» Я мог

* Второго завтрака (англ.).

** Олений окорок (англ.).

бы ему ответить, как Манфред: *Forgetfulness* *. Я полагаю, что эта порода людей постепенно исчезает. Они были воплощением здравого смысла; без принципов, поскольку они любой вопрос рассматривали только со стороны практической; преисполненные патриотизма, предубеждений и добродушия. Сменившее их поколение заражено ханжеством.

Я разделяю Ваши взгляды на рыцарство, по крайней мере на превосходство того времени над нынешним. Но мне кажется, что Вы слегка приукрашиваете его. В ту эпоху было похвальнее, нежели в наш век, не совершать подлых поступков, потому что не существовало общественного мнения. Это особенно ощутимо сказывается на дуэли. Сегодня не только общественное мнение, но и суд осудил бы человека, способного на предательство. Вы увидите, читая *О дуэлях Брантома*, что в XVI веке с этим мирились. В моем предисловии я пытаюсь доказать, что в наши дни жульничество в дуэли *немыслимо*, а в XVI веке не жульничать считалось *похвальным*. При осаде Падуи Баярд не хотел идти на штурм с ландскнехтами, потому что они не дворяне. В 1857 году столь щепетильного офицера расстреляли бы. Из этого не следует, что Баярд был трусом. Но в его время не существовало свода законов, где записано все, чего делать нельзя. Каждый действовал по своему почину. Обнаруживались натуры добрые и злые. Ныне есть только люди осмотрительные, которые знают свод законов и боятся его.

Кстати, о Баярде: скажите, почему рыцарь без страха и упрека всегда носил цвета *доброй герцогини Феррарской*, как пишет Верный Слуга: черный и серый? Эта добрая герцогиня была Лукреция Борджа. Вот мое объяснение. В царствование Людовика XII француженки были страшно невежественны. Итальянка, приятная в обращении, исполненная изящества, бесспорно, производила сильнейшее впечатление на наших французов. Точно так же Цезарь, знавший только римских матрон, потерял голову, когда повстречал эллинку, которая умела вести беседу, каковой была покойная Клеопатра. Что касается слова *амуна*, то заметьте, что цитата, которую Вы приводите, подтверждает, что его не было в древнееврей-

* Забвение (англ.).

ском языке, поскольку спаситель пользуется парафразой. По-гречески, а равно и по-латыни, слова *fistis* и *fides*, которыми переводят *амуна*, имеют вполне современное значение. И если бы я дерзнул выразить кощунственную мысль, я спросил бы Вас: как можно называть добродетелью чье-либо прирожденное свойство (*идиосинкразию* — сказал бы педант)? Думается мне, что всякий раз, когда приносишь жертву ради добра, поступаешь похвально. К примеру, милосердие, любовь к ближнему — добродетель, которая не всегда легко дается. Но как стать верующим, если ты не предрасположен к этому от природы? Один благочестивый капуцин как-то говорил мне в Риме: *Nel tempo d'Escolario* *... Он верил в Эскулапа, как верил в апостола Петра. В этом не было никакой его заслуги. Дон Жуан, который не верил в дух монаха Бурю, а верил только в «дважды два = четыре», был безбожник, но, будь он честным человеком, статуя Командора, пожалуй, призадумалась бы, прежде чем уволочь его.

Что до госпожи Рекамье, о которой Вы мне пишете в ответ, должно быть, на что-то сказанное мною, то я полагаю, что своим влиянием она обязана была по преимуществу свойственной ей безропотности. Она с неизменной покорностью выносила общество всех светских львов. Она никогда не скучала или не подавала виду, что скучает. Мужчин постоянно нужно подкручивать, как часы. Мы время от времени поддаемся приступам слабости, грусти, недовольства, от которых нас обычно вылечивают похвалы. В такие минуты страшно обратиться к другу, потому что известная гордость мешает нам показать себя в столь подлом виде. Так как между мужчинами и женщинами нет соперничества, вам предоставлена печальная привилегия утешать нас и вылечивать. Но боюсь, что вы взираете на мужскую породу, как врачи взирают на весь род человеческий. Под гладкой кожей они видят отвратительные язвы, нарывы и т. д. Но счастлив тот, кто обрел врача!

Я полагал, что мадмуазель де Фово замужем. Я видел ее очень давно. В профиль она слегка напоминала Данте, и она отлично объясняла достоинства искусства вая-

* Во времена Эскулапа (итал.).

ния в средние века, а именно в то время оно мне очень нравилось, но я не отдавал себе отчета, почему. Она по-прежнему занимается скульптурой? Мне очень лестно слышать ее похвалы. Я вынужден пребывать в Париже или по соседству с ним до конца августа. Писал ли я Вам, что, пока я был в отлучке, мой слуга умер от оспы? У него была уйма недостатков и одно прекрасное качество — с полуслова понимать человека, который не умеет выражать свои мысли и сам не знает, чего хочет. Вдобавок это был незаменимый спутник в дороге, благодаря своей обходительности он всюду заводил друзей. Менять привычки — одна из величайших человеческих невзгод. Прощайте, милостивая государыня, надеюсь, что у вас стоит такая же чудесная погода, как у нас. Я застал здесь два письма Чайлда: видимо, он намерен оставаться в своем мерзком отечестве, пока не выдаст замуж дочку. Правда, нет ничего забавнее, чем баррикады и стрельба из револьверов в Нью-Йорке? Вот уж поистине сброд! Примите, милостивая государыня, изъявления моего глубочайшего уважения.

П. М.

1859

66. ПОЛЮ ЛАКРУА

Канн, 3 января 1859.

Дорогой коллега,

Я получил Ваше любезное письмо перед самым отъездом в этот солнечный край, где надеюсь исцелиться от пяти-шести недугов, привезенных с собой из Парижа.

У меня нет времени наводить справки, о которых Вы просите,— боюсь, что не сумею точно указать, к какому времени что относится. Впрочем, отец мой, кажется, родился в году 1758-м. Умер в 1837-м. Он получил вторую премию училища Изыщных искусств за картину, на которой изображена смерть Тассо. *Невинность*, которую Вы, быть может, видели у меня, была выставлена в 1793 году (если в тот год состоялась выставка). Ему же принадлежит полотно над дверью, изображающее Ипполита, воскрешенного Эскулапом, в античном музее Лувра. Мне известна еще одна его картина: *Вертумния и Помона*, но я не знаю, у кого она находится. Работал мой отец мало. Он долго учился живописи в училище Венсена. Он побывал в Голландии, где смотрел шедевры великих голландских мастеров; потом прожил несколько лет в Риме и во Флоренции. У меня есть несколько этюдов, сделанных им с картин галерей Питти и Уффици. Он особенно любил колористов и тщательно изучал их приемы. Как и его сын, он был, в сущности, бездельник, жадный до знаний, а до работы ленивый. Он не без успеха занимался химией и сумел кое в чем усовершенствовать приготовление красок. Он был одним из учредителей и ревностным членом Общества поощрения национальной индустрии.

Помню, что переписывал за него множество докладов для этого Общества. Около 1818 года его послали в Анг-

лию — ознакомиться с состоянием промыслов. По возвращении он представил подробный отчет Деказу, тогдашнему министру внутренних дел.

Помимо химического состава красок, он еще усердно занимался составом бумаги. Долгое время во флоте пользовались картузами для зарядов из бумаги его изобретения, и на полученные за это деньги я и поехал первый раз в Испанию, — это путешествие оказало немалое влияние на мою судьбу.

Забыл Вам сказать, что отец был родом из Бройе, что в Нормандии. Он получил хорошее образование и знал наизусть Горація. Если я хоть немного знаю латынь, то этим я обязан ему, равно как и знанием итальянского языка, которым он владел в совершенстве, а я очень плохо. Из любовных похождениях мне известно только одно (МВ думается, их было больше); произошло это в Риме, где его чуть не убили вместе с Басвилем. Его спасла одна римская дама, с которой я познакомился, когда она уже была дряхлой старухой; я посетил ее в Риме, и она приняла меня со слезами умиления. В своих литературных вкусах отец мой был эклектиком, но он не выносил пафоса и не терпел напыщенности. Я помню, как я дрожал от страха, когда читал ему свои повести. И очень сожалею, что не всегда следовал его советам.

Простите, дорогой коллега, нестройность моего письма. Я чрезвычайно благодарен Вам за предпринятую работу и горько сетую на то, что не могу быть Вам полезен для ее завершения. Впрочем, я рассчитываю через полтора месяца быть в Париже, и тогда, с помощью моего родича, я, быть может, сумею дать Вам менее сбивчивые сведения.

Незадолго до моего отъезда я говорил о Вас министру народного образования. Он как будто благорасположен, но жалуется, что ему обкорнали смету расходов. Я посоветовал обратиться к императору, который понимает, что без ничего ничего не сделаешь.

Прощайте, дорогой коллега, я здесь всего три дня и уже меньше кашляю и дышать мне легче. Желаю Вам благополучия и счастливых находок в новом году.

Пр. Мериме.

67. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Среда вечером, 27 июля <1859>.

Милостивая государыня,

Вы очень пристыдили меня тем, что вините в своих ошибках в правописании. *Tutto il mondo è paese* *. Мы все делаем ошибки, и Вольтер делал, пусть это послужит нам утешением. А вот Ваша ошибка относительно без цели меня сильно огорчила. Неужели Вы считаете меня столь обидчивым? Как Вы могли подумать, что, говоря правду обо мне, нужно соблюдать осторожность? Что в жизни у меня нет цели — это сущая правда. А та, что была когда-то, оказалась негодной, о чем я с сожалением узнал задним числом. Вообразите, каково человеку, который долгие годы восхищался тем, что принимал за алмаз, и вдруг убедился, что это просто стекляшка. Подобное открытие довелось сделать мне лет пять тому назад, и я все еще не опомнился. Теперь я подчас смеюсь над этим, но фальшивым смехом; вот по какой причине у меня ни к чему не лежит душа. Мне в самом деле, без преувеличения, кажется, что Вы единственный человек, которому мне нынче хочется угодить, но я слишком глубоко уважаю Вас и слишком сильно привязан к Вам, чтобы перед Вами лицемерить. Поэтому я по-прежнему маловер. Ваш рассказ о маленьком груме, которому хотелось убить, весьма любопытен и полностью подтверждает наши мысли о войне. Кювье говорил, что, судя по строению человеческой челюсти, это животное, склонное

* Здесь в смысле: безгрешных людей не бывает (итал.).

к разрушению. В детях эта склонность еще сильнее, нежели у взрослых: сей возраст жалости не знает. В июне 48-го года я наблюдал свирепость подростков, она ужасала меня. К счастью, под старость становишься человечнее. Хорошо помню, в какой восторг приводили меня впервые увиденные бои быков. Теперь они мне почти разонравились. Я думаю, что нет основания считать дело Италии безнадежным и отступить от нее. Я из тех, кому не улыбалось лезть в драку ради создания единства итальянской нации. Несколько последних битв упрочили ее положение, и если итальянцы будут разумно себя вести, они могут многое сделать для своего благополучия; если же натворят глупостей, пусть пеняют на себя. Я полагаю, что реставрация герцогини Пармской бесспорна, великого князя Тосканского — сомнительна, а герцога Моденского — едва ли возможна. На мой взгляд, этот последний — предпоследний из дурных государей, и мне его ничуть не жаль. Относительно папы не скажу ничего, ибо это такой предмет, где мы никогда не сойдемся; я предпочел бы стать подданным императора Марокко, нежели кардинала Антонелли. Я непременно достану письма госпожи дю Дефан. Они должны быть очень забавны, раз они так позабавили Вас. Мне, в моем одиночестве, книги очень и очень нужны.

Вчера, отобедав у одного коллеги, я отправился вместе с ним в Пре Кателан; там мы застали директора этого заведения, и он провел нас за кулисы, а вернее, в парк, где собрались приехавшие накануне сорок испанских танцовщиц. Я поговорил с этими девицами и приметил в них очень понравившуюся мне черту — национальную гордость. Я спросил их, из Андалусии ли они. Они отвечали, что они из Валенсии. Но это была ложь — они говорили меж собой на чистом кастильском языке, а моя главная собеседница звалась Агеда: это имя встречается только в Старой Кастилии. Знаете, почему они сказали, что они из Валенсии? Потому что для кастильцев Валенсия — не Испания, а они стыдились своего ремесла и не хотели, чтобы чужеземец подумал, будто кастильянки голубой крови танцуют за деньги перед публикой. В день св. Агеды в одной старокастильской деревне, носящей имя этой святой, можно увидеть очень странный обряд:

алкальд, нотариус, альгуасил и т. д. слагают с себя свои обязанности и передоверяют их женщинам. Мне так и не удалось раздобыть легенду о св. Агеде, но, видимо, для своего времени это была женщина незаурядная. Моя Агеда — не святая — спросила, знаю ли я Валенсию; я отвечал, что побывал там в молодости, на что она сказала: «Это было очень давно, правда?» И я не скрыл от моих друзей ее замечания, а чистосердечно перевел его. У всех танцовщиц были поразительно маленькие ножки. При них состоит целая свита из матерей, только что, судя по их виду, воротившихся с шабаша. Вот к чему приводит запрет на торговлю неграми. Самой старшей из танцовщиц нет и восемнадцати лет. Нынче все испанские девушки, уверенные в своей красоте, надеются преуспеть в Париже. Рассказывал я Вам о случае с девицей Бардахи из Гранады? В Гранадском театре, услышав в ложе своего отца о том, что девица де Монтихо выходит за императора, она воскликнула: «Везите меня в Париж! Здесь нет будущего для молодой девушки».

В Испанию я поеду не сейчас, а в конце сентября, дабы воспользоваться последними ясными деньками. Постараюсь воротиться к началу декабря. Говорю — постараюсь, потому что не так-то просто расстаться с Мадридом. И еще постараюсь привезти Вам оттуда акварельную копию с картины Веласкеса или Мурильо, а если попаду в Толедо, достану хорошее изображение Соборной богородицы. На ней убор из белой эмали с золотом, пожертвованный Карлом V: такого чуда ювелирного искусства я еще не видал.

В ожидании сентября съезжу в Трувиль, а может быть, и в Шотландию, однако север, который Вам рисуется столь поэтичным, мало меня привлекает. Туманы и дожди так сильно влияют на мое здоровье и расположение духа, что я не дерзаю вторгаться в их штаб-квартиру. Единственное, что мне по-настоящему нравится в Шотландии, — это кухня, но чревоугодие мало-помалу оставляет меня. С годами я теряю свои пороки и, ежели доживу до ста лет, из меня выйдет поистине диво. К несчастью, я день ото дня все больше превращаюсь в рухлядь. Меня донимают спазмы желудка, очень частые и очень болезненные, так что свет божий не мил.

Нет ничего хуже недугов, когда не видишь, где они гнезятся.

Весьма рад, что в Шиноне начались работы. К сожалению, денег очень мало. Не знаю, раскошелится ли наконец город, как обещал. Прощайте, милостивая государыня, мне пора в академию. Вам, вероятно, известно, что мне предстоит возглавлять ее еще два месяца. Меня ужасает мысль, что кто-нибудь из моих собратьев может подложить мне свинью — умереть во время моего президентства. Примите, милостивая государыня, уверения в моем глубочайшем уважении.

Пр. М.

68. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Париж, 9 августа <1859>.

Милостивая государыня,

Весьма признателен Вам за письма госпожи дю Дефан; читаю их с большим удовольствием. У меня сложилось было не слишком высокое мнение и об авторе и о его времени. Этот новый том несколько примирил меня и с тем и с другим. Люди XVIII века представляются нам в известном смысле детьми, потому что мы родились, умудренные их опытом, и даром получили то знание, которое они оплатили дорогой ценой. Но мы окончательно утратили — и это очень прискорбно — искусство общежития, стремление каждого самому вести жизнь приятную и делать таковой жизнь других. Не замечаете ли Вы, сколько мало в наши дни сильных и прочных привязанностей, каких так много было в Париже около 1760 года? Несомненно, и госпожа дю Дефан, и герцогиня де Шуазель, и Г. Уолпол видели вокруг себя, в своей среде столько зла, что душа у них должна бы зачерстветь. А между тем они преисполнены добрых и нежных чувств. Когда дело касается их друзей, они забывают о своем себялюбии. Это люди по сути своей неплохие, хотя и неотесанные, пренебрегающие правилами морали, но в них нет ни капли злобы или ханжества. Многие их поступки кажутся нам нечестными и пошлыми, например, угодничество перед госпожой де Помпадур. Но одни и те же действия не равноценны во все времена. Ручаюсь, что нынешнее общество развращено не менее тогдашнего, но изменились взгляды на беспутство. Сто лет тому назад к этому относились весьма терпимо. В ту пору каждая женщина имела любовника, так что было бы несправедливо пре-

пятствовать королям иметь любовниц. Я полагаю, что нынче чрезмерно пекутся о целомудрии. Я отнюдь не отрицаю, что целомудрие — добродетель, но ведь добродетели, как и пороки, бывают разного достоинства. Я считаю верхом нелепости изгонять из общества женщину за то, что у нее есть любовник, тогда как, будь она скупой, лживой и зловредной, ее принимали бы всюду. Нравственные законы нашего века, безусловно, не те, коим учит евангелие. На мой взгляд, лучше любить слишком много, нежели слишком мало. Теперь превыше всего ценят холодность сердца. Знаете ли Вы в нашем свете женщину или мужчину, способных на беззаветную преданность, на любовь, которая выдержит любые испытания, как это бывало до 1759 года? Что до меня, то я таких не знаю — разве только среди стариков, которых едва ли можно причислить к нашему веку. Во всяком случае, из мужчин я не могу назвать ни одного, и лишь у тех, кому за пятьдесят, еще можно обнаружить истинные чувства любви и дружбы.

Я только что воротился из недолгой поездки в Нормандию, отнюдь не пошедшей мне на пользу. Я упал с одной скалы на другую, всю в выступах, как та скала, на которую угодил Санчо Панса, и отбил себе локоть, ногу и кисть руки, затем я спускался вниз и карабкался вверх по горным тропам такой крутизны и зыбкости, каких не видал ни в Альпах, ни в Пиренеях, и теперь у меня ломота во всем теле. Вдобавок из этого путешествия я привез лихорадку и боли в желудке. Вчера я был не в силах написать Вам. Сегодня чувствую себя сносно, хотя еще очень слаб, и пользуюсь этим, чтобы поблагодарить Вас за Ваше милое письмо от 1 августа, которое я получил, уже садясь в поезд. Напрасно Вы браните свою почтовую бумагу. У нее то достоинство, что на ней помещается больше прозы, чем на прежней, а когда проза — Ваша, я этому весьма рад. Неужели Вы побывали в Сьерра де Ронда? Непременно пороюсь в кавардаке моих эскизов — не найду ли я вид на Тахо де Ронда, который Вы, вероятно, помните. Двадцать девять с лишним лет тому назад я въехал в Ронду на взмыленной лошади, и она тихонько опустила меня на булыжник, коим вымощен мост через лощину. Но я на ней зла не помню.

Прочел в газете два известия, которые могут изменить мои дорожные планы. Во-первых, сын герцогини Альба захворал в Виттории, а во-вторых, в Мурсии холера. По этим двум причинам госпожа де Монтихо, возможно, покинет Мадрид, и тогда мне незачем пересекать через Пиренеи. Однако я надеюсь, что оба известия сильно раздуты. Г-жа де Монтихо — большая трусиха, когда с ней ее дочери, но без них ничуть не боязлива, и если она решит остаться в Мадриде, то это еще сильнее побудит меня разделить ее одиночество, ибо, по всей вероятности, начнется бегство. Я полагаю, что мне холера не страшна, так как я частенько встречался с ней и как раз при первом ее появлении, когда я по своей должности обязан был с ней бороться. Вы знаете, как я выполнял возложенные на меня обязанности. Мне казалось, что это не та смерть, которая мне суждена, и к тому же я находил ее довольно легкой. И вообще я один на свете, и особа моя немногочего стоит. Но без Ваших поручений я не уеду. Меня поразило сходство Контантена с Англией. Та же природа, те же люди. В Шербуре я видел множество очень красивых женщин; лица у них белые, румяные, кукольные. И юбки они носят поуже и покороче, нежели в Париже или Лондоне. Прощайте, милостивая государыня, примите уверения в моем совершенном почтении.

1860

69. ГОСПОЖЕ ДЕ ЛА РОШЖАКЛЕН

Париж, 11 марта <1860>.

Милостивая государыня,

Возвращаю Вам Ваш портрет, доставивший мне большое удовольствие. Я его читал и перечитывал и не раз *the mind eye* * видел нашу бедную Корделию. Но выслушайте и критику. Знаете ли Вы, что в этом портрете я нашел погрешность, которой меньше всего ожидал от Вас? Он чересчур беспристрастен. Как могло статься, что Вы, относясь ко всему с таким жаром, вдруг оказались столь рассудительны? Если бы я дерзнул поправлять Ваше превосходное сочинение, я смелее оттенил бы недостатки, а также достоинства. К примеру, Вы слишком мало пишете о ее беззаветной преданности человеку, который, на мой взгляд, ничем не заслужил любовь такой женщины. Она ежечасно, ежеминутно жертвовала собой ради старого хлыща, никогда не понимавшего и не любившего ее, и умерла, не выдержав этой муки. Я много мог бы сказать о сем предмете. А из недостатков — вот тот, который прежде всего покоробил меня и надолго оттолкнул от нее. Свет до такой степени приучил ее к лжи, что она лгала на каждом шагу, без цели, без пользы. Правда оказывалась в ее устах лишь по нечаянности или от сильного волнения. Как почти все лжецы, она всех считала лжецами и к тому же предполагала, что у каждого есть своя цель, свой умысел. Прошел не один год, прежде чем она догадалась, что я бываю у нее только для развлечения. Много лет мы были друг о друге наилучшего мнения, но, думается мне, ко времени ее смерти

* Мысленным взором (англ.).

мы сошлись довольно близко и как будто даже подружались. Хотелось бы еще, чтобы Вы хоть что-нибудь сказали о ее склонности к интригам — разновидности лжи. Ей нравилось ткать паутину не затем, чтобы ловить мух, но, видимо, из любви к искусству, ибо я убежден, что она никогда не интриговала с целью навредить кому-нибудь. Она ничего не могла делать попросту, как рак не может не пятиться.

Впрочем, я ошибаюсь: иногда после полуночи, когда уже не было г-на Моле и отпадала необходимость в дипломатии, она потягивалась, подняв руки, точно актриса, утомленная своей ролью, и все оживление, часами сдерживаемое, сразу выплескивалось наружу. В такие минуты она была восхитительна. Я никогда не встречал воображения столь своеобразного, яркого, забавного.

Помню ее отчаяние однажды в Шамплатре. Мы отправились туда — она, г-н Моле, Ремюза, г-жа Ремюза и я. Господа Моле и Ремюза углубились в одну из аллей, разговаривая о политике. Кажется, речь шла о каком-то правительственном начинании, которое Ремюза должен был поддержать. Я же с обеими дамами пошел по другой аллее. На обратном пути к замку мы в буковой рощице увидели Моле: он уже оставил своего спутника и, не замечая нас, распекал садовника. Садовник, видимо, украл несколько артишоков. Моле неистовствовал. Гнев и алчность до такой степени овладели им, что и следа не осталось от светского лоска. Он бранился, сквернословил — если бы мы сами не видели и не слышали, мы ни за что бы не догадались, что это он произносит такие слова. Как всегда в подобных случаях, мы с г-жой Ремюза растерялись. Вместо того, чтобы начать громко разговаривать, мы безмолвствовали, не смея взглянуть друг на друга от страха расхохотаться. Г-жа де К. заплакала. Она так искренне огорчилась, что я был тронут и с того дня стал относиться к ней дружественнее.

Я воротился из Канн полумертвый, хотя и останавливался то там, то сям по дороге, дабы не уподобиться закаляемой стали. Неделю тому назад наши англичане прогуливались под белыми зонтиками на синей подкладке во избежание солнечного удара. Все поля белели анемонами, миндальные деревья стояли в цвету, а долины так густо заросли крупными фиалками, что запах их

слышался за сотню шагов. Какая резкая перемена! Я нашел здесь свой эскиз с картины Веласкеса, который я считал почти законченным. Ничего подобного. Проработав над ним два дня, я заметил, что он более далек от завершения, нежели перед моим отъездом в Канн. Тем не менее, если ничто не помешает, Вы его получите к концу недели. Весь вчерашний день я делал и переделывал одну бороду. Я сожалею, что начал слишком крупно; но мое зрение все ухудшается, и я решил увеличить свой обычный масштаб. Словом, увидите сами. Мадонна — кажется, портрет г-жи Веласкес; Мурильо писал свою дочь, а Рафаэль — красоток из-за Тибра. Вот чем вдохновляются подлецы живописцы.

Ваше предложение о зоологическом саде мне очень нравится. Мы будем кормить зверушек, а это всегда развлечение и для них и для их благодетелей. Видели Вы Победу Брешии? Как Вам известно, первый слепок, гипсовый, находится в Париже. Это стоит посмотреть. Есть и отливки с Элевкийских барельефов, посвящение Триптолема, которого Вите приравнивает к *Венере Милосской*. Я еще не видал его, этого Триптолема, и что-то сомневаюсь.

Я ни с кем покуда не встречался. Мне страшно после пребывания в пустыне снова окунуться в свет. Надевать черный фрак представляется мне тягостной обязанностью. Что же будет, когда придется натянуть шитый золотом мундир? Но — довлеет дневи злоба его.

Вы, конечно, видели Воклюзский источник. Давно? Я видел его уже раза четыре, когда вода стояла низко. На днях я опять побывал там. Вода заполнила весь водоем и даже проступила у подножия смоковницы, до которой в обычное время сорок с лишним футов. Это было уже далеко не так красиво, но все-таки красиво, и даже очень. В гостинице Петрарки и Лауры по-прежнему едят крабов, и теперь их готовит очень красивая блондинка — хотя она уроженка Прованса, — ростом пять футов шесть дюймов, своего рода живая Венера Милосская; она понравилась мне больше, нежели источник и нежели портрет Лауры, который выставлен в соборе, но не внушает мне ни малейшего доверия.

Напишите мне, что сделает епископ Муленский со своим наследством? Он наследует г-ну де Дре-Брезе, а г-н

де Дре-Брезе в свое время наследовал маркизу де Вийету, который до самой смерти боготворил Вольтера. Его пресвященство оказался обладателем трости Вольтера, трех его париков, ночного колпака и некоторого числа фривольных стихотворений, как говорят, неизданных. Сожжет он их? Не лучше ли продать эти стихи в пользу бедных, что бы ни говорили злые языки? Отдавал же Лафонтен приходскому священнику доход с нового издания своих басен.

Ко времени моего отъезда оба Чайлда чувствовали себя безусловно лучше, чем когда они приехали. Их врач — гомеопат и немец, следовательно, вдвойне шарлатан. Видимо, его предписания хорошо помогают им, а южное солнце и того лучше. Гомеопатия, столоверчение и еще многое другое наводит меня на грустные мысли о нашем веке.

<...>

Прощайте, милостивая государыня, пишу Вам на бумаге большого формата по той же причине, по которой увеличил свое *Увенчание*, — дабы поберечь глаза, но я устал писать крупно и уже замучил Вас своей болтовней. Не сердитесь, я так давно не беседовал по душам! Тысяча благодарностей за Вашу записку и за альбом, который возвращаю.

Примите уверения в моем глубочайшем уважении.

Пр. Мериме.

70. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Замок Фонтенбло, 12 июня 1860

Милостивый государь.

Надеюсь, что Вы уже воротились из поездки в Англию и что я Вас застаю в Париже, куда прибуду, вероятно, на той неделе. Я провожу здесь время над Вашим переводом с казацкого, и это занятие весьма облегчает пребывание в августейшем обществе. Жаль только, что Вас здесь нет и я не могу попросить у Вас некоторых разъяснений. У меня есть только маленький карманный лексикон, на мой взгляд, очень неполный. В Париже мне часто приходилось обращаться к большому институтскому словарю, в котором приведены слова разных наречий.

Рассказы Марко Вовчок очень печальны. К тому же они, по-моему, должны побудить крепостных выпустить кишки своим господам. У нас их приняли бы за проповедь социализма, и добропорядочные люди, которые предпочитают не видеть кровоточащие раны, пришли бы в ужас. Право, я думаю, что в другое время и при другом императоре их не позволили бы опубликовать в России. Забавы ради я принялся за перевод *Казачки*. Раз Вы перевели этот рассказ, значит, он достоверен, но в таком случае Стенька Разин, Пугачев и другие крупные деятели были правы, когда стремились искоренить злоупотребления самыми скорыми и самыми решительными средствами.

Для успеха во Франции надо бы снабдить эти рассказы предисловием и кратким разъяснением русского законодательства. И еще одного я опасаюсь: не покажется ли, что они слишком бедны событиями? Сдается мне, что достоинство их отчасти заключено в непринужденности

диалога. К несчастью, именно диалог, по-моему, не поддается переводу на наш язык. Речь ваших крестьян наделена своеобразной поэтичностью, по-французски она звучала бы крайне неестественно. Наши крестьяне столь же прозаичны и изъясняются столь же безвкусно, как и наши салонные франты.

Хорошенькая польская княжна, которую я здесь застал,— боюсь, слегка взбалмошная, но очень милая — назвала мне невесть сколько великих поэтов своего отечества, совершенно мне неведомых. Быть может, какой-то процент ее восторгов нужно отнести за счет патриотизма.

Когда я буду иметь честь увидеться с Вами, я хотел бы спросить Вас, что представлял собой русский язык до Пушкина. Не был ли это язык, переведенный с французского, с латинского или с немецкого? С точки зрения грамматики стиль Пушкина отличается какими-нибудь особенностями?

Помнится, я видел несколько его статей, в которых он отвечает критикам, обвинявшим его в грамматических ошибках. Кто прав? Мне кажется, что Пушкин, прежде чем стать тем, кем он стал, прежде чем отдаться собственному вдохновению, испытал на себе два рода влияния. Сначала — французской литературы, затем — лорда Байрона. Начало *Евгения Онегина*, *Граф Нулин* и некоторые другие произведения, на мой взгляд, очень искусные подражания лорду Байрону. Именно так писал бы лорд Байрон, если бы писал по-русски. Я считаю последние главы *Евгения Онегина* венцом творчества Пушкина. О его лирических стихах ничего не могу сказать, потому что слишком плохо знаю их, да и вообще я сам до такой степени не поэт, что не берусь судить о столь трудном предмете.

Прощайте, милостивый государь, я рассчитываю быть в Париже в будущий понедельник — по горло сытым празднествами и жаждущим сесть за работу. Если у Вас нет лучшего занятия, я буду расспрашивать Вас до тех пор, пока у Вас хватит духу мне отвечать. Примите уверения в моих наилучших чувствах.

Пр. Мериме.

71. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 2 дек<абря 1860>.
Приморские Альпы.

Милостивый государь,

Вот и я в Канн, наслаждаюсь продолжительным досугом из-за дурной погоды, не располагающей к прогулкам. Весь ушел в Пушкина, пытаюсь перевести кое-что из произведений, которые Вы мне читали. Прежде всего прошу извинить меня за то, что, уезжая из Парижа, я не зашел проститься и, более того, увез без разрешения Вашу книгу в Канн. В предотъездной суете из-за множества мелких хлопот у меня не оставалось для себя свободной минуты. Если книга Вам необходима, сообщите, и Вы ее получите через два дня. Надеюсь, впрочем, что Вы больше пишете, нежели читаете, а я на этом выиграю вдвойне.

Не ошибаюсь ли я, полагая, что Пушкин в *Медном всаднике** старался пользоваться самыми обыденными выражениями, я бы сказал, разговорным языком, вероятно, для контраста с поэтическими идеями? Так поступал в своих фантастических рассказах Гофман, вводя волшебный элемент после точного и подробного описания реальной жизни. Как великолепно сравнение Невы, оставляющей на берегу обломки разрушенных ею строений, с разбойниками, которые, убегая от погони, роняют часть добычи! Я задаю Вам бессвязные вопросы по мере того, как они возникают под моим пером. Каков точный смысл строки в начале поэмы, когда Петр говорит: «И запируем на просторе»**, «*Nous banqueterons dans l'espace*»: «Мы

* Название поэмы Пушкина у Мериме дано по-русски.

** Цитата из Пушкина приведена у Мериме по-русски.

будем угощать весь мир», или «Мы поглотим вселенную, мы поглотим всех»? Может быть, это поэтический перевод вашей солдатской песни, с которой меня ознакомил Соболевский: «Матушка Россия не берет насильно» * и т. д. Наконец, не намек ли это на пристрастие Петра к обильным трапезам после тяжелых трудов?

Тщательно, с пером в руке, перечел *Кавказского пленника*. Нахожу в нем длинноты. Пушкину свойственна особая сжатость описания. А тут он растянул на две главы то, что обычно уместит в одной. По-моему, здесь еще сказывается влияние лорда Байрона, который никогда не умел остановиться вовремя и, боясь упустить пришедшую в голову мысль, ослаблял предыдущую, уже высказанную. Между *Пленником* и *Цыганами* промежуток в три года, но какая громадная разница в методе! В *Цыганах* лаконизм как в словах, так и в мыслях, пожалуй, чрезмерен. Это рвение новообращенного, более благочестивого, нежели его духовный пастырь, но я не устаю восхищаться этой маленькой поэмой, где каждый штрих отобран с таким великолепным вкусом, где ни одного слова не переставишь, где каждое слово производит нужное впечатление. Пожалуй, ее можно упрекнуть только в излишней искусности.

Мне бы хотелось знать, чем отличается стиль, вернее, язык Пушкина от языка его предшественников? Вы мне говорили, что он, как и Мольер, часто советовался с няней по поводу своих сочинений. Очевидно, ему хотелось пользоваться только народным языком. Но каков был литературный язык до него? Я прочел всего несколько басен Крылова, *Ундину* Жуковского и не знаю, что и думать. Часто нахожу сходство с французским. Еще будучи школьником, я не испытывал особого уважения к Цицерону, потому что многие фразы у него казались мне переводом с французского. Мы ведь всегда склонны восхищаться непонятным.

Это же чувство должно вызвать во мне чрезвычайное восхищение последним министерским переворотом. В письмах из Парижа мне ровно ничего не сообщают. Если Вы в курсе дела, соблаговолите просветить нас. Будьте еще так добры написать мне о Соболевском. Он как

* Слова, стоящие в кавычках, Мериме написал по-русски.

будто собирался в Ниццу, но объявленная распродажа библиотеки Солара, вероятно, задержит его на некоторое время в Париже. Говорят, туда надо принести все сокровища Креза, чтобы завладеть хотя бы одной книжкой.

Еще одно слово о Пушкине. Знал ли он немецкий язык, нравилась ли ему немецкая литература? Хочется верить, что нет. В нем не ощущается никакой связи с немецкими авторами. У них мысли половинчатые, и выражены они тоже наполовину. В противоположность им Пушкин всегда знает, что он хочет сказать.

Прощайте, милостивый государь, не забывайте меня. Я здесь как в пустыне. Обычно в это время года здесь очень хорошо, но в наш век все идет вкривь и вкось — времена года, солнце и все остальное.

Преданный Вам

Пр. Мериме.

Expresiones Соболевскому.

72. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 10 декабря <1860>.

Я Вам очень благодарен за любезное письмо, а еще больше за обещание остановиться проездом в моей пустыне. Вы сможете полюбоваться живописной местностью, и хотя погода нас не балует, но приезжий из Парижа должен, мне кажется, оценить здешнее солнце. Я Вам пишу при открытых окнах. Перевод, который Вы предлагаете сделать, доставит мне большое удовольствие, но я не могу злоупотреблять Вашей любезностью. Укажите мне заглавия произведений, которые Вы особенно рекомендуете,— думаю, что в конце концов я их пойму. Единственная просьба: разрешите мне продолжить мои вопросы,— Вы так хорошо на них отвечаете.

Вы упоминали о литературном направлении, которое видит в церковно-славянском языке язык поэзии. Я несколько раз встречал фразы на церковно-славянском языке и понял их смысл с помощью обычного русского словаря. Следовательно, между этим языком и языком разговорным существует тесная связь,— мне думается, бо́льшая, нежели между новогреческим и древнегреческим. По-моему, у вас мужики слушают молитвы на славянском, а паликары, понимающие Гомера, весьма редки. Соболевский мне говорил, что он считает славянский язык неиссякаемым источником, из которого русский поэт может и должен черпать точно так же, как современный писатель при соответствующем мастерстве может применять французские выражения XVI века. Пользовался ли Пушкин славянским языком? Читая о Лжедмитрии, я находил обороты, которые есть и у Пушкина. Например, вместо союза «и» слово «да», как в строке

«и лай собак да коней ржанье» *. Впрочем, возможно, это еще бытующая форма?

Мне очень трудно оценить достоинства *Руслана и Людмилы*. Быть может, Пушкин хотел прославить элементы народной поэзии, имеющейся в каждой стране. Я не знаю, любят ли русские мифологическую часть, если так можно выразиться, как, например, немцы роман *Петер Шлемиль* или *Ундину*, написанные, кстати сказать, онемеченными французами. Фантастика *Руслана и Людмилы* мне кажется бледной — может быть, потому, что мои глаза не приспособлены для этих красок; кроме того, между стилем и сюжетом имеется досадное противоречие. Волшебные сказки надо сказывать простодушно, как бы веря в них. Фантастика же, смешанная с иронией, звучит диссонансом. Этим же недостатком отличается, на мой взгляд, *Халиф Ватек* Бекфорда — произведение, вообще говоря, замечательное. Бекфорд написал его по-французски, на прекрасном французском языке, но в манере Гамильтона, стиль которого он удивительно усвоил. По-моему, Гоголь в повести *Вий* ** великолепно понимал, если не считать излишнего гротеска, как надо рассказывать о привидениях.

Какого Вы мнения о *Графе Нулине* и *Домике в Колонне*? *** По-моему, это не подражание лорду Байрону, но им навеяно. Хотя у меня под рукой нет даты написания *Бенно*, но все же он мне представляется отцом этих двух поэм. Пушкин с присущей ему сдержанностью и вкусом, несравненно более тонким, нежели у лорда Байрона, избежал бессвязности изложения.

Дон Жуаном навеяны и две первые главы *Евгения Онегина*. Но между этими главами и последующими в манере писателя произошел поворот. Пушкин отказывается от прежних приемов и становится совершенно оригинальным. Известны ли Вам какие-либо подробности, объясняющие эту перемену, тем более удивительную, что на долю первых двух глав *Евгения Онегина* выпал, насколько мне известно, громадный успех? Мне говорили, что и сейчас ими больше всего восхищаются. Между эти-

* Мериме цитирует Пушкина по-русски.

** Название повести Гоголя дано у Мериме по-русски, но с ошибкой: «Вый».

*** Названия поэм Пушкина у Мериме даны по-русски.

ми главами и последующими для меня такая же разница, как между очень искусной вариацией на заданную тему и оригинальным произведением. Боюсь, что я впал в страшнейшую ересь, но я готов отказаться от нее, как только Вы обратите меня в свою веру.

Будьте добры, предупредите меня о своем приезде в Канн. Иногда я совершаю экскурсии по окрестностям, и мне было бы очень досадно, если бы я Вас упустил.

Благодарный и преданный Вам

Пр. Мериме.

Вы говорите, что Карамзин подражает французскому языку. Разве своим стилем он не напоминает немцев? Тяжеловесностью — несомненно.

1861.

73. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 18 января вечером <1861>.

Милостивый государь,

Бесконечно давно собираюсь написать Вам, но эта местность, прежде пустынная, ныне вошла в моду, и я все время исполняю роль чичероне по отношению к людям, бежавшим от зимы под сень наших померанцев. Успел написать страниц двенадцать о нашем поэте; пользуясь приемом покойного Плутарха, я сравниваю его с лордом Байроном. Между ним и Пушкиным действительно есть немалое сходство. Оба относились к обществу, которое до некоторой степени их избаловало, с великолепным презрением. Оба любили все необыкновенное, сильное и в нем находили τὸ καλόν *. Наконец, оба стремились освободить поэзию от пошлости, оба отличались сжатостью слога. Но лорд Байрон был англичанином, следовательно, ему не хватало вкуса, αττικίδμος **. Это был болтун (мысли у него разбросаны, он только в их выражении лаконичен и потому неясен). Пушкин, наоборот, лапидарен и в содержании и в форме, и это потому, что у него был вкус. Но откуда он у него? Вот что меня интересует. Дар ли это природы или следствие образования? Объясните мне. Я называю вкусом способность выбрать из двух выражений лучшее, из двух мыслей наиболее глубокую, беспристрастную критику самого себя, кокетство поэта, который подобно красивой женщине, прежде чем показаться публике, уделяет большое вни-

* Прекрасное (греч.).

** Атицизма (греч.).

мание своему туалету. Вот в чем греки достигли совершенства, а писатели школы Руссо никогда этого не умели или старались об этом забыть под предлогом свободы, искренности и т. д., а в сущности — из чванства и самолюбования.

Для продолжения работы мне не хватает книг и советов, подобных Вашим. Предполагаю быть в Париже через месяц, тогда и закончу свою статью и покажу ее Вам. Я развлекался переводом нескольких стихотворений из тех, что Вы отметили. По-моему, в *Пророке* все время употребляются славянские формы. Может быть, для русского это нечто вроде *Слов верующего* Ламене и славянский, сливаясь с русским, образует подобие библейских выражений, вошедших в прозу Босюэ?

Я только что перечел *Кавказского пленника*. Образы лишены индивидуальности. Черкешенка и пленник — бледные тени. Вам режут слух черкесские слова: *аул*, *шашка*, *узден* * и т. д.

Мне это напоминает местный колорит современных фельетонов: если действие происходит в Испании, то говорят не шляпа, а *sombbrero*, *сара* — вместо плаща. Не выношу этой тарабарщины. Когда Пушкин совершил путешествие на Восток? До или после *Кавказского пленника* **?

Нахожу длинноты и в *Бахчисарайском фонтане*. По-моему, восточные краски наложены плохо, те характерные эпитеты, которые я отмечал в *Цыганах*, отсутствуют. Может быть, я лучше знаю цыган, нежели турок. Под моими окнами расположилась семья цыган, и я вижу, как у них «между колесами телег горит огонь» ***.

Вижу их дырявые одеяла. Пушкин все списал с натуры. Сомневаюсь, чтобы он мог так же хорошо рассмотреть татарский гарем. Ведь к нему приблизиться нелегко. Как бы там ни было, эту поэму, как и *Кавказского пленника*, я могу упрекнуть в том, что там нет достаточно яркой индивидуализации образов. Их трагические персонажи обладают какой-нибудь ярко выраженной страстью, но они ничем не отличаются от других драматиче-

* Все три слова Мериме написал по-русски.

** Название поэмы Мериме написал по-русски.

*** Слова, стоящие в кавычках, Мериме написал по-русски.

ских героев этой категории. *Difficile est proprie communi dicere* *. Это верно, но зачем выбирать своих героев среди людей, которых можно изучить лишь поверхностно? Что такое маленькие поэмы-сказки? *Царь Салтан*, *Мертвая царевна и семь богатырей* и т. д.? Русские ли это народные сказки, переложенные Пушкиным стихами, или подражание волшебным сказкам, сюжет которых везде одинаков? У Пушкина большой талант рассказчика, но это только искусное подражание. Хорошо один раз, но, по-моему, он злоупотребил этим жанром. Лучше было не подражать, а перевести сербские песни, например, о Марко и т. д. Как видите, я продолжаю преследовать вас сомнениями и вопросами, но, посудите сами: какие мысли могут рождаться в Канн? Узнал, что Соболевский в Ницце; хочу съездить повидать его на следующей неделе. Здесь Фульд; лишившись портфеля, он утешается тем, что прогуливается со мной на солнышке.

Познакомился с Вашим соотечественником — князем Трубецким, живущим в Канн. У него очень красивая и очень любезная жена, полуфранцуженка-полуйтальянка. Прощайте, милостивый государь. Как видно, Вы не собираетесь покинуть Париж. Надеюсь, Вас задерживает работа. Но если причина кроется в другом, то напрасно Вы не хотите приехать полюбоваться нашим солнцем.

Преданный Вам

Пр. Мериме.

У меня сомнения относительно номера Вашего дома: 210, если не ошибаюсь?

* Трудно придать оригинальность общим местам (лат.).

1862

74. МИССИС СЕНИОР

Британский музей, 30 мая 1862.

Сударыня,

Большое спасибо за присланную книгу, успел прочесть уже около половины. Она меня очень развлекает— во-первых, потому, что она забавна, во-вторых, точка зрения автора противоположна моей; стоя на этой точке зрения, он видит престранные вещи, а я считаю их надуманными. Я знавал госпожу Рекамье, когда ей было далеко за сорок. В прошлом она несомненно была хорошенькой, но вряд ли могла когда-либо претендовать на красоту. У нее была топорная фигура, некрасивые ноги, некрасивые руки; что касается ума, то о нем заговорили много позднее, когда иссякли все прочие источники очарования. В молодости у нее была довольно дурная репутация; в зрелости и старости она строила из себя святую, но никогда не была Нинон де Ланкло или госпожой де Ментенон. По-моему, у нее просто отсутствовал орган, именуемый сердцем. Она любила все виды поклонения, а когда любят всех, то не любят никого. Цель у нее была одна: властвовать над небольшой свитой знатных людей. Требовала она немногого. Она нуждалась лишь в постоянных ухаживаниях и в чисто внешней преданности. Зато она с безукоризненной благожелательностью умела скучать. Слушала по двадцать раз стихи одного, прозу другого и каждый раз превыше всякой меры восхищалась. Мне известно от людей старшего поколения, каким образом она влюбляла в себя. Когда поблекли ее глаза, она стала изощряться в искусстве беседы. Ее прием был настолько прост, что Вам он должен

показаться грубым; между тем это наилучший из приемов. Она говорила с вами вполголоса и вам одному, что вы самый необыкновенный человек своего времени. Манера говорить была заранее обдуманна. Первые слова произносились особенно горячо, — это выглядело как признание, вырвавшееся у нее в минуту восторга. Конец фразы выговаривался медленно, как бы стыдливо, что производило еще большее впечатление даже на людей, избалованных успехом. Нужно отдать госпоже Рекамье справедливость, что, добиваясь расположения, она никогда не преследовала личных интересов, она просто стремилась пополнить свой зверинец еще одним львом. Она не искала ни денег, ни более высокого положения в обществе. Иметь собственный салон, не быть в одиночестве, быть осведомленной обо всем и обо всех — вот и все ее претензии. Она была, в сущности, доброй женщиной, сознательно никому не причиняла зла. Я не мог понять, зачем она обрекла себя на смертельную скуку ежедневных приемов, причем это были люди ничтожные или, что еще хуже, утомительные своей претенциозностью, спесью и чванством. Особенно невыносимым в последние годы своей жизни стал Шатобриан. Она старалась развлечь его, но, разумеется, тщетно и безуспешно. Один из моих близких друзей отчаянно влюбился в нее. Это была натура страстная, человек капризный, оригинальный. Она его постепенно воспитала, и он сделался кротким, вежливым, благодушным и таким же посредственным, как и все остальные. Удивительное дело: она как бы уничтожила в нем сердце. Когда она умерла, он, мне кажется, почувствовал облегчение. Он уклонялся от обязательств, старался избегать докук, но не имел решимости избавиться от них вовсе. Чтобы понять госпожу Рекамье, надо знать праздную жизнь парижан, надо знать парижское «хорошее общество», в котором отсутствуют оригинальные характеры и ум. Войдя в гостиную, вы уже находите там готовые мнения и идеи, — вы их подхватываете и распространяете. Это арсенал, где берут снаряды, чтобы произвести шум. Отсюда и идет слава женщины, у которой такой большой арсенал, что он может снабдить всех. Но это требует колоссального труда. Надо привлечь умных людей и суметь их удержать. Надо заставить тех, кто имеет только титул или деньги, признать ее ум. Надо

всем льстить, а главное — уметь скучать, беспрестанно лгать, острить осторожно, наконец, не злиться, чтобы не нажить себе врагов, ибо всякий враг опасен.

Прощайте, сударыня, мои юридические муки как будто подходят к концу. Не знаю, в какой части света и в каком месте Вы живете. Можно ли приехать поухаживать за Вами и спросить, не будет ли у Вас поручений в Париже, потому что, увы, приближается время моего возвращения? Примите, сударыня, уверения в моем глубоком уважении.

P. S. Должен ли я вернуть книгу Вам или ее можно передать мадмуазель Мини?

75. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 24 ноября <1862>.

Милостивый государь,

Я возвратился из Компьена и завтра, во вторник, уезжаю в Канн. Не собираетесь ли Вы посетить этот прекрасный край? В Компьене я одновременно учил комедийные роли, охотился на оленей и читал *Отцов и детей* *. Роман очень интересен. Образы правдивы, иные, может быть, даже слишком правдивы. Должен сказать, что с некоторых пор я стал или пытаюсь стать врагом реализма. Базаров очень похож на В<иктора> Жакмона, но Жакмон сердечнее и не такой скептик. Особенно правдива и очаровательна Ваша Одинцова. Вы имели в виду кого-либо из Ваших знакомых? Мне кажется, что в России уходящее поколение отцов лучше детей **. То же самое происходит и во Франции. Утрата энтузиазма — вот несчастье нашего времени.

По-моему, Вы описываете женщин не менее правдиво, чем мужчин, отсюда я делаю вывод: сегодняшние русские женщины лучше наших. Меня растрогал образ *Арины Васильевны* *** — матери всех времен остаются матерями. Мне бы хотелось, чтобы Вы изобразили знатную женщину старого закала. Вы нам показали угрюмую княжну X, но ее роль незначительна. Не был ли блестящей эпохой для русских женщин конец царствования Александра I?

* Заглавие романа Мериме написал по-русски.

** Слова набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

*** Имя и отчество героини Мериме написал по-русски.

По-моему, Ваш роман представляет большие трудности для перевода. Жалею, что не смогу просмотреть с Вами корректуру. Впрочем, я готов служить Вам, если Вы мне ее перешлете в Канн.

Нужен ли Вам присланный сюда экземпляр? Мне кажется, он предназначен для переиздания.

Прощайте, милостивый государь, будьте здоровы и трудитесь. Шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.

Пр. Мериме.

Мой адрес: Дом Сикара, Канн, Приморские Альпы.

76. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 5 декабря 1862.

Дорогой друг, я приехал сюда в промежуток между двумя наводнениями и в течение четырех дней думал, что солнца больше не будет, даже в Канн. Когда здесь начинает лить дождь, это не шутка. Равнина между Канн и Эстерелем превратилась в озеро. Нельзя было высунуть нос наружу. Однако воздух во время этого потопа был такой же мягкий, и дышалось легко. С тех пор как я страдаю одышкой, я стал восприимчив к воздуху, как римляне к воде. По счастью, все это продолжалось недолго. Три дня тому назад засияло солнце — с тех пор я живу при открытых окнах, и мне почти что жарко. Только мухи напоминают о трудностях жизни. Перед отъездом из Парижа я советовался с известным врачом, так как по возвращении из Компьена считал, что дело мое плохо, и хотел узнать, когда надо будет обратиться в похоронное бюро. Я остался более или менее доволен его консультацией: во-первых, он меня уверил, что похороны состоятся не так скоро, как я предполагал; во-вторых, он мне анатомически доказал, доказал вполне ясно, какова причина моего недуга. Я считал, что у меня больное сердце, оказывается, ничего подобного — все дело в легком. Правда, вылечить это нельзя, но есть средство избежать страданий, а это уже много, хотя и не самое главное.

Вы не можете себе представить, до чего хороша природа после выпавших дождей. Всюду майские розы. Зацветает жасмин и полевые цветы — один краше другого. Мне хотелось бы вдвоем с Вами пройти курс ботаники в здешних лесах — тогда Вы убедились бы, что они ничуть не хуже, чем в Бельвю. Не знаю, как ко мне попа-

ла последняя книга Гюстава Флобера, автора *Госпожи Бовари*; Вы, по-моему, ее читали, но только не хотели в этом сознаться. До сих пор я полагал, что у него есть талант, но что его талант уходит в реализм. Теперь он разрешился новым романом, который называется *Саламбо*. В любом другом месте, кроме Канн, где нашлась бы для меня ну хоть поваренная книга, я не открыл бы этого романа. Это история Карфагена за несколько лет до второй пунической войны. Автор, начитавшись Булье и ему подобных компиляторов, щеголяет лжеученостью в сочетании с лирикой, заимствованной из наихудших образцов Виктора Гюго. Вам, как представительнице слабого пола, любящей пафос, некоторые страницы, вероятно, понравятся.

Я же ненавижу всякий пафос и оттого пришел в бешенство. Тогчас по приезде сюда я снова взялся за статью о казаках; особенно упорно я над ней работал, когда шли дожди. Боюсь, что она выйдет очень длинной. На днях пошлю в Париж вторую, и это еще не последняя. Забыл захватить с собой карту Польши. Не знаю, как пишутся польские названия, у меня есть только русская транскрипция. Если можно, постарайтесь узнать: город, который называется по-русски Львов, не то же ли это самое, что Лемберг в Галиции? Вы мне окажете этим большую услугу.

Прощайте, дорогой друг. Надеюсь, зима обходится с Вами не слишком сурово, и Вам удастся уберечься от простуды. Все так же ли мила Ваша маленькая племянница? Не балуйте ее сверх меры, а то впоследствии она будет чувствовать себя несчастной. Мне очень хочется, чтобы Вы посмотрели пьесу моего друга Ожье и сообщили мне свое искреннее мнение. Еще раз прощайте.

1863

77. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 3 января 1863.

Дорогой друг, я плохо начал год: лежу в постели с мучительным прострелом, который не давал мне даже повернуться на бок. Вот Вам и выгоды прекрасного климата. Пока светит солнце, кажется, будто наступило лето, а сразу после захода — холод и пронизывающая сырость, и продолжается это четверть часа. Словом, как в Риме, с той только разницей, что здесь страдаешь от ревматизма, а там треплет лихорадка. Сегодня моя поясница обрела частичную подвижность, и я возобновил прогулки. Меня навестил мой старый друг г-н Элис; он пробыл со мной целые сутки и пополнил мой запас новостей и мыслей, совершенно окостеневших в Провансе. Собственно говоря, это единственное неудобство жизни вдали от Парижа. Быстро превращаешься в пень, а в этом нет ничего приятного, если не разделяешь вкусов моего собрата по перу — г-на Лапрада, мечтающего стать дубом.

Если здоровье наладится, думаю быть в Париже 18-го или 20-го на обсуждении адреса, — говорят, оно обещает быть жарким и интересным. Покончив со своими обязанностями, возвращусь к солнцу, иначе, без всякого сомнения, подожду, если проведу в Париже февраль с его холодами, ветрами и слякотью...

Напрасно Вы не прочитали *Саламбо*, хотя это сплошное сумасшествие и хотя там еще больше пыток и всяких мерзостей, чем в *Жизни Хмельницкого*, но все же талантливо и дает любопытное представление об авторе и еще более любопытное о его поклонниках — буржуа, любящих беседовать с порядочными людьми. Мой друг Ожье

удачно высмеял таких буржуа, поэтому ни один уважающий себя человек, как я слышал, не сознается, что видел *Сына Жибуайе*. А пока что касса театра пополняется, а вместе с ней и кошелек автора. Рекомендую прочесть в *Ревю де де Мюнд* от 15-го числа роман Тургенева, корректуру которого мне должны прислать. Я читал его по-русски; он называется *Отцы и дети*. Речь идет о конфликте между старым и новым поколением. Герой, представитель молодого поколения, социалист, материалист и реалист, человек умный и интересный. Характер весьма оригинальный; я уверен, что он Вам понравится. В России роман произвел сенсацию; автора жестоко бранили, обвиняли его в безбожии и безнравственности. Если произведение разжигает в публике страсти,—это, по-моему, залог успеха. Надеюсь заставить Вас прочитать вторую часть *Хмельницкого*; я правил корректуру, лежа на спине. Там Вы увидите множество казаков, посаженных на кол, и зверски замученных евреев. Я собираюсь в Париж к 20-му или к 21-му не из-за тронной речи, а для обсуждения адреса. Но могу приехать и раньше, если того потребуют Ваши личные соображения. Прощайте, дорогой друг, желаю Вам доброго здоровья, и счастья, и никаких прострелов. Прощайте, не забывайте меня.

78. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 30 августа 1863.

Завтра я уезжаю в Биарриц вместе с Паницци, который приехал вчера. Нас увозит наша любезная повелительница; она собирается приютить нас на берегу океана, не знаю, на сколько времени. В октябре думаю обосноваться в Канн. Вернусь в Париж для обсуждения адреса и, по-видимому, проведу там весь ноябрь. Надеюсь тогда повидать Вас вопреки всем председателям и тюленям.

У меня есть очень любопытная книга, которую я Вам дам почитать, если Вы будете благоразумны и внимательны ко мне. Это отчет какого-то дурака о судебном процессе XVII века. Монахиня из королевской семьи *focsea l'atone* * с одним миланским дворянином, а так как это остальным монахиням не нравилось, то она при содействии своего возлюбленного их убивала. С точки зрения нравов, история поучительная и интересная.

Прочтите *Сезон в Париже* г-жи <Корсаковой>.

Эта простодушная особа ощутила неодолимое желание понравиться его величеству и во время бала сообщила ему об этом в столь категорической и ясной форме, что во всем мире только Вы одна не поняли бы этого. Он был ошеломлен, сразу не нашелся, что ответить, и, как говорят, только через три дня позволил соблазнить себя. Вижу, как Вы осеняете себя крестным знаменем и лицо Ваше принимает знакомое мне выражение ужаса.

Читали Вы *Жизнь Иисуса* Ренана? Вероятно, нет. Это книга и малозначительная и вместе с тем очень значительная. Она подобна мощному удару топора по зда-

* Путалась (итал.).

нию католицизма. Автор пришел в ужас от собственной дерзости, от того, что он посмел отрицать божественное начало, и в конце концов запутался в излишних восторгах и преклонениях, утратив всякую способность судить о христианском вероучении с точки зрения философской. Все же книга не лишена интереса, и Вы ее прочтете с удовольствием, если только уже не прочли.

Я должен укладывать вещи и принужден Вас покинуть. На первых порах мой адрес: Вилла Эжени, Биарриц (Нижние Пиренеи). Сообщите поскорее о себе. Прощайте.

79. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Среда, 9 декабря <1863>.

Милостивый государь,

Как жаль, что Вас нет в Паси! Если б Вы были здесь, это могло бы быть для Вас полезно. Да будет Вам известно, что мадмуазель Делесер собиралась поговорить с Вами об интересующем Вас деле — по поводу партии (отнюдь не политической) для Вашей дочери.

Я очень огорчен, что мы не повидались перед Вашим отъездом. Надеюсь, Вы дадите знать о себе из Петербурга, когда разберетесь в происходящем. Пишите только о литературе, чтобы письмо вернее дошло, а главное, сообщите о том, что Вы скоро вернетесь.

Вчера наш председатель читал бесконечно длинный бессодержательный адрес, написанный ужасным французским языком. Некоторые благозвучные фразы начинаются так: «Дело в том, что несмотря на то, что...» Чем хуже брекекекекс Аристофана?

Мне не терпится знать, что получится из Вашего призрака. Вы беретесь за фантастику, и меня это огорчает, хотя я не сомневаюсь, что Вы справитесь с этим отлично, и все же заблуждениям нашего легковверного века потакать не следует. Настало время борьбы с суевериями и суеверами; если не помешать их распространению, они нас сожгут.

Ожье только что возвратился из Рима; в течение своего полуторамесячного пребывания в Вечном Городе он наблюдал два чуда. Они происходят ежедневно; можно составить огромную библиотеку из всего, что публикуется о спиритизме. На мой взгляд, не было времени печальнее нашего.

В середине следующей недели я уеду в Канн. Чувствую себя здесь, как рыба, вынутая из воды, и содрогаюсь при мысли о погоде, которая Вам угрожает во время Вашего путешествия. Если Вы будете покупать самовары, о чем у нас был с Вами разговор, то привезите мне небольшой и не слишком дорогой. Заранее Вам благодарен. Я отдал свой е. в. Не решаюсь просить Вас привезти книги. Мне давным-давно обещали Петра Великого г-на Устрялова, и я его терпеливо жду. Важно, чтобы Вы сберегли, как выражается Рабле, свою шкуру.

Прощайте, милостивый государь, желаю Вам счастливого пути и скорейшего возвращения.

Преданный Вам

Пр. Мериме.

1865

80. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 15 января <1865>.

Милостивый государь,

Ubi terrarum * находитеcь Вы в данную минуту? Зная Ваши нравы и обычаи, я предполагаю, что зима привела Вас снова в Париж. А вот моя одиссея. В начале октября я направился в Мадрид. Там стоял собачий холод и шел проливной дождь. Я уехал оттуда в конце ноября совершенно заоченевший, приехал сюда и не двигаюсь с места. Погода была здесь не блестящая; дождей выпадало больше, чем обычно, но выдалось также несколько дней, какие бывают только в этих краях. Здесь многовато англичан. Понастроили больших отелей, один из них — величиной чуть не с Лувр — привлекает великое множество коварных островитян. У нас бешеная конкуренция с Ниццей, — там жалуется, что Ваша императрица не служит приманкой для приезжих. По слухам, она очень религиозна и нелюдима. Она заставила удрать из Ниццы всех поляков, желавших, чтобы и овцы были целы и волки сыты. К нам зато приехал цвет британской аристократии — герцогини, маркизы, а от баронесс деваться некуда. Кроме того, множество обитателей Сен-Жерменского предместья; здесь все семейство Брогли, за исключением принца Альберта. Зато мы получили его брата, морского офицера. Он развлекается тем, что помогает во время богослужения и истязует свою плоть. Видите, что делает воспитание. Его отец — скептик, его учитель — атеист или нигилист, выражаясь языком Базарова. Мать — протестантка; тетка — убежденная сторонница пуритан, а бабушка — королева шлюх. Правда, голова у него имеет форму огурца **, а Вам, ко-

* В какой земле (лат.).

** Слово, набранное курсивом, Мериме написал по-русски.

нечно, известно, что благочестие обитает на самой верхушке человеческого мозга. Когда я выходил из дому, я читал *военные рассказы* * Толстого, которыми я обязан Вашей щедрости. Они интересны и занимательны, хотя им не хватает остроты. Есть очень тонкий анализ движений человеческого сердца, может быть, даже слишком тонкий, слишком подробный, но не хватает мастерства, чтобы все это осветить ярким светом. Автор рассказывает вам на двух страницах об ощущении одного человека, нет, двух людей, лежащих рядом с бомбой, запал которой подожжен. Я до сих пор помню мысли Вашего слуги, когда он тонул, я был поражен правдивостью наблюдений автора, но две страницы описания перед взрывом бомбы — это испытание терпения читателя. Еще я заметил любопытный анализ храбрости и трусости, мотивы того и другого чувства, их чередование. Все это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что автор в своих наблюдениях очень точен и проницателен, но не умеет создать цельную картину, хотя рисует превосходно. Как Ваше мнение?

Чем Вы заняты в данное время? Хотелось бы услышать от Вас, что Вы работаете над крупным произведением. Мне кажется, что если бы Вы взялись за большую тему, Ваш талант несколько изменился бы. Вам пришлось бы комбинировать Ваши свойства и Ваши приемы и изучить мастерство Дюма, которым Вы, пожалуй, слишком пренебрегаете. А я считаю его превосходным поваром, но он изготавливает свои подливки для всякой дряни, Вы же кормили бы нас отменной говядиной. Извините за кулинарные сравнения. Не подумайте, что я здесь обжираюсь. Напротив, питаюсь я неважно. Это беда Канн. Хорошо, если русская соседка угостит меня *щами* **. Прощайте, милостивый государь, надеюсь, что эта зима не была к Вам слишком сурова. По слухам, она была лютая. Мне незачем говорить Вам, что я весь к Вашим услугам, ничем не занят и готов быть Вам полезен в любом малом и большом деле. Всего Вам доброго.

Пр. М.

* У Мериме: военные рассказы.

** Слово, набранное курсивом, Мериме написал по-русски.

81. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, пятница 27 янв <аря 1865>.

Милостивый государь,

Примите мои поздравления по случаю бракосочетания Вашей дочери. Надеюсь, что это не заставит Вас забыть Ваших парижских друзей. Пока Вы держали квартиру на улице Риволи, мы почитали Вас за своего. Боюсь, что теперь, когда Вы остались один, да еще принимая в соображение, что у Вас есть дом в Германии, Вы будете редко появляться по эту сторону Рейна. Если бы Вы страдали ревматизмом, у меня была бы еще надежда встретиться с Вами здесь. Сегодня в два часа я задыхался от жары, а у вас, верно, все еще покрыто снегом.

Мне очень не нравятся Ваши рассуждения о безделье,— предоставьте иезуитам и архиереям аргумент *ad hominem* *, который Вы обращаете против меня. Прежде всего, с меня брать пример не следует, ибо я прожил жизнь, делая не то, что хотел и должен был бы делать. Может быть, у меня и были какие-то задатки. Но вначале, когда мне особенно хотелось заняться их развитием, в моей стране произошла революция, и ее непосредственным результатом явилось то, что я четыре лучших года моей жизни, когда я был молод и полон сил, тянул лямку в одном из министерств. Вышел я оттуда слегка одуревший и в течение пятнадцати лет занимался археологией, остальное Вам известно. Но главная причина, помешавшая мне работать, была довольно-таки глупой. Я писал, чтобы позабавить одну прелестную особу. А когда она перестала интересоваться мной,

* Довод, основанный на личном моменте (лат.).

я перестал писать. Надеюсь, что Вы не столь глупы, и когда беретесь за перо, работаете для себя, как делал Моцарт, сочиняя *Дон Жуана*. От Ваших скупых слов о романе, который Вы обдумываете, у меня слюнки текут; хочется, чтобы замысел был осуществлен без промедления. Я уверен, что этот сюжет заставит Вас значительно изменить Вашу манеру. Вы не утратите способности к наблюдению и к отбору деталей, но Вы, несомненно, научитесь быть более сдержанным. Говорят, что Сафо, критикуя Алкея, сравнивала его с человеком, который, вместо того чтобы разбросать семена по целому полю, высыпал весь мешок в первую же борозду. Вы и Алкей могли бы ответить: «У меня много зерна и маленькое поле»; а я на это скажу: «Если у Вас много семян, идите на большое поле. Семена будут правильно распределены, и урожай Вы соберете превосходный».

Я не большой поклонник исторического романа в том виде, в каком его ввел в моду Вальтер Скотт. Порой он искажает историческую истину и умаляет великие характеры; пример тому—его Людовик XI в *Квентине Дорварде* и его Кромвель в *Вудстоке*. Я понимаю исторический роман совсем иначе. Исторический романист должен искать объяснений всем известным фактам, искать мотивы поступков великих людей в их характерах. Задача в том, чтобы, как в алгебраическом уравнении, находить неизвестное. Лучшее из всего, что сделано Тьером в его истории Наполеона,—это, по моему мнению, его объяснение (гипотетическое, но вполне возможное) Байонских событий 1808 г. По поводу известных фактов ему пришли в голову такие-то и такие-то мысли. Мне очень бы хотелось Вас убедить, ибо я уверен, что Ваше произведение оказалось бы наилучшим подтверждением моего тезиса. Итак, вознесем *sursum corda* *. Что касается прочитанных мною сочинений Толстого, то они оставляют меня в сомнении относительно его гомеровских способностей, ибо главная из них состоит в том, чтобы видеть в каждом герое его великие черты, а он видит мелкие. Но ведь дети рисуют людей с пятью пальцами, из которых каждый больше всей руки, и все же некоторые из них могут стать великими художниками.

* Сердце горè (лат.).

Леон Лаборд в феврале выдает свою дочь за Эме Сельера. Сын г-жи Боленкур, которого она, еще будучи г-жой де Контад, произвела на свет с помощью г-на де Куалена, нынче притязает на фамилию и титул Контада, ссылаясь на то, что *is pater est quem nuptiae demonstrant* *. Это слегка развлекает высший свет, которому уже надое-ло герцогство Монморанси, дарованное племяннику вышеупомянутой г-жи де Контад. История с энцикликой прискорбна. До чего же люди глупы, хоть и живут в XIX веке! Я завидую Вам, что Вы православный **. Самая большая глупость на свете — исповедовать общую веру. Каждый должен иметь свою собственную и не делать попыток обращать в нее других.

Прощайте, милостивый государь. Я приеду в Париж около 1 марта и буду счастлив распить с Вами мои последние бутылки папского вина.

Пр. Мериме.

* Отец — тот, на кого указывает брачное свидетельство (лат.).

** Слово, набранное курсивом, Мериме написал по-русски.

82. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 2 марта <1865>.

Милостивый государь,

Я уеду отсюда в следующий понедельник или, самое позднее, во вторник, чтобы участвовать в голосовании адреса. Буду очень рад, если еще застану Вас в Париже и смогу пожать Вам руку перед Вашим долгим путешествием. Мне чрезвычайно приятно, что Вы обещаете засесть за свой историко-поэтический труд. Пишите его как бы для себя; так писал, говорят, Моцарт своего *Дон Жуана*, и я предрекаю Вам успех, а главное, Вы глубоко огорчите Ваших врагов, отказывающих Вам в способности создавать крупные вещи. Конечно, литературные произведения следует измерять не на метры. Хорошая вещь может быть и короткой и длинной, какой угодно. Когда я советовал Вам заняться большой темой, то имел это в виду как лекарство, вернее, как профилактическую предосторожность, которую позволил себе Вам рекомендовать в противовес Вашей тенденции задерживаться на мелочах. Вы видели в Фарнезине огромную голову, нарисованную Микеланджело на карнизе,— он как бы давал этим Рафаэлю совет видеть в природе крупные черты. Так же поступал покойный Гомер и большинство греков, наших вечных учителей. Подобно тому, как живописец, рисующий голову больше натуральной величины, вынужден пренебречь мелкими деталями, так же, думается мне, и Вы в большом произведении будете, так сказать, прикованы к крупным чертам, а так как я уверен, что Вы их позаимствуете у самой природы, то это будет прекрасно. Что и требовалось доказать.

Вчера меня посетил князь Вяземский, который живет в Ницце. Он принес мне две свои книжки: *Фотография Венеции* и *За границую* *.

* Заглавия Мериме дает по-русски.

Мне показалось, что он в хороших стихах отдает должное нашему каннскому небу, хотя оно в нынешнем году заслуживает меньше похвалы, чем обычно. Он мне чрезвычайно Вас расхваливал, хотя не столько высказал, сколько я угадал его упрек в том, что в *Отцах и детях* портреты чересчур похожи на тех, с кого вы их писали.

Может быть, в Вашем романе есть что-нибудь относящееся и к нему? Я защищал Вас, утверждал, что Вы пользовались Вашими оригиналами только как обобщенными типами и не помышляли о сатирах на определенных лиц. Он охотно с этим согласился, однако заявил, что есть люди, узнавшие себя в Базарове.

Я уеду из Канн с ужасным насморком, а в Париже он, конечно, еще усилится. Предполагаю остаться там ровно столько, сколько понадобится, чтобы выполнить свои обязанности в Люксембургском дворце и уехать, как только адрес будет проголосован, то есть, в общем, не больше недели. Чем дальше, тем больше я ощущаю, насколько мне необходимо солнце. Вероятно, скоро буду вынужден искать его дальше, чем в Канн, где оно ленится, да и цивилизация настолько развивается, что это меня огорчает. Здесь поселилась целая колония из С<ен>-Жерменского предместья, она намерена ввести парижские манеры и белые галстуки по вечерам. Устраиваются балы, ко мне явились с просьбой взять на себя руководство драматической труппой и писать для нее пьесы. Нечего говорить, с каким ужасом я выслушал подобное предложение.

Г-жа Делесер, должно быть, как Вы, занята свадьбами. Она только что почти одновременно выдала замуж двух своих племянниц. Судя по тому, что говорил мне ее брат, у них будут примерные мужья. По-моему, и та и другая прелестны.

Прощайте, милостивый государь, работайте, работайте, работайте! Если Вы не очень спешите, подождите меня несколько дней, чтобы мы могли поговорить *de rebus omnibus et quibusdam aliis** и выпить не спеша бутылку папского вина.

Всего хорошего.

Пр. Мериме.

* Обо всем на свете и еще кое о чем (лат.).

83. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 21 марта <1865>.

Милостивый государь,

Я прочел роман Толстого, который мне прислали. Сегодня вечером я уезжаю в Канн, где, вероятно, пробуду еще с месяц, и потому не знаю, кому отослать обратно русскую книгу и рукопись. Поэтому оставляю все у себя дома и прошу Вас сказать переводчику, вернее, переводчице, чтобы она их взяла. Если говорить прежде всего о переводе, то пришлось бы сделать немало замечаний. Передать смысл фразы — это еще далеко не все, нужно воспроизвести стиль речи данного персонажа, и в этом как раз слабая сторона перевода. Что касается Толстого, то многое у него мне непонятно. Прежде всего характер юнкера, — он представляется мне гораздо более немецким, чем русским. Также мало понятна мне молодая казачка, которая вызывает отвращение, когда босиком шлепает по конюшне. Такого рода реализм я не люблю. Но главное — злоупотребление описаниями восходов и закатов. *Purpureus late qui splendeat, unus et alter ad suitur rannus* *. На мой взгляд, подобные описания природы не следует расточать без толку, да и вообще они уместны, лишь когда сочетаются с действием, с каким-нибудь интересным событием. Нельзя, впрочем, не признать, что общий колорит повести правдив и что в ней есть тонкие наблюдения. Быть может, автор из уважения к общественной нравственности или щадя целомудренный слух прелестных С<анкт>-петербургских дам опустил немало столь же правдивых и еще более инте-

* Часто, блистающий издали, лоскут пришит пурпуровый..

ресных подробностей. Стыдливость — большое несчастье наших дней.

Я не очень хорошо представляю себе, что буду делать в этом году, я в самом деле болен и хотел бы хоть полечиться, если уж нельзя вылечиться, — это в мои годы, боюсь, — дело трудное. Итак, я немедленно еду в Канн и пробуду там до конца апреля. После сессии, то есть в июне, я, как обычно, думаю прожить месяц в Лондоне. Потом у меня есть намерение провести сезон на водах в Германии или отправиться в Тироль и пройти курс лечения виноградом в Меране. В последнем случае я, конечно, не премину заехать в Баден, чтобы позжать Вам руку. Надеюсь, что застану Вас в разгаре творчества или за правкой корректуры. Не заказывайте перевод, не предупредив меня. Мне кажется, что, как ни плохо я владею русским языком, все же я смогу улучшить перевод, который Вам сделают.

Закончена ли публикация Ваших произведений в Германии? И довольны ли Вы ею? Мне, понятно, хотелось бы иметь полное собрание Ваших сочинений, и я надеюсь отдать их в переплет тому, кто будет переплетать для меня *Жизнь Цезаря*. Какого Вы о ней мнения? По-моему, много эрудиции, много критики, а, кроме того, на каждой странице чувствуется весьма любопытная и занимательная личность самого историка. В общем, книга выдающаяся, и прочитать ее стоит, каков бы ни был автор.

Прощайте, милостивый государь, желаю Вам удачного путешествия и скорого возвращения. Надеюсь, счастливый случай приведет Вас в Париж, пока я буду там, или заставит меня приехать в Баден.

Всего Вам доброго.

84. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 52, улица Лиль,
2 июня <1865>.

Милостивый государь,

Я получил Ваши прекрасные пять томов почти одновременно с Вашим письмом, и если не поблагодарил раньше, то лишь потому, что хотел прочесть *Призраки* * и поделиться с Вами своими мыслями. На основании того немногого, что Вы мне сообщили, я был весьма заинтригован тем, что получится из Вашей чертовщины. Да будет Вам известно, что по ночам я верю и в черта и в привидения. И вот я имел неосторожность прочесть *Призраки* * ночью, в постели, и Вы очень меня напугали. Я читал быстро, пропуская непонятные слова, иначе мне пришлось бы встать и пойти в другую комнату за словарем, а в два часа пополуночи это было бы довольно опасно. Страх Вы сумели внушить превосходно. Но подождите, сейчас последует критика. Я перечел Вас днем очень внимательно, не пропуская ни слова; впрочем, я ошибся: некоторые слова я не мог найти. Например: *Мне было жутко* **. По-моему, это означает: *Мне это было неприятно!* Но откуда Вы взяли слово *жутко* **, которого нет у Рейфа? Мне кажется, что в Вашей новелле есть словесное щегольство. Вы оттачивали слог; это проза на 1 франк 50 сантимов в такое время, когда пишут только на 75 сантимов, и то при большом усердии, а Вы, к счастью, обладаете чудесным языком и далеко превосходите всех наших западных писателей с их провинциализмами. Оцените это наблюдение по достоинству,

* Заглавие рассказа Тургенева Мериме написал по-русски.
** Мериме цитирует Тургенева по-русски.

ибо оно сделано иностранцем. Мой главный упрек Вам состоит в том, что Вы погнались за двумя зайцами — фантастикой и философией. Я сам себе задаю вопрос: созданы ли они для того, чтобы за ними гнаться одновременно? Чертовщина отвлекает внимание, и она очень важна, поэтому она немного вредит философии. Вот мое непосредственное ощущение. Что же касается выполнения, то я нахожу, что в новелле слишком много деталей, точнее много равноценных деталей. Я согласен с тем, что, когда с нами случается какое-нибудь важное событие, отдельные детали поражают нас, несмотря на сильное волнение, и мы не можем их забыть. Я никогда не забуду шум воды у меня в ушах, когда я однажды чуть не утонул. Мне нравится, что Глостер у Шекспира видит жемчужины в человеческих черепах, *some lay in dead men's skulls* *, но он удержался и не стал описывать все камешки на дне морском. В Вас я узнаю охотника по наблюдениям над нравами птиц. Но этих наблюдений, быть может, слишком много. Цапля, которая машет крыльями и напоминает немца, меня рассмешила, однако *erat his locus?* ** То же самое я мог бы сказать и о многих других местах, где Вы, как искусный художник, живописуете множество мелочей, четко, изящно, но отчасти не за счет ли общего впечатления от картины? Я говорил о *Призраках* *** с г-жой Д<елесер> и, чтобы опереться и на ее суждение, которому я очень доверяю, принялся Вас переводить. Это зверски трудно. Дошел пока до половины, и не знаю, доберусь ли до конца. Мне бы хотелось сделать понятным для француза все, что понятно мне, или по крайней мере кажется понятным, когда я Вас читаю, но как, черт возьми, этого добиться? Как Вы переведете: *Мне начали мерещиться тени* ****? Или все разнообразие звуков, которые Вы слышите на берегу Волги? Кстати, скажите, много ли найдется петербургских дам, которые, не прочитав ни Костомарова, ни меня, поняли бы, кто такие Степан Тимофее-

* Иные блещут в черепах людей (англ.).

** Здесь в смысле: зачем она здесь (лат.).

*** Заглавие рассказа Тургенева Мериме написал по-русски.

**** Мериме цитирует Тургенева по-русски с ошибкой в слове «мерещиться». У него: «мерешится».

вич и его брат белоручек * Фролка? Могу сказать одно: это в высшей степени занятно и интересно. Вы меня напугали и заинтриговали. Очень жалею, что Вы не произвели испытания нравственности Эллис, пока были в ее объятиях, ибо у Вас-то обе руки были свободны; впрочем, когда находишься на такой высоте и во власти подозрительного существа, надо быть скромным.

Прощайте, милостивый государь, время не терпит, а бумага на исходе. Желаю Вам здоровья, благополучия и скорого возвращения. Сообщите, чем заняты Вы и наши коллеги из Общества друзей славянской литературы. Я пробуду в Париже еще месяц—полтора, затем поеду на несколько дней в Англию. Когда Вы будете в Париже?

Пр. Мериме.

* Так у Мериме.

1866

85. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 8 февраля 1866.

Милостивый государь,

Мое молчание нельзя извинить, как Ваше, напряженной работой. Причина у меня одна, притом неуважительная, — это хорошая погода. Здесь все живут под открытым небом и возвращаются домой только после отбытия почты. Ваше обещание, или почти обещание, очень меня обрадовало. Все же есть одно *drawback* *, то есть некоторая неуверенность, буду ли я здесь. Я твердо решил не возвращаться в Париж для обсуждения адреса. Мне так же мало хочется услаждать своей речью моих коллег, как и слушать их разглагольствования. Но я являюсь докладчиком по законопроекту, обсуждение которого назначено на конец последней сессии, он может быть через некоторое время представлен, и тогда мне придется подавлять своим красноречием фабрикантов чужих слов, так как речь идет именно о чужих словах. В сущности, идет атака на интеллектуальную собственность, а это вопрос важный, хотя ему и придают шутовскую форму. Я не могу уклониться, я должен приехать и защищать свой доклад. По всей видимости и судя по тем сведениям, которые я получил от председателя, вопрос этот не будет обсуждаться раньше середины марта. Вы пишете, что собираетесь приехать в конце февраля, поэтому никаких помех не предвидится. Если возникнет какое-нибудь препятствие, я поспешу известить Вас письмом или телеграммой. В том случае, если бы я был вынужден уехать отсюда раньше, чем в конце месяца, то,

* Препятствие (англ.).

как выражаются юристы, это будет временная ссылка; тогда мы могли бы встретиться в Париже и вместе поехать в Канн. У нас с самого начала января стоит погода, как в июне. Поля покрыты анемонами, крестьяне в отчаянии: майские розы цветут, не считаясь с календарем.

Вы очень обрадовали меня сообщением, что работаете над «чертовски большим романом». Пусть будет большим, *bene est* *! А черт не помешает. Продолжаю утверждать, несмотря на Ваши продиктованные скромностью протесты, что Вы прирожденный драматург, и Вы это уже доказали. Заметьте, я не прошу Вас писать для сцены; чтобы преуспеть в подобном начинании, необходимы два условия: во-первых, угадать вкусы и степень восприимчивости публики, знать, как говорят, сценические эффекты; во-вторых, обладать терпением, твердостью и готовностью перенести любые испытания, чтобы не расхолаживать актеров. Если бы даже я обладал качеством номер 1, которого я совершенно лишен, я был бы не способен выдержать скуку репетиций; думаю, что и Вы едва ли оказались бы выносливее меня. Но ничего этого не надо бояться, если предстоит только диалогизировать действие и живописать характеры. Правда, драматург лишен тех описательных средств, какими располагает романист, но это не беда. Что теряешь в смысле правды или, вернее, правдоподобия, то выигрываешь в смысле движения и живости. Представьте себе романиста, взявшегося за сюжет *Тартюфа*. Он начнет с того, что будет описывать дом Оргона, костюм Эльмиры и Тартюфа, и всем этим не достигнет того эффекта, которого достигает комический поэт несколькими словами: «Лоран, примите плеть, примите власяницу». Добавлю, что драма даст Вам возможность проявить Ваши способности и вместе с тем удержит Вас от Вашего национального греха — излишней детализации.

Я не читал пьесы Понсара. Мне говорили, что она имеет огромный успех. Этому успеху способствует *Семейство Бенуатона*, а также печальное состояние автора, которому, как говорят, осталось жить не больше месяца, и, наконец, то, что корнелевский стих Понсара

* Это и хорошо! (лат.)

легко воспринимается широкой публикой, у которой и добродетель и чувства такие же, как у Прюдома. Этот успех заставляет меня тревожиться за пьесу Ожье, которую найдут безнравственной и непристойной оттого, что она правдива и бьет в цель. В настоящее время во Франции звучит удивительно дружный концерт лицемерия. Как только кто-нибудь заговаривает о пороке — начинают вопить о безнравственности. Раньше сжигали тех, кто проповедовал преобразования, теперь их объявляют *petine contradictente* * развратителями нравов.

Прощайте, милостивый государь, надеюсь, до скорой встречи. У нас в Канн побывает хорошенькая наследница двадцати или тридцати миллионов, и я смогу Вас представить ей. Может быть, Вам стоит покрасить бороду.

Всего хорошего.

Пр. Мериме.

* С общего согласия (лат.).

1867

86. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 28 февраля <1867>.

Милостивый государь,

Скромность — главная моя добродетель. Она помешала мне ответить Вам, как бы следовало. Вы меня смутили своей похвалой. Поверьте, что она доставила мне большое удовольствие.

Я не знаю, что такое подагра, и не очень в нее верю. Позвольте заметить, что когда проводят зиму в стране льдов и снега вместо того, чтобы приехать в Канн, и страдают от подагры или обморозят себе что-нибудь, то вольно же им. Поверьте, что, когда Вам за сорок, надо как можно больше быть на солнце. Оно лучше всякого врача. Я уже давно был бы мертв, похоронен и замещен в академии, если бы не постиг мудрости ласточек, меняющих место в зависимости от времени года.

Впрочем, я признателен подагре, раз она заставила Вас работать. Ваша симпатичная змея меня очень привлекает. Я со змеями знаком и однажды был укушен. Хорошо, что шкура у меня крепкая. Заранее предвкушаю удовольствие читать Вашу вещь, когда она будет напечатана. Русский язык достаточно труден и в таком виде; написанное же от руки чертовски трудно разбирать. Соболевский, должно быть, после выпивки, умудрился отправить мне письмо, написав адрес по-русски своим почерком, который Вам известен. Письмо, адресованное в Сен-Жерменское уделение*, все же дошло, пройдя предварительно через русское посольство. Мне потребовалось три дня, чтобы разобрать эти каракули.

По-моему, политические события Вам представляются в радужном свете. А мы, во Франции, особенно в Пари-

* Так у Мериме.

же, все видим в мрачном свете. Мы, как дети, играем с оружием. Мы много веселимся, а кончиться это может плохо. Больше всего меня сейчас удручает страх, который вызвал проект еще не принятого закона о воинской повинности. Вы не можете себе представить, насколько мы, в прошлом такие воинственные, стали пацифистами. Мысль о том, чтобы послужить родине *propter corpro* *, а не при помощи нанятого рекрута, всем буржуа Парижа и Франции чрезвычайно неприятна. Они, подобно г-ну Журдену, боятся, что их «так огреют, что своих не узнаешь». И это отвращение к службе Марсу охватывает нас в такое время, когда каждый человек, которому дороги собственные часы и штаны, должен быть готов стать на их защиту. Если подобные настроения будут продолжаться, что ждет нацию, в прошлом столь великую? Француз, утративший способность сражаться, превратится в жалкое существо, вроде пешего улана.

Я встретил в Канн князя Голицына, он дал мне почитать трагедию в стихах — *Смерть Иоанна Грозного* **. По-моему, она неоригинальна, но в ней хорошо очерчены некоторые характеры и есть удачные сцены. В одной из них Иван Грозный приказывает привести к нему монаха, который более двадцати лет провел в келье, и просит у него совета. Монах советует ему поставить во главе войска и государства тех людей, которых царь умертвил. Сцена несколько растянута, но в ней есть шекспировский отблеск. Была ли эта пьеса когда-нибудь представлена на сцене? По-моему, надо изучить историю Лжедмитриев, как это сделал я, чтобы понять это произведение.

Я непременно буду в Париже в апреле; нечего и говорить, как я рад предстоящей встрече с Вами. Думаю к августу сбежать куда-нибудь на север Италии, вероятно, в Венецию, чтобы отдохнуть после сессии, которая обещает быть жаркой. Прощайте, милостивый государь! Надеюсь, это письмо застанет Вас еще в Бадене. Потом я Вам напишу в Москву. Выздоровливайте, будьте веселы и по возможности не думайте о своей подагре.

Искренне Ваш

Пр. Мериме.

* Собственным телом (лат.).

** Заглавие пьесы А. К. Толстого Мериме дает по-русски.

87. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 18 мая <1867>.

Милостивый государь,

Вчера я получил игру в шарики весьма изящной формы, которая будет выполнять роль главного контролера памяти моей кухарки. Очень Вам за нее благодарен. *Item* * *Дым*. Я прочел всего несколько страниц и еще ничего сказать не могу. Встречаю там новые для меня слова, которых нет в словаре, а это служит доказательством того, что у вас, как и у нас, существует язык разговорный и язык литературный. У меня создалось впечатление, что Вы описываете и общество и состояние умов совершенно новые. Я задаю себе вопрос: будет ли это понято французами? Впрочем, я нахожу, что эти страницы, как и все, что Вы пишете, отличаются особой жизненной правдивостью. Не знаю, входило ли в Ваши намерения писать портреты живых людей, но мне показалось, что я знал г-жу Суханчикову.

Я продолжаю быть *квелым*, как говорят бургундцы, то есть хвораю гриппом, слаб и немощен. По вечерам и по утрам у меня отчаянные приступы кашля, и вот уже десять дней, как я не выхожу из комнаты. Старая машина вышла из строя, разваливается по частям.

Выставка начинает пользоваться успехом благодаря всяким пустякам, которые там показывают. Например, верблюды магейри, которых арабы заставляют нестись вскачь, китайки, которые разливают чай, хорошенькие венки, которые продают пиво, и проч. Русская кухня в большой моде, хотя время от времени почтенному буржуа

* Также <и за>(лат.).

с улицы Сен-Дени вдруг представляется, что, поев икры и щей со сметаной, он отравился. Ваша мозаика восхитительна, так же как и мебель с инкрустацией из камней, которую вы делаете намного лучше флорентинцев. Я это знаю только по слухам, так как всего раз побывал в этой толчее.

Что вы скажете о выборах в академию, которые мы провели на днях? Мне понравился Жюль Фавр, он был у меня с визитом. Что касается Гратри, то я не захотел его видеть. Меня уверяют, что он в скором времени не преминет поссориться с епископом Орлеанским.

Сент-Бев тяжело болен. Но бодр и продолжает работать. Я же страдаю гораздо меньше и ничего не в состоянии делать.

Вы читали в *Ревю де де Мوند* от 15 апреля статью о рабочих объединениях в Англии? Если нет, то советую прочесть. Это весьма примечательно. Англичане, с которыми я об этом говорил, уверяли меня, что это соответствует действительности. Статью подписал Колен, но писал ее Либри.

До чего же дурен шрифт Вашего журнала! Я никак не могу привыкнуть к буквам «п», «ж» * и другим. Смесь прописных и строчных букв сбивает меня с толку.

Жму Вам руку и желаю спокойной ночи. Постараюсь заснуть. Еще раз благодарю Вас и шлю привет.

Надеюсь, до скорого свидания.

Пр. Мериме.

* Буквы Мериме написал по-русски.

88. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 25 мая 1867.

Милостивый государь,

Сегодня утром, как раз когда собирался Вам писать, получил от Вас письмо. Собираюсь я уже три дня, но мне мешали разные хлопоты. *Дым* *, несомненно, войдет в число Ваших самых оригинальных произведений. Все характеры изображены замечательно. Мне кажется, что они писаны с натуры, этим и объясняется ярость Ваших соотечественников. Не сомневаюсь в том, что Ирина — образ чисто русский, но я мог бы Вам ее показать и в Париже. Знавал я и Потугина, человека чудесного, но которого судьба предназначила в жертву женщинам, а он умрет, благословляя их. Положение Литвинова между невестой и Ириной, то, что его не столько любовь, сколько чувство чести, приводит к мысли о побеге, все это очень волнующе и все очень верно психологически. Каждому человеку это навеет воспоминания, от которых у него мурашки пробегут по спине. Щадя вашу скромность, перехожу к критическим замечаниям. Очевидно, прав Гораций, восхваляя Гомера, сразу приступающего *in medias res* **; вы же сразу вводите читателя *in medias gentes* ***, а это большая разница. На мой вкус, фасад Вашего храма недостаточно роскошен. Вы мне на это ответите, что французы — бродячие комедианты, им непременно нужны большие подмостки, чтобы начать представление. Может быть, во мне и есть эта национальная черта, но все же я нахожу, что Ваше введение чересчур скромно. Допускаю,

* Заглавие романа Мериме написал по-русски.

** К делу (лат.).

*** В гущу людей (лат.).

что замеченные мною недостатки для русских читателей не существуют; вечер у Губарева представляет для них интерес, ускользающий от иностранца. Попробуйте показать французу подлинный портрет Минина, о котором он ничего не слышал. Портрет незнакомца его не тронет. А русский оценит. Я не прошу Вас вычеркнуть вечер у Губарева, я хочу, чтобы этот вечер состоялся, но не в начале тропы, а на уже проложенной тропе. Может быть, эта метафора Вам не совсем понятна,— постараюсь объяснить; не думайте, однако, что я предлагаю какие-либо исправления. Представьте себе, что Литвинов находит букет гелиотропов, прежде чем идти к Губареву, и вот интерес уже пробужден. Читатель пойдет, как я называю, по проложенной тропе, сочувствуя Вашему герою. То же самое произойдет, если Вы начнете с описания любви Литвинова к Ирине в Москве,— оно объяснит историю с гелиотропами. Я убежден, что незначительная перенумерация Ваших страниц пойдет только на пользу читателям, особенно по эту сторону Рейна. Имейте в виду, что в роман, как и в лабиринт, хорошо входить с нитью в руке, а Вы мне даете целый клубок, да к тому же довольно запутанный. Читая Вас и ожидая развязки с жадным любопытством, которое возбуждает интересная фабула, я нашел, что история девочки, оставленной на попечении Потугина, чересчур коротка; прочитав же роман целиком и поразмыслив над ним, я пришел к заключению, что Вы правы. Если по этому поводу на Вас будут нападать, я сумею ответить достаточно веско. Надеюсь, Вы не думаете, что меня возмутила сцена, во время которой Ирина роняет гребенку и топчет кружева? А вот что говорят об этом петербургские дамы, особенно те, которые носят шиньоны и любят кружева? Впрочем, за Вас я не тревожусь: у Вас есть клюв и когти, и Вы себя в обиду не дадите. Я Вас жду 10 июня. У меня как будто еще осталась одна или две бутылки папского вина, вот мы его и разопьем за здоровье святейшего владыки. Всего Вам доброго.

Пр. Мериме.

89. АДЛЬФУ ДЕ СРКУРУ

Вторник вечером, 6 августа <1867>.

Милостивый государь,

Вы меня очень обяжете, если одолжите Вашу работу о немце. Нет ничего ужаснее старых немецких книг. Никогда не знаешь, начинать с конца или с середины, а начала часто не понимаешь, не прочитав конца.

Я склонен сомневаться в добродетели Никиты Зотова. Очевидно, Петр его любил, но обращался с ним, по моему, скорее как с шутком, чем с государевым советчиком. Достоверно одно: учитель, ученик, Лефорт и прочие из *Кумпании* * нередко проводили ночи в битвах с Ивашкой Хмельницким — сказочным персонажем, который всегда оставался победителем. Из писем Петра видно, что он читал священное писание, ибо довольно часто цитирует его, мешая русский язык с церковнославянским, но в его время русских печатных книг как будто еще не существовало.

Что касается религии, то Петр, возможно, сохранил некоторые религиозные представления со времени своего начального обучения, но он всегда, не колеблясь, жертвовал религией ради политики и никогда не разделял священного ужаса членов своей семьи перед чужой верой. Мне известно, что, пустившись впервые в морское плавание, он перенес вместе с каким-то архиепископом бурю и даже причащался. Войдя в гавань, Петр вытесал большой крест, сам отнес и укрепил его на берегу, к которому они причалили. Ему было в то время де-

* Слово, набранное курсивом, Мериме написал по-русски,

вятнадцать лет, и, по-моему, это был его последний религиозный порыв.

Кикин, который был его денщиком и всем, чем угодно, говорил: «У него своя вера».

Что касается Лефорта, то я не понимаю, почему он пользовался доверием. Может быть, он принадлежал к числу людей, у которых возникают разнообразные идеи; он делился ими, а другие их подхватывали. Это человек вроде Дудана.

Я когда-то перевел, не помню, для кого, весьма любопытный отрывок из хроники Перо Ниньо на французский язык XV века,— можете себе представить! Там описано пребывание Перо Ниньо у французского адмирала в Нормандии. Очень забавно изображена частная жизнь того времени.

Примите уверения в моем совершенном уважении.

Пр. Мериме.

90. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 27 сентября 1867.

Дорогой друг, что Вы поделяваете? Давно не получал я от Вас известий. Я только что совершил смелый поступок: поехал на три дня к своему двоюродному брату в деревню близ Арпажона, и это мне как будто не повредило, хотя климат там, по-моему, холодный и сырой. Впрочем, я не думаю, что сейчас где-нибудь по-настоящему тепло. Полагаю, что у Вас в <Невере> непроницаемый туман.

Провожу время в зависимости от самочувствия, обычно в полном одиночестве. Иногда ощущаю потребность в работе, но это желание длится недолго и ни к чему не приводит. Кроме того, я не в духе. Подозреваю, что у меня плохо обстоит дело с глазами. Хочу и боюсь консультации Либрейха. Что будет со мной, если я потеряю зрение?

На свете существует некий князь Августин Голицын, принявший католичество; в русском языке он не особенно силен. Он перевел роман Тургенева *Дым*, который печатается в *Корреспондан* — органе клерикалов; князь является одним из пайщиков этого издания. Тургенев поручил мне просмотр второй корректуры. В романе есть довольно острые места, которые приводят князя Голицына в отчаяние. Например, вещь неслыханная: у русской княгини роман, осложненный адюльтером. Князь пропускает затрудняющие его сцены, а я их восстанавливаю. Иногда, как Вы сейчас увидите, он проявлял крайнее целомудрие: дама из общества позволила себе в Бадене прийти к своему возлюбленному в гостиницу. Она входит к нему в номер, и на этом глава обрывается. В подлиннике далее следует: «Два часа спустя он сидел

у себя на диване». Новообращенный католик перевел: «Час спустя Литвинов сидел у себя в номере». Как видите, вышло намного нравственнее: сократить время на час — значит уменьшить грех наполовину. Затем заменить диван комнатой тоже целомудреннее — диван удобен для предосудительных поступков. Я же, верный данному слову, восстановил и время и диван, но в сентябрьском номере *Корреспондан* эти главы не появились. Полагаю, что руководители журнала, люди респектабельные, вычеркнули все целиком. Забавно. Если продолжение романа появится, там будет очень интересная сцена, во время которой героиня рвет на себе кружева. Это посерьезнее дивана.

Буду ждать.

Прощайте, дорогой друг, напишите о себе. Меня пугает быстро приближающаяся зима.

1868

91. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 6 января 1868.

Дорогой друг! Простите, что отвечаю с таким запозданием. Я был очень болен, да и сейчас еще не поправился. Я сильно страдаю от холода, который проник сюда. В Париже, говорят, еще хуже, так что Вам не приходится завидовать жителям Сибири. Иногда я почти весь день не в состоянии дышать. Это ведь не острая боль, а жестоко раздражающее недомогание, больше всего действующее на нервы. Вы меня достаточно хорошо знаете и можете себе представить, в какое я прихожу состояние. Кроме того, я крайне обеспокоен судьбой моего бедного друга Паницци: он находится в Лондоне совсем больной. Последние сведения о нем были несколько лучше, но все же мало обнадеживали. У него полный упадок духа, а у больных это всегда очень плохой симптом.

В этом злосчастном состоянии я убиваю время, как могу. Сегодня отсылаю в *Журналь де Саван* окончание первой части *Петра Великого*, ибо и в таких работах имеются первые и вторые части, как в романах Понсон-дю-Террайля, а в *Монитер* — пространную болтовню о Пушкине. В свое время Вы увидите все это, где полагается. Читаю очень длинное и неважно написанное сочинение — автор, однако, должно быть, добросовестен и говорит о том, что видел и слышал. Это *New America* * Диксона. Он наблюдал мормонов и, что еще более любопытно, ознакомился с республикой Маунт-Либенона. Это вкупе с феминизмом дает представление об Америке. И в самом деле, известная острота Талейрана весьма точно характеризует ее. Прощайте, дорогой друг. Желая Вам здоровья и благополучия.

* Новая Америка (англ.).

92. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, Приморские Альпы,
18 января 1868.

Милостивый государь,

Целую вечность я не имею от Вас никаких вестей и все собираюсь Вам написать. Я здесь уже два месяца, дышу довольно плохо, но жив — обстоятельство немало-важное в такую суровую зиму, как нынешняя. Для вас, людей Севера, снег имеет свою прелесть, для меня в нем — мерзость запустения. А дело в том, что у нас в Канн шел снег и лежал почти сутки. Сорок лет не было ничего подобного.

На днях я получил от князя Голицына *Дым* — непрерывный том — и хочу передать Вам восторженные отзывы кое-кого из тех здешних, кому я давал его читать. Здесь довольно много русских. Княгиня Кочубей, княгиня Лобанова... Одна очень хорошенькая женщина — вылитый портрет герцогини Медина Сели в двадцать лет, — фамилия ее Воронина. Волосы у нее цвета крыльев птицы, чье имя она носит. Познакомился я с ней довольно забавным образом. Я писал статью о Пушкине, а ни одной его книги у меня под рукой не было. Тогда я попросил одного приятеля, который знает всех, достать для меня у кого-нибудь книгу. Он обратился к г-же В<орониной>, а она вместо Пушкина прислала мне два *рябцики** и огромный кусок *осетрина*** : все это приготовлено было

* Так у Мериме.

** Так у Мериме.

еще на берегах Волги и дошло сюда в превосходной сохранности. Я был тронут таким способом посылать людям телесную пищу вместо духовной и нанес благодарственный визит. Мне сказано было, что Вы человек очень безнравственный и пишете романы, в которых проявляете полное неуважение ко всему, что Вы обошлись с княгиней Долгорукой, как Литвинов обошелся с генеральшей Ратмировой, но что в общем Вы очаровательны. Беда в том, что ни один из находящихся в Канн русских не может растолковать мне смысла некой фразы из одного тома Устряловской *Истории Петра Великого*. Речь идет о последнем стрелецком бунте: «Беглецов нашлось еще 119 человек, из них 26 не казнены за малолетством, 9 одобрены полками; остальные 74 человека преданы смерти» *. По тому, как обычно действовали министры Петра, невозможно поверить, чтобы «9 одобренных полками» получили пощадку. Еще менее вероятно, чтобы они заслужили какое-то отличие, поскольку находились в числе беглецов, к которым правившие в отсутствие Петра бояре должны были отнестись особенно сурово. У меня возникает вопрос: не скрывается ли за этим какое-нибудь специальное военное выражение и нет ли тут опечатки: «полками» вместо «палками» — словом, не идет ли здесь речь о палочных ударах, на которые в те блаженные времена скупились гораздо меньше, чем на награды?

Как Вы поживаете? Работаете? Охотитесь, несмотря на снег? Вы ведь знаете, что если, на мое счастье, Вам захочется солнца, для Вас готова комната в Канн и полная возможность воочию лицезреть княгиню.

Если у Вас найдется досуг, сообщите мне, что следует думать о восточных делах. Что представляет собой генерал Игнатьев, сменяющий генерала Горчакова? Кто из них предпочитает съесть турецкого султана в сыром виде, не дожидаясь, пока его сварят? Я никак не могу

* Слова, здесь и далее стоящие в кавычках, Мериме написал по-русски.

разобраться в происходящем. Мне представляется, что всех нас уносит течение черт знает куда. Мне это было бы безразлично, если бы я дышал, как нормальный человек, но когда я чувствую себя хуже обычного, то замечаю, что начинаю стенать, подобно Иеремии.

Парижские мои друзья обо мне, разумеется, забыли, и я не очень-то осведомлен о том, что там творится. Племянник г-жи Делесер, Бенжамен, почти что при смерти. Его зять и сестра в настоящее время находятся в Ницце.

Прощайте! Желаю Вам всяческого благоденствия и как можно лучше отточенных фраз на год от рождения Христова 1868.

Пр. Мериме.

93. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 13 февраля 1868.

Милостивый государь,

Только что получил с огромным удовольствием Ваше письмо. Однако меня огорчила допущенная мною незначительная ошибка, но здесь у меня нет ни одной нужной книги, даже произведений Пушкина, если не считать одного томика, привезенного некой чувствительной барышней и содержащего только лирические стихи. Раз уж мое чудачество не было Вам в тягость, я хочу сделать Вам один сюрприз, но для этого мне надо вернуться в Париж, а там еще очень холодно, и я еще очень плохо себя чувствую. Речь идет о статье о Ваших произведениях в связи с выходом в свет *Дыма*, но мне надо еще многое перечитать. Это — с одной стороны, а с другой — я хочу попросить у Вас разрешение покритиковать Вас так же откровенно, как я критиковал Пушкина. Словом, нет ли у Вас возражений против того, чтобы я публично упрекнул Вас в том, в чем неоднократно упрекал с глазу на глаз? Вы знаете, что иногда я осуждал обилие у Вас мелких подробностей, — вот в чем будет состоять моя критика. Добавлю, что, на мой взгляд, сейчас Вы уже на пути в рай, так как в *Дыме* очень исправились, и я бы не изменил там ни одной строчки. Если, по этому случаю, Вы пожелали бы, чтобы я замолвил словечко людям, которые в С.-Петербурге намереваются Вас съесть, то я к Вашим услугам.

Нехорошо Вы поступаете, приезжая в Париж, когда меня там нет, и притом так ненадолго. Может быть, до Вас уже дошла весть о смерти племянника г-жи Габриэль. Он был уже давно обречен, и тетке выпала печальная обязанность служить ему сиделкой. Говорят, она

очень устала, чувствует себя неважно и ко всему грустит, так как была привязана к этому малому, в котором я лично никогда не мог усмотреть никаких хороших качеств.

Тут имеется яхта в отличном состоянии, принадлежащая князю Долгорукому, имеется старая княгиня Кочубей, княгиня Лобанова и т. д. Я очень мало общаюсь со всеми этими людьми, которые бывают в свете и принимают по вечерам. Я же человек дневной, обреченный проводить вечера у камелька.

Вы не пишете, работаете ли Вы. Надеюсь, что работаете.

Я очень хотел бы, чтобы Вы мне написали ту русскую поговорку, которую Вы мне приводили, а я забыл. Смысл ее: в конце концов мужик и бога съест.

Всего Вам доброго.

Пр. Мериме.

Чувствую я себя ни шатко, ни валко, то чуть лучше, то опять хуже; думаю, что, очутись я в Париже, подход бы там в одночасье. Что нужно сделать, чтобы заполучить подагру? Говорят, она излечивает от астмы.

94. ГЕРЦОГИНЕ КОЛОННА

Канн, 26 февраля 1868.

Ваша светлость,

Я в восторге, что получил от Вас весточку. Я так и думал, что Вы очень весело проводите время, но полагал, что это происходит в обществе святейшего отца нашего папы, а теперь вижу, что вы всего-навсего в Генуе. Если Вы и дальше будете путешествовать таким же образом, то рискуете очутиться в Неаполе, лишь когда Везувий обретет спокойствие, подобно Монмартру. Я не был поражен живописью, которую видел в Генуе. У меня сохранилось впечатление, что там имеются только ньокки да превосходные Ван-Дейки в палаццо Бриньоли. Но ведь ньокки — лишь усовершенствованные макароны, а Ван-Дейк — это Рубенс без пыла страсти. Я воспитан был в любви к краскам и наслаждаюсь ими, как знаток музыки — фугой.

Откровенно говоря, я считаю, что хорошим колористом можно стать, изучая мастеров этой школы, но что никто не научится рисовать, как Леонардо да Винчи, не подвергшись его влиянию в самых тайниках души. Продолжая откровенные признания, скажу Вам, что терпеть не могу Микеланджело и отнюдь не восхищаюсь тем, что писал Рафаэль. Микеланджело, подобно Томасу Карлейлю, объемистое принимает за великое. Он пишет мощного овернца и выдает его за пророка. Если Вы сохраните мое признание в тайне, я скажу Вам, что после греков один только Леонардо да Винчи творил образы, наделенные душой. Туркам, утверждающим, что художники должны будут на страшном суде наделить

душами созданные ими образы, ничего не придется требовать от Леонардо. Думаю, что Рафаэль выйдет из положения, дав своим мадоннам души римских прачек из затибрских кварталов, а Микеланджело — одарив свои образы душами носильщиков. Ван-Дейк даст своим души актеров, изображающих знатных господ. Здесь я останавлиюсь из боязни разгневать Вас. Нравится ли Вам статуя Посидония, находящаяся в Лувре и с необычайным вкусом помещенная прямо напротив окна так, чтобы ее можно было хорошо разглядеть только в плохую погоду? На мой взгляд, это шедевр античного портрета. Когда Вы приедете в Париж, мы с Вами непременно проведем один день в музее, хотя бы нам пришлось потом вырвать себе глаза. Я по-прежнему самый развалившийся на части представитель неоперенных двуногих. Я хотел иметь честь увидеть Вас в Ницце и в один прекрасный день встал с этим намерением, но затем меня схватило такое удушье, что выйти мне уже не разрешили. Вчера припадок длился два часа. Сегодня я получил от одного из друзей письмо, где он говорит, что излечился благодаря сжатому воздуху. Его поместили под колокол и мощным поршнем нагнетали туда воздух, пока в ушах у него не зашумело, как бывает при подъеме на очень высокую гору, ибо противоположные причины часто приводят к одному и тому же последствию. Фульд говорил мне, что я-де напрасно стремлюсь вылечиться, но ему-то легко говорить так: он ведь не переставал быть молодым до своего последнего мгновения. Думаю возвратиться в Париж недели через две, но уеду отсюда с большим сожалением. Нет ничего прекраснее начала весны в этих местах. У нас великолепная погода: не чересчур ветрено, а солнце необыкновенно ласково щекочет спину. Боюсь, как бы Вам не показалось в Италии слишком хорошо и как бы Вы не задержались там надолго. Если бы Вы терпеливо подождали здесь, то из Парижа прибыло бы несколько Ваших поклонников, между прочим, Эдуар Фульд — он волосы на себе рвет, что не встретился с Вами. Д-р Мор на днях завтракал в Гольф

Жуане с г-жой Санд и говорит, что она толста, как бочка. На прогулках я еще ни разу ее не встретил. Раз Вы в Амвросианской библиотеке, не смогли бы Вы изъять для меня прядку прелестных белокурых волос мадонны Лукреции, которую она послала Бембо? Я всегда считал, что ее оклеветали Буркхардт и прочие еретики. Герцог Немурский избрал ее дамой своих грез, а французы XVI века всегда называли ее доброй госпожой Феррарской. Если бы я был молод, то написал бы о ней роман.

Прощайте, госпожа герцогиня, примите выражение нижайшего моего почтения.

95. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 18 марта 1868.

Милостивый государь,

Вы задали мне нелегкую задачу — сообщить Вам о моих планах. Давно уже я не осмеливаюсь строить таковые. Когда вместо легких — труха, живешь сегодняшним днем и не можешь даже вообразить себе накануне, что станешь делать завтра. Меня, однако же, вызывают в Монпелье для опыта *in anima vili** — речь идет обо мне лично. Мне советуют поместиться под колокол и подышать сжатым воздухом. Один мой приятель и коллега-астматик вылечился таким способом. Поэтому я через несколько дней отправлюсь в Монпелье и буду в Париже, по всей вероятности, лишь после пасхи.

<...>

Я очень рад, что вы хотите напечатать что-нибудь в *Ревю де де Монд*, но приключение лейтенанта Ергунова мне неизвестно. До конца своей жизни буду упорно советовать Вам писать романы, а не рассказы. Вы как хороший рысак, который бежит тем быстрее, чем шире перед ним поле, и самые длинные Ваши произведения — *Рудин*, *Отцы и дети* и *Дым* — как раз самые лучшие. А теперь я хочу попросить Вас о гораздо большем, а именно: избрать героем какой-нибудь подлинно великий характер. Я вовсе не имею в виду, чтобы Вы написали роман в духе Вальтера Скотта. Жанр этот выдохся, да беда не в том: я вообще считаю его негодным, особенно, когда писатель позволяет себе на манер Вальтера Скотта изображать великого человека в мелких жизненных обстоятельствах, как получилось с Кромвелем в *Вудстоке*, и т. д.

* Здесь в смысле: над животными (лат.).

Может быть, Вы возразите, что мы живем в век малых страстей и всеобщего измельчания. Вот потому-то мне и хотелось бы величия, как в 1793 году, во время террора, все мечтали о пасторалях. Но самое главное — пишите. Только я оставляю за собой право критики.

Вы угощаете меня смехотворным утешением, что я, мол, проживу долго, хотя и буду все время страдать. Завидую Вашей подагре. Герцога де Броли она начисто излечила от астмы. Не знаю, что Вы такое делали, чтобы заполучить ее. Я совершал все глупости, которые обычно к ней приводят, но тщетно. Подождали бы Вы до конца апреля и тогда бы ехали в Париж: по всей вероятности, именно к этому времени я тоже туда возвращусь, и мне незачем говорить Вам, с какой радостью я бы с Вами повидался. Прощайте, милостивый государь, работайте и будьте здоровы.

Пр. Мериме.

96. ЖЕННИ ДАКЕН

Монпелье, 20 апреля 1868.

Дорогой друг, до приезда сюда я так болел, что просто пришел в отчаяние. Я не в состоянии был думать, а тем более писать. Случайно мне довелось узнать, что один врач в Монпелье лечит астму каким-то новым способом, и я решил испробовать его. Вот уже пять дней как я начал лечиться, и мне кажется, что состояние мое улучшилось, да и врач меня обнадеживает. Каждое утро меня помещают внутрь большого железного цилиндра, похожего, должен сказать, на памятники, воздвигнутые Рамбюто. Там имеется удобное кресло и застекленные отверстия, так что света достаточно и можно читать. Закрывают металлическую дверь, а затем в цилиндр паровой машиной нагнетают воздух. Через некоторое время в ушах начинает покалывать, словно иголками, но мало-помалу к этому привыкаешь. Самое же главное то, что дышится там превосходно. Через полчаса я засыпаю, хотя во избежание этого беру с собой *Ревю де де Монд*. Я принял уже четыре таких ванны сжатого воздуха и чувствую значительное улучшение. Врач, проводящий лечение и отнюдь не похожий на шарлатана, уверяет, что мой случай еще не из самых тяжелых, и обещает мне выздоровление после пятнадцати ванн. Надеюсь вскоре увидеться с Вами в Париже. Сожалею, что не буду присутствовать на обсуждении медицинских диссертаций. Читали письмо аббата Дюпанлу? В него вселилась душа Торкемады. Он всех нас сожжет, если мы не примем мер. Боюсь, как бы сенат не сделал по этому поводу всего, что наивернейшим способом изобразит его в самом смешном и гнусном виде. Вы и не поверите, как боятся теперь черта все эти старые генералы, столько перевидав-

шие на своем веку. Не знаю, в состоянии ли Сент-Бев говорить так, как обещает мой журнал. Сомневаюсь, и к тому же не уверен, примет ли он это как должно, — я имею в виду способ отвести удар. Его дело выпалить свое, не заботясь о последствиях, как он уже сделал по поводу книги Ренана. Все это меня раздражает и волнует. Здесь чудесная погода, на которую, впрочем, туземцы горько жалуются, так как уже целый год не было дождя. Это не мешает листьям распускаться, а природе быть восхитительной. К несчастью, ванны отнимают у меня все утро, и я не имею возможности гулять. Под моими окнами — ярмарка. Прямо напротив показывают великаншу в атласном платье, которое приподнимается, чтобы можно было видеть ноги. Диаметром они приблизительно, как Ваша талия.

Привезу Вам перевод *Дыма*. Начал статью о Тургеневе, но не знаю, хватит ли у меня сил закончить ее здесь. Нет ничего труднее, чем работать за столом гостиницы. Прощайте, дорогой друг.

97. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 52, улица Лиль, 24 мая 1868.

Милостивый государь,

Я приехал сюда уже неделю тому назад и привез из Монпелье, где принимал ванны сжатого воздуха, свои легкие в значительно улучшенном состоянии. Мой постоянный врач на днях выслушал меня и не нашел никаких следов эмфиземы в вышеуказанном органе, который в последний раз перед этим был в очень печальном состоянии. Вы знаете историю человека, который, падая с шестого этажа и пролетая мимо соседа, живущего в третьем, крикнул: «Все идет хорошо, только бы так и продолжалось». Может быть, так обстоит и со мной, но я пользуюсь, как могу, минутами облегчения.

Всю эту неделю я был вне себя от ярости. Мы провели ее в ожесточенных спорах с нашими кардиналами: они требуют, чтобы сожгли Медицинский институт и запретили читать лекции по геологии всем профессорам, не являющимся духовными лицами католического вероисповедания. Могу сказать, как г-н де Пурсоньяк: «Никогда еще не был я так пресыщен человеческой глупостью». Вчера произошла довольно забавная сцена. Кардинал де Боншоз, с наружностью и духом покойного Торкемады, стал изобличать профессора, который, говоря об алкоголе, закончил лекцию восклицанием: «Когда же из нашей науки изгонят душу и фантазию?» Оказалось же, что профессор этот, восставая против системы, делающей из медицины не науку, а искусство, сказал: «искусство и фантазию» *. Нужно было видеть, как вытя-

* Недоразумение получилось из-за некоторого созвучия между двумя французскими словами: *âme* (душа) и *art* (искусство).

нулся нос у кардинала при этом уточнении. Тем не менее нам удалось перейти к порядку дня лишь большинством в 80 голосов против 43. 43 сенатора желают, чтобы все врачи были католики. Поистине XVI век был куда умнее XIX. В то время никто не посмел бы говорить глупости, которые мы принуждены все время слушать.

Сегодня вечером мне пришлют корректуру статьи о Вас: она, как полагаю, появится на будущей неделе.

Я огорчен, что Вы еще не начали историю Пустосвята. Начать писание романа — значит попасть в целое сплетение событий и обстоятельств, и я хотел бы, чтобы Вы по уши завязли в этом деле.

Я нашел здесь по приезде *Лейтенанта Ергунова* и другие книги, которых еще не успел раскрыть. Вы сами знаете, какой затор находишь дома после полугодового отсутствия. Вдобавок мне приходилось четыре часа в день проводить в Люксембургском дворце для выяснения вопроса: обязаны ли будут профессора Медицинского института ходить на исповедь.

Между тем этой весной очень много всяких скандалов. Г-жа де Гонто уехала с каким-то тенором, написав мужу, что беременна от означенного тенора. Г-жа Лемаруа тоже скрылась в неизвестном направлении с г-ном де ла Редортом. Стали носить очень короткие платья с двумя дольками дыни. Это два аппарата на китовом усе и конском волосе, представляющие собой, прошу меня извинить, пару ягодиц и заменяющие кринолин, — так создаются иллюзии у потребителя. В таком-то костюме справляют «месяц Марии».

Кто такая эта мингрельская княжна, вышедшая замуж за юного Мюрата? Не дочь ли княгини, похищенной в свое время Шамилем и описавшей это свое приключение, о котором я где-то читал? Прощайте, милостивый государь. Когда Вы возвращаетесь на святую Русь? Надеюсь, Вы скоро опять приедете оттуда с первыми главами *Пустосвята*. Вы рассказывали мне о заклинании против эпизоотии, при котором сами присутствовали. Этот эпизод мог бы найти свое место и среди Ваших раскольников. Всего Вам доброго.

Пр. М.

98. ГОСПОЖЕ ДЕЛЕСЕР

Париж, 22 июня 1868.

Сударыня,

Говорят, свадьба состоится лишь в ноябре, все будет весьма прозаично. После того, как мои возражения на первый взгляд как будто убедили суженого, он, впав в прежние заблуждения, возвратился с понурым видом. Я ему сказал, что начинать супружескую жизнь с поступка, свидетельствующего о слабохарактерности, и поступка сумасбродного — это, пожалуй, слишком. Он обратился, или, вернее, они обратились к адвокату Андралю, который сперва долго доказывал им все неудобства с точки зрения света, а кончил замечанием, что с точки зрения законности брак будет не плох, разумеется, если его зарегистрировать по возвращении из Америки. Однако после этой консультации он сказал, что хотел бы побеседовать с дамой наедине, и перечислил ей все неприятности и даже опасности, которым она подвергнет мужа, и это последнее соображение заставило ее решиться. Поездки в Америку не будет. Все это кажется мне странным и каким-то ужасно неженственным.

Все же совещание с адвокатом, мне представлявшееся величайшей нелепостью, привело к отличному результату. Он говорит, что она сама кротость, хотя по внешности этого не скажешь. Я считаю, что ему нужна была бы умная женщина, которая держала бы его в руках, но сомневаюсь, что дело обстоит таким образом.

Думаю поехать на недельку в Лондон к Паницци, потом вернуться в Париж, пока не спадет жара, а затем завершить в Монпелье лечение сжатым воздухом.

Тургенев в России. Он прислал мне очень короткий рассказ, слишком даже для него короткий, под названи-

ем *Бригадир*. Речь идет о бедном старике, который в свое время был одним из самых блестящих суворовских военачальников. Всю свою жизнь и все свое достояние он принес в жертву некой прекрасной даме по имени Аграфена, уже умершей. Семейство покойной довершило его разорение, и он живет в крестьянской хижине, доведенный почти до слабоумия, сохранив из всего, что у него было, только портрет Аграфены да грамоту о награждении его георгиевским крестом. История эта так же печальна, как поэма о *Меджнуне и Лейле*, которой я не в состоянии был перечитывать. Ну, можно ли давать читателю столь жалостные анатомические препараты человеческой души?

. В Бадене ему оказала честь своим посещением великая княгиня, но в любезностях по его адресу она, кажется, не рассыпалась. Любезности она приберегает для нашего брата. Несколько времени тому назад, когда принц Оранский был в Париже, в гостях у одной княгини, нашей приятельницы, та стала поддразнивать его насчет давнишней страсти, которую означенная великая княгиня питала к нему. Он, в силу своей немецкой чистосердечности, не стал отрицать и с глубоким вздохом добавил: «Но она такая злая! Иногда мне казалось, что в моих объятиях сам император Николай».

На днях я предался излишеству и пошел обедать в Императорский клуб, где встретился с Эдуаром. Жара здесь невыносимая. Надеюсь, что соседство Альп дает Вам хоть немного прохлады.

Прощайте, сударыня, соблаговолите принять выражение моего нижайшего почтения.

Пр. Мериме.

99. ГЕРЦОГИНЕ КОЛОННА

Париж, 26 сентября 1868.

Ваша светлость,

Полагаю, что местного колорита у Вас сейчас хоть отбавляй, и думаю, что скоро он Вас совсем захлестнет. Но если комедия не будет тянуться очень долго, возможно, она Вас позабавит и заинтересует,— несколько лет назад я проверил это на собственном опыте. Похоже, что Вы заморожены. Вы восхищаетесь — прости господи — Монтаньесом и даже Берругете. Где то время, когда Вы клялись только именем Микеланджело? Ну, все пути ведут в Рим. Надеюсь, этот путь возвратит Вас в Грецию, только в ней одной спасение. Вы первая женщина, которой испанки пришлись по вкусу. Это делает Вам честь. Они во многих отношениях лучше наших женщин. Они добры, преданны и не склонны к кокетству. Нет ничего забавнее того, что о них говорят французы, которым удалось соблазнить модисточку с Калье де Корретас. Я считаю совершенно невозможным, чтобы француз и испанка могли подойти друг другу. В смысле платонической любви нам известно лишь кокетство, а что касается той, другой любви,— тут мы требуем воображения. Эти два качества отсутствуют по ту сторону Пиренеев. Но заметили ли вы, как до сих пор велико могущество женщин в Испании? Слава богу, мы во Франции сбросили это иго, или, вернее, вы сами отреклись от своих привилегий. Но там мужчин еще ведут куда и как хотят, и, как всегда бывает, чем женщина требовательнее, тем лучше ей служат. На эту тему можно очень много говорить, и я ее оставляю, тем более, что если мне удастся убедить Вас в том, что я имел честь Вам сказать, боюсь, как бы Вы не задержались в Мадриде с ужасающе макиавеллистическими намерениями. Испанке достаточно

командовать одним мужчиной, а Вы пожелали бы управлять целым народом.

На этой неделе я еду в Монпелье, куда меня призывают мои легкие. Оттуда отправляюсь в Канн. Боюсь, как бы сессия не открылась очень рано, но я не в состоянии выносить холода и думаю, что скорее согласился бы стоять на ногах под солнцем, сколько выдержу, чем лежать в кровати в Париже. Поэтому, сударыня, прощайте на довольно долгое время. Предполагаю, что когда я возвращусь, Вы уже будете похищены каким-нибудь новым Виндишгрецем или Кергорлэ (это все одно) и увезены в новое путешествие. Это очень плохо для Вас и очень хорошо для меня, так как я буду с каждым днем все больше и больше раскаляться. По этому поводу позвольте мне попросить у Вас еще одну Вашу карточку. Та, что Вы мне прислали, была вся в чернилах. Еще одна беда, для меня более страшная, чем для Вас, это то, что я не смогу прочесть Вам две не изданные еще новеллы, которые я написал и из которых одна примечательна своим ужасным сюжетом и приятным стилем, а другая высоконравственна и назидательна. Писать их было очень забавно. Грустно, что прочитать их некому, а что до неблагодарной публики, то пусть дожидается. Я уже давно принял решение лишить ее плодов моего умственного труда. В Канн я везу еще один-два столь же возвышенных замысла, но там у меня нет хороших перьев и моего письменного стола. Я всегда уподоблялся учителям танцев, которые умеют играть только на своей карманной скрипочке. Прощайте, сударыня, желаю Вам без помех перебраться через горы, не дай Вам бог оторваться от цивилизованного мира, как это однажды случилось со мной, всего с двенадцатью франками в кармане, из коих десять я был должен.

Соблаговолите принять уверения в моем нижайшем почтении. Если Вам на ум придет мысль написать мне, я до 20 октября буду жить в Монпелье в гостинице *Неве*.

P. S. Не забудьте валенсийских дынных семян.

100. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 16 ноября 1868.

Дорогой друг, я был очень болен и до сих пор не поправился. Ванны сжатого воздуха, так благотворно действовавшие на меня минувшей весной, не смогли излечить моего бронхита, который сменил астму и вполне стоит ее. Вот уже полтора месяца я кашляю и задыхаюсь, а различных снадобий, которые я принимаю послушно и терпеливо, оказалось недостаточно для того, чтобы я мог опять жить как обычно. Выхожу лишь в очень теплую погоду, сплю очень плохо и время провожу в общении с *blue devils*... Ночью я особенно страдаю и тоскую. Если я уже сейчас, до наступления зимы, так расклеился, что будет со мной, когда станет по-настоящему холодно? Эта мысль меня особенно мучит и тревожит. Впрочем, уже три-четыре дня я чувствую себя немного лучше. Во время бессонницы я начисто переписал своего Медведа с теми изменениями, которые Вы мне посоветовали сделать и которые, по-моему, улучшили его. Остается довольно сомнительным, чтобы медведь в своих покушениях мог дойти до того, что из-за них подпортилась знатная генеалогия. Однако такие умные люди, как Вы, поймут, что имело место очень печальное происшествие. Этот новый вариант я послал Тургеневу для проверки местного колорита, насчет которого я не слишком уверен. Беда в том, что ни он, ни я не смогли разыскать литовца, который знал бы свой язык и свою страну. Сперва у меня возникло желание послать рассказ императрице ко дню ее рождения, но я отринул это искушение и поступил правильно. Один бог знает, что произошло бы с медведем среди всей этой светской публики, находящейся сейчас в Компьене. Погода у нас была все время посред-

ственная: ни ветра, ни холода, но по-настоящему хороших дней тоже очень мало. Я здесь уже две недели. До того был все время в Монпелье, где отчаянно скучал...

Умер бедняга Россини. Уверяли, что он очень много работал, хотя не желал ничего издавать. Мне это всегда казалось маловероятным. Если бы он действительно что-нибудь сочинил, то одних денежных соображений, для него всегда очень существенных, было бы достаточно, чтобы он издал написанное. Он был один из самых остроумных людей, каких я знал. Что могло быть чудеснее спетой им арии из *Севильского цирюльника*! Говорят, что Ламартин и Берье тяжело больны. Прощайте, дорогой друг. Дайте мне о себе весточку и поскорее уезжайте из сырой местности. В провинции не бывает теплых домов.

Если Вы знаете какую-нибудь занятную книгу, пожалуйста, сообщите мне.

101. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 22 ноября 1868.

Милостивый государь,

Надеюсь, что эта записка дойдет до Вас, когда Вы будете проездом в Бадене. В Париж я Вам писать не решаюсь. Вы совершенно правы насчет колдуньи. Я уже подумывал о том, чтобы это изменить, и если сделаю новый вариант для известной Вам прекрасной дамы, то заменю эту сцену встречей с цыганами, которых лучше знаю. Они водят с собой прирученного медведя — это будет контрастом к собаке; медведь — двоюродный братец его сиятельства. Змея у меня для местного колорита. В XVII веке в Литве крупных черных ужей держали в избах крестьяне, считавшие их своими пенатами. Я разобрал значительную часть письма, несмотря на адский почерк. *Локис* — слово очень красивое, я возьму его в качестве заглавия для этой вещи, если когда-нибудь отделаю ее. Что касается *Ревю*, то уж нет. Я больше не стану писать рассказов для респектабельной публики. Для этого я слишком стар. Я не очень-то доволен тем, что Вы показали это Этцелю, но надеюсь, что он не проболтается своим друзьям из *Фигаро*, которые вполне способны сделать из этого фельетон.

Я еще не получил книг, о которых Вы меня извещаете, они будут приняты с величайшей радостью. Вы ничего не пишете о Пустосвяте. Почему?

Я по-прежнему прихварываю, а так как погода не слишком хорошая, сижу у камелька и почитываю *Вильгельма Мейстера*. Я не перечитывал его уже лет 25. В свое время я прочел его сперва во французском переводе, а потом в оригинале, когда изучал нелепый язык, именуемый немецким. У меня осталось впечатление, что

это шедевр. Теперь я читаю его в очень хорошем английском переводе, и впечатление совсем иное. Мне все это представляется растянутым, путанным и лишь боком касающимся правды. В каждой фразе чувствуется искусство, точнее — искусственность. Тем не менее в целом произведение выдающееся, но почему? Не могу отдать себе отчета. Все действующие лица не имеют ничего общего с реальной жизнью. Не определены точно ни время, ни место действия. Во всем повествовании есть какая-то претенциозная расхлябанность, старающаяся подражать естественности, но весьма от нее далекая, и т. д. и т. п. И, однако же, интересно. Я был бы очень рад узнать Ваше мнение, когда у Вас выберется для этого время и досуг. Спросите также у престарелых, но умных людей, были ли в те времена в Германии такие нравы и повадки, какие можно себе представить по тому, что пишет автор. Вывод: мне кажется, что Гете был великим *humbug* *. Вообразите, что он имел бы дело не с немцами, которые всегда обожали загадки без разгадок. Прощайте, милостивый государь, я напишу Вам обстоятельнее в Карлсруэ, но мне хотелось незамедлительно поблагодарить Вас за то, что вы потрудились прочитать моего медведя и сделать кое-какие разыскания, чтобы его немного «облизать». Всего Вам доброго. Вы что же, просто путешествуете или переезжаете в другое место на жительство?

Пр. М.

* «Мыльным пузырем» (англ.).

102. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 3 дек<абря>1868.

Милостивый государь,

Единственное, что мне было неприятно в сообщении, сделанном Вами Этцелю, это что оказалась подмоченной моя репутация правдивого человека, поскольку я написал Бюло и другим, что у меня нет ничего законченного и что в данном случае речь шла лишь о наброске, о медведе «необлизанном». Впрочем, я всегда могу сказать, что пока новелла только в рукописи, не завершена, и я ведь и правда внес в нее уже ряд изменений. Она будет называться *Локис*, как Вы и советовали, с эпитафией *Michka su Lokiu abi du tokiou*. Смысл, кажется, «два сапога пара»? Ваш корреспондент переводит: *Мишка и топтигин одно и то же* *. Ни у Макарова, ни в других местах я не нашел слова *топтигин*. Княгиня Кочубей говорит, что это значит увалень. Мишка, насколько я знаю, — прозвище медведя. Вы называете его Михаилом, а мы Мартыном. Предки наши называли его *Dan Brun* **. Кажется, *топтигин* того же корня, что *топтать*? Берг, знающий, по-видимому, немало языков, приводит в качестве эквивалента жмудской пословице малорусскую поговорку: *обое рябое*. Не значит ли это — похожи, как два волдырика ветряной оспы? Кстати, у нас здесь эпидемия ветряной оспы, так перепугавшая англичан и обычных праздношатающихся, что все гости-

* Слова, здесь и далее набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

** «Господин Бурый» (старофранц.).

ницы и многие виллы пустуют. Я на это не жалуясь, так как уже давно превосходно чувствую себя в одиночестве. Очень огорчен я тем, что Пустосвят перестал Вас занимать. Боюсь, не разленились ли Вы. Для меня нет задачи интереснее, чем обстоятельнейший анализ исторического персонажа. Мне кажется, можно добиться воссоздания человека минувших эпох способом аналогичным тому, каким воспользовался Кювье для восстановления мегатерия и многих других вымерших животных. Законы аналогии так же непререкаемы для внутреннего облика, как и для внешнего. Впрочем, если в голове у Вас созревает какой-то иной замысел, отложите Пустосвята на другое время — *membranis intus positus* *. Как-нибудь Вы к нему еще вернетесь и, может быть, обретете и вдохновение и необходимую усидчивость для того, чтобы довести его до вожделенного конца, то есть до костра — завершающего эпизода жизни стольких великих людей.

Я в восторге от того, что *Вильгельм Мейстер* кажется Вам таким же фальшивым, как и мне. Но я нахожу, что Вы чересчур уж хвалите автора за незначительное количество тонких наблюдений и поэтических образов, тонущих в океане пошлости и прописных истин. Беда Гете в том, что он сам себя слишком чтит. У него не хватило бы мужества вычеркнуть то, что ему самому показалось бы плохим. «Раз я так написал, значит у меня на это были причины». Это мне заявил Виктор Гюго, говоря моей особе о своей собственной, к каковой у него тоже преувеличенное уважение. Другая беда Гете в том, что при нем всегда находилось некоторое количество болванов, которые всем у него восхищались и так же ловко обнаруживали красоты в посредственном, как христианские богословы толковали в религиозном смысле все чудовищные непристойности библии. Сейчас я читаю его автобиографию, и время от времени меня охватывает желание швырнуть ее в огонь, но я все же читаю дальше.

* Здесь в смысле: засуньте бумаги в ящик стола (лат.).

Он неисправимый болтун, но полный ума, и ума оригинального, который был бы еще своеобразнее, если бы он не так с ним нянчился. Я получил Макарова и Баратынского. Первый очарователен. На поэзию второго я не очень-то клюю. Какой балл он у вас там имеет? Если у Пушкина — 20, дотягивает ли он до 7 или 8? Прощайте, милостивый государь. Я огорчен, что Вы избрали зимней квартирой Карлсруэ. Баден и Карлсруэ, Мишка и Локис. Приехали бы лучше в Канн.

Всего Вам доброго.

Пр. Мериме.

Вот уже несколько дней я чувствую себя немного лучше.

1869

103. ГРАФУ ДЕ ГОБИНО

Канн, 13 января 1869.

Милостивый государь,

Мне бы давно следовало вам написать, но я болел и к тому же сам был сиделкой. М<адмуазе>ль Лагден уже неделя как слегла, и мы очень о ней беспокоились. Сейчас ей намного лучше, и болезнь ее — мы подозревали, что это тиф, — приняла менее тревожный оборот. Однако она очень нелегкая больная, привыкла никогда не думать о себе, и мы — ее сестра и я — вынуждены проявлять крайнюю бдительность и двадцать раз в день спорить с ней, чтобы она принимала лекарства и лежала спокойно.

Я прочитал *Афрессу*. Вы знаете, что в поэзии я плохой судья, так что не придавайте значения моим критическим замечаниям, или, вернее, моему замечанию, ибо оно у меня в единственном числе. Ваши маленькие поэмы, на мой взгляд, хорошо сделаны, но я считаю, что написаны они не тем языком, какой для них требуется. Замысел Ваш отличается благородной простотой, за что я Вас хвалю. Это Греция, и это хорошо. Но почему же, пользуясь манерой древнего поэта, Вы употребляете современный, мало того — очень уж современный язык? У Вас имеются неологизмы, которые сошли бы в прозе, но которые я считаю недопустимыми в поэзии. Противоречие между формой и содержанием тем больше поражает меня, что содержание мне очень нравится, и, по-моему, поработав немного больше, Вы бы все отлично согласовали. Думаю также, что современная поэтическая школа найдет Ваши рифмы недостаточ-

но богатыми. Должен признаться, что этот недостаток меня не смущает. Первое дело—ублаготворить разум, ухо—вопрос второстепенный. А у этих господ слуха, может быть, больше, чем смысла.

Пишу Вам второпях и в такой момент, когда не очень-то могу собраться с мыслями. Уезжаете Вы или нет? Направляетесь ли в Бразилию? Вы не сказали мне, где жили в течение месячного отдыха, который был Вам предоставлен. Это письмо я адресую в гостиницу «Вуйльмон», где, как я думаю, Вы остановились, если находитесь в Париже, и где во всяком случае оставили свой адрес. Прощайте, милостивый государь, только что врач сообщил мне вполне удовлетворительные сведения. Жму Вашу руку и желаю Вам счастливого пути, если Вы уезжаете.

104. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 10 февраля 1869.

Милостивый государь,

Я действительно в очень плохом состоянии, никакие лекарства не могут справиться с моим бронхитом. У меня ужасающая бессонница, я мучительно задыхаюсь, Однако в этом последнем отношении наблюдается некоторое улучшение. Я познакомился с неким оригиналом,— прежде он был врачом в африканских войсках, сейчас в отставке и живет, греясь на солнышке. Он дал мне пилюли, которые уже дня три-четыре как излечили меня. Но представьте себе, в каком неловком положении я оказался. Лечить он меня не хочет, пилюли дает *gratis pro Deo* * и не хочет сообщить состав. Мой обычный врач принужден признать их благотворное действие, но теперь он не знает, что прописывать мне от бронхита, опасаясь, как бы это таинственное снадобье и его лекарства не начали ссориться у меня в желудке. Но, сдается мне, лучше всех врачей — погода, которая здесь стоит. Начало весны в Провансе — чудесная пора. Мне бы хотелось, чтобы Вы узнали это на собственном опыте.

Ваш переезд мне совершенно непонятен. За ним, наверно, скрывается какая-нибудь тайна, не меньшая, чем тайна моих пилюль, но я очень сожалею, что Вы бездельничаете. Я надеялся, что бравый ересиарх Пустосвят занимает Ваши досуги. Боюсь, не отодвинули ли Вы его до греческих календ. Впрочем, поскольку Вы о нем много думали, весьма вероятно, что в один прекрасный день то, что у Вас в голове находится еще в смутном

* Бесплатно (лат.).

виде, предстанет вдруг упорядоченным и созревшим. У нас под черепом совершается порою странная работа. Мучишься, бьешься над замыслом и ничего не можешь сделать. Наконец отступаешь, а потом в одно прекрасное утро проснешься, и оказывается, что работа, по существу, готова. Сделал, скажем, ребенка, а ведь ребенку нужно девять месяцев, чтобы выйти из чрева.

С нетерпением и беспокойством ожидаю *Несчастную* *. Боюсь, как бы она меня не разогорчила. Не могли бы Вы написать для меня *Счастливую*? Старея, становишься чувствительным, грустные истории комом ложатся на желудок. Писатели беспощадны к детям, которых они создают в своем воображении, и не щадят нервов своих читателей. У меня еще комом на сердце лежат переведенные Вами ужасные истории Вовчка. Прочитав *Казачку*, испытываешь желание поджарить на медленном огне одного-двух панов. Но разве это цель искусства? Г-жа Делесер дала мне замечательный совет — никогда не мучить читателя собаками и детьми. Знаете, страданиями собаки или малыша можно до слез растрогать даже Нерона. Я по Вашему совету изменил в своем медведе сцену с колдуньей и думаю, что получилось лучше. Эта штучка будет называться *Локис*, а эпиграфом я беру жмудскую пословицу: «Мишка и Локис — два сапога пара». Михаилом зовут джентльмена, с чьей матерью случилось известное Вам происшествие.

Прощайте, милостивый государь. Приехали бы Вы погреться на нашем солнышке. Здесь много русских. На днях я ел блины с икрой и не в восторге от этого блюда.

Всего вам доброго.

Пр. М.

* Слова, набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

105. АЛЬБЕРУ СТАПФЕРУ

Канн, 10 февраля 1869.

Дорогой Альбер,

Спасибо за письмо. Поздравляю Вас с мягкой зимой, которую Вы провели в По. Здесь у нас не было солнца в течение всего января и отчасти в декабре. Обычно же погода весенняя. Но в этом году, хотя и обошлось без холодов, небо у нас все время было серое, унылое, что совершенно меняло облик местности. Февраль дает некоторое облегчение от непогоды минувшего месяца. Тем не менее я все время сильно недомогаю. Из Монпелье привез упорный бронхит, от которого так и не могу избавиться, затем м[<]адмуазель Лагден, которую Вы, кажется, знаете, довольно серьезно заболела, и целый месяц я был очень обеспокоен ее состоянием. К счастью, сейчас выздоровление пошло быстрым ходом, и скоро она вернется к обычному образу жизни. В общем зима у меня была нелегкая. Лишь несколько раз удалось мне выйти прогуляться. В этом году невозможно было рисовать с натуры, а раньше это было мое любимое развлечение. Книжки здесь — редкость, выбор неважный. Между приступами кашля я от отчаяния опять принялся писать и написал несколько новелл: они меня развлекли, но печатать их я не намерен. Мне как-то стыдно заниматься бирюльками в такое время.

Почему Ваша дочь не изучает русский язык? Это красивейший из всех европейских языков, не исключая и греческого. Он гораздо богаче немецкого и отличается удивительной ясностью. Вы же знаете, что можно понять каждое слово какой-нибудь немецкой фразы и, однако, не иметь ни малейшего представления о том, что же автор хотел по-настоящему сказать. Мой друг Моль, по

национальности вюртембергский немец, извинялся, что не может перевести фразы, написанной одним его соотечественником: фраза эта стояла в предисловии, и надо было прочесть все двенадцать томов, чтобы по-настоящему понять ее смысл. С русским языком такого случиться не может. А так как этот язык еще настолько молод, что педанты не успели навязать ему свои правила и выдумки, он замечательно подходит для поэзии. У русских есть один великий поэт и другой, почти столь же великий, и оба еще очень молодыми были убиты на дуэли. Есть и крупный романист—мой друг Тургенев. Когда Ваша дочь захочет изучать русский язык, к ее услугам будут мои книги.

В Испании заваривается какая-то каша. Вам все должно быть хорошо видно: Вы ведь, можно сказать, в аванложе. Хотят испортить мою любимую страну, а конституционного государства из нее так и не сделают. Респектабельная кастильская публика позволяет водить себя за нос и ничего не понимает или, вернее, понимает плохо. Ей говорят о *libertad de cultos* *, а она воображает, что речь идет о свободе культивировать сады и огороды. К сожалению, в Андалусии полагают, что это означает и свободу снимать урожай, и потому залезают в поле к соседу. Весьма вероятно, что через несколько месяцев вспыхнет омерзительная гражданская война.

Я еще слишком плох, чтобы думать о возвращении, и, наверно, не буду в Париже раньше конца марта. Я ужасно боюсь холода и не хочу страдать от туманов и инейя моей родины. Прощайте, дорогой Альбер, будьте здоровы, подайте о себе весточку, когда вам нечего будет делать. Знакомы ли Вы с моим другом Бесвильвальдом? Это архитектор, строящий в По новую церковь. Если вы с ним встречаетесь, напроситесь, чтобы он показал Вам свою постройку, и сообщите, какого Вы о ней мнения. Это мой преемник на посту инспектора исторических памятников. Всего Вам доброго.

П. Мериме.

* Свободе вероисповедания (исп.).

106. ГОСПОЖЕ ДЕ БОЛЕНКУР

Канн, 25 февраля 1869.

Сударыня,

Бесконечно благодарен Вам за любезное письмо и проявленный к моим бедствиям интерес. Я по-прежнему сильно болею. Бронхит мой принял острый характер после того, как я возвратился из Ниццы, где советовался с одним ловким шарлатаном. В моем купе ехали три барышни из Монако, которые любовались местностью и открывали окна. Так что я простудился, а простуда для человека с хроническим катаром — это Пелион, взгроможденный на Оссу. Вот уже два дня я лежу в постели. Сегодня я встал, но у меня не хватило сил хоть немножко пройтись и подышать свежим воздухом.

Вы сообщаете мне о любопытном процессе некой прекрасной княгини, но не говорите, идет ли там речь о поляках и конфетах. Впрочем, историю эту я знаю только по газетам, которые, на мой взгляд, за последние месяцы стали необыкновенно усердствовать во лжи. У графини де Ноай ожидается прибавление семейства. Ее сестра, которую я очень люблю, пишет мне, что приедет к счастливому событию, которое должно произойти в мае. Я хотел бы, чтобы у графини родился мальчик, он улучшил бы породу этих скучных людей. Я еще не забыл прогулки с м[<]адмуазель де Шанлатре у г-на Моле. Просто чудо, что я не заснул стоя. Никогда у меня не было такого пронзительного ощущения скуки, оно почти отравило меня.

Нынче утром состоялся большой концерт с участием всяких дам и господ в пользу какого-то религиозного учреждения. Только что мне сообщили подробности. Одна юная английская мисс, спев свою длинную арию,

воскликнула: «Наконец-то кончилось! Мне все время казалось, что я рожаю близнецов». Все нашли, что это смело и очень *fast* *.

Одна газета сообщила, что я при смерти,— в результате я получил некоторое количество докучных писем, на которые пришлось отвечать, и это было еще докучнее. Но главной докукой было появление священника: он словно решил завладеть мной, сказав, что прислан г-жой де Ла Рошжаклен. В свое время она была очень расположена ко мне и писала благочестивые письма с целью обратить меня на путь веры. Потом мы вместе ходили в Музей и рассуждали о картинах и статуях. Переписка наша прекратилась, но теперь она, видимо, решила, что времени терять нельзя. Я был благодарен ей за то, что она часто беседовала со мной о Вашей матушке в выражениях, которые были мне приятны, так как я видел, что она умеет ценить ее. Знакомы ли Вы с этой дамой? Это очень оригинальная особа, немного испорченная общением с чистыми легитимистами,— от них всякий одичает. Несколько лет назад, осматривая дворец герцогини Беррийской в Венеции, я увидел портрет г-жи де Ла Рошжаклен, и когда я назвал ее, смотритель принял меня за вандейца и оказал мне любезнейший прием.

Что говорят бургграфы о кандидатурах на испанский престол? Мои газеты называют дона Фернандо, отца короля Португальского. Если он не примет короны, неизбежна кандидатура герцога Монпансье: я полагаю, что злейшие враги не пожелают ему ничего хуже.

Прощайте, сударыня, соблаговолите принять уверения в моем нижайшем почтении.

Пр. Мериме.

Я с удовольствием узнал, что квартиры Вы не меняете.

* Фривольно (англ.).

107. ГЕРЦОГИНЕ КОЛОННА

Канн, 13 марта 1869.

Ваша светлость,

Я был очень болен. Лишь несколько дней назад я начал вставать с постели и проводить часок в кресле. Я все время очень слаб. Мне говорят, и я сам начинаю в это верить, что на этот раз выкарабкаюсь. Уверяю Вас, что мне было бы огорчительно не увидеть вашей *Сивиллы* и не прочитать Вам моей шуточной повестушки *Локис* или *Медовед*. Я с радостью вижу, что Вы работаете и ощущаете то вдохновение, которое обретаешь лишь милостью неба или преисподней, ибо ведь и дьявол может вдохновлять поэтов и художников. Если верить моей газете, Вы заняты сразу несколькими работами: колоссальной польской дамой, Моисеем и барельефом из жизни Ганнибала. Признаюсь, я не очень хорошо себе представляю, как это можно сделать колосса, взяв натурщицей польку. Сделать нечто великое из малого — возможно ли это? Не имею никаких возражений против Моисея и особенно против Ганнибала. К сожалению, он был кривоглазый. В своем предпоследнем письме Вы говорили мне об античной скульптуре и о современных моделях. Я в восторге от того, что Вы сравниваете антики с натурой. Вы не станете копировать их, но увидите природу глазами греков. Со всем возможным смирением я позволил бы себе задать Вам вопрос: не изменился ли идеал красоты существенным образом с тех пор, как победило христианство, или, вернее, с тех пор, как установилось наше новое общество? Значение физической силы существенно уменьшилось, на мой взгляд. Дон Жуан сложен отнюдь не как победитель на Олимпийских играх. Величайшая ошибка Микеландже-

ло в том, что он преувеличил античные представления и придал слишком много значения физической силе. Моисея он задумал как атлета, вместо того, чтобы увидеть в нем мыслителя. Я говорю Вам об этом потому, что Вы упомянули о мощных подколенках девиц, отплясывающих тарантеллу у ворот Анджелики. Я не такой уж знаток в этих вещах, но боюсь, что эти подколенки, украшенные темной полосой из-за подвязок и большим количеством блошиных укусов, не слишком достойный подражания образец. Мне кажется, что в некоторых вещах Жана Гужона можно найти превосходные примеры порядочного в современном искусстве. Надеюсь, Вы не заподозрите меня в стремлении проповедовать Вам подражание фигуркам Прадье. Самое главное, что Вы работаете, и я счастлив был узнать, что Вы так хорошо чувствуете себя в своей мастерской.

Спасибо за сведения о *Vicolo di madama Lucrezia*. Это мне очень важно. Вот еще одна шуточка, которую Вы, может быть, увидите, если не задержитесь надолго в Италии. Говорят, там нет нехватки в Виндишгрецах.

Я просто задыхаюсь от того, что столько написал. Заканчиваю письмо, хотя многое еще хотел бы Вам сказать, но рука дрожит, да и в голове туман. Недавно в академии Гизо объявил о моей кончине. Говорят, что надгробное слово составлено было в довольно почтительных выражениях. К счастью, кто-то сказал, что я не умер, как раз в тот момент, когда собирались произнести: «Однако...»

Прощайте, сударыня, соблаговолите принять уверения в нижайшем моем почтении.

Вы доставите мне огромное удовольствие, если пришлете о себе весточку.

108. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 14 марта 1869.

Милостивый государь,

Я сразу же ответил на Вашу телеграмму. Газеты упорно утверждают, что я умер. Не будь я таким закоренелым скептиком, я бы в конце концов сам в это поверил. Я был, правда, сильно болен и в течение первых четырех-пяти дней этого месяца внушал большие надежды кандидатам в академию. Острый, скоротечный бронхит прибавился к бронхиту хроническому. Но меня очень усиленно поили водкой и вот — вытянули. Теперь мне дают мышьяк, и он действует на меня отлично, — как на тиролек. Каждый день я на несколько часов встаю с постели и чувствую себя даже лучше, чем до этого скоротечного бронхита, — вот только слабость большая. Если солнце придет на помощь, я думаю, что смогу в следующем месяце вернуться к обычному образу жизни.

Спасибо за *Несчастную* *. Только что дочитал ее и намереваюсь перечитать. Я уже месяца два не открывал ни одной русской книги, и мне всегда нужно известное время, чтобы оказаться снова на том уровне, какого я достиг до перерыва. Кое-каких мест я не понял, несмотря на помощь словаря Макарова. Вот мое впечатление после первого чтения. Превосходные зарисовки характеров, всегда очень тонкие и волнующе правдивые. Может быть, даже слишком правдивые на вкус читателей. Очаровательный бессердечный человек, г-н Фустов, списан с натуры, но многие дамы Вам его не простят.

* Заглавие рассказа Тургенева Мериме написал по-русски.

Иван Матвееч — просто совершенство. Настоящий дворянин XVIII века, отмеченный печатью своей национальности. Семен Матвееч тоже очень удался, но мне кажется, что у Вас он действует не совсем так, как того требовала бы его натура распутника. Мне бы хотелось — но я не знаю, можно ли это? — чтобы история Сусанны не была рассказана ею самой, или же чтобы стиль ее речи отличался от стиля Петра Гавриловича. Она входит во всякие подробности, которые сами по себе мне нравятся, но о которых такая молодая особа, как Сусанна, по-моему, не стала бы говорить именно таким образом. Может быть, все станет на свое место, если кое-какие подробности опустить. Еще одно замечание. Я нахожу, что такой гнусный негодяй, как Ратч, изображен не так, как он того заслуживает. Создается впечатление, будто он хочет отомстить Сусанне. Между тем жажда мщения для него слишком благородное чувство. Гораздо более правдоподобным для него побуждением было бы желание вытянуть из падчерицы все соки, а затем унаследовать ее пенсию. Мне очень трудно судить о степени правдивости его языка, только русский может по-настоящему оценить это, но даже и на меня гнусность этого негодяя производит сильное впечатление. Рассказ Ваш так печален, так печально правдив, что со стороны автора является почти жестокостью преследование несчастной даже после ее смерти. Все эти сцены похорон и поминального обеда мне представляются предельно правдивыми, но читателя они возмущают. Читатель к тому же задает себе вопрос: каким образом такой славный человек, как Петр Гаврилович, согласился сесть за стол вместе с негодьями, которых он презирает? Заметьте, что в данном случае я критикую не саму эту сцену, а способ, каким она показана. Тургенев, тонкий знаток сердца человеческого, может находить удовольствие в описании всех печальных, смешных или мерзких обстоятельств, сопровождающих похороны. Смерть принадлежит ему, он делает из нее все, что хочет, но Петр Гаврилович, немного восторженный студент, не должен и не может наблюдать и повествовать со столь философической флегмой. Вы скажете, что студент этот — тонкий наблюдатель и доказывает свою наблюдательность с самого начала, например, когда он замечает, что

Сусанна грызет себе ногти, и делает из этого вывод о ее нервности. Ну, я отметил все недостатки, а для похвал уже не остается места. Все же хочу сказать Вам, что интерес читателя не ослабевает с начала до самого конца, местами рассказ удивительно поэтичен,— например, когда Петр Гаврилович настаивает, чтобы его приятель Фустов навестил Сусанну, и когда ему представляется, что на месте, где он уже как-то видел Сусанну, сидит женская фигура,—представляется как раз в тот момент, когда Сусанна умирает. Вот где сверхъестественное оказывается правдивым.

Прощайте, милостивый государь. Доктор ворчит и требует, чтобы я ложился. Бесконечно благодарен Вам за Ваш рассказ и за Ваше беспокойство о моем здоровье. Надеюсь, что у Вас со здоровьем благополучно. Шлю Вам сердечный привет.

Пр. М.

109. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 31 марта <1869>.

Милостивый государь,

Надеюсь, что если я отвечу Вам немедленно, это письмо еще может застать Вас в Париже. Я крайне огорчен, что Вы решили нас навестить именно сейчас. В настоящее время я еще не в силах путешествовать. Я только один раз вышел из дому, немного прошелся по пляжу, и меня даже это несколько утомило. В этом году наше солнышко что-то от нас прячется, а для моего выздоровления необходима очень теплая погода. Но ведь Карлсруэ так близко от Парижа, что мы непременно повидаемся, я же постараюсь не схватить за это время нового бронхита.

Меня крайне огорчило то, что Вы мне сообщили о Сент-Беве. Я думал, что он в лучшем состоянии. Какая ужасная болезнь! Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь переносил страдания с таким мужеством и с такой способностью творчески мыслить. Его талант растет с каждым днем.

Я с радостью узнал, что Вы познакомились с Литре. Вы о нем правильно судите. Когда я читал *Дым* *, Ваш Погодин напоминал мне Литре. В настоящее время это единственный человек, по-настоящему знающий французский язык. Знаете ли Вы одного из его друзей, г-на Вырубова, который сотрудничает в его журнале? Вид у него такой, словно ему очень хочется многое *вырубить*, но он одаренный и умный человек.

* Слова, здесь и далее набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

Здесь у нас большой поэт, Вяземский, он подарил мне свою фотографию. Я познакомился с некой г-жой Смирновой, которая мне очень нравится, хотя ей уже за 50 весен. Она дала мне для прочтения несколько книг, между прочим, одну под заглавием *Сборник русского исторического общества*. В 1-м томе напечатано несколько документов, относящихся к одной самозванке, которую Алексей Орлов завлек в Ливорно на русский военный корабль и доставил в Петербург; там она была заключена в крепость, где и умерла. Она выдавала себя за дочь Елизаветы от неизвестного отца — мне это представляется правдоподобным. На Всемирной выставке я обратил внимание на одну русскую картину, изображающую женщину, которая взобралась на свою тюремную койку и, окруженная крысами, испуганными наводнением, смотрит, как в окошко ее камеры хлещет вода. Не изображает ли эта картина дочь Елизаветы? В вышеупомянутом сборнике она зовется княжной Таракановой, но без объяснения, почему. Может быть, это прозвище? Если приведенные документы подлинны, — а по-видимому, это так, — княжна эта — мошенница, пытавшаяся без достаточного ума разыграть роль Димитрия I, у которого нашлось у Вас на родине столько учеников.

Г-н Этцель. может, если ему угодно, создать мне славу редактора переводов Ваших произведений. Я хотел бы заслужить ее в гораздо большей степени и, если он не торопится, прочел бы корректуры. Думаю быть в Париже между 15 и 21 апреля.

Читаете ли Вы в английских газетах тирады по поводу добрососедских отношений, установившихся недавно между Индией и Бухарой? Англичане, кажется, не на шутку встревожились. Все же я не думаю, чтобы русские в скором времени перешли Гиндукуш, но по обе стороны границы они и англичане будут строить друг другу гримасы и, может быть, даже переругиваться.

Прощайте, милостивый государь, всего Вам доброго.

Пр. Мериме,

110. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 21 апреля 1869.

Милостивый государь,

25-го я еду в Париж в довольно приличном состоянии, хотя все еще чертовски слаб. Г-жа Смирнова не показалась мне такой уж злой. Вас она находит строгим, но правдивым. Я дал ей прочесть Вашу *Несчастную*. Она критиковала ее меньше, чем я. У нее есть сын, напомнивший мне моего старого друга Базарова, и дочь, немного похожая на Ирину. Из этого я делаю вывод, что Вы великий художник.

Я восхищен либерализмом вашей русской администрации. У вас там архивариусы показывают документы, которые они хранят. Наши их старательно прячут. Пусть вам покровительствует министр иностранных дел, пусть вам дал разрешение сам император, хранитель делает все, что может, чтобы вы не совали нос в его папки, и так отравляет вам существование, что если у вас не хватает упорства и стойкости, вы сами отступитесь. Эти мысли пришли мне в голову по поводу истории княжны Таракановой, которую я только что прочел и которая написана на основании документов, хранящихся в императорских архивах. Я не уверен, что у нас решились бы переписать завещание короля Дагобера. Галейран был прав, когда говорил своим чиновникам: «Главное — поменьше рвения».

Тотчас же по приезде своем в Париж я должен сделать трех бессмертных приблизительно с тем же энтузиазмом, какой может быть у человека, которому предлагают сделать выбор между сожжением заживо, ко-

лесованием и повешением. Разумеется, я предпочту повешение,— говорят, в этом есть свои прелести.

<...>

Во время болезни и после нее я прочел невероятное количество английских романов. Из них нет ни одного мало-мальски терпимого. Лицемерие все портит. Пресно до тошноты. Диккенс остается наиболее крупной фигурой среди этого стада пигмеев. К несчастью, ему платят по столько-то за строчку, а он любит деньги — это сразу видно. Прощайте, милостивый государь, постарайтесь все же приехать этой весной в Париж. Я не виделся с Вами целую вечность и просто умираю от желания поговорить с Вами.

Пр. М.

Р. С. Я достал несколько бутылок красной мадеры — это редчайшая редкость и превосходнейший напиток, совершенно уничтоженный оидиумом.

111. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 2 июня 1869.

Милостивый государь,

Приходится признать, что после Протея Вы наиболее трудное для поимки существо. Я ждал Вас с величайшим нетерпением. В моем погребе есть еще несколько бутылок папского вина, и я надеялся, что они обратят Вас к римской церкви. Что еще важнее — у меня имеется красная мадера, да такая, какой ни у кого нет. Этого вина теперь уже нигде не существует, оно попало мне в руки после целого ряда злоключений.

Похоже, что лето я проведу в Париже, так как продолжаю болеть и от путешествий уже ничего не жду.

Весна у нас еще холоднее обычного. Думаю, что если еще проживу, единственное для меня спасение — страны за большими нильскими порогами. Говорят, там до того жарко, что туземцы обходятся без штанов и рубах.

Заканчиваю статью о княжне Таракановой. Какая гнусная каналья Алексей Орлов! Я получил подаренную Вами немецкую книжечку, но мне очень бы хотелось выяснить имя автора. Он как будто не знает русского языка, а между тем явно имел доступ в Российский государственный архив. В примечаниях я обнаружил несколько довольно интересных документов.

Что Вы скажете о наших выборах? Многие считают, что в следующее воскресенье результаты будут еще разительнее. Лично я думаю, что Тьер пройдет, отняв голоса у Девенка, но насчет Ж. Фавра сомневаюсь. На ком остановил свой выбор город, именующий себя столицей мира и искренне убежденный, что руководит судьбами

человечества! Во всем происходящем меня больше всего поражает неизлечимая глупость. Неужто это и называется прогрессом?

Читали Вы в *Ревю де де Мوند* роман Шербюлье? Я возлагал кое-какие надежды на этого парня, хотя он и пишет на женевском диалекте, отличающемся от французского языка гораздо больше, чем я думал. Начало было довольно хорошее, а конец никуда не годится. Главная беда современной литературы — преувеличения. Мужчины недостаточно живут в женском обществе, а ведь женщины очень умеют задавать тон. Во всяком случае, таковы они были прежде. Сейчас они столько позаимствовали от лореток, что, может быть, и утратили это свойство.

Прощайте, милостивый государь. Возможно, что меня пошлют в Германию на какие-нибудь воды. Если это случится, я попрошу у Вас позволения предупредить Вас заранее и проездом пожать Вам руку.

Всего Вам доброго.

Пр. М.

112. ГОСПОЖЕ ДЕЛЕСЕР

Париж, 23 июня 1869.

Сударыня,

У нас такая отвратительная погода, что я превратился в настоящего сурка. Я не вылезал из своей норы и счастлив был бы иметь такую же густую шерсть. Но вот уже несколько дней я чувствую себя немного лучше или немного менее плохо, и хочу, не откладывая, поблагодарить Вас за Ваше доброе и милое письмо. Я счастлив, что, несмотря на холод, воды пошли Вам на пользу. Когда выглянет солнышко, станет еще лучше.

Я ходил узнать что-нибудь о г-не де Флао. Видел только слуг, но, по их словам, он не так плох, как писалось в газетах. Я на собственном опыте знаю, что не к кому взывать, когда они безо всякого стеснения объявляют вас умершим. Однако я очень опасаясь, что он все же серьезно болен. Время я провожу довольно уныло. Только что закончил основательный кус для *Журналь де Саван*. Это истолкование одной картины, которую Вы, может быть, видели на Всемирной выставке. Молодая женщина в тюремной камере, целая река, врывающаяся в окно, и не без основания перепуганные крысы, старающиеся взобраться по ее ногам повыше (я имею в виду женщину, а не реку). Это написанная на холсте легенда. А я изложил историческую правду. Речь идет о несчастной лоретке, которая, сперва вскружив голову одному весьма благочестивому немецкому принцу, задумала по наущению некоего поляка выдать себя за дочь Елизаветы. Тут Екатерина II подслала к ней Алексея Орлова, который придушил Петра III. Орлов принялся ухаживать за лореткой, оказавшейся весьма чувствительной к пре-

лестям мужчины шести футов ростом. Он добился всего, чего хотел, а затем отвез ее на русский корабль, где она оказалась пленницей. Ее привезли в Петербург — там она и умерла от чахотки после нескольких месяцев заключения. В наше время она, вероятно, отделалась бы трехмесячным арестом и 16 франками штрафа. В моей статье приведены письма благочестивого принца; они Вас позабавят. Были Вы в Париже во время волнений? Больше всего меня поражает все растущая глупость здешнего люда. Много говорят о безнравственности и развращенности нашей эпохи, меня же удручает ее безнадежная глупость, и зло это неизлечимо. Тут уж не поправишься. Как вам нравится Тьер, который заявляет тремстам мальчишкам, сопровождающим его после подсчета голосов: «Даю клятву поступать, как добрый гражданин!» Это он, недавно говоривший о презренной черни! Все это грустно и не предвещает ничего хорошего. Имею довольно благоприятные новости о г-же де М<онтихо>, которая ставит комедии в Карабанчеле в ожидании схватки, о которой сообщают ежедневно, но которая все не начинается. Здесь уверяют, что королева готова отречься в пользу сына и что временное правительство с радостью соглашается на это в полной уверенности, что сохранит власть в течение нескольких лет и каждый успеет набить мошну. Соображения мошны у гордых кастильцев сейчас сильнее всех прочих. Императрица поручила мне дешифровать и привести в порядок переписку Филиппа II и герцога Альбы. Есть весьма любопытные письма. Король имел обыкновение записывать свои рассуждения на полях всех получаемых им писем. Это был самый слабый и путаный ум во всем его огромном государстве, еще больше убежденный в своей непогрешимости, чем нынешний папа, а в довершение всего и очень злой, подобно всем вообще ханжам, которые рассматривают бедствия, постигающие еретиков, как задаток того, что им предстоит в аду. Я развлекался этим целую неделю. Делать мне нечего, и если Вы подскажете мне тему, буду очень благодарен. Прощайте, сударыня, соблаговолите напомнить обо мне г-же де Надайяк и принять уверение в нижайшем моем почтении.

Пр. Мериме.

113. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 7 сентября 1869.

Дорогой друг, долго ли Вы еще намереваетесь оставаться в Невере, скоро ли вернетесь сюда? Я уже начинаю поглядывать на юг, хотя еще не ощутил приближения зимы. Но я дал себе слово, что холода не застигнут меня врасплох. Вот уже несколько дней я чувствую себя несколько лучше или, точнее, несколько менее плохо. Здесь я принимал ванны сжатого воздуха, которые мне немного помогли, а теперь мне прописали новое лечение, и оно довольно хорошо на меня действует. Я по-прежнему живу очень уединенно, никогда не выхожу из дому по вечерам и почти ни с кем не вижусь. Соблюдая все эти предосторожности, я существую или вроде как бы существую. Бюло удалось ввести меня в соблазн. В Сен-Клу императрица заставила меня прочитать *Медведя* — теперь это называется *Локис* (медведь по-жмудски) — молоденьким барышням, которые, как я Вам, кажется, уже говорил, решительно ничего не поняли. Это меня подбодрило, и 15-го этого месяца вещица появится в *Ревю*. Я внес в нее кое-какие изменения, помимо имен; хотелось бы сделать еще больше, но энергии не хватило. Сообщите, какого Вы о ней мнения.

Вчера закончилось наше дельце. Не знаю, что из него выйдет. Респектабельная публика до того безнадежно глупа, что сама не знает, чего ей, собственно, нужно. Мне кажется, что буржуа, голосовавший несколько месяцев назад за *Фери*, опасается, как бы ему теперь не оказаться безоружным перед неминуемым в более или менее скором времени повторением июньских дней. Это же его специальность — быть всегда всем недовольным, и прежде всего своими собственными деяниями. Болезнь

императора несерьезна, но она может затянуться и возобновиться. Говорят — и я склонен этому верить, — что большое путешествие на Восток будет отложено. Да и плохих отношений между султаном и вице-королем вполне достаточно, чтобы сорвать предполагающуюся поездку.

Читали в *Журналь де Саван* историю княжны Таракановой? Но это уже старое дело; кажется, я Вам показывал корректуру.

Этой зимой мне надо написать статью *Жизнь Сервантеса*, которая будет служить предисловием к новому переводу *Дон Кихота*. Давно ли Вы перечитывали *Дон Кихота*? Нравится ли он Вам по-прежнему? И отдаете ли Вы себе отчет, почему? Мне он нравится, но я не могу сказать, по какой именно причине. Напротив, я мог бы привести много доводов в доказательство того, что книга эта плохая. А тем не менее она превосходна. Хотел бы я знать, что Вы насчет этого думаете. Сделайте одолжение, перечитайте несколько глав и задайте самой себе соответствующие вопросы. Очень рассчитываю на то, что Вы окажете мне эту услугу.

Прощайте. Надеюсь, что еще в этом месяце увижу Вас.

114. МИШЕЛЮ ЛЕВИ

Канн, 23 ноября 1869.

Милостивый государь,

Очень Вам благодарен за *Воспитание чувств*. Оно пришло как раз вовремя, вместе с непогодой и усилением удушья — из-за этого я не могу выходить. Скоро заканчиваю первую книгу. Она очень заинтересовала и развлекла меня. Там есть анализы человеческого сердца, очень точные и очень ловко сделанные. На мой вкус многовато пейзажей. Часто *non erat his locus**. Писатель с таким подлинным и оригинальным дарованием не должен был бы вдаваться в столь пространные описания, которые часто вызывают у читателя досаду. Что за чертовщину едят у г-жи Арну — *даспачио и гаррик*? Может быть, это *гаспачо и кэрри*?

Прощайте, милостивый государь. Я по-прежнему совершенная развалина, все время болею. Шлю Вам сердечный привет.

П. Мериме.

Передайте мой привет и лучшие пожелания Ожье. Попросите его телеграфировать мне о судьбе его пьесы. Это обойдется ему в 1 франк, который с лихвою возместится ему при успехе.

* Здесь в смысле: они неуместны (лат.).

115. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 23 декабря 1869.

Милостивый государь,

Спасибо за Ваше милое письмо. Я только-только собрался писать Вам и попросить, чтобы Вы сообщили о себе. Очень рад был узнать, что сердце Ваше оставило Вас в покое,— думаю, так же как Вы и как я всегда вообще думал, что это одна из скверных шуточек, которые подагра играет со своими подданными. Я, со своей стороны, хотел бы заполучить подагру,— говорят, она излечивает от астмы. Герцог де Брольи был астматиком до сорока лет, а теперь — тоже уже лет сорок или пятьдесят — подагрик. У меня бывают очень тяжелые дни и еще более тяжелые ночи, однако вот уже две недели наблюдается небольшое улучшение. Хуже всего, что машина-то стара и что в свое время ей приходилось здорово напрягаться.

Вы говорите о новом издании Ваших произведений или о продолжении старого? В моей библиотеке имеются пять Ваших томов в весьма почтенных переплетах. Вы сообщаете мне о семи томах. Словом, что бы Вы мне ни послали, все будет принято с радостью. Будьте так добры прислать мне в Канн два последних тома, где рассказы и не издававшиеся раньше вещи, а остальное отправьте на улицу Лиль. Для меня большая удача иметь что читать в этих чуждых литературным интересам краях. Впрочем, Леви прислал мне роман Флобера. Увы! Замечаете ли Вы, с какой *бараньей тупостью* литературные радикалы следуют за предписанием своей маленькой секты? Каждая новая сцена сопровождается пейзажиком, обстоятельнейше выписанным и всегда выбранным из числа тех, которые того не стоят. Что меня больше всего

удивило со стороны Флобера, который уже на этом деле собаку съел,— это серьезные ошибки против французского языка и невероятно грубые выражения. Битва при Ватерлоо, изображенная В. Гюго, породила моду на слова, которые раньше никогда не печатались. В последнем номере *Артиста*, журнала с красивыми картинками, попадающего в гостиные, я обнаружил следующие два стиха:

В ночь на десятое в Дюнкерке смыло с дамбы
Беднягу одного. Да, парню вышла амба.

Можете также убедиться, насколько свобода печати усовершенствовала стиль наших газет, например, *Журналь де Деба*. Все отдает корзиной тряпичника.

Не больше Вашего разбираюсь в том, что происходит в политике. Ясно, что в Европе начинается какая-то заваруха, из которой, может быть, что-нибудь и получится, но что именно — никто предвидеть не в состоянии. Я не вижу людей, способных руководить событиями или даже хотя бы воспользоваться ими. Законодательный корпус напоминает мне наши школьные мятежи. Мы выгоняли учителей, а потом сами не знали, что нам делать со своей свободой. Никто не думал о том, что будет дальше, никто не хотел брать на себя ответственность и предводительствовать. Так более или менее обстоит и всюду в Европе; по-моему, только Бисмарк знает, чего он хочет, и вообще хочет чего-то определенного.

Не знаете ли Вы, опубликовал ли мой друг Устрялов новый том своего *Петра Великого*? Он год тому назад сообщил мне, что летом 1869 года этот новый том должен выйти. Было ли опубликовано что-нибудь о недавних русских аннексиях в Азии? Какая-нибудь книга или газетные статьи?

В Англии на этот счет, по-моему, тоже ничего не появилось.

Прощайте, милостивый государь. Очень жалею, что Вы приезжаете в Париж в то время, когда я в Кани. Лечитесь и работайте. Берите пример с Геродота, оставившего нам девять томов. У Вас пока всего 7.

Всего Вам доброго.

Пр. М.

1870

116. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 2 февраля 1870.

Я получил вашу *Странную историю* *, но без письма, о котором Вы мне сообщали. Я прочитал Ваш рассказ. Он мне понравился. Я только не уверен, поймут ли французы, самые безрассудные люди на свете, безумие религиозное. Во всяком случае, я буду Вас переводить, а это дело трудное, так как Вы художник слова и располагаете инструментом более удобным, чем мой. Вы отлично рассказали о видении: вполне понятно, что оно могло иметь место. Читали ли вы статью Леона де Лабурда о магии в Египте? Приемы другие, но принцип-то один и тот же.

Некоторые слова и фразы меня смущают. Что такое *кацавейка, чуйка?* ** Этих слов в словаре нет. Матридия говорит: *сумлеваемся мы*. Это что же — какое-то местное произношение слова *сомневаться*? Как перевести следующую фразу на стр. 71: *Заостренный носик так и выдавался шилом, так и нюхал воздух: плут, мол, я! Ну! ты баба не промах!*

Я все еще очень болен, однако надеюсь, что за несколько дней смогу перевести эти двадцать страниц. А что делать потом? Послать рукопись Бюло, чтобы он затем пересылал Вам корректуры, или же Вы предпочли бы сперва посмотреть мою рукопись? Я поступлю, как Вы пожелаете.

Вы знаете, что во французском тексте нельзя употреблять столько же прилагательных, сколько в русском,

* Заглавие рассказа Тургенева Мериме написал по-русски.

** Отдельные слова и фразы, набранные курсивом, Мериме написал по-русски.

и невозможно давать такие же обстоятельные описания. Поэтому Вы уж извините меня за некоторые мои вольности.

Каков точный смысл слова *юродивый*? Одержимый религиозной манией? Фанатик — слово слишком возвышенное и применяется только к людям, доходящим до крайности в своих убеждениях. Я склонен употребить здесь народное выражение *innocent* *. Боюсь, наши прекрасные дамы не простят Вам того, что Вы заставляете Софью снимать с юродивого мокрые сапоги, но сцена эта прекрасна и хватает за сердце. Может быть, стоило бы добавить несколько фраз, чтобы подготовить выходку Софьи и теснее связать обе части повествования. Закончив перевод, я более обстоятельно изложу Вам свои замечания.

Прощайте, милостивый государь, держите меня в курсе своих переездов с места на место. Насколько я понял, речь идет о России и о Карлсруэ? Всего Вам доброго.

Пр. М.

* Буквально — «невинный» (франц.). Здесь в смысле — не ведающий зла.

117. ЭДВАРДУ ЧАЙЛЬДУ-СЫНУ

Канн, 17 марта 1870.

Дорогой друг мой, спасибо за письмо и новости из мира, от которого я так далек. Меня очень огорчила смерть юного Лаборда. Не везет этой несчастной семье.

Вы подарили мне словарь американизмов. Скоро мне придется попросить у Вас глоссарий нового французского языка. Что значит *rapoteuse* *?

История Наполеона Ланфре, которую я, впрочем, только просмотрел, сделана, на мой взгляд, по образцу истории Тьера, но с другими идеями. Оба эти труда не блещут беспристрастием. Я думаю, что еще не настало время для окончательного суждения об этом человеке и о его времени, но мне кажется, что будущий историк переработает историю Тьера и внесет в нее исправления.

Стихи Эсхила в Вашем переводе доставили мне удовольствие, хотя мне не нравится губка, и метафора далеко не верна. Любопытно, что и в самой древней поэзии наблюдается это стремление к *conchetto* **, столь характерное для эпох упадка. Невольно начинаешь быть снисходительным к эвфуизму Шекспира и стилю *culto*. На этот счет я кое-что написал в связи с новым изданием *Дон Кихота*. Я отметил, что греки, англичане и испанцы обладали способностью испытывать одновременно два удовольствия — от драматической перипетии и от вычурной образности. Этой способностью не обладают французы — они всегда хотят знать, как и почему они наслаждаются искусством.

Я по-прежнему болею, и ничто не приносит мне облег-

* Болтуня, сплетница (франц. просторечие).

** Вычурной образности (итал.).

чения. У меня бывают ужасные ночи и внезапные приступы удушья, казалось бы, безо всякого внешнего повода. Наступила прекрасная погода, но и это не помогает. Я рассчитывал на солнце, а оно меня обмануло.

Я пытался, но довольно безуспешно, читать рассказы мисс Мартино. Они напоминают мне изложенные в виршах математические положения: «Гипотенузы квадрат должен быть, говорят, к квадрату приравнён двух других сторон». Сейчас я читаю эссе Чарльза Лэмба. У него своеобразные идеи в английском духе. Письма его чрезвычайно заняты.

Прощайте, дорогой друг мой. Я в гнуснейшей тоске, так что всякий раз, когда Вы соизволите сообщить мне, что́ происходит в мире, Вами будет совершено доброе деяние. Соблаговолите повергнуть к стопам г-жи Чайльд выражение моего глубочайшего почтения.

Всего Вам доброго.

Пр. М.

118. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 25 марта. 1870.

Милостивый государь,

Как у Вас дела? Уж не хватила ли Вас опять подагра? Я не читал *Ревю* за прошлый месяц, но знаю, что *Странная история* там напечатана. Надеюсь, что Бюло по моему совету послал Вам корректуру и Вы смогли ее выправить.

Здесь у нас имеется некоторое количество русских, и со слов кое-кого из них, с кем я встречаюсь, мне известно все, что они говорят в Ницце, где их целая колония. По-видимому, Ваш последний рассказ привел их в ярость. Они утверждают, что Вы закоренелый враг России и хотите видеть в ней одни отрицательные стороны. Я спросил у одной дамы, очень, видимо, возмущенной, что же, собственно, плохого в Вашем рассказе. Ответ: «Да все». — «Ведь есть же <.....> в России?» — «Разумеется». — «А непомерно богомольные и восторженные девицы?» — «Конечно». — «Так на что же вы жалуетесь?» — «Нельзя рассказывать об этом иностранцам».

Передаю Вам эту замечательную критику слово в слово. Лакейский патриотизм всюду один и тот же. Нет ничего глупее.

Я по-прежнему болею, редко-редко выпадает у меня один хороший день в неделю. Иногда я удивляюсь, что еще жив. Если мои мучения не прекратятся, то надеюсь, что это не затянется. Я пришел в полное отчаяние.

Вы, наверное, читали в газетах о смерти г-жи Стендиш, тетки герцога де Муши и кузины г-жи Делесер. По-

ехала в Паси повидать г-на Делесера и там умерла от апоплексического удара. Мальчик Леона де Лаборда месяц назад умер от злокачественной ангины. Г-жа де Лаборд тяжело болела той же болезнью; как мне пишут, г-н де Надайяк очень плох. Считают, что он вряд ли поправится. Вот уже год, как в этой несчастной семье одни беды.

Прощайте, милостивый государь, желаю Вам доброго здоровья и рабочего настроения. По-моему, в этом все счастье.

Пр. Мериме.

119. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 7 апреля 1870.

Дорогой друг, я не писал Вам, потому что ничего радостного сообщить не мог. Я все время был если не болен, то во всяком случае недомогал. Да и теперь чувствую себя так же. Очень часто, особенно по ночам, у меня бывают крайне мучительные и длительные приступы. «Нервы!» — говорят мне. Как Вы знаете, медицина почти бессильна, когда речь идет о нервах. В прошлый понедельник я ради опыта и для того, чтобы знать, хватит ли у меня сил на поездку в Париж, отправился в Ниццу кое с кем повидаться. Был момент, когда я опасался, не придется ли мне совершить бестактный поступок и умереть у людей, которых я недостаточно хорошо знаю для подобной бесцеремонности. Вернулся в очень плохом состоянии и целые сутки задыхался. Вчера мне стало немного лучше. Я вышел из дому и немного прогулялся по берегу, но за мной несли складной табурет, на который я присаживался через каждые десять шагов. Вот так и живу. Надеюсь, в конце месяца смогу все-таки уехать в Париж. Удастся ли это? Я часто задумываюсь о том, в состоянии ли буду подняться по лестнице к себе в квартиру. Вы обо всем так хорошо осведомлены, — не знаете ли какой-нибудь квартиры, где я мог бы устроить и свои книги и свою собственную особу так, чтобы не очень высоко подниматься? И хотелось бы также, чтобы это было не слишком далеко от Института.

Получил очень искусно составленное письмо от Эмиля Оливье, — он просит голосовать за него. Я ответил ему, что уже почти отрешился от этого мира. Думаю, что он пройдет вполне благополучно.

Как Вы правы в том, что весь мир обезумел! Левая, утверждая, что всенародный референдум по вопросу о конституции означает деспотизм, тем самым показала, из какого поддельного металла она отлита! Но печальнее всего, что подобные нелепости никого не возмущают. В сущности, мы живем в эпоху, когда ничто не считается смешным или нелепым. Все говорится, все печатается, и ничто не вызывает негодования.

Не знаю, когда появится статья о Сервантесе. Это будет вступление к большому, прекрасному изданию *Дон Кихота*; скоро я дам Вам его прочесть. Что касается истории, о которой я Вам говорил, то я предназначаю ее для посмертного собрания своих сочинений. Впрочем, если Вы захотите ознакомиться с нею в рукописи, то можете получить это удовольствие — оно продлится не более четверти часа.

Прощайте, дорогой друг, будьте здоровы. Здоровье — первейшее из благ. Я не двинусь отсюда до конца апреля. Надеюсь увидеться с Вами в Париже. Еще раз прощайте.

120. ЖЕННИ ДАКЕН

Париж, 18 июля 1870.

Дорогой друг, я был очень болен да и сейчас болею. Вот уже полтора месяца я не выхожу из своей комнаты и почти все время лежу. Это уже третий или четвертый бронхит с начала года, что не предвещает ничего хорошего на ближайшую зиму. Если уж зной, который у нас был в последнее время, не уберег меня от простуды, что же будет с наступлением холодов?

Я считаю, что надо иметь отличное здоровье и исключительно крепкие нервы для того, чтобы все происходящие события скользили по тебе, не слишком задевая. Мне незачем распространяться перед Вами о том, что я сейчас чувствую. Я из тех, кто полагает, что этого избежать было нельзя. Взрыв, может быть, удалось бы оттянуть, но он все равно произошел бы. Здесь война популярнее, чем когда-либо, даже среди буржуа. Много бахвальства, что, разумеется, плохо, но люди идут в армию и дают деньги, а это самое главное. Военные полны уверенности, но когда соображаешь, что все будущее зависит от шального снаряда или пули, трудно эту уверенность разделять.

До свиданья, дорогой друг, я устал даже от того, что написал эти две странички. Я совершенная развалина. Врачи, правда, говорят, будто мне лучше, но я этого что-то не замечаю. Я не отослал Вам книг, опасаясь, что некому будет принять их.

Еще раз прощайте, целую Вас от всего сердца.

121. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Париж, 2 августа 1870.

Милостивый государь,

Я думал, что Вы сейчас в Веймаре или в России. Ваше письмо, которое, по-видимому, дошло до меня не самым прямым путем, я получил сегодня. Датировано оно 28 июля. Надеюсь, мое письмо дойдет до Вас благодаря одной придуманной мною предосторожности.

Что касается моего здоровья, то это грустная тема. Я по-прежнему очень плох. Некоторое улучшение все же, правда, наблюдается. Сегодня я выйду из дому — во второй раз с 15 июня. В свое время Бейль проповедовал мне логику (так он произносил). Он требовал, чтобы все действовало рассудительно. Так вот, логика говорит мне, что если я плохо чувствую себя в самое лучшее время года — летом, и притом летом исключительно хорошим, то мне не перенести даже самой обычной зимы. Мысль эта не очень приятна, но приходится с нею примириться. К тому же вечно страдать тоже надоело.

Я буду очень рад прочитать то, о чем вы мне пишете. Не знаете ли Вы, опубликовал ли Устрялов новый том своего *Петра Великого*? Он мне о нем сообщал, но человек предполагает, а бог располагает. Написано ли кем-нибудь что-либо *dignit sermone* * о ваших новых завоеваниях в Центральной Азии? После того, как я прочел *Тысяча и одну ночь*, такие места, как Самарканд, Бухара, вызвали у меня живейший интерес. Что Вы скажете о смерти бедняги Парадоля?

Вы ничего не пишете о своем здоровье. Из этого я сделал вывод, что с подагрой у Вас наступило перемирие. Постарайтесь превратить перемирие в прочный мир. Прощайте, милостивый государь. Жму Вам руку и не теряю надежды увидеть Вас здесь до октября.

* Достойное упоминания (лат.).

122. ПАНИЦЦИ

Воскресенье, 21 августа 1870.

Любезный Паницци,

Finis Galliae *! Солдаты у нас храбрые, но нет ни одного полководца. Все идет так, как в 1866 году.

Здесь я не наблюдаю ничего, кроме беспорядка и глупости. Скоро должны собраться обе Палаты, — они очень помогут пруссакам. Мне кажется, что император ищет смерти в бою. Я ожидаю через неделю провозглашения республики, а через две — появления пруссаков. Поверьте мне, я завидую тем, кто только что пал на берегах Рейна.

Почему вместо того, чтобы утомлять себя писанием, Вы не диктуете? Сообщите мне, что́ думают о событиях в Англии, вызывают ли наши бедствия радость или жалость. У меня больше нет сил писать. Прощайте, друг мой. *Ever yours* **.

Пр. М.

* Конец Галлии! (лат.)

** Всегда ваш (англ.).

123. ГОСПОЖЕ ДЕ БОЛЕНКУР

*Канн, Приморские Альпы,
13 сентября 1870.*

Сударыня,

Мне переслали сюда Ваше письмо, — оно прибыло почти в одно время со мною самим. Я не уехал бы, не явившись к Вам за приказаниями, но д-р Аксенфельд сообщил мне о Вашем отъезде и его причине. Какое страшное время, сударыня! В истории не было катастрофы более внезапной и ужасной! Какое бы бедствие ни было придумано самым мрачным воображением, действительность все превзошла. Я думал, что император постарается найти смерть в бою. Но, по-видимому, пушечные ядра предпочли пролететь мимо, и ему пришлось отдать свою шпагу королю. А эта революция, сделанная на скорую руку, в каких-нибудь пять минут, и на этот раз даже не в зале Собрания, а в коридоре, а это правительство безо всяких корней, безо всякой сплоченности, в котором есть лишь два настоящих оратора, не имеющих зато никакого опыта в делах, да некоторое количество дублеров — старье, над которым потешаются в их же партии! Чего ждать от всех этих людей? Заметьте, сударыня, что ведь это пока еще пролог. Трагедия для нас начнется после заключения мира. Представляете себе, какой силой может обладать правительство, которое подпишет договор с Бисмарком, да еще в момент, когда вся нация вооружена, как сейчас! Нашей несчастной стране нужны настоящие люди.

Я очень сожалею, что не мог посетить нашего друга в ее последний приемный день. Я был болен, и меня одолевало предчувствие, что должно произойти нечто важное. Пришло же мне в голову отправиться в Сенат (за-

седание было глупое и жалкое), и теперь я не могу утешиться, что не попрощался с человеком, которому превратность судьбы лишь придала величия. В последний раз, что я ее видел, она была озарена им. У нее не было уже никаких иллюзий, и она говорила, что превыше всего желает для своего сына счастливой жизни без честолюбивых замыслов.

Всю свою жизнь стремился я быть свободным от предрассудков, быть сперва гражданином вселенной, а потом уже французом, но все эти философические покровы оказались тщетными. Ныне я кровоточу ранами этих глупых французов, плачу от их унижения, и, как бы неблагоприятны и нелепы они ни были, я их по-прежнему люблю.

Прощайте, сударыня, соблаговолите принять уверение в низжайшем моем почтении.

Пр. Мериме,
все еще очень больной.

124. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Канн, 23 сентября 1870.

Милостивый государь,

Я очень болен, у меня едва хватает сил пожать вам руку. Позже я напишу Вам более обстоятельно. Я прочитал Вашу статью, и она не пришлась мне по душе. Такие вещи надо предоставить Максиму дю Кану. Надеюсь, Вы работаете. Хотел бы, чтобы и для меня это стало возможно.

Искренне Ваш

Пр. Мериме.

125. ЖЕННИ ДАКЕН

Канн, 23 сентября 1870.

Дорогой друг, я очень болен, так болен, что писать мне до крайности трудно. Впрочем, наблюдается небольшое улучшение. Надеюсь в скором времени написать Вам более подробно. Пошлите на мою парижскую квартиру за *Письмами* госпожи де Севинье и томиком Шекспира. Я сам должен был бы отослать их Вам, но пришлось уехать.

Прощайте.

Целую вас.

Приложение

СЕМЕЙСТВО КАРВАХАЛЯ

ДРАМА

*O malvado
Incestuoso, desleal, ingrato,
Corrompedor de la amistad jurada,
Y ley de parentesco conservada.*

La Araucana *.

*'Twas Stange
How like they look'd! The expression was the same
Serenly savage, with a little change
In the dark eye's mutual-darted flame;
For she too was one who could avenge,
If cause should be — a lioness though tame
Her father's blood, before her father's face
Boil'd up and proved her truly of his race.*

Don Juan, canto IV, st. XLIV **.

* О коварный,
О изверг, о злодей неблагодарный,
О дружбы уз священных разрушитель,
В родной семье — лихой кровосмеситель!

Араукана.

** Невероятно было сходство их!
Дышали той же твердостью их лица,
И тот же пыл горел в глазах больших,
В которых лютый гнев сверкал зарницей.
Отцу, как ей, был сладок мщенья миг;
Грозна, рассвирепев, ручная львица!
Отец и дочь сходились во всем,
И кровь его в ней вспыхнула огнем.

*Байрон. Дон Жуан,
песнь IV, ст. XLIV.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге несчастного Устариса о Новой Гранаде я вычитал анекдот, который и послужил темой предлагаемой пьесы. Вот соответствующий отрывок из этой книги:

«Дон Хосе Мария де Карвахаль был потомком знаменитого адъютанта Гонсалеса Писарро,— дона Дьего, жестокость которого вошла в поговорку¹. В самом деле, он остался верен своим наследственным чертам, ибо не случилось грабежа, измены, убийства, в которых он не оказался бы замешан, будь то в родном его краю или в Мексиканском заливе, где он долгое время занимался пиратством. Вдобавок он предавался магии и, чтобы угодить творцу ее, дьяволу, совершал святотатства столь ужасные, что я не могу о них здесь рассказать. Но ему все же удалось купить себе помилование, так как денег у него было много, а кроме того, он подчинил власти его величества, короля испанского, дикие и мятежные индейские племена и тем добился себе прощения от вице-короля. В этом походе он не забыл и себя: ограбил многих ни в чем не повинных креолов, а затем умертвил их, обвинив в сношениях с врагами короля...

Во время этого набега он похитил и сделал своей женой девушку из благородной семьи, уроженку Бискайи, по имени донья Агустина Саласар, от которой родилась у него дочь, по имени донья Каталина. Он разрешил матери отдать ее на воспитание в монастырь Россарской божьей матери в Кумане. Но, поселившись в Истепе, у подножия Кордильер, он вернул дочь домой, ибо редкая красота ее не замедлила разжечь нечистое пламя в его порочном сердце. Сначала он пробовал развратить молодую Каталину, давая ей безнравственные книги или насмехаясь в ее присутствии над тайнствами святой нашей веры. Когда же он увидел, что все его усилия

тщетны, он с дьявольским лукавством постарался убедить ее в том, что она не его дочь и что ее мать, донья Агустина, не соблюла супружеской верности. Однако добродетель доньи Каталины устояла перед всеми этими гнусными кознями,— тогда Карвахаль, чей бешеный нрав недолго мог довольствоваться хитростями, решил употребить против невинного создания силу. Сначала он, как гласит молва, при помощи яда избавился от жены; потом, запершись наедине с дочерью, и заставив ее выпить приворотного зелья (которое, кстати, не могло подействовать на христианку), попытался изнасиловать ее. Каталине ничего не оставалось делать, как схватить кинжал Карвахалья и нанести ему такой удар, что злодей почти тотчас же умер. Несколько минут спустя прибыл капитан дон Алонсо де Пиментель в сопровождении индейцев и испанцев, чтобы силой увезти ее из родительского дома. Дон Алонсо познакомился с ней еще в Кумане и нежно полюбил ее, но, узнав о происшедшем, сейчас же уехал и возвратился в Испанию, где, по слухам, постригся. Донья же Каталина скрылась; что с ней случилось потом — неизвестно. Судья дон Пабло Гомес, который расследовал это дело, всячески старался ее разыскать, но тщетно. То ли она убежала к таманакским индейцам, то ли ягуары растерзали ее как бы в наказание за совершенное убийство. Во всяком случае, труп дон Хосе в первую же ночь после похорон был вырыт из земли и сожран ягуарами». (См. историю процесса Беатриче Ченчи.)

Я никогда бы не написал драмы на такой ужасный сюжет, если бы не получил почти одновременно двух писем, которые и привожу ниже.

Письмо первое

Милостивый государь,

Меня зовут Дьего Родригес де Кастаньеда-и-Паласьос; я команду колумбийским корветом «Возрожденная Америка», крейсирующим вдоль северо-западного побережья Испании. За год мы захватили изрядное количество добычи, но подчас нам становилось чертовски скучно. Вы, конечно, легко можете себе представить тот род пытки, которому подвергаются лю-

ди, обречённые вечно плавать вдоль берега, никогда не имея возможности к нему пристать.

Я как-то прочел, что капитан Парри развлекал свой экипаж среди полярных льдов представлениями, которые разыгрывались его офицерами.

Мне захотелось последовать его примеру. На нашем судне нашлось несколько томов пьес; каждый вечер в кают-компании мы садились за чтение в поисках подходящей пьесы. Вы не поверите, милостивый государь, какими нудными показались нам они. Офицеры предпочитали идти на вахту, лишь бы отделаться от чтения. Действующие лица, чувства, приключения — все казалось нам надуманным. Там только и были что «безумно влюбленные» принцы, не смеющие коснуться пальцем своих принцесс даже тогда, когда те были от них на расстоянии багра. Их поведение, их любовные беседы поражали нас, моряков, привыкших проще обделывать сердечные дела.

По мне, все эти герои трагедий — бесчувственные и равнодушные философы, у которых в жилах течет свекольный сок, а не кровь; посади их на марсель — им сразу дурно станет. Когда одному из этих господчиков доведется убить соперника на дуэли или еще как-нибудь, то не успеешь оглянуться, ан его загрызла совесть, и стал он мягче мата. Я двадцать семь лет на службе, убил сорок одного испанца и никогда ничего подобного не испытывал; среди моих офицеров редко кто не видывал на своем веку тридцати абордажей и столько же штормов. Вы без труда поймете, что людям нашей складки требуются произведения иного рода, чем мадридским мещанам.

Будь у меня время, я непременно писал бы трагедии, но командование корветом и ведение корабельной книги поглощают у меня все время. Говорят, вы великолепный драматург. Вы бы оказали мне большую услугу, если бы употребили дарование Ваше на сочинение пьесы, которую мы могли бы разыграть на судне. Излишне напоминать Вам, что ничего сладенького нам не нужно; напротив, нам ничто не покажется ни слишком горячим, ни слишком крепким. Мы не какие-нибудь недотроги, а пуще всего мы боимся томностей. Если в Вашей драме есть влюбленные, так пусть они быстрее

приступают к делу. Впрочем, к чему разглагольствовать?.. Имеющий уши да слышит. Когда Ваша пьеса будет закончена, сговоримся о плате. Если Вы ничего не имеете против испанских товаров, мы с Вами легко придем к соглашению.

Впрочем, милостивый государь мой, не опасайтесь того, что будете писать для людей, не способных Вас оценить. Все наши офицеры получили превосходное образование; лично я причисляю себя, и не без основания, к литераторскому сословию. Я автор двух произведений, смею думать, не лишенных достоинств. Одно из них — *Безупречный рулевой*, инкварто, Картахена, 1810; другое — мемурий о железных канатах. Посылаю Вам экземпляр того и другого.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим
преданнейшим и покорнейшим слугой
Дьего Кастаньедой.

Письмо второе

Милостивый государь,

Мне пятнадцать с половиной лет, а маменька не позволяет мне читать романы и романтические драмы. Словом, мне запрещено все страшное и занимательное. Говорят, что это загрязняет воображение молодой девушки. Я этому не верю, а так как папенькина библиотека всегда для меня открыта, я всласть начиталась всяких таких историй. Вы не можете себе представить, какое удовольствие читать ночью, в постели, запрещенную книгу. К несчастью, библиотеку папеньки я всю прочла. и не знаю, что теперь мне делать. Не могли бы Вы, милостивый государь, автор таких прекрасных книг, написать для меня маленькую драму или небольшой роман, только очень мрачный, очень страшный, чтоб было побольше преступлений, а любовь чтоб во вкусе лорда Байрона? Я была бы вам как нельзя более обязана. Обещаю расхвалить Вас всем моим подругам.

Остаюсь, милостивый государь, Ваша и пр.

Э. О.

Р. С. Лучше, если конец будет несчастный, а главное, чтобы героиня погибла ужасной смертью.

Р. Р. С. Если Вам все равно, назовите героя Альфонсом. Это такое прелестное имя!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Хосе де Карвахаль.
Донья Агустина, его жена.
Донья Каталина, его дочь.
Дон Алонсо де Пиментель, возлюбленный
доньи Каталины.
Кацик Гуасимбо.
Инголь, его сын.
Духовник дона Хосе.
Муньос, старый пират.
Испанцы, индейцы, негры и др.

Действие происходит в малонаселенной провинции королевства
Новой Гранады в 16... году.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная. На переднем плане стол; на нем подсвечники и поднос
с сервировкой для матэ, иначе — парагвайского чая².

Дон Хосе де Карвахаль, донья Агустина,
донья Каталина, Муньос, рабы, негры.

Дон Хосе (*Муньосу*). Потом?

Муньос. Потом, ваша светлость, видя, что и этим
не заставишь его говорить, я еще три раза подкрутил
веревку.

Донья Каталина (*зжимает уши*). Опять!

Дон Хосе (*Муньосу*). И негодяй все-таки ничего
не сказал?

Муньос. Уж как я его ни...

Донья Каталина. Ах! Да что вы все о пытках!..
Муньос, замолчите!

Дон Хосе. Ого! Вы, сударыня, что ли, здесь хо-
зяйка?.. Я без твоего согласия уж и спросить не могу,
гадкая девчонка? (*Берет ее за подбородок.*)

Донья Каталина (*встает*). Можете говорить
сколько угодно про ваши пытки, а я уйду.

Дон Хосе. Нет, останься...

Донья Агустина. Друг мой! Каталина все же...

Дон Хосе. Как! Вы опять становитесь между мной и дочерью?.. Каталина, останься, я так хочу. Нельзя быть такой чувствительной. Подумаешь... из-за какого-то негра... (*Неграм.*) Не пускайте ее. Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Ну и характер!

Донья Каталина бросается к двери, но негры преграждают ей путь; тогда она отходит в противоположный конец сцены и садится, сложив руки.

(*В сторону.*) Я люблю ее такой, когда она краснеет от гнева! Грудь волнуется! А глаза! Они полны ярости. Она красива, как молодая тигрица... Итак, Муньос, ты говоришь...

Во время разговора Хосе с Муньосом донья Каталина громко читает *Ave Maria*.

Муньос. Я добивался от него, кто был сообщником,— ведь не под силу же ему одному отравить двенадцать негров. Однако он стиснул зубы, как дохлая ящерица, и — ни слова.

Дон Хосе (*глядя на дочь*). Что за головка! (*Муньосу.*) Видно, ты пожалел его, Муньос, ты слишком мягок.

Муньос. Клянусь телом Христовым, вы несправедливы, ваша светлость. Я сделал все, что мог; мне больше нечего вам сказать. Не виноват я, что у негра кожа грубей, чем у каймана.

Дон Хосе (*глядя на дочь, тихо*). До чего красива! (*Муньосу.*) Дальше!

Муньос. Дальше, ваша светлость, ничего не добившись, я бросил его в темницу, а на ноги надел ему тяжеленные колодки;³ хотите — мы завтра его живехоньким сожжем, прямо перед домом... Отравителей всегда сжигают... А хотите...

Дон Хосе (*рассеянно*). Хорошо, Муньос... но...

Муньос. Слушаю, ваша светлость...

Дон Хосе (*донье Агустине*). Подите к дочке, сударыня; не люблю, когда около меня трутся шпионы.

Уйдите от нас! (*Муньосу, тихо.*) Что же ты молчишь о доне Алонсо де Пиментеле? Как он принял мой отказ? Твои фискалы что-нибудь узнали?

Муньос. Ваша светлость! Я вам расскажу все, что знаю. Во-первых, он сказал одному из слуг: «Мартин! (Так его зовут.) Ты храбр? Ты мне скоро понадобится». По-моему, это означает...

Дон Хосе. В твоих замечаниях я не нуждаюсь. Дальше?

Муньос. Иезуиту, что к нему приставлен, — вы знаете его, — он сказал: «Дон Хосе де Карвахаль отказал мне, но его дочь, чего бы это ни стоило, будет моей».

Дон Хосе. Увидим.

Муньос. С тех пор дон Алонсо зачастил к старому кацику Гуасимбо; он охотится в наших местах — и всегда вместе с этим балбесом Инголем, сынком кацика.

Дон Хосе. В наших местах?

Муньос. Да, ваша светлость, вокруг вашего дома. Индейцы так здесь и рыскают днем и ночью. Похоже, длину стен измеряют. Не дальше как вчера встречаю Инголя, гляжу — метку на копье делает. Стоит возле стены; как пить дать — измерил. Так бы из пищали и запалил в негодяя.

Дон Хосе (*после паузы*). Так!.. Хорошо... Это мне и нужно... Можешь идти. (*Зовет.*) Муньос!

Муньос (*возвращается*). Слушаю, ваша светлость.

Дон Хосе. Муньос! Так продолжаться дольше не может.

Муньос. Нет, ваша светлость!

Дон Хосе. И я рассчитываю на тебя, Муньос.

Муньос. Да, ваша светлость.

Дон Хосе. Мне нужно знать, когда он пойдет к своему другу кацику.

Муньос. Узнаю.

Дон Хосе. На Тукамбской дороге между скал есть ущелье, кругом — частый кустарник...

Муньос. Да, ваша светлость! Я это место давно приметил, не раз говорил себе: «Эх! Залечь бы здесь с хорошей пищалью...»

Дон Хосе. Ладно... Завтра увидим. Иди!

Муньос уходит.

Донья Каталина (видя, что он уходит). Наконец!

Дон Хосе (зовет). Каталина!

Донья Агустина. Отец зовет.

Дон Хосе. Каталина!

Донья Агустина (дочери, тихо). Иди скорей, не раздражай его.

Дон Хосе (встает). Подойдешь ты наконец? Чего надулась?

Донья Каталина. Что вам угодно?

Дон Хосе (передразнивает ее). Что вам угодно?.. Брось ты свой трагический вид! Сядь лучше за стол! Ну, дитя, мир! Дай ручку. Рассуди сама: разве я не вправе наказать негодяя, отравившего мне двенадцать негров? Ведь это больше трех тысяч пиастров убытка.

Донья Каталина. Вы здесь хозяин:

Донья Агустина. Можно мне с вами выпить матэ?

Дон Хосе (донье Каталине). Что за упрямая головка! Никогда не скажет: я была неправа... Поцелуй меня, бунтовщица. Ну, я прошу тебя!

Донья Каталина (слегка отталкивает его). Ладно, ладно! Мы ведь не ссорились, так зачем целоваться?.. Мама! Отец приглашает нас выпить матэ.

Все садятся к столу.

Дон Хосе. Каталина! Поцелуй меня!

Донья Каталина. Нет, нет! У вас усы колючие и борода.

Дон Хосе. А, понял! Тебе черные усы не нравятся... Ты хочешь, чтобы твою щеку кололи рыжеватые усы этого ветрогона Алонсо... Ага! Покраснела! Хоть спичку от щеки зажигай.

Донья Агустина. Друг мой...

Дон Хосе. Кой черт вас за язык тянет? Минуты помолчать не можете... А ты, Каталина, должна объяснить, что значит этот неожиданный румянец. Ну, что скажешь?

Донья Каталина. Ничего.

Дон Хосе. Я знаю: ты любишь его... Знаю, дочь непослушная. Посмей только отпереться!

Донья Каталина. Да! Я люблю его!

Дон Хосе (*в бешенстве вскакивает*). Ты любишь его и смеешь мне это говорить!

Донья Каталина. Вы сами знаете.

Донья Агустина. Дочь моя!

Дон Хосе. Дон Алонсо, дрянной пехотный капитанишка... низкого рода... пройдоха...

Донья Каталина (*с жаром*). Ложь! Его род так же благороден... поблагородней нашего!

Дон Хосе. Грубиянка! Смеешь так со мной говорить!

Донья Агустина. Ради бога!..

Дон Хосе. Вы замолчите? А, разрази вас гром! (*Каталине.*) Посметь уличать во лжи своего... посметь сказать мне: ложь!

Донья Каталина. Я была неправа, я забыла, что говорю с отцом. Я очень виновата... Но меня так дурно воспитывали!.. Я ничего не знаю. Меня нарочно ничему не учили... Надеялись, что я навсегда останусь ребенком... что я буду... Боже! Помоги мне! (*Плачет.*)

Дон Хосе. Вы оправдываете свою дерзость другой дерзостью.

Донья Каталина. Сама не знаю, что говорю... Лучше уйду... Я виновата... Но я не могу слышать, когда поносят моего возлюбленного.

Дон Хосе. Возлюбленного?.. Значит, ты отдалась дону Алонсо? Сознаешься?

Донья Агустина. Пресвятая богородица! Что он говорит?

Дон Хосе. Отвечай же!

Донья Каталина (*гордо подняв голову*). Я вас не понимаю.

Дон Хосе. Да, я и забыл! Ведь ты неученая? Однако невинная девица уже сумела завести шашни.

Донья Каталина. Я хочу быть женой дона Алонсо и не буду принадлежать никому, кроме него.

Дон Хосе. Как я еще сдерживаюсь!..

Донья Агустина. Дочь моя, дорогая моя Каталина, не гневи отца!

Дон Хосе (ходит большими шагами). Отлично, сударыня, отлично. Теперь я вижу, какую змею отогрел на своей груди... Чудовище!.. А что до возлюбленного вашего... не видать ему вас, головой ручаюсь!.. Подойди он к дому, посмей заговорить с вами, увезти вас...

Донья Каталина (вполголоса). Дон Алонсо — кастильский кавальеро.

Дон Хосе. Ну?

Донья Каталина. Он не устрашится смерти, когда речь пойдет о той, с кем он связан клятвой.

Дон Хосе (вытаскивает кинжал). Я не потерплю такого позора!

Донья Агустина. Остановите! Остановите его! Христом-богом заклинаю!..

Донья Каталина. Убейте меня! Лучше смерть, чем такая жизнь.

Дон Хосе. Не сердце — камень!.. Бесчувственная дочь! (Бросает кинжал и бежит как сумасшедший по комнате.) Ад в моем сердце!.. Нет человека несчастнее меня!.. Все меня ненавидят!.. Вы все жаждете моей смерти!.. (Вполголоса.) О! Сатана, сатана! Пошли мне один месяц счастья, а там я твой. (Несколько минут молча бродит по комнате. Негру.) Подними кинжал и дай мне. (Подходит к Каталине.) Умри же, неблагодарная дочь! (Едва касается кинжалом ее груди и быстро отдергивает его, раздражаясь громким хохотом.) Ну что? Испугалась?

Донья Каталина. Иногда вы меня еще и сильнее пугаете.

Дон Хосе. Признайся: ты испугалась, девочка!.. Как, глупышка, ты не догадалась, что я хотел только чуть-чуть тебя попугать? Ведь это же была шутка.

Донья Агустина. Нечего сказать!.. Господи, помилуй! Шутка!.. Ах, дорогой супруг, подумайте, сколько зла могла наделать ваша шутка!

Дон Хосе пожимает плечами. Долгое молчание.

Дон Хосе. Этот матэ отвратителен! Уверен, что его приготовила моя супруга...

Донья Каталина (донье Агустине). Опять шутка.

Донья Агустина. Друг мой! Я так старалась...

Дон Хосе. Достаточно вам во что-нибудь вмешаться, чтобы все было испорчено. Дожила до старости, пора бы научиться хоть тому, как приготовить матэ. Никуда вы не годитесь.

Донья Агустина. Друг мой! Я от вас первого это слышу. Вы долго ждали, матэ остыл.

Дон Хосе. Хорошо! Хорошо! Довольно! Вечно разболтается. Какая тоска иметь жену на десять лет старше себя!

Донья Агустина (со слезами на глазах). Да, я старше вас, дон Хосе, но не настолько.

Донья Каталина. Мама! Дорогая! (Целует ее.)

Дон Хосе. Гм! Все мы стареем. Может, уж недолго вам осталось терпеть мой дурной нрав...

Молчание.

Донья Агустина. Мы будем беречь вас, и вы еще долго проживете.

Дон Хосе. Каталина! А если я тебя отдам за дон-на Алонсо, ты будешь меня любить? Если ты правду говоришь, что он знатен... может быть...

Донья Каталина. Может быть?..

Дон Хосе. Ишь, как вострепелась!.. Да, я хочу, чтобы ты была счастлива. Может быть, когда-нибудь... Ну, до этого дон Алонсо еще свернет себе шею на охоте.

Донья Каталина. Вы улыбаетесь?

Дон Хосе. Да... Ты знаешь, Алонсо — страстный охотник... Всю жизнь он проводит в горах, над пропастями... Ему нетрудно сломать себе шею.

Донья Каталина. Понимаю, почему вы улыбаетесь, но я не теряю надежды: Чимпакирская божья мать сжалятся надо мной.

Дон Хосе. Вы с каждым днем наглее, несмотря на вашу хваленую набожность... Впрочем, проживем — увидим.

Донья Каталина. Одна моя надежда на бога.

Дон Хосе. Что ж, молитесь, Каталина, молитесь заодно с матерью, да избавит вас господь от тирана, да освободит он вас...

Донья Каталина. Я всякий день молю бога, чтобы он смягчил сердце моего отца.

Дон Хосе (встает). Господь... небо не внемлет дочери, просящей смерти своему отцу. Я знаю вас... Но берегитесь! Не выводите меня из терпения!.. Тех, кто воспротивится моей воле, я раздавлю ногой, как этот сосуд. (Швыряет на пол фарфоровую сахарницу.) Позовите ко мне Муньоса!

Уходит.

Донья Агустина. Моя любимая сахарница — вдребезги! А ты тоже, дорогая Каталина, зачем ты так резко говоришь с отцом? Ты знаешь, какой он неистовый, и вечно сердишь его. Боже! Как вы оба меня напугали! Ты вся в отца: такая же вспыльчивая, такая же упрямая. (Тихо.) Я-то хороша: ведь нас слышат. При этих чернокожих слова сказать нельзя.

Донья Каталина (неграм). Уходите.

Негры уходят.

Донья Агустина. Как она умеет приказывать! Я бы никогда не посмела так говорить с ними. Ах, Каталина! Будь ты мужчиной, о тебе бы так же говорили, как о завоевателях этой страны.

Донья Каталина. О, если б небу было угодно сотворить меня мужчиной!

Донья Агустина. Вот хотя бы, для чего нужно было говорить отцу о том, что ты любишь капитана де Пиментеля? Я знаю, как в твои годы заглядываются на юнцов, да не пробалтываются. Я заметила, что твой отец бывает недоволен, когда заходит речь о твоём замужестве. Он тебя очень любит, и расстаться с тобой ему горестно.

Донья Каталина. Он меня очень любит! Иисусе!

Донья Агустина. Да, при всех его грубостях одну тебя он и любит. Будь с ним поласковей, и он сделает для тебя все, что захочешь. Ты ему вечно дерзишь; он запальчив, вроде тебя, горячка... Ты с этим не считаешься. Обещай мне, Каталина, пойти к нему в комнату...

Донья Каталина. Пойти к нему в комнату?

Донья Агустина. Скажи ему: «Отец! Правда, я люблю дона Алонсо, но вас я люблю еще больше»...

Донья Каталина (гневно). Неправды я ему не скажу... Лгать не умею!

Донья Агустина. Ах, дитя мое, дочь всегда должна почитать отца своего, об этом и в писании сказано. А потом, подумай только, как он тебя любит.

Донья Каталина (непреклонно). Он любит меня сильнее, чем вы думаете!

Донья Агустина. Ах, да не смотри ты так на меня, доченька! Ни дать ни взять — отец!

Донья Каталина (берет ее за руку). Значит, вы боитесь этого человека?

Донья Агустина. Этого человека?

Донья Каталина. Мы не можем дольше жить с ним под одной кровлей. Мы должны обе покинуть этот дом. Я хочу быть свободной, и я хочу, чтобы и вы были свободны.

Донья Агустина. Покинуть дом! Боже мой! А как же муж? Что сказал бы он, если б мы решились на это?..

Донья Каталина. Отвечайте, матушка! Можете вы здесь жить? Разве этот дом не ад для вас? А для меня!.. Матерь божья!..

Донья Агустина. По правде сказать, если бы ты счастливо вышла замуж и хорошо устроилась, я охотно пошла бы в такой монастырь, где устав не так суров. Если дон Хосе мне разрешит, я так и сделаю.

Донья Каталина. В монастырь вы не пойдете, а будете жить со мной в семье, где меня ждут покой и счастье, которых здесь быть не может.

Донья Агустина. Ты пугаешь меня, милое дитя: неужели ты хочешь, чтобы тебя похитили?

Донья Каталина. Да, меня похитят от позора, от бесчестия! Бог, видя мои страдания, послал мне друга, который никогда еще не нарушал слова; он поклялся мне, что еще немного — и я буду свободна; его я и жду.

Донья Агустина. Дон Алонсо! Но это ужасно. Несчастное дитя... А отец?..

Донья Каталина. Или спастись, или погубить душу: иного выбора отец мне не дал. Матушка, заклинаю вас: бежим со мной!

Донья Агустина. Где ты хочешь укрыться?

Донья Каталина. Мы найдем убежище у кацика Гуасимбо.

Донья Агустина. У индейцев? Иисусе милостивый! У врагов господних!

Донья Каталина. В них больше христианских чувств, чем в вашем супруге. Я скорее убегу в саванны, хоть к тигру в логовище, но в этом доме не останусь. Никакая опасность меня не удержит. Вы тоже не должны здесь оставаться. Если я скроюсь, он убьет вас.

Донья Агустина (поражена). Кто? Кацик?

Донья Каталина. Мы убежим вместе, так нужно. Клянитесь.

Донья Агустина. Но...

Донья Каталина. Значит, вы хотите быть сообщницей в ужасном преступлении?..

Донья Агустина. Иисусе! Меня в дрожь бросает.

Донья Каталина. Хотите ввергнуть вашего мужа в геенну? А меня осудить на вечную муку?

Донья Агустина. Моя бедная дочь потеряла рассудок. О, как я несчастна!

Донья Каталина. Да вы ослепли, что ли? Решайте, что мне делать: бежать или сделаться наложницей⁴ отца?

Донья Агустина. Матерь божия! Какие слова ты говоришь!

Донья Каталина. Да, мой отец меня любит. Отец любит свою дочь. Теперь у вас хватит мужества бежать вместе со мной?

Донья Агустина. Но... ты уверена?

Донья Каталина (с горькой усмешкой). Может ли дочь из-за пустой догадки обвинить отца?

Донья Агустина. Пресвятая дева! Ни за что теперь одна с ним не останусь... Но... Иисусе! Вот ужас!

Донья Каталина. Протяните руку к распятию. Поклянитесь мне, что дон Алонсо и никто на свете никогда не узнает ужасной тайны, которую я вам поведала.

Донья Агустина. Клянусь... Ах, боже мой!..

Донья Каталина. Итак, матушка, ночью, через час, Алонсо придет за нами.

Донья Агустина. Ночью... Ох, худо мне!

Донья Каталина (глядя в окно). Крест вот-вот склонится к горизонту⁵. Скоро полночь. Тигр зарычит,— значит, друзья наши здесь; тогда мы выйдем в сад.

Донья Агустина. Но все двери будут закрыты.

Донья Каталина. Они принесут веревочную лестницу, а из окна моей комнаты я брошу им шнур, чтобы втащить ее наверх.

Донья Агустина. И по ней надо будет спуститься?

Донья Каталина. Я с башни прыгну, лишь бы на свободу.

Донья Агустина. Иисусе сладчайший, пошли мне смелости!.. Дочка! А ты уверена, что твой отец будет спать?

Донья Каталина. Он, наверно, и сейчас спит. Идите ко мне в комнату. Время не терпит.

Донья Агустина. Господи, сжапись над нами! Святые Агата и Тереса, молитесь бога о нас!

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната с алхимическими приборами

Дон Хосе и Муньос в глубине сцены раздувают огонь в печи.

Дон Хосе. Прибавь еще ртути, и если смесь окрасится в желтый цвет, которого мы добиваемся с давних пор, позови меня. (*Прохаживается вдоль рамы.*) В сущности, теперь мне все равно. Было время, когда меня занимали эти опыты. А сегодня, если я и добуду философский камень, то и это меня не обрадует... Мне все наскучило... Она ненавидит меня. Даже если б я не был ее отцом, если б я был на десять лет моложе... и тогда она не питала бы ко мне ничего, кроме отвращения... Алонсо умрет... Полюбит ли она меня после его смерти?.. Не все ли равно?.. Она родилась, чтобы сделать меня несчастным... пусть же и она будет несчастна! Мы, как два демона, схватились в бою; победителем хочу быть я...

Я никогда не подчинялся никаким законам, кроме собственных желаний, почему же я не могу удовлетворить самую сильную страсть, какую я когда-либо испытывал?.. Однако... Э, одним преступлением больше, только и всего! Ведь мера все равно превышена! С детства — морской разбойник, потом — предводитель мятежников, помилованный благодаря измене, владелец поместья, добытого насильем... могу ли я надеяться на милосердие бога, которого люди называют праведным?.. Оставьте я в покое Каталину, нрав мой не изменится... Я не понимаю, что значит раскаиваться!.. Я мужчина... Чтобы я... стал каяться... стал на колени перед чернорясными олухами... читал молитвы?.. О нет! Их рай не для меня... Однако... О проклятые воспоминания детства!.. Сдается мне, что правда на их стороне... Но я не могу жить, как они... У меня кровь горячей... я из другого теста... Значит... всеправедный господь создал меня для ада... Пусть!.. Зато поблаженствуем на земле!

Муньос (*подходит*). Ваша светлость! Все испаряется. Через минуту в реторте ничего не останется.

Дон Хосе. Раймунд Люллий — дурак, а мы того глупее, когда хотим по его способу добыть золото. Потуши огонь и иди спать. Сначала пройди дозором.

Муньос. Положитесь на меня.

Дон Хосе (*глядит за кулисы*). Кто это в черном проходит по большому залу?

Муньос (*улыбаясь*). Ваш духовник; он исповедовал негра Пятницу, которого завтра сожгут. Не мудрено, что вы его не знаете в лицо, — вы слишком умны для того, чтобы верить рассказам ханжей.

Дон Хосе. Верно, уже два месяца, как он здесь. Теперь вспомнил.

Муньос. Ваша супруга его пригласила. Женщинам оно полезно.

Дон Хосе (*после паузы*). Я хочу с ним поговорить; позови его.

Муньос (*удивлен*). Духовника?

Дон Хосе. Не люблю повторять приказаний.

Муньос уходит.

Я еще ни разу с ним не говорил. Посмотрим, что из этого выйдет... Вот и он.

Входит духовник, отвешивая низкие поклоны. Дон Хосе пристально на него смотрит.

Дон Хосе (в сторону). Лицо его мне не нравится. Бьюсь об заклад, что он трус. (Громко.) Муньос! Оставьте нас... Входите, садитесь.

Духовник. Сначала вы, ваша светлость.

Дон Хосе. Черт побери. Захочу, так сяду. Садитесь. Как вас зовут?

Духовник садится, дон Хосе время от времени прохаживается по комнате.

Духовник. Берналь Саседон, покорный слуга вашей светлости.

Дон Хосе (после паузы). Вы благочестивы, не правда ли? Вы набожны?

Духовник (удивлен). Ваша светлость...

Дон Хосе. Вы читали писание, правда? Я тоже читал, когда лежал раненый, но черт меня возьми, если я в нем хоть что-нибудь понял!

Духовник (крестится). Ваша светлость!

Дон Хосе. Не бойтесь, я вас не съем. Скажите: вы когда-нибудь исповедовали великих грешников?

Духовник. К сожалению, да, ваша светлость.

Дон Хосе. И отпускали им грехи?

Духовник. Если они раскаивались, ваша светлость.

Дон Хосе. Раскаяние!.. Вы, кажется, называете это покаянием.

Духовник. Нужно уметь отличать раскаяние от покаяния, ваша светлость.

Дон Хосе. Не в том дело. Послушайте. Открывает ли раскаяние двери царства небесного?

Духовник. Да, ваша светлость, только...

Дон Хосе. А, говорите без обиняков! Вы на меня смотрите как на великого грешника, не так ли?

Духовник. Ваша светлость!..

Дон Хосе. Бросьте вашу светлость и не бойтесь. Говорите со мной как с равным. Вообразите, что я вам исповедуюсь... Итак?

Духовник. Во-первых, ваша светлость, если вы исповедуетесь...

Дон Хосе (*топнув ногой*). Отвечайте: да или нет?

Духовник. Да, ваша светлость... то есть нет...
(*В сторону.*) Я погиб.

Дон Хосе (*прохаживается*). Дурачье! Не могут понять меня!.. Что же, наконец, нужно для того, чтобы покаяться и попасть в рай? Как я должен вести себя, чтобы доказать богу искренность своего раскаяния? Строгой епитимьей меня не пугаешь. Мне нужно сильное средство, чтобы выкрутиться сразу, и ничего больше.

Духовник (*испуган*). Во-первых, ваша светлость... вы прекрасно знаете, что такое добродетель. Без сомнения, что ни сделает ваша светлость, все будет хорошо... Но позвольте мне, смиренному, преподать вашей светлости совет... Осмелюсь заметить, что для бога нет ничего угоднее постройки храмов и церквей. Если бы вы, ваша светлость, захотели выстроить где-нибудь на вашей земле часовенку с домиком для священника, который мог бы в то же время... я хочу сказать, который мог бы...

Дон Хосе (*слушает его рассеянно*). Разве вы, монахи, не испытываете бурных страстей, потрясающих душу? Как вы их изгоняете?

Духовник. Молитвами, ваша светлость.

Дон Хосе (*презрительно*). Нам не столковаться. Ступайте!

Духовник почтительно кланяется и уходит.

Молитвы... молитвы! Заладили!.. Добро, предложил бы он мне выйти безоружным на тигра, я бы ему поверил... я бы даже поцеловал его... Но, нет, я не могу молиться, как женщина.

Муньос (*возвращается*). Ваша светлость! В апельсиновой роще люди. Наверняка! Мой пес ворчит и царапает калитку, что выходит в рощу.

Дон Хосе. Алонсо сам лезет в капкан. Вооружи слуг, а главное, пока враг не прошик, — никакого шума. Идем!

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Спальня доньи Каталины

Донья Агустина, донья Каталина.

Донья Каталина. Опоздать они не могут. Чу! Конь ржет на горе. Это он с друзьями индейцами.

Донья Агустина. Как сильно бьется сердце!.. Два часа хожу сама не своя.. Я бы хотела забрать с собой кое-какие пожитки.. и никак не могу выбрать платья.. Ум помутился.. Я как слепая.. ничего не вижу.

Донья Каталина. Я возьму с собой только эту ладанку да жемчуг для жены кацика.

Донья Агустина. Как? Твой чудный куманский жемчуг для какой-то краснорожей? Что ты, дочка, опомнись!

Слышен крик.

Иисусе!

Донья Каталина. Вот они! Выше свечку, это условный знак.

Стреляют из пищалей.

Донья Агустина. Мы погибли!.. Конец нам! Убьют нас красные демоны!.. Отойди от окна, пуля может влететь. Спрячемся под кровать.

Донья Каталина (у окна). Что с ним? Крик, шум. Не поймешь, кто кого.. Ах, в сад бы сейчас, к нему... поддержать его, унести на руках, если он ранен! Впрочем... окно не так высоко, я могу... (Ставит ногу на подоконник.)

Донья Агустина (подбегает и старается удержать ее). Несчастливая! Что ты делаешь? Ты убьешься насмерть.

Донья Каталина. Оставь меня!

Донья Агустина. Нет, нет! Ты не прыгнешь в окно, не то я следом за тобой! На помощь! На помощь!

Донья Каталина. Они удаляются. Последний выстрел раздавался уже в горах. Если успеют добежать до лошадей, тогда спасены. (Садится, покорно сложив руки.) Так угодно богу! Что станет со мной? Я сде-

лала все, что от меня зависело... Мне не в чем упрекнуть себя. Я смело ожидаю удара.

Донья Агустина. Стрельба стихла. Слава богу! А сколько убитых? Подумаешь — дрожь пробивает...

Донья Каталина (*подходит к окну*). Надеюсь, они спаслись. Тс! Слышите? Вдалеке галоп.

Донья Агустина. Да, слышно, как цокают подковы. Все дальше и дальше.

Донья Каталина. Спасены!

Входит дон Хосе с пищалью в руке.

Дон Хосе. В такое время — на ногах! А вы, сударыня, что здесь делаете?

Донья Агустина. Друг мой!.. Дон Хосе!.. Я так перепугалась... что...

Дон Хосе. Воры забрались. Но, славу богу, все кончено, больше не вернутся. Всех перебили... Каталина! Что ты смотришь на меня такими злыми глазами? Ты знаешь этих воров? Молчишь? Хочешь на мертвых посмотреть? Я тебе покажу их трупы. Один из них — красивый юноша.

Донья Каталина (*делает шаг к двери*). Идем!

Дон Хосе. Идем, идем! (*Останавливается.*) Нет, это зрелище не для женщины. Оно бы тебя слишком взволновало. Чего ты улыбаешься?

Донья Каталина (*целует ладанку*). Слава богу! Спасен!

Дон Хосе (*в сторону*). Догадалась! Дьявол в юбке! Он выскользнул из моих рук, но завтра Муньос принесет о нем иную весть. (*Громко.*) Каталина! Тебе нельзя оставаться в этой комнате; ты здесь не заснешь; здесь не безопасно.

Донья Каталина. Во всем доме это самая покойная комната... (*Тихо.*) Она запирается изнутри.

Дон Хосе. Изнутри! Твоя комната должна быть извне тоже на запоре. А пока что ляжешь в комнате доньи Агустины.

Донья Каталина. Благодарю вас. Покойной ночи. Пойдемте, матушка.

Уходит с доньей Агустинной,

Дон Хосе. Все знает. Догадалась... Издевается надо мной... Либо мне смерть, либо она моя.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Хижина кацика

Дон Алонсо с перевязанной рукой; кацик Гуасимбо.

Дон Алонсо. Тоска грызет меня. Спущусь в долину.

Кацик. Рана еще не зажила. Остайся и поешь маиса у старого кацика.

Дон Алонсо. Что с ней? Быть может, она стала жертвой его ярости? Негодяй!

Кацик. Алонсо спас жизнь старому кацику, старый кацик ударил с ним по рукам. Твои враги — мои враги. Направь стрелу, рука моя попадет в цель.

Дон Алонсо. Стыдно мне вмешивать друзей в мои дела. А все-таки...

Кацик. Разве белый вождь не пролил кровь моего племени? Не он ли пролил кровь моего друга?

Дон Алонсо. Я пойду кликну друзей со слугами. Если ты дашь мне твоих воинов, через несколько дней я сяду с тобой за бранный пир.

Кацик. Красная стрела созовет моих воинов⁶.

Дон Алонсо. Так! Через неделю мы встретимся здесь.

Жмут друг другу руку. Входит Инголь, неся убитую лань.

Инголь. Куда идет брат мой?

Дон Алонсо. В долину, скликать друзей на борьбу с белым вождем.

Инголь. Какой дорогой спустится брат мой в долину?

Дон Алонсо. Тукамбской. А что?

Инголь. На этой дороге собака, она может укубить тебя. Индеец племени Таманака видел ее.

Дон Алонсо. Что ты хочешь сказать?

Инголь. У индейца племени Таманака есть глаза, чтобы видеть; у Алонсо и Инголя есть копья и пищали, чтобы разить врагов.

Кацик. Ударьте змею камнем по голове — и яд ее больше не страшен.

Дон Алонсо. Итак, дон Хосе подсылает людей, чтобы убить меня.

Инголь. Они не вернутся к нему.

Дон Алонсо. Идем! Я жажду встретиться с ними.

Уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет дона Хосе

Дон Хосе, донья Агустина.

Донья Агустина. Вы звали меня, мой друг?

Дон Хосе. Да! Подойдите ближе.

Донья Агустина. Жду ваших приказаний.

Дон Хосе. Я не хочу надрывать, вы туги на ухо.

Донья Агустина. Я прекрасно вас слышу. Что вам будет угодно приказать мне?

Дон Хосе. Вы, сударыня, припоминаете вчерашнее происшествие?

Донья Агустина. Мой вчерашний испуг еще не прошел.

Дон Хосе. Вы не можете дать никаких объяснений?

Донья Агустина (смутившись). Я? Дон Хосе... Мне сказать нечего.

Дон Хосе. Вы побледнели!

Донья Агустина. Вы так грубо, то есть так строго, спрашиваете... что...

Дон Хосе. Ночью воры перелезли через стену моего сада...

Донья Агустина (в сторону). Отлегло! (Громко.) Да, мой друг, то были воры.

Дон Хосе. Не люблю, когда меня перебивают... Воры пробрались в дом... Скажите: вы знаете этих воров?

Донья Агустина. Я... Иисусе, Мария! Знаю ли я их? Конечно, нет!

Дон Хосе. Бесстыдно лжете! Знаю я, какие это воры. Вы их ждали, мне это известно... Никаких крест-

ных знамений, никаких кривляний, меня не проведешь... Соединившись с женщиной, которая не была ни молода, ни красива, я полагал, что честь моя, по крайней мере, в безопасности. Я обманулся! Моя старуха жена устраивает ночные свидания; она поджидает молодых кавалеров, а что они — будущие убийцы ее мужа, это ее мало беспокоит.

Донья Агустина. Не будь я вашей женой, если... истинный бог...

Дон Хосе. Вам не довольно прелюбодеяния, вам надо еще кощунствовать! Я знаю все.

Донья Агустина. Бог свидетель, если я когда-нибудь...

Дон Хосе. Замолчите, изменница! Ваши сообщники сознались во всем. Дон Алонсо приезжал ночью за вами. Я знаю: он ваш любовник, у меня есть улики.

Донья Агустина. Бог мой! Дон Алонсо!.. Ах, вы сами не верите своим словам!

Дон Хосе. Какая наглость! Спорить против очевидности!.. Не притворяйтесь! Я вижу вас насквозь, всю черноту вашей души.

Донья Агустина (сложив руки). Дон Хосе! Дорогой супруг мой!

Дон Хосе (берется за кинжал). И ты смеешь еще называть меня так...

Донья Агустина. Ах, пощадите, пощадите! Христа ради! Я скажу вам всю правду.

Дон Хосе. Говорите!.. Итак, дон Алонсо приезжал за вами?

Донья Агустина. Нет, мой друг... Вы знаете, что он влюблен в Каталину и, вероятно... приходил с ней повидаться... но она и сама об этом не знала.

Дон Хосе. Мерзавка! Мало того, что ты подаешь преступный пример дочери, ты еще хочешь осквернить подлой клеветой ее девичью честь.

Донья Агустина. Да будут мне свидетелями бог и образ девы Марии.

Дон Хосе (обнажает кинжал). Нет сил терпеть твой кощунства! Ты умрешь!

Донья Агустина. На помощь! Он убьет меня! На помощь!

Дон Хосе (*хватает ее за руку*). Сознайся в преступлении, иначе погибнешь от моей руки.

Донья Агустина. Пощады! Ради бога!

Дон Хосе (*угрожающе*). Итак, не сознаешься?

Донья Агустина. Хорошо!.. Да... сознаюсь...

Дон Алонсо хотел ее похитить.

Дон Хосе. Признание спасает вам жизнь. Но этого мало. Садитесь в кресло и отвечайте всю правду, если вам дорога жизнь... Я знаю, вы давно мне изменили, и Каталина — не дочь мне...

Донья Агустина. Боже правый! Каталина!

Дон Хосе. Нет, не дочь мне, и я хочу знать, кто ее отец.

Донья Агустина. Ах, боже мой! Доколе терпеть этот крест!

Дон Хосе (*угрожающе*). Отвечайте: кто ее отец?

Донья Агустина. Смилуйтесь!..

Дон Хосе. Не узнаете?..

Донья Агустина. Каталина — ваша дочь.

Дон Хосе. А, ты хочешь смерти! (*Чуть касается острием кинжала ее груди.*)

Донья Агустина (*кричит*). Ах, умираю! Он меня убил.

Дон Хосе. Ну, скажешь?

Донья Агустина. Кровь уже сочится... Я умру.

Дон Хосе (*угрожающе*). Так умри!

Донья Агустина (*на коленях*). Пощады!.. Сознаюсь, в чем хотите... Но поклянитесь, что даруете мне жизнь.

Дон Хосе. Даю вам слово.

Донья Агустина. Поклянитесь Чимпакирской божьей матерью?

Дон Хосе. Подите вы с ней к черту! Я дал вам слово. Ну, говорите... Кто отец Каталины?

Донья Агустина (*в сторону*). Кого же мне называть?

Дон Хосе (*заметив ее растерянность*). Дон Дьего Рикаурте за вами увивался...

Донья Агустина. Ну что ж! Пусть будет дон Дьего!

Дон Хосе (*играет кинжалом*). Я так и знал. Вон на столе бумага. Садитесь и пишите.

Донья Агустина. Что мне писать?

Дон Хосе. Пишите то, что я вам продиктую, не то кинжал вонзится вам в сердце... Вот что я от вас требую: вы покаетесь в этом преступлении духовнику, потом оставите мой дом и уйдете в монастырь — вот и все наказание.

Донья Агустина (в сторону). Какое счастье!

Дон Хосе. Пишите. Поставьте число. Вы знаете, какой сегодня день. Я никогда таких вещей не помню. Теперь пишите: «Отец мой... преподобный отец мой! Побуждаемая раскаянием и решив уйти от мира, я хочу снять со своей души...»

Донья Агустина. О боже! Рука не поднимается...

Дон Хосе. Хотите красных чернил? Быть может, вы лучше ими напишете... Написали? «...хочу снять со своей души мой тайный грех. Я не соблюла супружеской верности, в которой клялась дону Хосе, моему супругу. Я прелюбодействовала с доном Дьего Урьярте...»

Донья Агустина. Урьярте?

Дон Хосе (в бешенстве). «Рикаурте!» Вы что, издеваетесь надо мной? Клянусь...

Донья Агустина. Я пишу то, что вы требуете...

Дон Хосе. Пишите: «Он отец девушки, названной Каталиной, незаконно носящей фамилию моего мужа. Я прошу прощения у бога и людей за этот грех, который я надеюсь замолить в монастыре, где я и скрою мой позор. Помогите мне советом, жду его с волнением». Написали? Теперь подпишите.

Донья Агустина. Вы довольны?

Дон Хосе (прочитав письмо). Завтра вы оставите мой дом, и вас увезут в монастырь. Но, если вы там разгласите мое бесчестие или станете клеветать на меня, будьте уверены: месть моя настигнет вас и у подножия алтаря.

Донья Агустина. Мне можно уйти?

Дон Хосе (показывает на боковую дверь). Вот вам помещение до завтра; будьте добры не выходить из него...

Донья Агустина. Как? Мне нельзя проститься с моей бедной дочерью?

Дон Хосе. Нет. Нельзя осквернять чистоту ребенка обществом развратной женщины...

Донья Агустина. Дайте мне ее хоть раз поцеловать. Я ни словом не обмолвлюсь с ней, если вам так угодно.

Дон Хосе. Посмотрим. Ступайте.

Дон Хосе и донья Агустина уходят. Входит раненый
Муньос.

Муньос. Где он? Надо сообщить ему приятную новость. В какое он придет бешенство! Чего мы только не наслышимся! Лишь бы меня в покое оставил.

Входит дон Хосе и закрывает за собой дверь.

Дон Хосе. А, Муньос! Я отомщен?

Муньос. Видите, как меня разукрасили.

Дон Хосе. Дон Алонсо убит?

Муньос. Да, как же! Не знаю, откуда негодяй узнал про мою засаду. Ваша светлость! Я выбрал место — удобней не придумаешь. Мы все шестеро залегли, у каждого — добрая пищаль, ушки на макушке, всем весело. Считаем минуты и его поджидаем. Да черти индейцы пронюхали!.. Плуты, сами знаете. Поползли по кустам да по скалам, сущие змеи! Ну и добрались до нас. А мы и в ус не дуем... Вдруг — паф! Дон Алонсо пальнул из пистолета, а следом — туча стрел... Напали на нас — мы и встать не успели. Мулата Жака, как стоял он рядом со мной, так его стрелой к земле и пригвоздило. А остальные четверо — кто убит, кто ранен, все там лежат. Я выстрелил из пищали, промахнулся — и во все лопатки, да стрела Инголя, видно, быстрее меня. Мерзавец ранил меня в бок. Черт его знает, может, стрела-то была отравлена.

Дон Хосе. Как, ты видел дон Алонсо и не убил его?

Муньос. Черт возьми, желал бы я там на вас посмотреть! Вы думаете, так легко... Впрочем, одну руку он держит на перевязи, значит, ночью мы его славно угостили.

Дон Хосе (холодно). В другой раз... Ступай, перевязи рану.

Муньос (в сторону). Словно ему чарку вина поднесли, — ничем его не проймешь.

Уходит.

Дон Хосе (после минутного раздумья). Эй, кто там!

Входит негр.

Негр. Что прикажете, ваша светлость?

Дон Хосе. Позови донью Каталину.

Негр уходит.

Старуха заперта... Наконец, мы свободны. Каталина догадалась, что я люблю ее. Остается только признаться. Вот это послужит оправданием. (Показывает на письмо доньи Агустины.) Хитрость... Впервые я в такой роли... Не знаю, смогу ли быть лисой, — я привык хватать добычу, как лев. Итак, последняя попытка... Если я не возьму хитростью... ну что ж... тогда возьму силой... Вот и она.

Входят донья Каталина и негрятка Доротея.

Донья Каталина. Вы меня звали?

Дон Хосе. Мне надо поговорить с вами. Доротея, ступай!

Донья Каталина. Доротея! Послушай! (Шепчет ей на ухо.)

Доротея. Хорошо, госпожа. (Уходит.)

Дон Хосе. Садитесь. (Некоторое время молча ходит по комнате.)

Донья Каталина. Я думала увидеть здесь и мою мать.

Дон Хосе (останавливается). Увы! Каталина, перед вами несчастный человек. Я позвал вас, чтобы вы помогли мне перенести мое горе.

Донья Каталина. Отец!..

Дон Хосе (сам с собой). О, если б я был ее отцом!... Каталина! Я хочу поведать тебе жестокую тайну... но боюсь огорчить тебя.

Донья Каталина. К страданиям я привыкла, а в тайнах ничего не смыслю.

Дон Хосе (в нетерпении топает ногой; принимается ходить по комнате, затем мало-помалу успокаивается и останавливается перед Каталиной). Каталина! Ты видишь обещанного человека.

Донья Каталина (встает). В делах чести женщина — плохой советчик. Извините, но мне надо закончить вышивку для мадонны в нашем храме.

Дон Хосе (печально). Как? Ты не хочешь для меня пожертвовать минутой... пожалуй меня... подать совет твоему... мне... несчастному человеку?.. Остайся, Каталина, умоляю!

Донья Каталина (колеблясь). Говорите.

Дон Хосе (садится рядом с ней). Я женился по любви, Каталина... но вскоре убедился, что сделал плохой выбор. Я был очень несчастен.

Донья Каталина. Вы говорите о моей матери?

Дон Хосе. Выслушай меня. (Придвигается к ней.) Может быть, я тоже достоин порицания. Нрав у меня буйный, в гневе я бываю несправедлив. Я даже тебя часто оскорблял, Каталина... Еще вчера... (Берет ее за руку.) Ты простила меня?

Молчание.

Донья Каталина (пересилив себя). Вы мой отец.

Дон Хосе жмет ей руку, потом, пройдясь по комнате, снова садится.

Дон Хосе. Не успели мы пожениться, как я убедился, что мы не сходимся характерами. Но тогда я не подозревал своего несчастья. Я уж давно разлюбил жену, однако... Прочти эту записку, Каталина, и скажи мне: может ли не закипеть кровь у порядочного человека от такой гнусности? (Дает ей письмо.)

Донья Каталина (не распечатывая). Откуда письмо? О чем?

Дон Хосе. Письмо к духовнику. Я его только что перехватил... Ты узнаешь, что она мне изменила, узнаешь, что дон Дьего Рикаурте — ее любовник... и твой отец.

Донья Каталина (не читая, рвет письмо). Не верю ни одному слову.

Дон Хосе. Что ты делаешь?

Донья Каталина. Я знаю свою мать.

Дон Хосе (*поднимает обрывок письма*). Ты знаешь ее почерк?

Донья Каталина. Не хочу ничего видеть. Не верю, чтобы моя мать могла себя опозорить.

Дон Хосе. Я долго был таким же доверчивым, как ты, но как спорить против очевидности? Бог свидетель: роковое открытие повергло меня в отчаяние, и все же... я испытывал одновременно... какую-то неведомую страсть... О Каталина! Мне казалось, что та привязанность... та глубокая нежность, которую ты мне всегда внушала, приобрела надо мной особую силу... Любовь отца, несомненно, велика, но есть иная любовь, сильнее той.

Донья Каталина. Отец!

Дон Хосе. Не зови меня так, я этого не люблю. В этом слове есть почтительность, а я бы хотел изгнать ее из нашей дружбы, из нашей любви... Да, моя Каталина...

Донья Каталина (*в ужасе встает*). Уж не ослышалась ли я?.. Я вся дрожу.

Дон Хосе. Побудь со мной, милая Каталина, побудь со мной, мой дружок! Донья Агустина просит отпустить ее в монастырь, я останусь один. Как хорошо будет иметь возле себя ангела, который бы руководил моими поступками и смирял бы пылкость моего нрава, служил бы мне примером добродетели!.. Да, дорогой друг мой, ты одна в целом мире можешь быть этим ангелом... ты одна можешь составить мое счастье. Не отвергай же моей любви: равной ей тебе не найти.

Донья Каталина (*бросается на колени*). Отец!.. Заклинаю! Убейте меня, но не произносите этих отвратительных слов.

Дон Хосе. О мой кумир! Если бы ты читала в моем сердце!..

Донья Каталина (*с отвращением отбегает от него*). Посмотрите на мадонну, она видит нас. Неужели вы не боитесь, что бездна огненная разверзнется под домом и поглотит вас?

Дон Хосе. За тебя я брошусь в пламень ада.

Донья Каталина. Убейте меня или позвольте покинуть этот дом.

Дон Хосе. Выслушай меня!

Донья Каталина (*подходит к двери*). Не могу! Мне страшно с вами!

Дон Хосе (*останавливает ее*). Так ты веришь, что я твой отец? Нет, Каталина, нет, клянусь тебе! Будь я твоим отцом, неужели я бы тебя так полюбил? Моя безумная любовь доказала мне, что в тебе нет моей крови... Но... я вижу, сердце твое полно ветреным юношей; тебя прельстило шитье на его мундире; ты не подумала о легкомыслии, о непостоянстве, присущем его возрасту. Ах, если б ты искала любви неизменной и горячей, как лава... Где бы ты нашла ее, как не в моем сердце? Милая девушка! Заклинаю тебя! Сжался надо мной!

Донья Каталина (*вырывается*). Не держите меня, я все равно уйду. Не держите... Или я не знаю, что сделаю...

Дон Хосе (*не отпускает ее*). Хорошо же! Иди, если хочешь. Но сначала дослушай. Ты знаешь меня; знаешь, что я люблю тебя; никогда еще страсть не владела мною с такой силой... Когда дело шло об исполнении моего желания, я плевал на все законы... Гляди, эта рука (*засучивая рукав*) легко поднимает две пищали. Сравни ее с твоей белой маленькой ручкой... Я все сказал. Подумай о моих словах. Можешь идти.

Донья Каталина (*наступает на него*). Теперь выслушайте меня. Я ваша дочь, и вы это знаете... Вы наделили меня вашей волей, вашей смелостью. Моя рука не сильна, зато у меня есть кинжал. Пока у меня хватит силы его держать (*вынимает кинжал из-за корсажа*⁸), защищаться им... вы мне не страшны.

Уходит.

Дон Хосе (*с диким хохотом*). Ну, убивай отца! Победа над тигрицей слаще победы над робкой ланью. Посмотрим, кто кого... Я доволен, клянусь прахом старого Карвахала... Если я восторжествую, от нас возьмет начало род демонов.

Уходит.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната доньи Агустины.

Донья Агустина в постели; Муньос, духовник.

Донья Агустина. Господин аббат! Вы полагаете, мои грехи прощены?

Духовник. Я твердо в это верю.

Донья Агустина. Ваша уверенность ободряет меня, и она пошлет мне силу перенести эти ужасные минуты... О, как подумаю, холодный пот выступает у меня на всем теле!

Духовник. Увы!

Донья Агустина. Значит, надежды больше нет... нет больше надежды?

Молчание.

Проживу я еще несколько часов?

Духовник. Боюсь...

Муньос. Я двенадцать лет был плотником и лекарем на люгере «Момбар», слышал предсмертный хрип многих морских волков. Я в этом деле понимаю. По правде вам скажу...

Донья Агустина. Ах, не говорите мне ничего, Муньос! Я хочу внезапной смерти. Боже мой, боже мой! Неужели, раньше чем предстать перед тобой, надо столько выстрадать?.. Из-за пустяка! Из-за стакана лимонада!

Муньос (в сторону). Да, но какого!

Духовник. Опасность смерти, таящаяся в каждом нашем поступке, даже самом обычном, показывает нам, сколь внимательными должны мы быть, идя по пути, предначертанному господом, раз с минуты на минуту он может призвать нас к себе.

Донья Агустина. О, как я страдаю! Грудь горит! Муньос! Дайте мне чего-нибудь, только успокойте эту жгучую боль.

Муньос (подает ей чашку). Выпейте; лучше будет. (Духовнику, тихо.) Займитесь своими духовными делами.

Донья Агустина (глухо). Боже! Если агония будет долгой... пошли мне мужество!.. Муньос! Мой муж все не идет... Поторопите его.

Муньос. Сейчас придет.

Донья Агустина (духовнику, тихо). Отец мой!.. Подойдите поближе... еще ближе... Моя дочь... вы знаете, где она?

Муньос. О чем она спрашивает?

Духовник. Хочет видеть дочь.

Муньос. Она в Кумане, в Росарском монастыре. Сколько раз вам говорить?

Духовник (делает отрицательный жест). Сударыня! Я видел, как она уезжала.

Донья Агустина. Увы! Бедная моя доченька!.. И муж тоже не идет... А мне надо его видеть... Хочу поговорить с ним.

Муньос. Вот и он.

Входит дон Хосе; духовник и Муньос отходят в глубину комнаты.

Донья Агустина. Благодарю вас, дон Хосе... от всего сердца благодарю вас.

Дон Хосе (подходит к кровати). Я надеялся, донья Агустина, что вам лучше.

Донья Агустина. Ах, мне очень худо!.. Дон Хосе!.. Скоро я предстану перед господом... Я не хочу из-за лжи идти на вечную муку... Вы же знаете... Каталина — ваша дочь... Вы никогда в этом не сомневались.

Дон Хосе. Простите меня, если в порыве гнева... Простите меня, прошу вас!

Донья Агустина. Дон Хосе!.. Дайте руку... если не боитесь заразиться.

Дон Хосе протягивает ей руку.

Обещайте мне... Это просьба умирающей, дон Хосе!..

Дон Хосе. Можете быть уверены, что всякое ваше приказание будет в точности исполнено.

Донья Агустина (привлекает его к себе; очень тихо). Дон Хосе! Будьте отцом Каталине. Поклянитесь!.. Подумайте: суд божий — страшный суд.

Дон Хосе (резко). У вас жар, вы бредите. (Вырывает руку.)

Донья Агустина (хватает его за край плаща). Она дочь ваша! Вы единственный ее покровитель! Вы отец ей.

Дон Хосе. Мне надо идти. Я скоро приду вас навестить.

Донья Агустина (удерживает его). Дон Хосе! Еще минутку... Дайте мне поцеловать ее в последний раз... Один поцелуй — и она уйдет.

Дон Хосе. Она уехала в монастырь.

Донья Агустина (не отпускает его). Оставьте ее здесь одну... и умереть, не сказав «прощай»! Милосердный боже!

Дон Хосе (в сторону). Ужасное зрелище! (Громко.) Пустите, мне пора.

Донья Агустина. Умоляю!.. Ах! Зачем кинжал?

Дон Хосе. Это — мое оружие. Вы знаете, я всегда ношу его с собой.

Донья Агустина. Бросьте его... он весь в крови... Дон Хосе!.. Пожалейте ее! Ах, ваш кинжал...

Дон Хосе (вырывает у нее из рук край плаща и подходит к духовнику и Муньосу). У нее бред. Она безнадежна.

Донья Агустина. Каталина!.. Дочь моя!.. О, уберите кинжал! Кровь... кинжалы... Спасите! Спасите!

Дон Хосе (в сторону). Ох, уж этот проклятый Муньос! Какая ужасная агония!

Муньос (дону Хосе, тихо). Хотите, вытащу подушку — и дело с концом?

Дон Хосе. Нет, дайте ей умереть спокойно. (Духовнику.) Оставляю ее на ваше попечение.

Уходят.

Духовник (подносит донье Агустине распятие). Сударыня! Посмотрите на того, кто так страдал за нас. Что ваши муки в сравнении со страстями Иисуса Христа?

Донья Агустина. Уберите кинжал!

Муньос. Она распятие принимает за кинжал. И то и другое блестит!

Духовник. Сударыня!..

Донья Агустина. Пощадите! Пощадите!

Духовник. Помыслите...

Муньос. Да не мучайте вы ее! Она исповедовалась, готова отплыть в иной мир, чего вам еще надо?

Духовник. Глаза неподвижны, вся помертвела.

Муньос. Еще хрипит... все вспоминает про кинжал.

Донья Агустина. Иисусе! (Умирает.)

Муньос. Судорога... Так! Еще! Теперь конец. Да, пульса нет... Снялась с якоря.

Духовник. Господи! Дух ее с миром прими! (В сторону.) Какие ужасы довелось мне видеть в этом доме!

Уходит.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет дона Хосе

Дон Хосе (один). Не нужно было этого делать... Мне стало ее жалко... Она не мешала... Не люблю смотреть на страдания слабого существа... Лучше было бы... Что сделано, то сделано. Не будем об этом думать... Мужчина никогда не должен раскаиваться... Одной женщиной меньше в этом мире, только и всего!.. А Каталина... Между моими пылкими желаниями и их исполнением преграды быть не должно... Любя Каталину, я преступен, но несчастен; обладая ею, я преступен, но счастлив... И я еще колеблюсь!.. Не могу понять, что сомной... Трус! Со дня на день откладывать свой замысел... А что если, правда, голос крови сотворит чудо?.. Мне сорок шесть лет... (С горьким смехом.) Говорят, некоторые святые... Э, когда нужно, я сумею выпить тот адский напиток, что приготовлен для нее... А если она умрет раньше... Ну что ж, зато я был счастлив. Да... я хочу вкусить бесовского счастья. Больше мне на земле ничего не нужно.

Входит Муньос.

Муньос. Ваша светлость!..

Дон Хосе. Что случилось, Муньос? Почему у тебя такой растерянный вид?

Муньос. Ваша светлость мне не поверила, когда я

говорил, что эта индейская сволочь (тысячу чертей ей в зубы!) сыграет с вами скверную штуку. Пригнали бы вы десятка два таких молодцов, как я, мы б еще могли выпутаться, но ваши негры!.. Мерзавцы! Ни копьем, ни пищалью владеть не умеют.

Дон Хосе. Да что такое? Что натворили индейцы?

Муньос. Черт возьми, ваша светлость! Поднимитесь на башню — увидите, что они наделали. Более двух сотен на расстоянии двух выстрелов от ворот. А хуже всего, что я видел среди них человек двадцать белых, которых привел, конечно, дон Алонсо.

Дон Хосе (сам с собой). Вчера мне исполнилось сорок шесть лет. Пришел мой час.

Муньос. Настоящий боковой шквал — надо крепко держаться. Какой будет приказ?

Дон Хосе. Ты говоришь, их только двести?

Муньос. Вполне достаточно, чтобы всем, сколько нас ни есть, снести голову, клянусь потрохами папы! Знаете, как индейцы сносят голову честному испанцу? Кладут ногу ему на живот, одной рукой держат за волосы. Два удара мачете⁹ — и голова остается в руке.

Дон Хосе (рассеянно). Вооружи негров.

Муньос. Я не ждал приказа вашей светлости. Да негодяев ровно пришиб кто. Бледность сквозь черную кожу проступает. Были б у меня сейчас хоть два фальконета на защиту ворот!.. Хотя бы та плохонькая пушка, которую мы бросили в море во время знаменитой бури, что слизнула «Момбар».

Дон Хосе (в сторону). Час блаженства. Потом ад. Может быть, ничто. (Громко.) Надо ободрить людей. (Звонит.)

Входит негр,

Принеси чашку молока.

Негр уходит. Муньос удивлению смотрит на дон Хосе.

Муньос! Ты примешь командование над рабами. Мне нужно, чтобы ты продержался час. Через час я приду к тебе, и мы их прогоним или оба умрем.

Муньос. Но, ваша светлость...

Дон Хосе. Без возражений; стены высоки. Тебя

страшат индейцы, вооруженные стрелами. Глупец! Десять лет назад, прикажи я тебе во время abordaja прыгнуть на палубу под жерлом заряженной пушки — ты и тогда бы не испугался.

Муньюс. Ладно! Я готов на смерть. Стоп!

Негр возвращается, ставит молоко на стол и уходит.

Дон Хосе. Поди сюда. Мешай ложкой, пока я подолью в молоко этой жидкости. *(Вынимает из-за пазухи пузырек и вливает несколько капель в молоко, затем бережно закупоривает пузырек.)*

Муньюс *(в сторону)*. Поди ж ты, дрожит!

Дон Хосе. Пойду дозором... Отнеси молоко дочери. Как раз ей к завтраку. погоди! Мне шпага не нужна. Возьми ее. Положи ко мне на стол вместе с заряженными пистолетами. Держи!

Снимает португую и передает шпагу Муньюсу.

Кинжал выскальзывает из ножен¹⁰ и падает.

Муньюс *(поднимает кинжал)*. Вот он, кинжал, который пугал донью Агустину. Осторожней! Он плохо держится в ножнах.

Дон Хосе. Какой ни на есть, пригодится мне сегодня. *(Кладет кинжал за пазуху.)* Муньюс! Ты уверен, что у дочери нет кинжала?

Муньюс. Да, ваша светлость. Помните, мулатка Флора вам его отдала?

Дон Хосе *(бьет себя по лбу)*. Я становлюсь трусом!.. Иди отнеси молоко, а я поговорю с людьми.

Муньюс *(в сторону)*. Дело принимает для нас плохой оборот.

Уходят.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната, где заперта донья Каталина.

Донья Каталина, Муньюс.

Муньюс *(ставит молоко на стол; про себя)*. Упокой господи. Обейх.

Донья Каталина. Как себя чувствует мать?

Муньос. Очень хорошо.

Донья Каталина. Я знаю, что она была больна. Скажите правду.

Муньос. Вот вам завтрак.

Уходит.

Донья Каталина (одна). Злодей!.. Моя несчастная мать! Какие ужасные мысли осаждают меня!.. О нет!.. Это невозможно... Дон Хосе... Нет, на такое преступление все же он не пойдет... Но... каким диким взором он на нее смотрел!.. Нет... Он не посмеет... Но... Бедная мама!.. Наверно, она одна... Никто не ухаживает за ней... Она умрет одна... И я не могу быть с ней... Изверги!.. Ах, дон Алонсо, и ты меня покинул!.. Но что он может сделать для моего освобождения?.. Да и жив ли он?.. Боже! Сжался хоть ты надо мной!.. За день свободы я отдала бы жизнь!.. Ах! (Закрывает лицо руками.) Не могу думать... Хоть бы заснуть!.. Хоть на мгновение забыться!.. Читать не могу... Какой ужас! Отнять у меня священные книги и запереть с этими проклятыми книгами! Ах, за всю жизнь я ни одной минуты не была счастлива!..

За сценой глухой шум.

Что я слышу? Или это мне только чудится? Не бранные ли то клики индейцев?.. Нет! Все тихо... Ничего... Это ветер... Как бьется сердце!.. Нет! Все мне кажется... Я так устала от мыслей, от бессонных ночей, что боюсь сойти с ума... Мне часто слышится громкий разговор в моей темнице... Бедная голова моя идет кругом... (Вполнейшем изнеможении садится за стол.) Я чувствую, что тупею... Скоро я начну пересчитывать соломинки в циновке... (Вскакивает.) А ему этого и надо. Тогда я буду в его руках. О Иисусе, Иисусе! Сжался надо мной, пошли мне мужество! (Становится на колени и молится; затем встает.) Какой здесь тяжелый воздух! Мне видна лишь узкая полоска неба, но как ослепительна ее лазурь! (Снова садится.) Ах! Голова горит! (Смотрит на молоко.) Они обращаются со мной, как с животными, которые у меня в клетках. Сама буду свободна — выпущу и их. (Берет чашку, крестится, но тут же отодвигает ее.) Чуть не согрешила... Ведь сегодня постный день, а по солнцу еще полдня нет. Я, должно быть, пять дней не

соблюдала поста. (С досадой.) Этого только не хватало! А молока мне хочется... Минутой раньше... Как я жалка! В моем-то положении — грех чревоугодия!.. Ах, как пагубно действует на душу горе!.. В наказание вылью молоко, все, до последней капли. (Медленно выливает молоко в ящик, где посажено деревцо.) Все-таки что-то хорошее сделала — избежала греха, и на душе стало легче.

За сценой шум.

Ах нет, на этот раз правда!.. Стреляют из пищали... Он пришел вызволить меня... Еще, еще... Я слышу бранные клики индейцев! Алонсо! Алонсо!.. Ах! (При виде донна Хосе отбегает в противоположный конец комнаты.)

Дон Хосе запирает дверь, бросает ключ в окно, смотрит на пустую чашку.

Дон Хосе. Демоны! Вы сейчас увидите зрелище, достойное вас. Бог, вложивший в меня сердце отца! Ты можешь теперь говорить в моей душе — мой эликсир заглушит твой голос.

Донья Каталина. Помогите! Помогите!

Дон Хосе. Кричать бесполезно!

Донья Каталина. Не подходите!

Крики и выстрелы приближаются.

Дон Хосе. Вот-вот придут, но будет уже поздно.

Дон Хосе бросается на донью Каталину, та некоторое время бьется в его руках. Отбиваясь, она нащупывает рукоять его кинжала, выхватывает его и пронзает отца.

Донья Каталина. Я спасена! (Отбегает от донна Хосе в противоположный конец комнаты и стоит там неподвижно с окровавленным кинжалом в руке, дико глядя на отца.)

Дон Хосе (лежит на полу). Ты убила отца, злодейка!.. Поистине, ты моя дочь... ты даже превзошла меня... Уйди!.. Проклинаю тебя!.. И там... уготовлю тебе пытку... Смотри! Это кровь отца твоего. (Протягивает окровавленную руку.)

Шум усиливается. Громкий стук в дверь.

Дон Алонсо (за сценой). Стучите! Ломайте дверь!

Дверь сломана. Входят дон Алонсо, кацик, Инголь, индейцы, испанцы; все вооружены.

Дон Алонсо. Любимая моя!.. Боже! Что я вижу!

Дон Хосе. Испанцы! Отомстите за отца, убитого... дочерью... Вот она... отцеубийца... Отомстите за меня... Отомстите за меня...

Умирает.

Дон Алонсо. Что он говорит?

Кацик. Умер.

Испанец. Она вся в крови!

Другой испанец. В руках у нее окровавленный кинжал.

Дон Алонсо. Каталина!

Донья Каталина. Не подходите ко мне!

Дон Алонсо. Кто убил его?

Донья Каталина. Я отцеубийца. Бегите прочь от меня...

Все. Она убила отца!

Дон Алонсо. Вы? Каталина, вы?

Испанец. Прострелить ей голову — иного она не заслуживает.

Дон Алонсо делает шаг по направлению к Каталине и останавливается перед трупом.

Дон Алонсо (кацику). Кацик! Прощай!.. Проводите несчастную туда, где ей угодно будет укрыться... Прощайте, больше вы меня не увидите. (Пожимает руку Инголю и уходит.)

Испанцы следуют за ним.

Кацик. Вот они, белые, старшие сыновья господа, как говорят чернорясники!

Инголь схватывает донью Каталину за волосы и поднимает мачете, чтобы отрубить ей голову,

Инголь. Ты убила отца, умри ж и сама!

Кацик (*останавливает его*). Наш друг хочет, чтобы она осталась жива; кацик хочет того же... Она будет жива. Женщина! Куда отвести тебя?

Донья Каталина (*после паузы*). Отведи меня в лес.

Кацик. Но... там тебя растерзают тигры.

Донья Каталина. Лучше тигры, чем люди. Идем! (*Твердым шагом идет к двери, но, дойдя до трупа, издает пронзительный крик и падает без чувств.*)

Инголь. Таков конец пьесы; таков конец семейства Карвахаля. Отец убит кинжалом; дочь растерзают звери. Не судите строго автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Más fiero y cruel que Carvajal* *.

² *Матэ* — трава, широко употребляемая в Южной Америке; считается у испанцев лекарством или предохранительным средством почти от всех болезней. Высушенную и мелкую, как пыль, траву насыпают в серебряный или фарфоровый сосуд с длинной трубкой. Подмешивают сахару, лимонного соку, духов и разбавляют смесь кипятком. Истинный любитель напитка должен, не поморщившись, втянуть в себя через трубку горячий настой.

³ *Колодка* — большой и очень тяжелый кусок дерева, расщепленный на две части, соединенные замком. Туда всовывают ногу узника, так что он не может ни встать, ни повернуться.

⁴ Прошу прощения за это слово. Оно встречается в Библии, а Каталина других книг не читала.

⁵ *Южный Крест* — созвездие, хорошо знакомое всем, кто путешествовал по Америке. По его положению относительно горизонта узнают ночью, который час.

⁶ Стрела, перья которой выкрашены в красный цвет, является боевым сигналом для большинства индейских племен.

⁷ Наиболее чтимая в Новой Гранаде икона.

⁸ В Америке и в Испании многие женщины до сих пор носят такие корсажи.

⁹ *Мачете* — большой нож, которым чаще всего режут лианы и вообще растения, преграждающие на каждом шагу дорогу в лесах Нового Света.

¹⁰ Шпагу и кинжал носили на одной португальской. См. *El Médico de su honra* ** Кальдерона.

* Бесчеловечней и жесточе Карвахала (исп.).

** Врач своей чести (исп.).

НЕДОВОЛЬНЫЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф де Турнель.

Графиня де Турнель.

Эдуар де Нанжи, кузен графини, лейтенант конных егерей.

Барон де Машикубли.

Граф де Фьердонжон.

Маркиз де Малепин.

Кавалер де Тимбре.

Бертран, по прозвищу Бесстрашный, бывший вандейский офицер.

Жюльета, горничная графини де Турнель.

Франсуа, доверенный слуга графа.

Жандарм.

Действие происходит в замке де Турнель, по соседству с Вандеей.

Столовая, посреди стол, покрытый зеленым сукном, с чернильницами, перьями и проч.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Франсуа, Жюльета расставляют стулья вокруг стола.

Франсуа. Говорят вам, Жюльета, все это, как в революцию. Они хотят восстановить Комитет общественного спасения. В Комитете общественного спасения был такой же стол под зеленым сукном.

Жюльета. Сами не знаете, что говорите! Госпожа ненавидит революцию; по-моему, они займутся буриме, как в прошлом году.

Франсуа. Буриме? Что это?

Жюльета. Игра, но, чтобы играть в нее, надо иметь голову на плечах... Каждый пишет что-нибудь на клочке бумаги, затем один человек начинает смеяться, и все остальные тоже смеются, как сумасшедшие. Вот и госпожа. Скорее бегите за креслом, которое она велела вам принести.

Франсуа уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жюльета, графиня де Турнель.

Графиня. Жюльета, принесите бронзовый колокольчик из моего будуара.

Жюльета. Колокольчик?.. Но если вы пожелаете позвать меня, сударыня, лучше звонить в этот колокольчик,— он громче.

Графиня. Я просила принести колокольчик из будуара. Разве я сказала, что буду звонить вам?.. Ступайте.

Жюльета. Конечно, конечно... Иду, сударыня. (Про себя.) К чему такие приготовления? (Уходит.)

Входит Франсуа с большим креслом в руках.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Графиня де Турнель, Франсуа.

Графиня. Поставьте кресло посредине стола, Франсуа... Да не на стол, болван, а у стола!.. Хорошо. Можете идти.

Франсуа уходит.

Столовая как будто нарочно создана для нашего собрания. Что там ни говори, она лучше подходит, чем подземелье старой башни... В подземелье поэтичнее, но там сыро, можно схватить воспаление легких. Колокольчик произведет прекрасное впечатление. И пригодится председателю, если разгорятся споры. Это будет прелестно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Графиня де Турнель, Жюльета.

Жюльета (входит с колокольчиком). Вот колокольчик, сударыня. Куда его поставить?

Графиня. Поставьте на стол, возле большого кресла. Жюльета! Вчера вы просили разрешения повидаться с сестрой; можете пойти к ней сегодня — вы мне больше не нужны.

Жюльета. Сударыня! Сестра не ждет меня сегодня. К тому же вы отпустили кучера, а граф отпустил своего камердинера... Так что если случайно соберутся гости... не будет никого...

Графиня (в сторону). Уж не хочет ли она остаться, чтобы шпионить за нами? (Громко.) Я никого не жду. Впрочем, Жюльета, делайте, как хотите. Но только вам придется отнести книгу, которая лежит на моей тумбочке, госпоже де Сент-Дениз; она живет рядом с вашей сестрой, меньше, чем в полумиле отсюда. Поблагодарите ее от меня и передайте...

Жюльета. Что передать, сударыня?

Графиня. Что... соб... собрание...

Жюльета. Собрание?

Графиня. Да нет, она сама знает... Подождите, я напишу ей записку. Какая вы бестолковая! Да, Жюльета! Принесите одну из фарфоровых ваз с моего камина.

Жюльета уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Графиня де Турнель одна.

Графиня. Чуть не забыла об избирательной урне... Это же самое важное. (Пишет.) «Моя дорогая! Сегодня эти господа наконец соберутся у меня, и мы создадим тайное общество, которое...» Осторожно! Не слишком ли ясно? Надо быть осмотрительнее. (Рвет начатое письмо и принимается за другое.) «Наши друзья

зайдут ко мне сегодня, и мы...» Превосходная мысль!.. «...постараемся возродить старинный обычай...» Подчеркнем. «...о котором я вам говорила и который вам нравится не меньше, чем мне. *P. S.* Задержите у себя Жюльету как можно дольше». Имеющий уши да слышит...

Входит Жюльета.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Графиня де Турнель, Жюльета.

Графиня. К чему две вазы? Я просила принести только одну.

Жюльета. Это для симметрии, сударыня.

Графиня. Для симметрии?.. Унесите вторую вазу, а эту поставьте рядом с колокольчиком. Письмо и книгу передайте госпоже де Сент-Дениз... Да!.. Зайдите на обратном пути к книготорговцу Питу и возьмите у него сочинение Макиавелли. *Государь*. Запомните? *Государь* Макиавелли.

Жюльета. *Государь* Макиавелли! Но если это новый роман, сударыня, Питу, верно, еще не успел его выписать.

Графиня. Эта книга имеется во всех библиотеках. Подождите, я запишу название: *Государь*, Макиавелли, в лучшем переводе.

Жюльета уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Графиня де Турнель одна.

Графиня. Наконец-то я избавилась от нее! А Франсуа — верный человек... Как медленно идет время! Я себя не помню от радости. Вот я и в своей стихии! Быть заговорщиком — какое это приятное занятие!

Входит граф де Турнель.

Графиня де Турнель, граф де Турнель.

Графиня. Итак, господин де Турнель, час настал. Надеюсь, ваши страхи рассеялись?

Граф. Страхи?.. Скажите лучше, беспокойство, и, откровенно говоря, это беспокойство вполне обосновано. Замышлять заговор по нашим временам!.. А ведь мы замышляем заговор. Не знаю, понимаете ли вы, как это опасно, когда имеете дело с вездесущей полицией императора. Известно ли вам, что она жестока до крайности и что если наш заговор будет раскрыт, то мы еще дешево отделаемся, проведя остаток жизни в Венсенском или каком-нибудь другом замке?!

Графиня. А слава, если мы восторжествуем!

Граф. Слава — громкое слово, и только. Впрочем, раз уж мы затеяли... несколько легкомысленно это дело, постараемся вести себя осмотрительно. Заговор так заговор, согласен, раз вы этого желаете, но зачем себя компрометировать? Знаете, что меня тревожит больше всего? Я боюсь, как бы вы не повредили нашему делу своим усердием, которое граничит нередко с безрассудством. На днях, например, у префекта вы заявили весьма некстати, в присутствии человек двадцати гостей, что вам не нравится война с Испанией и что вы были бы очень огорчены, если бы туда послали вашего кузена.

Графиня. А разве не ужасна испанская война... война... началом которой послужило гнусное предательство? И кто же оказался жертвой этого чудовищного вероломства? Принцы, которых мы должны боготворить, ибо они принадлежат к августейшему семейству, некогда правившему нами... Когда-нибудь с божьей помощью мы вновь увидим его на престоле.

Граф. Не говорите так громко. Франсуа может услышать нас из передней. Да, согласен, испанская война ужасна, но сказать это у префекта!.. Он все слышал — после обеда его супруга предложила кофе всем гостям, кроме меня.

Графиня. Хороша месть, нечего сказать! Вполне достойная этой особы, которая важничает, сидя в сво-

ей коляске, будто никто не знает, что она дочь басонщика. Терпение! Придет день, и мы обратим в прах те ядовитые грибы, которые революция взрастила на развалинах престола.

Граф. И восстановим законный порядок. Я не дождусь его возвращения. С этими новыми законами невозможно послать на галеры подлых браконьеров, которые после первого октября не оставляют нам в лесу ни одной куропатки.

Графиня. Вспомните о славных привилегиях, которыми пользовались ваши предки. Разве не вопиет о мщении то обстоятельство, что граф де Турнель не был назначен губернатором своей провинции,— он, чьи предки содержали тяжело вооруженных всадников и взимали сбор со всякого, кто переправлялся по дрянному мостику в миле отсюда?

Граф. У меня имеются бумаги, подтверждающие это.

Графиня. И, наконец, разве не ужасно, что вы, господин де Турнель... в минуту отчаяния... просивший о звании камергера, натолкнулись на отказ узурпатора? Разве это оскорбление не затмевает всех доводов, которые подсказывает вам благоразумие?

Граф. Да, правда... Я забылся на мгновение... Этот человек ослепляет... Но не говорите по крайней мере о моем ходатайстве этим господам.

Графиня. Будьте покойны! Я напомнила об этом, чтобы показать, какой ныне царит беспорядок, и убедить вас, что настало время, когда все французы должны сбросить позорное иго.

Граф. Вы правы. Французы должны сговориться и сбросить иго. Черт побери! Если бы все французы поднялись сообща против узурпатора, я был бы не в последних рядах. Но, как это ни обидно, нас всего пять или шесть заговорщиков против всесильного человека. Наша затея весьма рискованна. Я всю ночь размышлял об этом, глаз не сомкнул. По правде говоря, я только что перечитал *Заговоры Сен-Реаля*, и книга взволновала меня. Нет заговора, который остался бы нераскрытым. Я предчувствую...

Графиня. Избавьте меня, прошу вас, от ваших тревог и предчувствий. Как! Вы, мужчина, дворянин,

вы были военным, и вы всего боитесь? Я женщина и, однако, взираю с полным спокойствием на последствия задуманного мною шага. А если наш заговор раскроют, пусть даже меня арестуют, бросят в тюрьму! Мне будет отчасти приятно предстать перед судом и выступить в защиту правого дела. «Да, я злоумышляла,— скажу я,— злоумышляла против вашего императора, и если желание освободить свою родину от тирана преступно, то я признаю себя виновной!» Я оденусь очень просто, во все черное, гладко, на прямой пробор причешу волосы, и никаких драгоценностей... только золотой крестик... Я скажу речь, произведу впечатление, уверяю вас... Молодая, элегантная женщина, обвиняемая в заговоре... Все сердца дрогнут, взывая к снисхождению ко мне. А если придется идти на казнь...

Граф. Боже милостивый! Слушая вас, можно подумать, что вы готовы выдать себя ради удовольствия разыграть героиню романа. Ах, Мелани, Мелани! Романы, которые вы постоянно читаете, вскружат вам голову! Вот увидите!

Графиня. Если произведения, которые я читаю, внушают мне благородные, возвышенные чувства, вам следовало бы, сударь, читать их почаще. Но время идет, час встречи близится, а вы еще не одеты. Хорошо бы вам перечесть мою... вашу речь, прежде чем вы выступите перед этими господами. Главное, постарайтесь оттенить конец, заключительную часть речи.

Граф. Заключительную часть! Я нахожу ее слишком смелой. Кроме того, там встречаются бесконечно длинные фразы... Будет дьявольски трудно выдержать дыхание.

Графиня. Поторопитесь, господин де Турнель, прошу вас, а, главное, не хмурьтесь. Жизнь — зеленое поле, и забавляется лишь тот, кто ведет крупную игру.

Граф. Ах, Наполеон, Наполеон! Вы не знаете, какая опасность угрожает вам!.. Иначе вы не отказали бы мне в ключе камергера.

Графиня. Поторопитесь!.. Я слышу, кто-то въехал во двор.

Граф (смотрит в окно). Боже! Какой-то военный! Офицер! Мы погибли! Все раскрыто, приверженцы императора приехали арестовать нас!

Графиня. Спокойствие! Возьмите себя в руки. (Садится, берет перо и пишет. Говорит нарочно громко.) Итак, вы сказали, что надо пригласить на бал префекта, начальника жандармерии и...

Входит Эдуар де Нанжи.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Эдуар де Нанжи.

Эдуар. Здравствуйте, кузина! Не узнаете?

Графиня. Эдуар!

Эдуар. Поцелуйте же меня, кузина, если вас не пугают усы. Вы очаровательны, ей-богу! Вы еще хорошели, разрази меня гром! Вы немного...

Граф. Господин де Нанжи? Я весьма рад...

Эдуар. Господин де Нанжи? Ступайте ко всем чертям с вашим «господином де Нанжи»! Зовите меня попросту «кузеном Эдуаром». Черт! Давненько мы не видались. Вы постарели.

Графиня. Вы находите?

Эдуар. Перед моим отъездом в Германию, кузина, вы были тоненькая, как веретено; зато теперь, клянусь небом!.. Талия у вас еще тонкая... но остальное... Дьявольщина! Видно, воздух у вас здесь хороший, да и провиант тоже!

Графиня (в сторону). Какие у него выражения!.. Но очарователен по-прежнему.

Граф (тихо). Как бы нам ст него отделаться?

Эдуар. Послушайте, кузен, мне дали месячный отпуск, и я приехал провести его с вами, по-семейному,— я горел желанием видеть вас... Мы пустимся во все тяжкие! Охота, рыбная ловля, шутки, проказы... Готов на любое безумство! Вы ведь тоже в кусты не прячетесь, когда затевается какая-нибудь проделка, а? Видел я вас в прежние времена, приятель!.. Вот скажу два словечка вашей супруге...

Граф. А если я расскажу ей про вас, негодник?

Эдуар. Сделайте одолжение. Знаете, я привез с собой двух охотничьих собак, двух чистокровных английских спаньелей; достал их в Германии; они принад-

лежали некоему князю, чьи владения мы вверх дном перевернули. Увидите, какие это собаки! А послезавтра придут мои лошади. У меня есть арабская кобыла, на которой должна покататься кузина. Здесь водятся кабаны, а? У меня есть еще собака, которая ходит на кабанов; я вывез ее из Богемии. Ну и собака! Только, кузина, запирайте ваших кошек, иначе она их всех передушит. Черт возьми! Позабавимся на славу! Как у вас насчет соседей? Чем больше безумцев, тем громче смех. Утром мы будем охотиться и пить шампанское, вечером музицировать и распевать дуэты; у меня голос не хуже, чем у соборного певчего... ля, ля, ля, ля!.. Потанцуем. Я буду волочиться за кузиной, если кузен не ревнив. Вы ведь не ревнивы, кузен, правда? Сакрамент, как говорят немцы. На этом свете надо веселиться.

Граф (*графине, тихо*). Постарайтесь удалить его.

Графиня (*графу, тихо*). На этот счет у меня свои планы.

Эдуар. В котором часу вы обедаете, кузен? Знаете, я голоден, как корсар! Ни за что не дотяну до обеда.

Граф. Вам подадут перекусить в спальню.

Эдуар. Нет, нет, я заморю червячка здесь! Черт возьми! В полку я привык разговаривать за едой, не пропуская ни одного глотка. (*Зовет.*) Эй, эй, сюда, эй!.. Как зовут ваших слуг? Ну же, эй!

Входит Франсуа.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Франсуа.

Графиня (*входящему Франсуа, которому она успела позвонить*). Подайте господину паштет из дичи. Какое вино вы любите, Эдуар?

Эдуар. Бургундское, черт возьми! Сохранилась ли у вас та заветная бутылочка, которую вы хотели приберечь до моего возвращения из Германии?

Графиня. У вас прекрасная память. (*К Франсуа.*) Подайте бутылку бургундского нашему гостю. Поторопитесь, Эдуар, прошу вас. Нам скоро понадобится этот

стол. Господин де Турнель! Ступайте переодеться. Эдуар извинит вас.

Эдуар. Ну, конечно! Было бы глупо церемониться со мной. Я в два счета покончу с закуской: мне хватит ее на один зуб.

Граф (*графине, тихо*). Удастся ли вам...

Графиня. Положитесь на меня.

Граф. Быть может, лучше отложить до его отъезда?..

Графиня. Ступайте, говорят вам, я отвечаю за него.

Граф уходит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи.

Эдуар (*сидит и ест*). Какого черта вы разговариваете шепотом? Вы таитесь от меня, или я вам мешаю?

Графиня. Напротив, Эдуар, мы очень вам рады. Я объясню вам позже, о чем говорил господин де Турнель. Как видно, у вас по-прежнему хороший аппетит?

Эдуар. В полку я привык есть быстро, а в гарнизоне, в Германии, привык есть много. И так, теперь я ем быстро и много. И потом, знаете, сегодня утром я проехал двенадцать миль на почтовой кляче, чтобы поскорее увидаться с вами... Но я позабыл, что невежливо есть с аппетитом в присутствии хорошенькой женщины... (*Отставляет, вздыхая, паштет из дичи.*) Я кончил.

Графиня. Полноте, что за церемонии! Продолжайте, но при условии, что окажете честь обеду. (*Наполняет его стакан.*) Как вы находите это вино?

Эдуар. Вино превосходное, главное, потому, что это вы его налили.

Графиня. Вы в полку научились говорить комплименты?

Эдуар. Налейте-ка мне еще вина, кузина. В полку, видите ли, мы учимся говорить чистую правду, без прикрас. Кстати сказать, вы очаровательны, запомните мои слова, ибо это истинная правда. Вы в десять, в двадцать раз красивее, чем четыре года назад, когда

вышли замуж и я был влюблен в вас, как новобранец, не смея даже заикнуться об этом.

Графиня. Какой он занятный!

Эдуар. Да, черт возьми, я занятен и даже больше, чем вы думаете. От вас одной зависит убедиться в этом. Да, я бываю очень занятен, если захочу. *(Встает.)*

Графиня. Охотно верю. Сядьте же! Давайте поговорим серьезно. *(Наливает ему вина.)* Расскажите мне о ваших походах и увлечениях,— одно без другого не бывает. На вас все те же эполеты. А я-то надеялась видеть вас по меньшей мере полковником!

Эдуар. Не всякому даются эполеты с кистями. Что поделаешь! Я лейтенант, всего-навсего лейтенант. Крест тоже ушел у меня из-под носа. Но — терпение: если ядро не остановит меня...

Графиня. При нынешнем правительстве порядочным людям не на что надеяться: все достается черни.

Эдуар. А кроме того, мне не повезло. В этом треклятом егерском полку никто не умирает!.. Можно подумать, что наши молодцы неуязвимы. Если бы только одолеть математику, я поступил бы в артиллерию. В этих войсках легко продвинуться. Возьмем, к примеру, нашу артиллерийскую батарею: за последнюю кампанию состав ее трижды обновился. Одного моего приятеля — еще в прошлом году он был лейтенантом — скоро назначат командиром эскадрона, если только бедняга не отправится на тот свет от раны в живот.

Графиня. Не будь революции, Эдуар, вы с вашим именем давно стали бы полковником.

Эдуар. Да, конечно, но по тем временам это было не бог весть что. Подумаешь, велика честь носить шляпу, похожую на канделябр, шпагу на боку и стоять на часах у двери госпожи де Помпадур, любовницы Людовика Шестнадцатого! Нет уж, слуга покорный!

Графиня. Вы невежественны, Эдуар, или вас уже успели развратить. Если бы революция не расстроила всей нашей жизни, вы были бы на виду. Вы украсили бы своим присутствием двор, звались бы маркизом...

Эдуар. Не говорите мне о маркизах, кузина. Когда однополчане хотят меня побесить, они называют меня маркизом. Как глупо быть маркизом! «Эй, Маска-

риль! Скачи, маркиз!» Черт возьми! Я получил хороший удар шпаги от Симоно, лейтенанта десятого егерского, и ответил ему не менее ловким ударом из-за того, что он обозвал меня маркизом. С вами я не могу драться, кузина, но если вы назовете меня маркизом, я вас поцелую.

Графиня. Как развратил умы этот Бонапарт! Молодой знатный человек стал приспешником корсиканца! Итак, вы преклоняетесь перед своим императором? Он ваш кумир, ваш бог; он все для вас; вы его обожаете.

Эдуар. Обожаю? Ей-богу, нет! Мой полковник попросил императора наградить меня крестом, а тот оглядел меня, как какую-нибудь ремонтную лошадь, и ответил: «Он слишком молод». Нельзя сказать, чтобы этот субъект отличался любезностью.

Графиня. «Он слишком молод!..» Какая ужасная несправедливость!

Эдуар. На этот раз вы правы. В последнем деле мы атаковали неприятеля вместе с гвардейскими уланами; эти господа — любимчики императора; они потеряли человек тридцать; мы по меньшей мере столько же. Желая услужить императору, генерал, командовавший нами, сказал: «Уланы покрыли себя славой, ваше величество: вражеские гусары уничтожены, но ваши храбрые уланы понесли огромные потери; зато потери в десятом егерском невелики». Так что все кресты достались уланам, а нам на долю выпали раны, грязь, плохие квартиры и прочая пакость!..

Графиня (*подливая ему вина*). Я же говорила вам, что он несправедливейший из людей. Отказать вам в кресте! Эдуар! Вы человек благородного происхождения и должны глубоко чувствовать эту обиду.

Эдуар. Дело не в обиде.

Графиня. Конечно, надо отомстить.

Эдуар. Император еще пожалеет об этом, когда я подам в отставку. Но просить об отставке во время войны? Нет, это невозможно! Наш полк отправляется в Испанию.

Графиня. В Испанию! Вы примете участие в этой ужасной, преступной войне?.. Неужели вы позабыли о байонском предательстве?

Эдуар. Полно! Эти негодяи-испанцы будут в восторге, если мы избавим их от попов и монахов.

Графиня. Как вы огорчаете меня, Эдуар! Как грустно, что у вас такие политические убеждения!

Эдуар. Убеждения? Черт меня побери, если я вмешиваюсь в политику!

Графиня. Я не старше вас и, однако, бережно храню воспоминания, которые уже ничего не говорят вашему сердцу.

Эдуар. Что я слышу, кузина!.. Возможно ли?.. О, я тоже не забыл того времени!.. Как я страдал, когда вы вышли замуж, если бы вы только знали!

Графиня. Вы не поняли меня, Эдуар. Я говорю о времени, когда наши отцы были надежнейшей опорой законного престола... о том времени, когда подданные охотно жертвовали жизнью, чтобы защитить своего монарха... Если бы доблестный маркиз де Нанжи знал, что его сын домогается чести служить тирану, плебеоузурпатору, он встал бы из могилы и сказал, что вы недостойны своих прославленных предков.

Эдуар. Право, кузина... вы говорите о вещах... о которых я ни от кого не слышал... Я полагал, что ваш муж хочет стать префектом, камергером или чем-то в этом роде. Видите ли, мы, военные, повинuemся императору... потому что он император... Мы не обязаны знать, узурпатор он или нет...

Графиня. Иными словами, вы отказываетесь от человеческого достоинства, чтобы стать его рабами. Вы хотите видеть и слышать только то, что вам приказывает ваш император.

Эдуар. Конечно, он узурпатор... но он признан решительно всеми.

Графиня. За исключением благородных людей, которые никогда не признают иных монархов, кроме наших изгнанных принцев.

Эдуар. Детей Людовика Шестнадцатого? Я думал, они погибли во время революции.

Графиня. Увы, варвары сгноили дофина в темнице, но братья короля — в изгнании, и вы, маркиз де Нанжи, могли забыть об этом?

Эдуар. Право, я... Ведь я ничего не читал про это.

Графиня. Признаюсь, я возлагала на вас большие

надежды. Я думала, что ложная слава узурпатора не может вас ослепить; я надеялась, что вы окажетесь верны партии побежденных.

Эдуар. Но, кузина... Я того же мнения... Не знаю только, с какого бока взяться за дело...

Графиня. Эдуар, Эдуар! Вы сдержанны не по возрасту, я знаю, и умеете хранить тайны. Я доверяю вам. Правда, ваши политические убеждения противоречат моим взглядам, но вы человек чести и не предадите меня.

Эдуар. Кузина!.. Повторяю, у меня нет политических убеждений; а уж если нужны какие-нибудь убеждения, я готов разделить ваши.

Графиня. Несколько мужественных людей задумали освободить родину от постыдного ига. Мой муж и я сама будем трудиться ради этой цели. Быть может, нам удастся с помощью божьей призвать во Францию законных принцев... быть может, мы погибнем... и...

Эдуар. Послушайте, да ведь это заговор?.. Черт возьми, кузина, как у вас все просто получается!

Графиня. Да, Эдуар, заговор, и никогда еще не было предприятия, более достойного успеха. Полагая, что вы стонете, как и я, под игом корсиканца, я хотела предложить вам разделить наши опасности, нашу славу...

Эдуар. Что? Вы состоите в заговоре?.. Серьезно, кроме шуток?

Графиня. Да, Эдуар, я, слабая женщина, возымела эту мысль. Эдуар! Я открыла вам свое сердце. Если вы предпочитаете вашего императора родственным узам, можете рассказать ему о наших планах, можете погубить нас,—я сумею претерпеть уготованную мне участь.

Эдуар. Что за дьявольщина!.. За кого вы меня принимаете? Вы сказали это, не подумав, иначе... Ей-богу, раз вы участвуете в заговоре, мне тоже хочется вмешаться в это дело, черт бы меня побрал!

Графиня. Правда?

Эдуар. Почему бы нет? Я вижу, вам это доставит удовольствие, а ради вашего удовольствия я готов хоть в огонь.

Графиня. Прелестный молодой человек!

Эдуар. Заговор!.. Как это должно быть занятно! В заговорах я собаку съел. Меня выгнали из лицея, потому что я был во главе заговора против одного из наставников, которого мы намеревались вздуть; из-за этого я и остался невеждой. Меня поместили в военную школу, нацепили мне эполеты, дали шпагу — и зубри себе устав!

Графиня. Держу пари, что ваш наставник был якобинцем, он злоупотреблял своей властью, притеснял вас, юного дворянина!

Эдуар. Его звали Рагулар.

Графиня. Какое якобинское имя! Ну как, мой друг, вы с нами?

Эдуар. Право, кузина... не знаю, то ли ваше вино, то ли усталость с дороги... а вернее всего, ваши прекрасные глаза... но я чувствую, что вот-вот скажу или сделаю какую-нибудь глупость... Мысли разбегаются... Клянусь честью, вы меня околдовали!

Графиня. Скажите лучше, Эдуар, что я пробудила в вашем сердце любовь к нашим королям, а это чувство так же присуще людям нашего происхождения, как доблесть и красота.

Эдуар. Да, решено, плевать мне на все!.. Я люблю наших королей... а особенно вас, кузина... Ничего не поделаешь, слово нечаянно сорвалось у меня с языка... но я сказал то, что думаю... боюсь только, что прогневил вас...

Графиня. Вы ребенок, Эдуар, но натура у вас хорошая, я хочу вас перевоспитать.

Эдуар. Именно это мне обещала прелестная баварка, с которой... *(В сторону.)* Чуть было не сболтнул сдуру!..

Графиня. Как раз сегодня мы ждем друзей, единомышленников, о которых я вам говорила. Это влиятельнейшие люди в нашем краю. Цель собрания — создать ассоциацию ради... да, ассоциацию, которая займется... как бы это сказать... ассоциацию, направленную против императорского правительства, которая воспользуется первым же случаем, чтобы свергнуть его.

Эдуар. Когда правительство будет разогнано, придется здорово попотеть.

Графиня. Поверьте, в нашем распоряжении име-

ются могущественные средства. Я все объясню вам во время вашего пребывания в замке. Сегодня же мы займемся лишь созданием, лишь учреждением нашей ассоциации, нашего тайного общества...

Эдуар. Скажите лучше, нашего заговора — это гораздо занятнее.

Графиня. Мы выполним кое-какие формальности; словом, увидите...

Эдуар. От одного вашего присутствия, кузина, мне становится весело.

Графиня. Вы дали слово, Эдуар, я рассчитываю на вас. Итак, пожмите мне руку... Довольно, довольно же, Эдуар! Мы занимаемся вещами очень серьезными... Поклянитесь же в верности нашему великому делу!

Эдуар. Хорошо, кузина, клянусь.

Графиня. Прекрасно, доблестный юноша! Повторите за мной клич, с которым ваши предки некогда одерживали победы: «Да здравствует король!»

Эдуар. Да здравствует король!

Графиня (хлопая в ладоши). Он наш! Он наш!

Входит граф де Турнель.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и граф де Турнель.

Графиня. Скорее, господин де Турнель! Обнимите нового защитника правого дела.

Эдуар. (в сторону). Муж! Чтоб ему пусто было!

Граф (обнимает его). Я в восторге, кузен... (Графине, тихо.) Как вам это удалось?

Эдуар. А вы не поцелуете защитника правого дела, кузина? Разрешите, кузен?.. (Целует графиню.)

Графиня. (Эдуару, тихо). Это очень дурно, Эдуар, вы плохо себя ведете.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, Франсуа, барон де Машикули и кавалер де Тимбре.

Франсуа (докладывает). Барон де Машикули, кавалер де Тимбре. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи, граф де Турнель, барон де Машикули, кавалер де Тимбре.

Барон де Машикули. Прекрасная дама! Вот два верных рыцаря, готовых принести присягу у ваших ног... (Заметив Эдуара, тихо.) Военный! Кто этот юноша?

Графиня. Очень рада, барон, видеть вас в столь добром расположении духа. Здравствуйте, кавалер! Как здоровье госпожи де Тимбре? Разрешите, господа, представить вам моего кузена, маркиза Эдуара де Нанжи, который вполне разделяет наши взгляды. Вы найдете в нем не только мужество предков, но и приверженность их к законным монархам. Эдуар! Познакомьтесь: барон де Машикули, кавалер де Тимбре.

Эдуар (в сторону). Ну и рожи! Так и просят под стеклянный колпак!

Барон де Машикули. Я сразу узнал бы господина де Нанжи: он удивительно похож на покойного маркиза де Нанжи, своего батюшку, с которым я был хорошо знаком. Мы вместе служили.

Эдуар. Служили, да?.. (Графине, тихо.) Вот только чему?

Барон де Машикули. Мы вместе участвовали в осаде Гибралтара. Клянусь честью, там было довольно жарко.

Эдуар. Еще бы... в Испании, в Андалусии...

Барон де Машикули (графу, тихо). Можно ли положиться на этого молодого человека? В нем так и чувствуется солдафон.

Граф. Жена говорит, что отвечает за него.

Эдуар (графине, тихо). Что вы скажете, кузина, если я отрежу хвост от его фрака, чтобы сделать шнурок для вашего колокольчика?

Графиня (тихо). Перестаньте, Эдуар!

Кавалер де Тимбре (вынимает часы). Если не ошибаюсь, эти господа запаздывают.

Граф. Еще вчера Фьердонжон обещал мне прийти первым.

Барон де Машикули (Эдуару). Скажите, маркиз...

Эдуар. Называйте меня господином де Нанжи или лейтенантом Нанжи, как вам будет угодно. Только, пожалуйста, без титулов.

Графиня. Мой кузен — воплощенная скромность!.. (Тихо.) У него особые взгляды.

Барон де Машикули. Скажите, пожалуйста, господин де Нанжи, вы, вероятно, прибыли из армии?

Эдуар. Да, сегодня.

Барон де Машикули. Из Германии?

Эдуар. Да.

Барон де Машикули. Вы, вероятно, наблюдали Ваграмскую битву?

Эдуар. Да, издали.

Графиня. Конь был убит под ним, а сам он ранен. Бедный мальчик! Как ужасна эта война!

Барон де Машикули. Меня удивляет, что эрцгерцог Карл дал побить себя. Однако он лучший тактик в Европе. Что до стратегии, то все в один голос отдают пальму первенства фельдмаршалу Калькрейту, не так ли?

Эдуар. В жизни не слышал имени этого субъекта.

Барон де Машикули. Ээ... Сударь! Осмелюсь спросить, каково было положение в армии, когда вы оставили ее? Говорят, в войсках недовольство.

Эдуар. Да, солдаты недовольны пайковым хлебом и бобами; они предпочли бы белый хлеб и пулярку...

Барон де Машикули. Мне говорили, что армейские офицеры...

Эдуар. Послушайте, сударь, я болен... ранен... я провел три месяца в госпитале до того, как приехал сюда. Я ничего не видел, ничего не знаю. (Графине, тихо.) Избавьте меня от этого докучливого старика, или я наделаю бед.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, Франсуа, граф де Фьердонжон
и маркиз де Малепин.

Франсуа (докладывает). Граф де Фьердонжон,
маркиз де Малепин. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи, граф де Турнель, барон де Машикули, кавалер де Тимбре, граф де Фьердонжон, маркиз де Малепин.

Эдуар (графине, тихо). Откуда, черт возьми, вы выудили этих чудаков? Мистификация какая-то. Ни один не похож на заговорщика. Это не люди, а призраки. Позвольте подшутить над ними.

Графиня (Эдуару, тихо). Как вам не стыдно, Эдуар! (Громко.) Милости прошу, господин де Фьердонжон. (Эдуару, тихо.) Если вы будете так вести себя... (Громко.) Как ваше здоровье, господин де Малепин? Очень рада вас видеть. (Эдуару, тихо.) Мы поссоримся. Это мои друзья. Обещайте не делать глупостей. Вы ведь не станете огорчать меня... если любите?.. (Громко.) Господа! Разрешите представить вам моего кузена.

Эдуар (тихо). Раз вы запрещаете мне шалить, кузина, я буду умником.

Граф. Не хватает только Бертрана.

Кавалер де Тимбре. Странно, что его еще нет. Этот бездельник заставляет ждать себя!

Маркиз де Малепин. Только бы он сдержал слово!

Граф де Фьердонжон. Право, де Турнель, вы поступили несколько легкомысленно, приобщив к нашему делу этого человека. Как знать, можно ли рассчитывать на него? Простой крестьянин!..

Графиня. Он был майором в королевской армии.

Граф де Фьердонжон. За недостатком дворян офицеры в вандейской армии назначались из простолюдинов. Этот человек мне не по вкусу; он без разрешения охотится на моих землях, и я не могу добиться, чтобы сторожа составили на него протокол.

Граф. Это у него старая привычка. Господин де Керморган, поместье которого вы купили, возвратившись из эмиграции, позволял ему охотиться на своих землях.

Кавалер де Тимбре. Вы заключили выгодную сделку, господин де Фьердонжон. Будь у меня в то время деньги, я тоже купил бы национальные имущества.

Они продавались за гроши... Я вовсе не одобряю эти бесчестные спекуляции... Но зло сделано, постараемся, чтобы оно не пошло на пользу нашим врагам.

Графиня. Бертран пользуется влиянием среди крестьян. Если нам понадобится помощь, он будет весьма ценным человеком. К тому же у него превосходные рекомендации от прежних начальников.

Барон де Машикули. Говорят, что жандармы побаиваются его и даже не смеют спросить, имеет ли он право носить оружие.

Граф де Фьердонжон. Господа, нам не пристало ждать этого человека... Начнем.

Графиня. А вот и он.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Бертран.

Бертран держит двустволку; за ним идет большая охотничья собака.

Графиня. Здравствуйте, господин Бертран, товарищ Бесстрашный, как звал вас господин де Боншан!.. Мы вас ждем.

Бертран. Извините, сударыня; я увидел по пути целый отряд куропаток, и пришлось-таки побегать за ними... Вот две штуки... Если вы соблаговолите принять их, сударыня, получится превосходное жаркое.

Граф де Фьердонжон (в сторону). Держу пари, что он убил их на моей земле.

Графиня. Спасибо, с удовольствием приму.

Эдуар (Бертрану). Какая у вас прекрасная собака! Она охотится и на зверя и на птицу?

Бертран. Да. В случае чего набросится и на человека, стоит крикнуть: «На помощь!» Она сослужила мне хорошую службу.

Эдуар. Почему бы вам не продать ее мне?

Бертран. Извините, собака не продается. Не правда ли, ты не продаешься, Медор? Ты славный пес.

Граф. Не будем терять времени, господа. Прошу садиться.

Графиня (прежде чем сесть). Эдуар! Сядьте рядом со мной. Я льщу себя надеждой, господа, что вы

разрешите мне присутствовать на вашем совещании. Я женщина, это правда, но мужества во мне достаточно, чтобы разделить ваши опасности. К тому же не в первый раз женщина принимает участие в заговоре. Насколько я помню старика Плутарха, добродетельная Лозна разделила славу Гармодия и Аристокитона. Она отрезала себе язык, боясь открыть имена своих друзей.

Кавалер де Тимбре. Моей жене следовало бы взять с нее пример.

Барон де Машикули. Сударыня! Мы не желаем вам участи Лозны: для нас это было бы огромной потерей. Но мы не сомневаемся, что вы обладаете таким же мужеством и такой же любовью к законным королям.

Графиня. Скажу, не хвалясь, что я уверена в себе: даже вид смерти не испугает меня. На что только не отважишься ради такой прекрасной цели! (Собирается сесть и испускает пронзительный крик.) Ай!

Эдуар. Что случилось?

Граф (испуган). Что такое? Не спрятался ли кто-нибудь под столом?..

Графиня. Паук... на моем стуле!

Все смеются.

Бертран (*убивает паука*). Видеть паука утром — к беде, видеть вечером — к надежде. Сейчас перевалило за полдень.

Барон де Машикули. Вот флакон, сударыня, понюхайте. Я вполне понимаю ваш ужас. Это — чисто нервное явление. Ваш покорный слуга не раз бывал в довольно опасном положении... и вместе с тем вид мыши внушает мне необоримый ужас.

Маркиз де Малепин. То же бывает и со мной, когда я вижу жабу, но это — очень ядовитое животное.

Кавалер де Тимбре. Говорят, что польский король Владислав обращался в бегство при виде яблок.

Граф де Фьердонжон. Я слышал, будто...

Эдуар. А как же заговор, господа? Приступим мы к нему или нет?

Граф. Кузен прав... Господа! Мне кажется, было бы весьма уместно избрать председателя, дабы внести порядок в наши собрания, а главное, придать им необ-

ходимую по самому их характеру серьезность. Если вы не против, я возьму на себя обязанность председателя.

Барон де Машикули. Нет, граф, это было бы неправильно. Председатель оказывает значительное влияние на всякое собрание, вот почему председатель должен быть избран самим собранием с тем, чтобы он стал выразителем чувств, как бы рупором тех, кто доверил ему этот пост.

Кавалер де Тимбре. Несомненно. Надо приступить к голосованию.

Граф де Фьердонжон. Зачем голосовать? Смею обратить ваше внимание, господа, на то, что на всех ассамблеях дворянства этой провинции наши предки, графы де Фьердонжоны, занимали председательское кресло. А так как цель наша — восстановить старинные обычаи, то мне кажется...

Барон де Машикули. Милостивый государь! Разрешите поставить под сомнение истинность факта, который вы нам только что сообщили. Среди моих бумаг имеется подлинный документ, удостоверяющий, что в день рождения великого дофина дворяне нашей провинции собрались, дабы отметить столь счастливое событие фейерверком и танцами, и что Пьеру-Понсу де Машикули было поручено председательствовать на этом собрании и всем руководить.

Граф. А де Турнели, господа? Можно подумать, что вы вовсе о них забыли! Полагаю, никто не станет оспаривать древность нашего рода.

Граф де Фьердонжон. Приношу миллион извинений, милостивый государь, но в архивах провинции ваша фамилия упоминается лишь восемьдесят пять лет спустя после моей.

Граф. Моя родословная сама говорит за себя...

Маркиз де Малепин. В тысяча четыреста пятьдесят втором году маркизы де Малепины...

Графиня. Господа! Предложение господина де Тимбре избавит нас от тягостных споров. Давайте голосовать. Пусть каждый напишет фамилию кандидата на клочке бумаги и положит его в эту урну.

Граф де Фьердонжон. Разве можно доверять родословной? Ее легко подтасовать. Архивные документы — тоже дело темное...

Барон де Машикули. А памятники?.. Всем нам известен камень с высеченными на нем...

Граф. Что такое? А что вы скажете насчет родословной, записанной готическими буквами на оленьей шкуре?..

Маркиз де Малепин. Пипин Короткий пожаловал...

(Все говорят одновременно, Эдуар громко звонит в колокольчик.)
На пороге появляется Франсуа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Франсуа.

Граф. Что нужно этому болвану?

Франсуа. Вы звонили, сударыня?

Графиня. Нет, можете идти.

Франсуа. Значит, звонили у парадного... Пойду посмотрю...

Граф. Никто не звонил, бездельник. Оставьте нас в покое.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи, граф де Турнель, барон де Машикули, кавалер де Тимбре, граф де Фьердонжон, маркиз де Малепин, Бертран.

Графиня. Умоляю, прекратим эти споры! Какой бы выбор мы ни сделали, он будет превосходен. Вот бумага, — пишите, господа.

Кавалер де Тимбре. Для подсчета голосов надо выбрать кого-нибудь... кто не знает наших почерков.

Барон де Машикули. Превосходная мысль. Не возьмется ли за это дело господин де Нанжи?

Эдуар. Охотно. (В сторону.) Какое лестное доверие!

Графиня (Бертрану). Подойдите же, Бертран. Почему вы держитесь в стороне? Пишите.

Бертран. Вы очень любезны, сударыня.

Графиня. Напишите какую-нибудь фамилию. (Тихо.) Фамилию моего мужа.

Бертран. Ведь я не умею писать, сударыня. Я бедный крестьянин. Я ничего не понимаю во всех этих церемониях.

Все, за исключением Бертраиа, кладут бюллетени в урну.

Эдуар. Готово? Посмотрим. Господин де Машикули — один голос.

Барон де Машикули. Прошу вас, сударь: немедленно сожгите бюллетень.

Граф де Фьердонжон (*маркизу де Малепин, тихо*). Держу пари, что он написал свое собственное имя.

Эдуар. Господин де Фьердонжон — один голос.

Барон де Машикули (*маркизу де Малепин, тихо*). Готов побиться об заклад, что он сам голосовал за себя.

Граф де Фьердонжон (*Эдуару*). Сожгите, прошу вас, сударь.

Эдуар. Господин де Турнель — один голос; госпожа де Турнель — один голос; господин де Тимбре — один голос. Что за притча? У всех по одному голосу.

Графиня. Тот, кто голосовал за меня, ошибся: он, верно, хотел подать голос за моего мужа...

Эдуар. Вовсе нет, я хотел, чтобы вы были председателем.

Граф де Фьердонжон. Но это же нелепо!.. Женщина не может быть нашим председателем.

Эдуар. Что такое, милостивый государь? Вы сказали, что это нелепо? Выражение кажется мне столь неподходящим, что я попросил бы вас повторить его.

Граф де Фьердонжон. Я сказал, милостивый государь, что не в наших обычаях предлагать женщине председательское кресло.

Эдуар. А в моем обычае, милостивый государь, не оставлять безнаказанной ни одну дерзость... и...

Графиня (*тихо*). Эдуар, Эдуар!.. (*Громко*.) Приступим же, не медля, ко второму туру голосования. (*Эдуару, тихо*.) Голосуйте за моего мужа, Эдуар. Господин де Тимбре! Голосуйте за моего мужа, он будет превосходным председателем. Ну же, Бесстрашный, голосуйте и вы! Я напишу имя кандидата вместо вас. Вы

предпочитаете господина де Турнеля? (Тихо.) Не так ли?

Бертран. Мне все равно, лишь бы угодить вам.

Эдуар (подсчитывает голоса). Господин де Турнель — один голос; господин де Фьердонжон, господин де Турнель, господин де Турнель, господин де Малепин, господин де Машикули, господин де Турнель. Господин де Турнель получил четыре голоса. Итак, кузен, — на председательское место!

Граф де Фьердонжон (маркизу де Малепин, тихо). Уже интриги! Нет, я не останусь в этой шайке.

Барон де Машикули (маркизу де Малепин, тихо). Она всем хочет верховодить.

Граф. Господа! Прежде чем приступить к совещанию, председательствовать на котором вы благосклонно поручили мне, я сделаю с вашего позволения несколько замечаний общего порядка о современном положении в Европе. Льщу себя надеждой, что мое краткое вступление будет не лишено интереса. (Вынимает из кармана речь, написанную на многочисленных листочках почтовой бумаги; страницы эти не скреплены между собой.)

Эдуар. Как? Вы собираетесь прочесть нам все это? Черт!

Граф. Речь написана с одной стороны, да и поля большие.

Граф де Фьердонжон (в сторону). Он один хочет говорить, потому и назначил себя председателем.

Граф де Турнель откашливается, сплевывает, надевает очки и начинает монотонно читать, не всегда соблюдая знаки препинания, как человек, читающий чужое произведение. Эдуар говорит что-то на ухо графине, но она знаком велит ему слушать. Он не подчиняется. Потеряв терпение, графиня поворачивается к нему спиной. Тогда он подзывает собаку Бертрана, ласкает ее, велит дать лапу и т. д.; затем, видя, что граф держит в руке одну из страничек речи, осторожно берет со стола несколько страниц, скатывает их и дает собаке, — собака рвет бумагу на мелкие клочки. Никто не замечает, что произошло с речью.

Граф (читает). «Господа! Прекрасны, неисповедимы пути провидения. В мире нет непоправимого зла. Действие самого страшного яда можно успешно победить с помощью лекарств, которые природа щедро рас-

сыпает своей благодетельной рукой... Нам следует неустанно благословлять промысел божий, ибо эти лекарства заботливо сосредоточены в тех краях, где человек подвергается, по-видимому, наибольшим опасностям. Путешественники, побывавшие в странах, иссушенных раскаленными лучами солнца, рассказывают об ужасных змеях, укусы которых, казалось бы, должны повлечь за собой неминуемую смерть. Но они забывают добавить, что эти грозные пресмыкающиеся находят прибежище под широкими листьями растений, сок которых, введенный в рану, мгновенно оживляет несчастную жертву и вскоре возвращает ей здоровье. Анчар, столь ядовитый, что даже тень его приносит смерть, произрастает в силу божественного предначертания лишь по берегам морей и океанов, а морская вода, как известно, является прекрасным противоядием при отравлении летучими испарениями этого дерева. Итак, господа, видя народ, раздираемый пагубными распрями или стонущий под железной пятой тирана, мы не станем предаваться бесплодному отчаянию, а поищем вокруг себя лекарство или врача, несомненно, уготованного нам провидением».

Кавалер де Тимбре (в сторону). Речь слишком отдает аптекой.

Граф (читает). «Да, господа, история, служащая порой развлечением для светского человека, могла бы стать предметом отвращения и ужаса для философа, друга человечества, созерцающего отвратительную картину ее преступлений, если бы утешительная мысль о том, что невидимое провидение управляет судьбами империй, не поддержала книгу, готовую выпасть из рук мудреца, и не подсказала ему, что люди, позабывшие божественные предначертания и предающиеся разгулу страстей, часто ввергают в пучину бедствий и своих сограждан и самих себя. Но в силу, так сказать, причинной связи явлений другие люди, добродетельные, вдохновленные свыше, столь же часто преграждают своим мужеством путь опустошительному потоку революций и своей могучей дланью закрывают бездну, готовую поглотить родину!!!» *(В сторону.)* Уф! *(Продолжает читать.)* «И вот нашелся человек... больной, искалеченный, осужденный в страданиях проводить...»

Графиня (*подсказывает*). Не то! В тексте: «...сказал некий христианский оратор...».

Граф. Да, да, правильно. «И вот нашелся человек...» Извините, господа, тут не хватает страницы... Не могу найти. Не затерялась ли она? Однако, дорогой друг, когда вы переписывали черновик моей речи, все было в порядке... Не эта ли страница? «И вот нашелся человек, сказал узурпатор...» Нет... Не знаю, где продолжение...

Кавалер де Тимбре. Человек нашелся, а страница потерялась.

Графиня. Друг мой! Разве у вас не сохранилось черновика?

Граф. Нет, я сжег его. Непостижимо!

Барон де Машикули. Пока господин де Турнель ищет свою речь, не пожелаете ли вы выслушать, дабы избежать потери времени, несколько кратких размышлений, на которые меня навели последние политические события...

Маркиз де Малепин (*одновременно*). Я подготовил небольшую речь, и если уважаемые слушатели соблаговолят уделить мне полчаса внимания...

Граф де Фьердонжон вытаскивает портфель, кавалер де Тимбре роется в карманах.

Эдуар. Боже правый! У каждого приготовлена речь! Кузина! Мы погибли — мы никогда не дождемся обеда. Нет ли у вас речи, господин Бертран?

Бертран. Нет, сударь. Но, если набраться смелости, и у меня нашлось бы что сказать; боюсь только сказать глупость: ведь я простой крестьянин.

Эдуар. Говорите, говорите! Уверен, что вы скажете что-нибудь очень забавное. Тише, господа, тише! Слушайте господина Бертрана. (*Стучит по столу.*)

Бертран. Я хотел сказать вам попросту... Я хотел сказать, не в обиду всей честной компании, что мы перебиваем из пустого в порожнее. Пусть проповеди говорят попы. Нам же не нужны всякие красивые присказки, чтобы договориться о деле. Когда я был с Жаном Шуаном, он с нами долго не разговаривал. Он говорил: «Не захватить ли нам врасплох синих на ферме Эрбаж?» Мы говорили: «Да». Он говорил: «Есть ли у вас патроны? Есть ли новые кремни к ружьям?» Мы говорили: «Да».

Он говорил: «Опрокинем стаканчик, да и в путь. Да здравствует король!» Мы чокались и шли.

Эдуар. Bravo, черт возьми! Господин Бертран получит первую премию за красноречие.

Бертран. Не ждал я, когда шел сюда, что потребуется столько красивых речей, чтобы воодушевить вас на благое дело. Я думал, правду говоря, что работа у нас закипит; я думал, что мне скажут, к примеру: «Бесстрашный! Вы захватите врасплох жандармский пост в Н. Вам, господин де Машикули, поручается, с позволения сказать, бить в набат у себя в поместье. А вы постараетесь арестовать префекта... Попросту, не церемонясь». Я принес патроны и наполнил свою солдатскую флягу.

Барон де Машикули. Черт, как он рассуждает!

Граф. Мы еще не дошли до этого, слава богу.

Граф де Фьердонжон (Бертрану). Друг мой! Здесь вы не с людьми Жана Шуана; вы находитесь среди благородных, образованных людей, а это огромная разница. Слушайте почтительно, молча, если вы не в состоянии понять.

Бертран. Не спорю, но...

Маркиз де Малепин. Мы не спрашиваем вашего мнения.

Графиня. А что, господа, не отложить ли нам речи до другого раза? Сегодня нам предстоит еще принять много серьезных решений. Вы избрали председателя, но у нас имеются и другие серьезные вопросы. Например, как будет называться наше общество? Необходимо какое-нибудь название. Когда история заговорит о нас, должна же она нас как-то именовать.

Граф де Фьердонжон. Так что ж, история скажет: «Граф де Фьердонжон... господин де Турнель...»

Граф. Жена хочет сказать, что все члены нашего общества должны носить родовое, коллективное имя.

Эдуар. Тьфу! Эти родовые имена напоминают мне уроки латыни: *Turba gunt* или *gunt!* *

Граф де Фьердонжон. Превосходно! Предлагаю — истинные дворяне.

Эдуар. Нет, надо что-нибудь благозвучное, как

* Толпа бежит... бегут.

в мелодрамах. Например, *рыцари лебедя... справедливые судьи*. А что, если нам назваться *рыцарями смерти*? Это красиво, ласкает слух.

Кавалер де Тимбре. Почему бы и нет? В самом деле, название довольно красивое.

Граф. О нет, слишком устрашающее! Я предпочел бы...

Графиня. Возьмем лучше что-нибудь соответствующее цели нашего заговора, скажем, *друзья гонимых*. Нравится вам? Ведь мы защищаем дело обездоленных. Это название привлечет к нам все великодушные сердца.

Эдуар. Хорошо придумано! Принято.

Бертран. *Друзья гонимых*? Значит, если крикнут: «Кто идет?», а мы не ответим: «*Друзья гонимых*»... то сразу же... бах из ружья?..

Эдуар. Э, приятель берет быка за рога! Вы, верно, воевали, а?

Бертран. Понятно, сударь, долгое время я не знал другого ремесла.

Графиня. Господин Бертран сражался в Вандее. Он был майором королевской армии.

Эдуар. Да, да, война шуанов... мелкие стычки... перестрелка из-за плетня... расстрел оставших... Прекрасная, черт возьми, война! В те времена люди долго жили.

Бертран. Уж это как придется. Кое-кто из молодых, да и старых тоже, поныне жили бы да поживали, не будь этой прекрасной войны. Люди удивляются, что хлеб хорошо родится в некоторых знакомых мне местах, а ведь это из-за трупов, которые там зарыты. Ваш покорный слуга, сударь, не раз участвовал в делах, после которых мы, оставшиеся в живых, должны денно и ночью благодарить пресвятую деву за то, что дешево отделались. Однажды в ланде Гро-Саблон двести человек наших вступили в бой с таким же количеством синих. Мы их разгромили, но вечером нас всего сорок пять человек село за стол.

Эдуар. Недурно. Видно, дело было жаркое. А сколько побежденных уцелело?

Бертран. Ни одного.

Эдуар. Недурно, право.

Граф. Если эти господа будут говорить о войне, мы никогда не кончим...

Графиня. Друзьям гонимых следовало бы носить какой-нибудь отличительный знак для...

Барон де Машикули. Для полиции? Ну нет, спасибо!

Графиня. Я имею в виду что-нибудь тайное, понятное только посвященным... Например, каждый из нас, каждый из вас, господа, мог бы иметь при себе кинжал известной формы...

Эдуар. Да, кинжал! Прежде всего потому, что не бывает заговора без кинжала. Кинжал мщения... таинственный клинок... Видели вы мелодраму *Справедливые судьбы?*

Граф де Фьердонжон. Гм... кинжал. Не возражаю... да и вообще он может пригодиться.

Бертран. Что там ни говори, превосходное это оружие, хоть и неказистое. Удар надо наносить сверху вниз. (*Делая вид, что ударяет.*) Извините, сударь, вот так... чтобы кровь не пролилась и тут же задушила вас.

Барон де Машикули. Какой ужас! Мы никого не хотим убивать, нам не нужны ваши уроки.

Бертран. Тогда зачем же?..

Кавалер де Тимбре. Это всего лишь отличительный знак. Французские дворяне не пользуются подобным оружием.

Граф. Существует полицейский приказ, воспрещающий ношение кинжала... Было бы крайне опасно...

Бертран. А вот Лескюр, Шарет, Рошжаклен — все эти господа не расставались с кинжалом... Попробуй кто-нибудь поднять на них руку, он живо убедился бы, как ловко они владеют этим оружием.

Графиня (*в сторону*). Я вся дрожу от его речей. (*Громко.*) Рукоятка кинжала должна быть белой... это наш цвет... из слоновой кости или перламутра, с серебряными украшениями. Я сделаю рисунок. А на клинке хорошо бы выгравировать по-латыни слово *Верность*. Получится мило, со вкусом, не так ли?

Эдуар. Клянусь честью, кузина создана для заговоров. Она божественна. Не беспокойтесь о кинжалах, дорогие коллеги, я еду в Испанию, а там изготавливают все, что есть лучшего в этом роде. Женщины и те носят кинжалы под корсетом или за подвязкой. Это рассказал приехавший оттуда драгунский офицер. Но шутки в сто-

рону, с испанками надо держать ухо востро, они чертовски вероломны.

Кавалер де Тимбре. Любознательность далеко завела вашего приятеля, раз он сделал такие превосходные открытия!

Бертран. Э, господа! Ваши кинжалы из слоновой кости и перламутра просто-напросто побрякушки. Чтобы прирезать синего, нет ничего лучше вот такого ножа. *(Вынимает длинный нож.)* Сработан он грубо, но стоит недорого. Однажды я споткнулся о камень и полетел вверх тормашками. Вражеский офицер придавил мне коленкой живот и поднял шпагу, требуя, чтобы я сдался. Я отвечаю, как отвечал бывало Жан Шуан: «Опасности нет!» — и всаживаю кинжал прямо ему в глотку. Он проглотил его, как ложку супа, ей-богу! Взгляните на лезвие, тут еще виден след его зубов.

Графиня. Ах, уберите этот ужасный кинжал! Мне кажется, что он весь в крови.

Граф. Оставим это, мой друг. Речь сейчас о другом. Займемся нашими делами.

Бертран. Когда же в набат будем бить?

Барон де Машикули. В набат? Что вы придумали? А жандармерия, а энский гарнизон?

Маркиз де Малепин. А префект, который нас всех засадит в тюрьму?

Кавалер де Тимбре. Бездельник так и рвется в бой!

Граф де Фьердонжон. Яблоко еще не созрело, приятель.

Бертран. Оно сгниет, черт возьми, а вы так и не посмеете его сорвать.

Граф. Вот наше общество и создано! Чем мы займемся на первых порах?

Продолжительное молчание.

Барон де Машикули. Хорошо бы исподволь обработать умы, чтобы отвлечь их от узурпатора. Вот если бы удалось тайно напечатать мои краткие размышления...

Маркиз де Малепин. Можно напечатать и мою речь...

Граф. И мою тоже, как только она найдется. Не верится, что я ее потерял.

Кавалер де Тимбре. Труднее всего отыскать честного человека, который согласится напечатать все это.

Маркиз де Малепин. В крайнем случае можно распространить рукописный текст.

Граф де Фьердонжон. Да, но наши почерки известны.

Маркиз де Малепин. Если бы госпожа де Турнель взяла на себя труд... Женский почерк не возбудит особых подозрений.

Граф. Побойтесь бога! Почерк моей жены всем известен.

Кавалер де Тимбре. Есть еще одно затруднение: среди здешних жителей мало кто умеет читать.

Все молчат.

Бертран. Выслушайте меня, пожалуйста. Я вижу, мы не двигаемся с места, мало кто из нас расположен сложить голову за правое дело. На ум мне приходит мысль. Я говорю «приходит», но на самом деле она уже давно пришла, так как я часто думал об этом. Я бедный крестьянин, я старею, и уже мало на что пригоден... Однако...

Граф де Фьердонжон. Однако вы прекрасно бьете куропаток, где бы они вам ни попадались.

Бертран. Что правда, то правда, я еще довольно хорошо стреляю. Итак, я подумал: «Надо что-то сделать для правого дела. Наш король не может вернуться, потому что другой занял его место. Меж тем этот, другой,— человек, а не дьявол. Шкура его не крепче дубовой доски, а я видел молодцов, которые ударом ножа насквозь пробивали дубовую доску толщиной в два дюйма».

Граф. Куда вы клоните?

Бертран. Сейчас. Так, значит, я подумал: «Я состарился, но все же кормлю жену и сына. Если я умру, им придется идти с протянутой рукой. Если господа согласны подписать бумагу, что так, мол, и так, после моей смерти они обязуются выплачивать моей семье пенсию в сумме тысяча двести ливров, вот что я обе-

щаю: я еду в Париж; я попытаюсь увидеть императора, и стоит мне подойти к нему на расстояние вытянутой руки, дело будет в шляпе — он убит... Если я промахнусь, то другой сделает то, что я хотел сделать. Меня расстреляют, ладно, но я буду знать: «По крайней мере старуха моя и парень будут сыты».

Граф де Фьердонжон. Черт возьми! Этого вполне достаточно, чтобы расстрелять и всех нас!

Эдуар. Ну и хват! Убить императора! Да он почище испанского монаха!

Барон де Машикули (*графу де Турнель, тихо*). Не шпион ли этот проходимец?

Бертран. Бумага, понятно, будет припрятана в надежном месте. И возьмут ее только после моей смерти.

Графиня. Я боюсь этого человека. Он разбойник, злодей!

Граф. Мой друг! Ваше предложение весьма необычно. Надо слепо доверять вам, чтобы...

Бертран. Кой черт! Вы рискуете все вместе тысячей двумястами ливров, а я рискую головой!

Граф де Фьердонжон. А что, приятель, если по приезде в Париж, вы дадите подкупить себя и все расскажете полиции?..

Маркиз де Малепин. Ведь наше обязательство будет служить уликой против нас!

Бертран. И вы считаете, что я способен вас выдать? Черт! Сейчас вы увидите, господа, что я за человек. (*Расстегивает куртку, вынимает из кожаного мешочка, висящего на груди, письмо и бросает его на стол.*) Прочтите эту бумагу, вы народ грамотный, прочтите!

Эдуар. Бумага немного засалилась, но плевать. (*Читает.*) «Мы, нижеподписавшиеся, дивизионный генерал королевской армии, свидетельствуем для всех, кого это может интересовать, что майор нашей армии Жозеф Бертран, по прозвищу Бесстрашный, всегда поступал мужественно и честно, в каких бы обстоятельствах он ни находился. Его храбрость и верность выше всяких похвал. В удостоверение сего мы и выдали ему настоящее свидетельство, надеясь, что оно ему пригодится.

Подписано: Анри де Ла Рошжаклен.

Главная квартира в С... 179... г.».

Бертран. Кто из вас может показать бумагу, подписанную порядочным человеком, который отвечает за вашу честь и верность?

Графиня (смогрит в окно). Что я вижу! Боже милосердный!

Граф. Что такое?.. Опять паук?

Эдуар. Конный жандарм въезжает во двор.

Все (вскакивают). Жандарм!

Граф. Мы раскрыты! Погибли!

Барон де Машикули. Де Турнель... Сударыня!.. Спрячьте нас!.. Помогите нам бежать... Вы отвечаете за нас! Мы в вашем доме!

Графиня. Что делать?

Граф де Фьердонжон. Вы должны засвидетельствовать прежде всего, что я пришел сюда против воли, ровно ничего не зная обо всех этих делах.

Барон де Машикули, маркиз де Малепин и кавалер де Тимбре. И я! И я!

Граф. Напротив, это вы меня совратили, завлекли! Ваши речи подтверждают это.

Все. Проклятые речи! (Рвут их и бросают в огонь.)

Графиня. Эдуар! Не покидайте меня!

Бертран. Вы говорите, жандарм один? Опасности нет.

Граф. Я вижу еще одного у парадной двери. Дом оцеплен.

Все. Оцеплен!

Эдуар. Откуда вы взяли, что жандарм приехал вас арестовать? Это вестовой...

Барон де Машикули. Да, вестовой префекта с приказом арестовать нас.

Бертран. У меня двустволка. Опасности нет, как говорил Жан Шуан.

Графиня. Через эту дверку вы выйдете в сад. Вот ключ от калитки, только бы ее не охраняли. Поклянемся друг другу не выдавать сообщников!

Граф де Фьердонжон. Давайте, давайте же ключ!

Граф де Фьердонжон, барон де Машикули, кавалер де Тимбре и маркиз де Малепин уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи,
граф де Турнель, Бертран.

Графиня (*графу, который тоже хочет бежать*). Куда вы? Оставайтесь! Вы не можете, вы не должны уходить!..

Эдуар. Вы зря кипятитесь, кузина...

Графиня (*Эдуару*). Поговорите с этим солдатом, ваши эполеты произведут впечатление.

Бертран (*разглядывая курок ружья, говорит своей собаке*). Тубо, Медор! Тубо, сынок!

Графиня. Ради бога, Бесстрашный, не проливайте здесь крови! Я не переживу этого.

Бертран (*холодно*). Я выстрелю только по вашему знаку.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Господин де Турнель? Я не ошибся? Письмо от господина префекта.

Эдуар. Давайте сюда. Возьмите, кузина.

Жандарм. Распишитесь, пожалуйста, в получении. И поставьте время.

Графиня (*графу*). Распишитесь, мой друг. Эдуар! Предложите стакан вина вестовому, — ему, наверно, хочется пить после быстрой езды.

Эдуар (*наливает вина жандарму*). Небось, у вас в части не найдешь такого винца!

Жандарм. Понятно, нет, господин лейтенант. (*Пьет.*) Разрешите откланяться, сударь, сударыня и вся честная компания... А вот и Бесстрашный. Будьте осторожны, папаша, бригадир сказал, что посадит вас под арест, если еще раз поймает на охоте без разрешения.

Бертран. Опасности нет.

Граф (*жандарму*). Вот расписка.

Жандарм. Премного благодарен за угощение, сударыня. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи,
граф де Турнель, Бертран.

Граф (*графине*). Вскройте письмо... Я не решаюсь его прочесть.

Графиня (*вскрывает письмо и пробегает его глазами*). Боже!

Граф (*дрожа*). О!

Графиня. Глазам своим не верю!.. Вы назначены камергером при особе императрицы.

Граф. Правда? Какое счастье!

Графиня (*холодно*). И без всякого ходатайства с вашей стороны.

Эдуар громко хохочет

Граф (*тихо*). Что мы наделали? Какое преступное заблуждение!..

Графиня. Тсс! Забудем о сегодняшнем дне. Бертран, мой друг! Заходите к нам время от времени... Не стесняйтесь охотиться на наших землях... и... вот возьмите на новый чепчик для вашей жены. (*Предлагает ему денег.*)

Бертран. Моей жене не нужны чепчики.

Графиня. Можете рассчитывать на наше молчание.

Бертран (*с презрительной усмешкой*). Я вижу, что вы скорее рассчитываете на мое.

Графиня. Да, дорогой Бертран, рассчитываю... Неужели вы хотели бы...

Бертран. И правильно делаете... Что там ни говори, а лучше всего охотиться на куропаток. Честь имею, господа. Сюда. Медор! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Графиня де Турнель, Эдуар де Нанжи,
граф де Турнель.

Эдуар (*кричит в окно*). Эй, эй, господа! Добрые вести! Тревога оказалась ложной!.. Возвращайтесь... Ха, ха, ха! Кто-то из них попал в пруд... Он весь в грязи!.. Возвращайтесь! Возвращайтесь! Кузина! Вы окажете мне протекцию при дворе; вы расскажете импера-

тору о любви и уважении, которые я издавна к нему питаю.

Графиня. Эдуар!

Граф. Что им сказать?

Графиня. Положитесь на меня.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, барон де Машикули, граф де Фьердонжон, маркиз де Малепин и кавалер де Тимбре.

Граф де Фьердонжон вымок, весь в грязи.

Граф де Фьердонжон. Проклятый дом! Теперь я не разделаюсь с ревматизмом до конца жизни. Итак, опасность миновала?

Графиня (*графу де Фьердонжону*). Что с вами, сударь!..

Барон де Машикули. Он так торопился, что упал в пруд, а ключ, который он держал в руках, остался на дне. Иначе мы уже были бы далеко. Но я не вижу Бертрана. Его арестовали жандармы?

Графиня. Нет, но мы получили вести, и притом весьма дурные,— они нарушают все наши планы.

Граф де Фьердонжон. Ну, если дело только в этом!..

Графиня. На нас обрушился неожиданный удар: мы должны немедленно ехать в Париж. Мой муж назначен камергером при особе императрицы. Отказавшись от этого назначения, он скомпрометировал бы себя и своих друзей, вот почему...

Эдуар. Он соглашается, он жертвует собой! Посмотрите, как удручен бедный кузен!

Граф де Фьердонжон (*в сторону*). Камергер при особе императрицы! Превосходное положение. (*Громко.*) Не найдется ли у вас чего-нибудь, чтобы я мог переодеться. (*Уходит.*)

Барон де Машикули. Я вижу, мне больше здесь нечего делать. (*Уходит.*)

Графиня (*проводит его*). Прощайте, барон! Надеюсь, мы увидимся с вами в более счастливые времена.

Кавалер де Тимбре (графу). Мой сын скоро призывается. Он учится в Париже. Это превосходный юноша! Не мог ли бы он воспользоваться вашим влиянием, чтобы... (Что-то говорит ему на ухо.)

Маркиз де Малепин. Вы съедете в Париж? Смою ли я надеяться, что вы замолвите словечко министру юстиции относительно моего проклятого судебного процесса... (Что-то говорит ему на ухо.)

Граф. Будьте спокойны, дорогие друзья, я вас не забуду... и если когда-нибудь... Ах!.. Прощайте, добрые мои друзья!

Маркиз и кавалер уходят.

Эдуар. Когда же вы возьметесь за мое перевоспитание, кузина?

Графиня. Положитесь на меня. Я хочу, чтобы самое большее через два месяца вы были капитаном императорской гвардии. (Графу.) Мой друг! Вам надо завтра же ехать в Париж и поблагодарить его величество за оказанную милость... Я последую за вами, как только будет готов мой придворный наряд. Эдуар отвезет меня в Париж.

Эдуар. Да, кузина, отвезу... (В сторону.) И не как-нибудь, а с барабанным боем.

ПИСЬМА МЕРИМЕ

Мериме в отличие от Стендаля не оставил автобиографических произведений, он почти не вел дневников, его записные книжки не сохранились. Подлинный облик Мериме-человека раскрывается в его обширнейшей переписке (в настоящее время известно уже более пяти тысяч его писем), недаром восхитившей Анатоля Франса, который разглядел за «внешней холодностью» ее автора «своеобразное душевное благородство».

Действительно, уже при жизни писателя о нем сложилось мнение, как о человеке циничном, холодном и скептическом. Между прочим, именно таким воспринял его Тургенев при их первой встрече. Затем, узнав его ближе, Тургенев резко изменил свое мнение; впоследствии он писал: «Про Мериме весьма справедливо сказал Э. Ожье, что он был «лже-эгоист» — как бывают «лже-добродушные люди». Под наружным равнодушием и холодом он скрывал самое любящее сердце; друзьям своим он был неизменно предан до конца; в несчастии же еще сильнее прилеплялся к ним, даже когда это несчастье было не совсем незаслуженное... Кто его знал, тот никогда не забудет его остроумного, неназойливого, на старинный французский лад, изящного разговора. Я не знал также человека менее тщеславного: Мериме был единственный француз, не носивший в петличке розетки Почетного легиона (он был командором этого ордена). В нем с годами все более и более развивалось то полунасмешливое, полусочувственное, в сущности глубоко гуманное воззрение на жизнь, которое свойственно скептическим, но добрым умам, тщательно и постоянно изучавшим людские нравы, их слабости и страсти».

Мериме умел дружить, и большая часть его переписки — это письма к друзьям: Стендалю, Делакруа, Амперу, Соболевскому. Среди его корреспондентов немало женщин; он умел быть с ними откровенным, умел быть самим собой — не только холодным скептиком, но и человеком увлекающимся, взволнованным, страстным.

У писем Мериме есть одна особенность: мы почти ничего не узнаём из них о его собственном творчестве, о создании им того или иного произведения (исключение составляет лишь известное письмо Мериме к Соболевскому о сборнике «Гузла»): чрезвы-

чайно скромный и нетщеславный, Мериме не любил говорить о себе. В то же время он порой слишком высоко отзывался о произведениях других авторов, которые, быть может, того и не заслуживали,— о пьесах Ожье или Понсара, о книгах Ремюза или г-жи д'Арбувиль.

Страстный путешественник, Мериме много писем написал в дороге. Многие из этих писем можно поставить рядом с его художественными произведениями — столько в них литературного мастерства, бегло намеченных пейзажных зарисовок, метко схваченных деталей, несколькими штрихами созданных характеров и типов. Когда же он оставался дома, его письма следовали за путешествующим другом; Мериме советует, что смотреть в тех городах, в которых бывал когда-то сам, жадно спрашивает о тех, которые не видел.

Художественные, исторические, литературные интересы Мериме отразились в его переписке достаточно полно. Только из его писем можно узнать о многосторонности и глубине его интереса к России и ее культуре, о широте и многообразии его русских связей. Трудно перечислить всех его русских корреспондентов. Среди них К. К. Лабенский, С. А. Соболевский, А. И. Тургенев, В. И. Дубенская-Лагрене, С. Г. Строганов, А. С. Хлюстина, Л. С. Пушкин, И. С. Тургенев, М. П. Погодин, Е. П. Ростопчина, К. Н. Леонтьев, Н. Г. Устрялов, А. Д. Лонгинова.

В литературном отношении особенно важна его двенадцатилетняя переписка с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Хотя письма Тургенева погибли, 95 писем Мериме к нему достаточно полно раскрывают характер их взаимоотношений, их литературные споры, их помощь друг другу. Эти письма Мериме ценны еще и потому, что они являются единственным источником, позволяющим нам судить о неосуществленном замысле Тургенева — его историческом романе о Никите Пустосвяте.

Мериме редко выступал как литературный критик, к концу жизни он вообще писал очень мало. Поэтому лишь по его письмам можно проследить эволюцию его литературных взглядов, лишь из писем мы знаем о глубоко критическом отношении писателя к литературе периода Второй Империи. Видя мельчание идей и тем, бесплодные поиски ложной красоты, характерные для многих произведений той эпохи, Мериме противопоставлял глубокому упадку французской буржуазной культуры здоровые реалистические традиции русской литературы, пропагандистом которой он не переставал быть до конца своей жизни.

В переписке Мериме отразилась не только его собственная жизнь; мы находим в его письмах картину сложной, противоречивой эпохи — столетия французской жизни, начиная с монархии Людовика XVIII и кончая закатом империи Наполеона III. Борьба политических партий, революционные выступления народных масс, военные столкновения государств, философские и литературные течения эпохи, театральные премьеры и художественные выставки, новые научные открытия и прогресс техники — все это в той или иной мере запечатлелось в переписке Мериме, которая во всем своем объеме может служить своеобразной энциклопедией французской жизни с 1821 по 1870 год.

Отдельные письма Мериме стали публиковаться в печати еще при жизни писателя. Одним из первых это сделал Пушкин, напечатав письмо Мериме к Соболевскому в своем предисловии к «Песням западных славян». Вскоре же после смерти Мериме — в конце 1873 года — появляются первые два томика его писем — знаменитые «Письма к Незнакомке». Это была его переписка с Женни Дакен. Еще через два года другая его приятельница, польская аристократка Лиза Пшедзецкая публикует том адресованных ей писем автора «Кармен» («Письма к другой Незнакомке»). В 1881 году публикуется переписка Мериме с Паницци, затем печатаются письма к госпоже де ла Рошжаклен (1896), к Стендалю (1898), семье Дубенских-Лагрене (1904), к Соболевскому (1928), Виоле-ле-Дюку (1927), госпоже Монтихо (1930) и т. д. Наконец, в 1941 году Морис Партюрье, крупнейший современный знаток жизни и творчества Мериме, выпускает первый том полного собрания писем писателя. В 1961 году, с выходом последнего — шестнадцатого — тома это монументальное издание было завершено. Это не значит, конечно, что теперь нам известны все письма Мериме: многие из них еще бродят по свету, многие еще нуждаются в проверке по автографам, так как старые публикаторы (в частности, Женни Дакен) сделали в письмах обширнейшие купюры. Однако это не умаляет значения издания Партюрье.

На русском языке была полностью опубликована переписка Мериме с Соболевским (1928) и с семьей Лагрене (1937), печатались отдельные письма к Женни Дакен и И. С. Тургеневу. Большинство писем, собранных в этом томе, публикуется на русском языке впервые.

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА

№ 1. *Линге, Жан-Луи-Жозеф* (1791—1851) — французский журналист и педагог; издавал роялистскую газету «Зеленый карлик», сотрудничал в «Ревю де Пари» и в «Тан». Приятель Стендаля, Линге познакомил его летом 1822 года с Мериме. В кружке Линге обсуждались первые литературные опыты Мериме.

«*Кромвель*» — первое, не дошедшее до нас произведение Мериме. Автор прочел его своим друзьям (Стендалю, Амперу и др.) у Виоле-ле-Дюка зимой 1822—1823 года.

Аталия (или *Гофолия*) — героиня одноименной трагедии Расина (1691).

Людлов, Эдмонд (1617—1692) — английский политический деятель, республиканец, один из судей Карла I.

Атеней — парижское учебное заведение, открытое в 1821 году.

Ренье — врач, знакомый Мериме.

№ 2. *...поручение.* — Мериме, работавший над пьесой «Испанцы в Дании», собирал необходимые ему исторические сведения.

Делиль, Жак (1738—1813) — французский поэт-классик, переводчик Вергилия и Мильтона. Мериме имеет в виду одну из длинных описательных поэм Делиля («Сады», «Житель полей», «Три царства природы» и др.), состоящих из разнообразнейших эпизодов, часто ничем не связанных между собой.

Я начал также работу над романом... — Речь идет о незавершенном, точнее лишь начатом, совместном произведении Мериме и маркиза де Варена (1801—1863). Сохранившийся отрывок романа был опубликован лишь в 1937 году.

...взятие Памплоны. — Этот город был взят 17 сентября французскими войсками, посланными для оказания поддержки королю Фердинанду VII и подавления испанской революции.

Лористон, Жак (1768—1828) — французский генерал.

Принц генералиссимус — герцог Ангулемский, один из сыновей короля.

Мисс Райт — американка, борец за свободу негров.

№ 3. ... *Ваш прелестный маленький памфлет...* — Мериме пишет о втором литературном манифесте-памфлете Стендаля «Расин и Шекспир», появившемся в марте 1825 года.

Ансло, Жак-Арсен-Франсуа Поликарп (1794—1854) — французский писатель-драматург, приятель Стендаля и Мериме, хозяин популярного в Париже в 20-е годы литературного салона.

Маршанжи, Луи-Антуан (1782—1826) — французский политический деятель и литератор, автор восьмитомной «Поэтической Галлии», характерного образца напыщенного стиля.

№ 4. *Эдвардс, Вильям-Фредерик* (1777—1842) — английский врач и общественный деятель; долгие годы жил во Франции, где с ним и познакомился Мериме.

Стихотворная цитата — из комедии Мольера «Ученые женщины» (д. III, явл. 3). Перевод М. Тумповской.

Герцог Стритилис — одна из кличек Стендаля.

Марест, Аполинер-Луи-Адольф (1784—1867) — близкий друг Стендаля и Мериме. Правительственный чиновник, Марест был завсегдатаем парижских литературных салонов и кафе, постоянным участником вечеринок с молоденькими актрисами, устраиваемых Стендалем, Мюссе, Делакура и их друзьями.

№ 5. *Стапфер, Фредерик-Альбер-Александр* (1802—1892) — французский журналист и переводчик (в частности, переводчик Гёте), близкий друг Стендаля, Делакура и Мериме. Его перевод «Фауста» вышел в 1828 году с литографиями Делакура.

...за статью Гёте. — Речь идет о рецензии Гёте на книгу Мериме «Гузла».

...замечания в «Глоб» — анонимная статья в номере от 29 сентября 1827 года.

Дефокомпре, Огюст-Жан-Батист (1767—1843) — французский писатель и переводчик, автор посредственных исторических романов и бесчисленных переводов произведений Вальтера Скотта и Фенимора Купера.

Я пишу плохой роман... — «Хронику царствования Карла IX».

...с одним русским... — очевидно, с Николаем Александровичем Мельгуновым (1804—1867), писателем, критиком и публицистом, с которым Мериме познакомился незадолго перед тем в салоне Ансло. Поликарп Ансло совершил в 1826 году путешествие в Россию, и у него в доме постоянно бывали русские.

«Клари» — опера Фроменталья Алеви (1799—1862); ее первое исполнение состоялось в Париже 9 декабря 1828 года.

Малибран, Мария-Фелисия Гарсия (1808—1836) — популярная в те годы оперная певица.

Вите, Людовик (1802—1873) — французский писатель и политический деятель, автор ряда романтических драм на исторические сюжеты; Мериме переписывался с ним в бытность свою инспектором исторических памятников. Вите расхваливал Малибран в театральных рецензиях.

Джудитта, то есть Джудитта Паста (1798—1865) — известная певица и близкий друг Стендаля и Мериме.

Курье, Поль-Луи де Мере (1772—1825) — французский журналист-демократ и ученый-эллинист. Его письма были опубликованы в 1828 году.

Махмуд (1785—1839) — турецкий султан с 1809 года; речь идет о русско-турецкой войне 1828—1829 годов, закончившейся Адрианопольским миром.

№ 6. *Шарп, Сюттон (1797—1843)* — английский адвокат, близкий друг Стендаля и семьи Кювье, у которых с ним познакомился Мериме.

Лабенский, Ксаверий Ксавериевич (1800—1855) — русский дипломат и поэт-любитель.

Мадмуазель Софи — Антуанетта-Софи-Лора Дювосель (1789—1867), близкая знакомая Стендаля и Мериме.

Скьясетти, Фортуната — мать известной итальянской певицы Аделаиды Скьясетти.

...Беранже осужден на девять месяцев тюрьмы... — Великий французский поэт был приговорен 10 декабря 1828 года после выхода своих «Неизданных песен» за «оскорбление нравственности, морали, религиозного чувства и личности короля» к девяти месяцам тюремного заключения и штрафу в 10 тысяч франков.

Жерар, Франсуа (1770—1837) — французский художник-баталист, ученик Давида; хозяин популярного салона, где часто бывали Стендаль и Мериме.

Ансилла — кличка Виржини Ансло (1792—1875), французской писательницы и хозяйки литературного салона, жены Поликарпа Ансло. В ее салоне часто встречались Мериме, Стендаль и А. И. Тургенев.

Оже, Луи-Симон (1772—1829) — французский писатель-классик, идейный противник Стендаля и молодой группы романтиков.

№ 7. Мериме поддерживал дружеские отношения с Виктором Гюго в конце 20-х и начале 30-х годов; затем их пути разошлись.

Тургенев, Александр Иванович (1785—1846) — русский историк и публицист, брат декабриста Николая Тургенева, друг Пушкина, Жуковского, Карамзина, Стендаля, Мериме.

...все уже роздано. — Мериме просит о билете на первое представление пьесы Гюго «Эрнани», которое состоялось 25 февраля 1830 года.

№ 8. *Кореф, Фердинанд (1783—1851)* — немецкий врач, постоянно живший в Париже, знакомый Стендаля, Мериме, Соболевского и Гофмана.

№ 9. *...сочинил этот рассказ для Вас.* — Речь идет о новелле «Этрусская ваза».

«История короля Богемии» — книга Шарля Нодье (1830); ее иллюстрировал французский художник Тони Жоано (1803—1852).

№ 10. *...я не тронусь в путь...* — Мериме собирался в путешествие по Испании; он выехал из Парижа 27 июня.

1572 — то есть «Хроники царствования Карла IX».

№ 11. *При первых же известиях...* — Мериме имеет в виду первые газетные сообщения о французской революции 1830 года (восстание в Париже произошло 27—29 июля).

Я уже начал писать о Мадридском музее...— См. это «Письмо из Испании» в томе I настоящего издания.

Маршал Сульт оставил здесь много сокровищ...— Наполеоновский маршал Сульт (1769—1851) вывез из Испании в качестве военной добычи много художественных ценностей.

Аппер — известный филантроп, немало сделавший для облегчения участи заключенных.

«Брак по расчету» — пьеса Скриба (1826).

Его католическое величество — испанский король Фердинанд VII (1784—1833).

№ 12. *«Атар Гюль»* — ранняя приключенческая повесть Эжена Сю, вышедшая в 1832 году.

№ 13. *Граф д'Аргу*, Антуан-Аполинер-Морис (1782—1858) — французский государственный деятель; Мериме одно время служил в его канцелярии.

Талейран-Перигор, Шарль-Морис (1754—1838) в 30-е годы был послом Франции в Лондоне.

Амлен, Фортюне (1776—1851) — возлюбленная Шатобриана.

Шактас — герой книги Шатобриана «Атала».

Бердет, Френсис (1770—1844) — английский политический деятель.

Пургон — персонаж комедии Мольера «Мнимый больной».

Кабе, Этьен (1788—1856) — французский социалист-утопист, автор утопического романа «Путешествие в Икарию».

...в годовщину смерти Карла I.— Английский король Карл I был казнен 30 января 1649 года.

Деказ, Эли (1780—1860) — французский государственный деятель, знакомый семьи Мериме.

№ 14. *Дакен*, Жанна-Франсуаза (1811—1895) — близкая знакомая Мериме. В 1832 году она прислала писателю свои иллюстрации к «Хронике царствования Карла IX», выдав себя за англичанку; в июле 1832 года между ними возникла бурная переписка. Вначале Мериме поверил, что его корреспондентка — начинающая английская художница, затем, по мере развития переписки, он заподозрил мистификацию и стал просить о свидании. Их первая встреча произошла в декабре 1832 года на севере Франции, в Булонь-сюр-Мер. Мериме переписывался с Женни Дакеи до последнего дня своей жизни.

...с моим старым дядей...— Мериме имеет в виду брата своей матери Поля Моро, преподавателя рисования в Авалоне.

№ 15. Печатается с небольшими сокращениями.

Соболевский, Сергей Александрович (1803—1870) — русский поэт-любитель и библиофил, близкий друг Пушкина. В начале 30-х годов он сблизился с Мериме, с которым затем постоянно переписывался и встречался. Их переписка по непонятным для нас причинам прервалась после 1863 года. Это письмо Мериме о работе над «Гузлой» Соболевский передал Пушкину, и тот включил его в предисловие к своим «Песням западных славян».

...одного моего друга...— Ж. Ж. Ампера,

Фонтане, Антуан (1803—1837) — французский литератор и путешественник. Свои заметки о поездке по Испании он выпустил в 1835 году под псевдонимом Лорд Филинг.

...моих испанских друзей... — Мериме имеет в виду семью Монтихо.

Бюшон, Жан-Александр (1791—1846) — французский историк, близкий друг Мериме и Стендаля.

№ 16. *В этом предисловии...* — Речь идет о предисловии к книге Стендаля «Воспоминания о Наполеоне».

...в защиту нынешнего положения дел. — Мериме имеет в виду следующие слова Стендаля: «Я желаю сохранения в полной неприкосновенности того, что есть». Эти слова Стендаль написал, опасаясь цензурной расправы со своей книгой.

№ 17. **Тьерри, Огюстен (1795—1856)** — французский историк, автор работ по средневековой истории Франции.

Монталиве, Камиль (1801—1880) — французский государственный деятель, министр Луи-Филиппа; один из начальников Мериме. Сохранилась их обширная деловая переписка.

Вату, Жан (1791—1848) — французский библиограф и историк, один из коллег Мериме по «Комитету исторических памятников».

Бельджойозо, Кристина (1808—1872) — итальянская патриотка, публицист и общественный деятель, хозяйка популярного парижского салона, в котором собирались итальянские эмигранты.

Кузен, Виктор (1792—1867) — французский философ, создатель так называемой «эклектической школы». Знакомый Стендаля и Мериме.

Минье, Огюст (1796—1884) — французский историк, частый посетитель салона принцессы Бельджойозо.

Д'Арагон, Шарль-Франсуа-Арман (1812—1848) — французский политический деятель, родственник принцессы Бельджойозо.

Мартен д'Уази, Феликс (1795—1878) — французский журналист.

№ 18. **Рекьен, Эспри (1788—1851)** — французский натуралист и археолог. Мериме встречался с ним во время своих поездок по югу Франции, а находясь в Париже, переписывался с ним.

...от кедра до иссопа... — выражение из Библии, где оно применено к богу в том смысле, что богу все подвластно — от кедра до иссопа, то есть от великого до ничтожного.

Бомилькар (ум. 308 до н. э.) — карфагенский полководец; пытался захватить власть в городе, но был схвачен и казнен.

Гискон (ум. ок. 239 до н. э.) — карфагенский военачальник, участник первой Пунической войны; убит своими солдатами.

...и-на Жерома Р. — Мериме имеет в виду Жерома Роккасера, землевладельца из Сартене.

Коломба Бартоли (1775—1861) — прототип героини новеллы Мериме.

Моргана — фея, постоянный персонаж средневековых рыцарских романов. В действительности дочь Коломбы звали Катериной.

№ 19. **Камбиз, Анри-Франсуа-Мари (1810—1847)** — фран-

цузский общественный деятель, сын маркиза де Камбиза (1781—1860), пэра Франции.

Одистер — один из знакомых Мериме.

№ 20. *Монтихо*, Мария-Мануэла Киркпатрик (1794—1879) — жена испанского генерала Киприана-Гусмана Палафокса (1784—1839). Мериме сблизился с этой семьей во время своего путешествия по Испании в 1830 году, затем переписывался и встречался с ее членами, не раз гостил у них в Испании. Младшая дочь г-жи Монтихо Евгения (1826—1920) в 1853 году вышла замуж за Наполеона III. Благодаря давним дружеским отношениям с Евгенией Мериме был своим человеком в императорской семье, что тяготило его и ставило в двусмысленное положение.

Пака — старшая дочь г-жи Монтихо Мария-Франсиска (1825—1860); в 1844 году вышла замуж за герцога Альбу.

Караванчель — имение семьи Монтихо под Мадридом.

Лукас де Грасья-и-Гутьерес — управляющий имением семьи Монтихо.

Феррер, Хоакин-Мария (1777—1861) — испанский политический деятель и министр, активный участник испанской революции 1840 года; вошел в кабинет Эспартеро как государственный министр.

М-ль Альвир, Канделария — англичанка, дочь приятельницы г-жи Монтихо.

М-ль Комин — одна из гостий г-жи Монтихо.

Таранко — знакомый г-жи Монтихо.

№ 21. *Конти*, Этьен-Шарль (1812—1872) — корсиканский адвокат и археолог; Мериме познакомился с ним во время путешествия по Корсике в августе 1840 года.

Одна дама... — г-жа Делесер.

Эспартеро, Бальдомеро (1793—1879) — испанский государственный деятель, глава прогрессивной партии, сторонник конституции. Возглавил либеральную оппозицию против регентши Марии-Кристины, а после ее бегства был избран регентом Испании (1841—1843). Затем был свергнут и бежал в Англию. В 1854 году вновь возглавил правительство.

Карлисты — то есть сторонники дона Карлоса, брата умершего испанского короля Фердинанда VII.

Бертодано — друг семьи Монтихо.

№ 22. *Грасе*, Эдуар (1802—1865) — французский дипломат, один из друзей Мериме, с которым тот был особенно близок в молодости.

Фавье, Шарль-Никола (1782—1855) — французский генерал, участник войны греков за независимость.

Тери — парижский банкир.

Ленорман, Шарль (1802—1859) — археолог и искусствовед, коллега Мериме по «Комитету исторических памятников». Сохранилась их обширная деловая переписка, в основном затрагивающая вопросы археологии и архитектуры.

Ризос, Якобос-Нерулос (1778—1850) — греческий ученый, поэт и государственный деятель, автор комедии «Коракистика» (1812), высмеивающей уличный жаргон и жаргон академических кругов,

...из Юлия Цезаря.— В это время Мериме работал над своими книгами по истории Древнего Рима («Гражданская война» и «Заговор Катлины») и пользовался любым случаем, чтобы получить необходимые ему сведения.

№ 23. *Орканья, Андреа* (ок. 1308 — ок. 1368) — итальянский скульптор, архитектор и живописец флорентийской школы. Наиболее известные его произведения — алтарный образ в церкви Санта-Мария Новелла и фреска «Триумф смерти» в Санта-Кроче (Флоренция). Принадлежность ему росписей в пизанском Кампо Санто в настоящее время оспаривается.

Vergonzoso (Стыдливый).— Мериме имеет в виду одну из частей грандиозной фрески пизанского Кампо Санто, выполненной Беноччо Гоццолли (1420—1497) на темы из Ветхого завета.

Буччи, Донато — антиквар из Чивита-Веккья, друг Стендаля.

Бонуччи, Карло (1799—1870) — итальянский археолог, с которым Мериме познакомился в 1841 году во время путешествия по Италии.

№ 24. *Дасье, Анна* (1647—1720) — французская эллинистка, переводчица «Илиады» и «Одиссеи».

«*Феаген и Хариклея*» (или «Эфиопика») — пасторальный роман древнегреческого писателя III века н. э. Гелиодора.

«*Дафнис и Хлоя*» — пасторальный роман греческого писателя Лонга (IV век н. э.).

Полибий (ок. 210 — ок. 125 до н. э.) — древнегреческий историк.

№ 25. ...*Вашему брату...*— Луи Дакену (1820—1861), студенту Политехнической школы в Париже.

Персиани, Фанни (1812—1867) — итальянская певица, дебютировавшая в Париже в декабре 1842 года.

...*моего Давида...*— намек на библейскую легенду о царе Сауле, которого сменил на троне его зять Давид.

Рашель — сценический псевдоним известной французской трагической актрисы Элизы-Рашели Фелнкс (1821—1858).

«*Эсфирь*» — трагедия Расина (1689).

Делавинь, Казмир (1793—1843) — второстепенный французский драматург и поэт, предшественник романтизма.

№ 26. *Гиро, Пьер-Мари-Александр* (1788—1847) — французский литератор, член академии.

...*прекрасную книгу...*— поэму Гиро «Монастырь Вильморен».

Канигу — гора в Русильоне.

№ 27. ...*во времена Перикла...* — то есть в V веке до н. э.

№ 28. ...*фейерверк.*— Мериме имеет в виду праздник по случаю дня рождения короля.

№ 29. ...*уже трое ждут...*— Мериме имеет в виду трех скончавшихся членов Французской академии: Франсуа-Никола Кампена (24 ноября 1843), Казимира Делавинья (11 декабря 1843) и Шарля Нодье (27 января 1844).

...*против одного друга его величества* — кандидатом в академию был Вату.

Я написал приятную повесть...— Мериме имеет в виду свою повесть «Арсена Гийо».

Валентина — г-жа Делесер (1806—1894), дочь археолога Александра-Луи-Жозефа де Лаборда (1773—1842). Мериме познакомился с ней в начале 30-х годов у графа д'Аргу, и их дружба скоро превратилась в любовную связь, тянувшуюся 15 лет.

Буань, Лунза (1781—1866) — светская дама, хозяйка модного салона, приятельница Мериме, с которой он долгие годы переписывался; оставила мемуары.

Кастелан, Луиза-Корделия (1796—1847) — хозяйка популярного парижского салона, знакомая Гюго, Стендаля и Мериме.

...вдыхающему герцогу — жениху старшей дочери г-жи Монтихо герцогу Альбе.

Валевский, Александр (1810—1868) — французский политический деятель, незаконный сын Наполеона I.

Мартинес де Ла Роса (1787—1862) — испанский дипломат, посол Испании во Франции. Живя в Париже, он часто встречался с французскими писателями (Гюго, Мериме и др.).

№ 30. *Я воспринял это, как большую радость...* — Мериме пишет о своем избрании во Французскую академию 14 марта 1844 года. Он был избран в седьмом туре абсолютным большинством голосов; его соперниками были Казимир Бонжур и Альфред де Виньи. Одновременно с Мериме был избран литературный критик и поэт-романтик Ш.-О. Сент-Бев.

№ 31. *Равиньян* — модный парижский проповедник.

№ 32. *...моя повесть...* — «Арсена Гийо».

Моле, Луи-Матье (1781—1855) — французский политический деятель, одно время министр, член Французской академии.

Сальванди, Нарсис-Ашиль (1795—1856) — французский политический деятель и писатель.

Мицкевич, Адам (1798—1855) — великий польский поэт. В 1844 году он читал в Париже курс лекций по истории славянских литератур.

...одного человека... — Тусена Мишеля, автора антирелигиозной брошюры.

Рамбюто, Клод-Филибер (1781—1869) — французский общественный деятель.

№ 33. **Ремюза, Шарль** (1797—1875) — французский философ и писатель, автор нескольких книг о французском средневековом философе Петре Абеляре; член Французской академии.

...Вы портите людей. — Речь идет о рецензии Ш. Ремюза в газете «Коиститюсьонель» (22 июля) на книгу Мериме «Этюды по римской истории».

...рукопись... — еще не опубликованную работу Ремюза об Абеляре.

№ 34. *...все прошло великолепно.* — В этом письме Мериме рассказывает о своем вступлении в академию и о произнесенной им речи в честь Шарля Нодье, кресло которого он занял.

№ 35. **Асеведо, Жюль** (род. 1795) — французский чиновник, знакомый Мериме.

Педро Жестокий (1334—1369) — король Кастилии. Над книгой о нем Мериме работал в эти годы; оца вышла в 1848 году.

...я сделал свою героиню цыганкой.— Речь идет о новелле «Кармен».

Борроу, Джордж (1803—1881) — английский миссионер и этнограф, автор работ о быте и языке цыган.

№ 36. *Алар, Марк* — французский чиновник, сослуживец Мериме в начале 30-х годов

Ксифре, Хосе — сын приятельницы г-жи Монтихо.

Гизо, Франсуа (1787—1874) — французский государственный деятель и историк, министр Луи-Филиппа.

Лорд Нормэнби — английский посол в Париже.

Монтемолин, Карл (1818—1861) — сын дона Карлоса, претендент на испанский трон.

Convenio.— Речь идет о соглашении, заключенном в городе Бергара 31 августа 1839 года между Эспартеро и Марото, офицером дона Карлоса; по этому соглашению все карлисты, добровольно сложившие оружие, сохраняли свои чины, звания и пр.

Дюпанлу, Феликс-Антуан-Филибер (1802—1878) — французский католический проповедник, епископ Орлеанский.

№ 37. *Делесер, Анри-Эдуар-Александр* (1828—1898) — сын приятельницы Мериме Валентины Делесер. В то время он изучал право. Мериме принимал живейшее участие в судьбе Эдуара, который не без влияния писателя занялся затем журналистикой.

№ 38. Печатается с небольшими сокращениями.

Жоано, Элуа (1770—1851) — французский литератор и ученый.

Муратори, Лодовико-Антонио (1672—1750) и *Орелли, Иоган-Каспар* (1787—1849) — филологи-классики.

...мою заметку...— в приложении к книге «Опыт о гражданской войне» (1841).

№ 39. Печатается с небольшими сокращениями.

№ 40. *Из газет Вы узнаете обо всем.*— Мериме сообщает о начале революционных событий 1848 года в Париже.

№ 41. *Пусть верит иудей Апелла* — цитата из первой сатиры Горация.

№ 42. *...благодарен Вам за диплом.*— Испанская Королевская академия истории наградила Мериме почетным дипломом за его работу «История дона Педро I, короля Кастилии».

№ 43. *Пискатори* — французский политический деятель.

...с улицы Пуатье.— На этой улице помещался комитет, выпускавший предвыборную литературу консервативной партии.

Я в отчаянии от перевода...— В издании произведений Пушкина, о котором идет речь, переводы были сделаны посредственным переводчиком А. Дюпоном.

№ 44. *Лавернь, Луи-Габриэль-Леонс* (1809—1880) — французский журналист и чиновник.

Бюло, Франсуа (1804—1877) — французский публицист, главный редактор «Ревю де де Мوند».

Патен Анри-Жозеф-Гийом (1793—1876) — профессор литературы в Парижском университете.

«Цинна» — трагедия Корнеля (1641).

Барайон, Жан-Франсуа (1743—1816) — археолог; его работа о кельтских памятниках вышла в 1806 году.

№ 45. Печатается с небольшими сокращениями.

Витрувий, Марк (I в. до н. э.) и *Фронтин* — авторы античных трактатов по архитектуре.

Шангарнье, Никола (1793—1877) — французский генерал и государственный деятель, весьма посредственный полководец.

Альберт — Альберт де Брольи (1821—1901), французский политический деятель и историк.

Г-жа де Валон, Жюли-Тереза-Сесиль, рожд. Делесер (1825—1887), сестра Эдуара Делесера; в 1847 году она вышла замуж за историка и публициста Алексиса де Валона (1818—1851).

№ 46. *Лагрене* — Варвара Ивановна Дубенская, жена французского дипломата Мельхиора-Жозефа-Теодо́за де Лагрене (1800—1862). С этой семьей Мериме сблизился около 1841 года и поддерживал дружеские отношения; г-жа Лагрене учила его русскому языку.

«*Гец фон Берлихинген*» — драма Гёте. Мериме ошибается, утверждая, что эта пьеса немецкого поэта оказала влияние на Пушкина.

Четверть часа Рабле — выражение, означающее трудный для человека момент. Происхождение этого выражения следующее: возвращаясь в Париж, Франсуа Рабле был задержан в лионской гостинице, так как у него не было денег, чтобы заплатить хозяину. Тогда писатель разложил в своей комнате маленькие пакетики с надписями: «Яд для короля», «Яд для королевы» и т. д. Он был схвачен и препровожден в столицу. Король Франциск оценил находчивость Рабле.

Осуна, Мариано Тельес (1814—1882) — испанский государственный деятель; двоюродный брат Евгении Монтихо.

Дюшатель, Шарль-Мари Танеги (1802—1867) — французский политический деятель, одно время начальник Мериме в качестве министра внутренних дел, которому подчинялся Комитет исторических памятников.

Паскевич, Иван Федорович (1777—1856) — русский генерал. Речь идет о его участии в подавлении восстания Кошута.

№ 47. Печатается с небольшими сокращениями.

...я перевел повесть Пушкина. — «Пиковая дама» в переводе Мериме была напечатана в «Ревю де де Монд» 15 июля 1849 года.

...прочитать Карамзина... — В данном случае Мериме явно недооценивает роль Н. М. Карамзина и его школы в развитии русской литературы и литературного языка.

Ландрес — Эрнест Клерк де Ландрес (1800—1862), библиотекарь института, приятель Мериме и Соболевского.

Бофаруль, Мануэль (1816—1892) — испанский архивист и библиограф.

Собесский, Ян (1624—1696) — польский полководец, король; в битве под Веной (12 сентября 1683 года) разгромил турецкую армию и спас австрийскую столицу от захвата турками.

№ 49. ...итальянских манускриптов... — Стендаль частично использовал эти рукописи при работе над циклом «Итальянских хроник».

№ 50. *Г-жа де Сиркур* — Анастасия Семеновна Хлюстина

(1808—1863), жена А. де Сиркура, хозяйка модного парижского салона.

...г-н Гоголь...— Мериме работал в это время над своей статьей о Гоголе, которая появилась 15 ноября 1851 года в «Ревю де де Монд». В июле 1853 года Мериме опубликовал свой перевод «Ревизора».

№ 51. Пушкин, Лев Сергеевич (1805—1852) — брат А. С. Пушкина. Мериме познакомился с ним в 1851 году.

Г-н Тургенев — Тургенев, Николай Иванович (1789—1871) — декабрист, политический эмигрант, брат друга Мериме и Стендаля А. И. Тургенева.

«Илиада» — Мериме имеет в виду русский перевод В. А. Жуковского.

...как я заставил человека...— Известная ошибка Мериме в его переводе «Пиковой дамы».

№ 52. Жуанвиль, Франсуа (1818—1900) — французский адмирал и политический деятель; собирался выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах.

...малые жакерии...— то есть крестьянские восстания.

Ливен, Доротея Христофоровна — дочь Бенкендорфа, жена русского посланника в Лондоне князя Ливена.

...историю Димитрия.— Книга Мериме о Лжедмитрии вышла из печати в 1853 году под названием «Эпизод из русской истории. Лжедмитрий».

Г-н Пушкин — то есть Лев Сергеевич Пушкин.

№ 53. Шарьер, Эрнест (1805—1870) — французский литератор и переводчик; десять лет провел в России в качестве домашнего учителя в семье будущего писателя В. А. Соллогуба, оставившего о Шарьере интересные воспоминания.

...Ваш перевод «Записок охотника»...— Книга И. С. Тургенева была переведена Шарьером в 1854 году под произвольным названием «Записки русского дворянина, или Картина современного состояния дворянства и крестьянства в русских провинциях». Тургенев остался очень недоволен переводом Шарьера. 7 (19) августа 1854 года он направил в одну из газет письмо, в котором, в частности, писал: «Что касается до перевода г. Е. Шарриера, по которому судили обо мне, то вряд ли найдется много примеров подобной литературной мистификации. Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, но, право, нельзя себе представить все изменения, вставки, прибавления, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь. Утверждаю, что во всех «Записках русского барина» нет четырех строк, правильно переведенных. Г-н Шарриер в особенности позаботился об украшении моего слога, который должен был показаться ему слишком ничтожным и бедным... Он кроит, режет, изменяет, заставляет меня по произволу плакать, смеяться, подсмеиваться, да и за это-то я наиболее сердит на него; он имеет отвращение от выражений точных, он приделывает напыщенный конец к каждой фразе, импровизирует разного рода размышления, образы, описания и сравнения. Очень может быть, что все эти импровизации прекрасны и в особенности исполнены вкуса, но я спрашиваю у самого г. Шарриера, как он не чувствует, что, прибавляя столько

прекрасных вещей к тексту моего сочинения, он этим самым лишает его единственного достоинства, которое могло бы обратить на него внимание французских читателей, достоинства оригинальности? Я очень благодарен г. Шарриеру за все любезности, которыми наполнено его предисловие, но не странно ли хвалить ум того, кому придал столько всего ума?»

...опубликовать в «Ревю де де Монд»...— Статья Мериме «Крепостное право и русская литература» была напечатана в этом журнале 1 июля 1854 года. В ней Мериме высказал ряд критических замечаний по поводу перевода Шарьера. См. том V настоящего издания.

№ 54. *...в самый день заседания.*— Мериме описывает заседание Антикварного общества Нормандии, на котором он присутствовал 31 июля.

...не слишком плохими стихами...— На заседании было прочтено стихотворение провинциального поэта Альфонса Ле Флаге «Вильгельм Завоеватель».

...которые прочел горбун...— местный антиквар Антуан Шарма (1801—1869).

№ 55. *Сениор, Джейн-Элизабет* (1828—1881) — англичанка, знакомая Мериме; написала несколько работ, посвященных организации школьного дела и проблемам воспитания.

«*Руфь*» — роман английской писательницы Элизабет Гаскелл (1810—1865), вышедший в 1853 году.

Мооль, Мери — жена Юлиуса Мооля (1794—1863), секретаря Азиатического общества.

Из одного вышел довольно плохой поэт...— Мериме имеет в виду воспитанного в семье Монтихо испанского поэта Авелино.

Как живется господину Сениору среди дикарей? — Свекор г-жи Сениор, Вильям Нассау Сениор (1790—1864), находился в это время в Северной Африке.

Джюсбери, Джеральдина Эндсон (1812—1880) — английская писательница; ее роман «Мэриен Уизерс» вышел в 1851 году.

№ 56. *Одна из них умерла десять лет тому назад.*— Речь идет, очевидно, о г-же де Кастелан, умершей в 1847 году.

Другая живет в Испании.— Г-жа де Монтихо.

№ 57. *Ла Рошжаклен, Клер-Луиза-Фелисите* (род. 1798) — светская дама, жена Огюста дю Вержье, графа де Ла Рошжаклена (1805—1867). Во второй половине 50-х годов и в 60-е годы постоянно переписывалась с Мериме.

Чайлд, Милрид Ли (ум. 1856) — американка, хозяйка популярного парижского салона. Мериме был близок с этой семьей. Эдвард Ли Чайлд, сын Милрид Чайлд, оставил интересные записи своих бесед с Мериме, преимущественно на исторические и литературные темы.

...дедом очень злой женщины...— Внучкой французского писателя-протестанта Агриппы д'Обинье была знаменитая маркиза де Ментенон (1635—1719), жена писателя Поля Скаррона (1610—1660), возлюбленная, а затем и тайная жена Людовика XIV, на которого имела неограниченное влияние. По ее, например, ини-

циативе был отменен Нантский эдикт и возобновились преследования протестантов.

«Филоклет» — трагедия Софокла.

Ристори, Аделаида (1821—1906) — итальянская трагическая актриса; с большим успехом выступала во Франции.

Ваши друзья... — то есть «карлисты», сторонники дон Карлоса и его сына, претендовавших на испанский престол. Весной и летом 1855 года они устроили беспорядки, на что и намекает Мериме.

№ 58. ...я начал писать роман... — Это произведение Мериме нам неизвестно.

«Любовь» Бейля. — Мериме имеет в виду книгу Стендаля «О любви» (1822).

...переводчицы Наполеона. — Мериме пишет о сестре мужа г-жи Сениор, Мери-Шарлотте Сениор, выпустившей в 1855—1856 годах свой перевод переписки Наполеона I с его братом Жозефом.

№ 59. ...сестра княгини Марии... — Жена герцога Гамильтона была дочерью великого герцога Баденского Карла-Фредерика.

Ваза, Густав (род. 1799) — австрийский фельдмаршал; был женат на сестре княгини Марии — Луизе-Амелии.

Битва у Бофурелского моста... — Это сражение состоялось 22 июня 1679 года; оно описано в романе Вальтера Скотта «Пуритане» (1816).

Риччо, Давид (ум. 1566) — музыкант, секретарь Марии Стюарт; убит ее врагами.

Делесер — сын приятельницы Мериме Валентины Делесер.

...господину канцлеру... — то есть Этьену Паскье (1767—1862), французскому государственному деятелю, знакомому Мериме.

№ 60. Английская цитата — из «Гамлета» (д. II, явл. 2). Перевод Б. Пастернака.

«Великие полководцы» — одна из книг Брантома.

...только для некой особы — Валентины Делесер. Их связь прервалась в 1853 году.

...переиздания некогда написанного мною вздора. — Мериме в это время готовил переиздание «Театра Клары Гасуль» и «Колумбы».

...беднягу Чайлда... — Семья Чайлдов уезжала в Америку на похороны г-жи Чайлд.

№ 61. ...наконец-то я опять в Париже. — Мериме вернулся в Париж из Ниццы 9 февраля 1857 года.

...некий консул... — Эдуар Грасе.

...любопытную книгу... — Рецензию на эту книгу Мериме напечатал в «Ревю де де Монд» 1 сентября 1853 года.

Брюстер, Дэвид (1781—1868) — английский ученый-физик, занимавшийся главным образом изучением явлений света.

...одного человека... — Мериме намекает на связь г-жи Кастеллан с Моле.

...маленький Самуил... — Мериме имеет в виду один из своих рисунков.

№ 62. Это — первое письмо Мериме И. С. Тургеневу. Они познакомились в конце февраля. Тургенев писал В. П. Боткину 1 марта (и. с.): «Я познакомился здесь со многими людьми, между прочим с Мериме!», — а 7 марта сообщал М. Н. Лонгинову: «Я познакомился со многими литераторами, и с Мериме. Похож на свои сочинения: холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма».

№ 63. Рио, Алексис-Франсуа (1797—1874) — художественный критик и историк искусств, проводивший в своих работах католические идеи.

Лорике, Жан-Никола (1760—1845) — французский историк католического направления.

...моей «академической» победы...— Мериме имеет в виду избрание во Французскую академию драматурга Эмиля Ожье (1820—1889).

...его соперника...— Соперником Ожье был поэт-католик Виктор-Рошар де Лапрад (1812—1883).

Вадиус и Триссотен — комические персонажи из пьесы Мольера «Ученые женщины»; первый из них — педант-ученый, с головой ушедший в латынь и греческий, второй — салонный поэт.

Герцог Ноайский, Поль (1802—1885) — французский историк, член академии.

Фалу, Фредерик (1811—1886) — французский публицист и политический деятель, член академии.

«Шарль Эдуар».— Очевидно, Мериме называет так книгу лорда Стенхопа «Сорок пять», посвященную Карлу Стюарту.

№ 64. Печатается с небольшими сокращениями.

...уезжаю в Манчестер...— Мериме собирался на художественную выставку в Манчестере, отчет о которой он напечатал в газете «Монитор юниверсаль» 9 июля.

Посылая мне птичку...— рисунок.

Энний (239—169 до н. э.) — древнеримский поэт, автор панегирика в стихах своему покровителю Сципиону Африканскому.

...об одном из моих близких друзей...— Речь идет о Ж.-Ж. Ампере. Их поездка по Ближнему Востоку относится к 1841 году.

...величайшего эгоиста своего века...— то есть Шатобриана.

Герен, Гюстав (ум. 1881) — французский провинциальный архитектор.

...висит его портрет...— Этот портрет Рабле написан в 1834 году Эженом Делакруа.

Великий герцог — Карл-Фредерик, великий герцог Баденский.

Княгиня Багратион, Екатерина Павловна, рожд. Скавронская (1783—1857) — жена князя Багратиона, героя Бородинского сражения.

Гернисен, Шарль — парижский торговец и банкир; 19 мая 1857 года он скрылся, объявив себя банкротом.

Хауден, Джон-Хобарт Карадок — английский политический деятель, второй муж княгини Багратион.

Самойлова, Юлия, рожд. Пален — вдова графа Самойлова; в 1848 году вышла замуж за Морне.

Морне, Шарль-Анри-Эдгар (1803—1878) — французский дипломат и общественный деятель, посол Франции в Стокгольме.

Княгиня Рагузская, Анна-Мария-Гортензия, рожд. Перего (1779—1857) — жена маршала Мармона, герцога Рагузского (1774—1852). Очень скоро после свадьбы разошлась с мужем и жила отдельно от него.

Перего, Франсуа-Шарль-Эдуар (1815—1889) — племянник герцогини Рагузской.

Шатри-Лафос, Жак-Альфред Вальберг (1807—1892) — французский дипломат.

...не изучив досконально *Варфоломеевскую ночь*, я писал...— Мериме имеет в виду свое предисловие к «Хронике царствования Карла IX».

№ 65. *Герардо делле Нотте* — итальянский художник эпохи Возрождения.

...как *Манфред*...— Мериме цитирует мистерию Байрона (д. II, явл. 2).

...герцогини *Феррарской — Лукреции Борджа*. Мериме ошибается: ее цвета всегда носил Гастон де Фуа, герцог Немурский.

Верный Слуга — псевдоним автора жизнеописания Баярда.

...верил только в «дважды два = четыре»...— Цитата из комедии Мольера «Дон Жуан» (д. III, явл. I).

Фово, Фелиси (род. ок. 1799) — французский скульптор; ярая роялистка, долго жила в эмиграции.

...баррикады и стрельба из револьверов в *Нью-Йорке*...— Мериме имеет в виду стычку между муниципальной и федеральной полицией.

№ 66. *Лакруа, Поль* (1806—1884) — французский ученый-филолог и библиофил, автор романов и исторических работ.

... в году 1758.— Отец писателя, Леонор Мериме, родился 16 сентября 1757 года; умер 26 сентября 1836 года.

«*Невинность*».— Эта картина Леонора Мериме была выставлена в Салоне в 1791 году.

Басвиль, Югон (ум. 1793) — секретарь французского представительства в Неаполе.

№ 67. ...нет основания считать дело *Италии* безнадежным...— Мериме имеет в виду войну Пармы и Франции против Австрии, а также народные волнения в Парме, Модене, Тоскане и Папской области под влиянием побед над австрийцами.

Письма госпожи дю Дефан.— Мериме в 1867 году написал рецензию на издание ее переписки: см. том V настоящего издания.

№ 68. *Уолпол, Герес* (1717—1797) — английский романист и мемуарист; его переписка занимает несколько десятков томов.

№ 69. Печатается с небольшими сокращениями.

...нашу бедную *Корделию* — г-жу де Кастелан.

...преданности человеку...— графу Луи-Матье Моле (1781—1855), премьер-министру при Луи-Филиппе.

Триптолем — божество земледелия у древних греков.

Воклюзский источник.— Этот источник недалеко от Авиньона был воспет Петrarкой.

Вийет, Шарль-Мишель (1736—1793) — друг Вольтера, присутствовавший при его смерти и получивший на память ряд его вещей.

№ 70. ...над Вашим переводом с казацкого...— Речь идет о книге Марко Вовчок «Украинские народные рассказы», переведенной с украинского на русский И. С. Тургеневым в 1859 году.

...я видел несколько его статей, в которых он отвечает критикам, обвинявшим его в грамматических ошибках.—Мериме, очевидно, пишет о незавершенной статье Пушкина «Возражение на статью «Атеней» (опубликована в 1855), в которой поэт отвечал на статью М. А. Дмитриева. Отдельные положения этой незавершенной статьи Пушкин повторил в примечаниях к «Евгению Онегину».

№ 71. «Ундина» — повесть немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777—1843), написанная в 1811 году. Мериме имеет в виду ее перевод, выполненный В. А. Жуковским.

Солар, Феликс (1811—1870) — французский журналист и библиофил; распродажа книг из его обширнейшей библиотеки состоялась в ноябре и декабре 1860 года. Соболевский был одним из активнейших участников аукциона.

№ 72. *Паликары*: — название греческих солдат-ополченцев в период войны за независимость.

«*Петер Шлемиль*» — фантастическая повесть немецкого писателя-романтика Адельберта Шамиссо (1781—1838), вышедшая в 1814 году.

Бекфорд, Вильям (1759—1844) — англо-французский писатель; его «восточная» повесть «Ватек» была написана в 1782 году.

Гамильтон, Эитони (1646—1720) — французский писатель, ирландец по происхождению.

...нет даты написания «Беппо»...— Эта поэма Байрона написана в 1817 году.

№ 73. ...о нашем поэте...— Мериме сообщает о своей работе над статьей «Александр Пушкин».

Ламене, Фелксите-Робер (1782—1854) — французский публицист и философ, один из проповедников христианского социализма. Его книга «Слова верующего» вышла в 1834 году.

Латинская цитата — из «Поэтического искусства» Горация. Байрон взял ее в качестве эпиграфа к своему «Дон Жуану».

Марко — герой сербского народного эпоса Марко Королевич.

Фульд, Ашиль (1800—1867) — французский политический деятель и финансист, знакомый Мериме.

Трубецкой, Александр Васильевич (1813—1889) — русский офицер и дипломат; в 1852 году женился в Италии на дочери известной танцовщицы Тальони и графа Жильбера де Вуазена; о Лизе Трубецкой (род. 1836) Мериме в те же дни писал г-же де Буань: «Тут у нас княгиня Трубецкая, она очень красива, хотя хрупка, как тростинка, и нежна, как бенгальская роза».

№ 74. ...присланную книгу.—Мериме имеет в виду книгу г-жи Мооль «Госпожа Рекамье и история французского общества» (1862).

Нинон де Ланкло (1620—1705) — хозяйка прославленного литературного салона, известная своим умом и красотой.

Один из моих близких друзей отчаянно влюбился в нее. — Друг детства Мериме Жан-Жак Ампер.

№ 75. ...врагом реализма.— Мериме имеет в виду, конечно, не подлинный реализм, а элементы натурализма, дававшие себя знать в литературе 60-х годов. Отношение писателя к литературе хорошо определил И. С. Тургенев: «...в литературе дорожил правдой и стремился к ней, ненавидел аффектацию и фразу, но чуждался крайностей реализма и требовал выбора, меры, античной законченности формы. Это заставляло его впадать в некоторую сухость и скупость исполнения, и он сам в этом сознавался в те редкие мгновения, когда позволял себе говорить о собственных произведениях».

№ 76. *Булье, Мари-Никола* (1798—1864) — французский философ и историк.

...статью о казаках...— В это время Мериме работал над большой статьей о Богдане Хмельницком, печатавшейся в «Журналь де Саван» в январе — июле 1863 года.

...пьесу... *Ожье*...— Мериме имеет в виду комедию Эмиля Ожье «Сын Жибуайе», премьера которой состоялась в декабре 1862 года.

№ 77. *Элис, Эдвард* (1781—1863) — английский политический деятель, член парламента. Мериме посвятил своему другу некролог в «Ревю де де Монд» (15 октября 1863).

...Лапрада, мечтающего стать дубом.— Намек на одну из од посредственного поэта Виктора де Лапрада.

...на обсуждении адреса...— Мериме имеет в виду одно из очередных заседаний Сената, членом которого он был.

№ 78. *Паницци, Антонио* (1797—1879) — английский библиограф и библиофил, директор Британского музея; друг Мериме.

...наша любезная повелительница... — императрица Евгения.

...любопытная книга... — «Синьора ди Монца» (1855).

«Сезон в Париже» — книга Варвары Дмитриевны Римской-Корсаковой, рожд. Мергасовой (ум. 1877), вышедшая на французском языке в июле 1863 года. Римская-Корсакова жила в Париже, принимала участие в многочисленных светских развлечениях, блистала своей красотой и удивляла всех смелостью нарядов и экстравагантностью поведения. В Париже за ней утвердилась кличка «татарской Венеры».

«Жизнь Иисуса» Ренана.— Эта книга французского историка религии и философа Эрнеста Ренана (1823—1892) вышла в июне 1863 года; в августе она была внесена в индекс запрещенных книг.

№ 79. ...для Вашей дочери.— Мериме имеет в виду предполагавшееся замужество внебрачной дочери И. С. Тургенева Полины (Пелагеи) Ивановны (1842—1919). С 1850 года она жила и воспитывалась в семье Виардо, затем (1854—1859) в частном пансионе. В 1857 году она была юридически признана отцом. В 1860—1863 годах Тургенев жил в Париже с дочерью и ее гувернанткой г-жой Иннис. Полина Тургенева вышла в 1865 году замуж за Гастона Брюэра (1835—1885), управляющего, а затем

владельца стекольной фабрики в Ружмоне. хлопоты по устройству этого брака взяла на себя Валентина Делесер, которой Тургенев писал 11 декабря: «Не могу еще раз не сказать Вам, как я сожалею, что не повидал Вас перед своим отъездом из Парижа. Эти сожаления еще усилились, если это вообще возможно, когда г-н Мериме открыл мне некоторые проекты, в которые Вы намеревались меня посвятить. Узнаю в этом Вашу неизменную доброту к моей дочери и могу лишь от всего сердца Вас за это благодарить».

...из *Вашего призрака*.— Тургенев работал в это время над своим рассказом «Призраки».

Устрялов, Николай Герасимович (1805—1870) — русский историк, занимавшийся преимущественно временем Петра I. На основании его работ Мериме написал серию статей для «Журналь де Саван» (1867—1868) о молодых годах Петра.

№ 80. ...*военные рассказы Толстого*...— Мериме имеет в виду сборник «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого» (1856), куда вошли рассказы «Набег», «Рубка леса» и «Севастопольские рассказы».

№ 81. ...*бракосочетания Вашей дочери*.— Брачный контракт Полины Тургеневой и Гастона Брюэра был подписан в Париже 23 февраля.

...одну прелестную особу — г-жу Делесер.

...о романе, который Вы обдумываете...— Быть может, Мериме имеет в виду замысел романа «Дым» или же неосуществленного Тургеньевым исторического романа о Никите Пустосвяте, суздальском расколоучителе XVII века.

...*Байонских событий 1808 года*...— См. ниже прим. к пьесе «Недовольные».

Лаборд, Леон (1807—1869) — французский историк и археолог, брат г-жи Делесер.

...свою дочь...— Мари (1844—1867), племянницу г-жи Делесер.

№ 82. *Вяземский, Петр Андреевич* (1792—1878) — русский писатель и критик, друг Пушкина. В 1852 году Мериме писал одному из своих знакомых: «Я очень много слышал о князе Вяземском, и все, что мне о нем говорили, заставляет меня мечтать о чести быть ему представленным».

«*Фотография Венеции*».— Эта книга Вяземского вышла в 1863 году.

«*За границею*».— Эта книга Вяземского была издана в Карлсруэ в 1859 году.

№ 83. ...*роман Толстого*...— Речь идет о повести Толстого «Казачи».

Латинская цитата — из «Поэтического искусства» Горация.

«*Жизнь Цезаря*» — работа, автором которой был император Наполеон III.

№ 84. ...*прекрасные пять томов*...— Мериме имеет в виду изданное на русском языке в Карлсруэ (Ф. И. Салаевым) собрание сочинений Тургенева в пяти томах.

...«*Призраки*»...— Тургенев 10(22) октября сообщал А. А. Фету: «Призраки» уже переведены П. Мериме...»

Рейф, Шарль-Филипп — автор популярного, весьма подробного русско-французского словаря в двух томах (1835—1836).

...Глостер у Шекспира...— Мериме цитирует далее хронику Шекспира «Король Ричард III» (д. I, явл. 4), однако приводимые слова произносит не Глостер, а Кларенс. Перевод Б. Лейтина.

Костомаров, Николай Иванович (1817—1885) — русско-украинский историк и поэт. Большинство его работ посвящено истории Украины XVI—XVII веков. Мериме был хорошо знаком с его исследованиями и, по некоторым сведениям, переписывался с ним.

...ни меня...— Мериме имеет в виду свою книгу «Казачьи былые времена» (1863), где восстанию Степана Разина посвящен специальный раздел, ранее опубликованный в «Журналь де Саван» (в июле 1861 года).

Общество друзей славянской литературы.— Так Мериме называет Общество Любителей Российской Словесности, почетным членом которого он был с 1862 года. В протоколах Общества (под датой 21 апреля 1862 года) записано: «В почетные члены принят известный французский писатель, член Французской академии Проспер Мериме — знаток и страстный любитель русского языка и литературы, провозгласивший нашего Пушкина величайшим и первым из современных европейских поэтов».

№ 85. *...идет атака на интеллектуальную собственность...*— Мериме имеет в виду поставленный на обсуждение в Сенате вопрос о свободе преподавания, о его независимости от предписаний церкви.

...«чертовски большим романом».— Речь идет о романе Тургенева «Дым». Писатель работал над ним с ноября 1865 по январь 1867 года.

...«Лоран, примите плеть...».— Мериме цитирует комедию Мольера «Тартюф» (д. III, явл. II). Перевод М. Лозинского.

Я не читал пьесы Понсара.— Мериме имеет в виду пьесу второстепенного французского драматурга Франсуа Понсара (1814—1867) «Влюбленный лев».

«Семейство Бенуатона».— Так называлась одна из пьес Викторьена Сарду (1831—1908), премьера которой (17 ноября 1865) закончилась полным провалом. На фоне этого провала прием публикой пьесы Понсара выглядел как триумф драматурга.

...осталось жить не больше месяца...— Понсар прожил значительно дольше, он скончался 13 июля 1867 года.

Прюдом, Жозеф — сатирический персонаж двух произведений французского писателя Анри Монье (1805—1877) — комедии «Величие и падение господина Прюдома» (1852) и книги «Мемуары Жозефа Прюдома» (1857). Прюдом — тип самодовольного и глупого мелкого буржуа.

...за пьесу Ожье...— Речь идет о пьесе Эмиля Ожье «Зараза».

...хорошенькая наследница двадцати или тридцати миллионов...— Мериме имеет в виду Маргариту-Поль (1847—1903), приемную дочь гамбургского финансиста-миллионера Шарля Гейне.

№ 86. *Вы меня смутили своей похвалой.*— Мериме имеет в виду отзыв Тургенева о его новелле «Голубая комната», рукопись которой он ему послал.

Ваша симпатичная змея...— Очевидно, героиня романа «Дым» Ирина Ратмирова.

Мы, как дети, играем с оружием.— Мериме имеет в виду усиление пропаганды войны в связи с назревавшим конфликтом Франции с Пруссией.

...«так огреют, что своих не узнаешь» — цитата из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (д. II, явл. 5).

Голицын, Августин Петрович (1824—1875) — писатель и переводчик; долго жил в Париже. В 1867 году он перевел на французский язык роман Тургенева «Дым». В конце июня он предложил Тургеневу свои услуги. Тот отвечал ему: «Просьба, с которой вам угодно было обратиться ко мне, очень мне льстит, и я был бы восхищен возможностью печататься в вашем уважаемом журнале. Однако я прошу у вас два-три дня отсрочки для окончательного ответа. У моего друга г. Мериме была одно время мысль перевести этот роман, и он говорил мне об этом; я думаю, что он отказался от этой мысли; но все же мне не хотелось бы давать согласие прежде, чем я буду точно знать о его намерениях. Я напишу ему сегодня же и, как только получу ответ, немедленно сообщу вам о нем». Еще через неделю, обменявшись письмами с Мериме, Тургенев сообщал Голицыну: «Только что я получил письмо от г. П. Мериме. Занятия не позволяют ему приняться за перевод моего романа, но он любезно изъявил готовность просматривать корректуру перевода. Вы, конечно, понимаете, что подобной удачей следует воспользоваться, и если вы не изменили своего намерения, я бы просил вас пересылать г. Мериме исправленную мною здесь в Баден-Бадене корректуру, прежде чем сдавать ее в печать. Само собою разумеется, что я заранее принимаю все его поправки». Первые главы «Дыма» в переводе Голицына были напечатаны во французском журнале «Корреспондан» в номере от 25 июля 1867 года. Корректурные листы перевода Голицын посылал Тургеневу в Баден-Баден, а тот пересылал их Мериме. Однако Голицын часто нарушал этот порядок, что не раз вызывало недовольство Тургенева.

«Смерть Иоанна Грозного» — первая часть драматической трилогии А. К. Толстого. Переведена на французский язык в 1889 году.

№ 87. *Выставка* — всемирная выставка в Париже, открытая 1 апреля 1867 года. Мериме посетил ее 26 апреля.

...о выборах в академию...— Во Французскую академию были избраны адвокат и политический деятель Жюль Фавр (1809—1880) и французский теолог и писатель-моралист Огюст-Жозеф-Альфонс Гатри (1805—1872). Мериме голосовал против них.

Колен, Поль — французский поэт.

Либри-Каруччи, Гийом-Брут-Тимолеон (1803—1869) — известный французский математик и библиофил. Он был обвинен в систематическом хищении ценных книг и рукописей из различных библиотек и, боясь преследований, скрылся за границу. Мериме выступил в печати в его защиту, был обвинен в оскорблении суда и подвергнут двухнедельному тюремному заключению (1848).

№ 88. *...ярость Ваших соотечественников.*— Роман «Дым» вызвал критические отклики в газетах и журналах разных поли-

тических направлений. Тургенев писал 5(17) мая 1867 года А. И. Герцену: «Итак, посылаю тебе свое новое произведение. Сколько мне известно, оно восстановило против меня в России — людей религиозных, придворных, славянофилов и патриотов».

№ 89. Сиркур, Адольф (1801—1879) — французский политический деятель и литератор; был женат на русской — Анастасии Семеновне Хлюстиной (см. прим. к письму № 50).

...Вашу работу о немце.— Речь идет о статье Сиркура о друге Петра I Ф. Лефорте. Статья появилась в «Ревю де Пари» 15 января 1868 года.

Зотов, Никита Моисеевич (ок. 1644—1718) — учитель Петра I в 1677—1680 годах.

Кикин, Александр Васильевич (ум. 1718) — приближенный Петра.

Дудан, Хименес (1800—1872) — французский историк и педагог, преподаватель в семье Брольи.

Перо Ниньо.— Мериме написал в 1867 году («Монитор юниверсель», 9 сентября) рецензию на публикацию А. Сиркуром «Хроники» Перо Ниньо.

№ 90. Либрейх, Фридрих-Рихард (род. 1830) — немецкий врач-окулист, с 1862 по 1870 год практиковавший в Париже.

В романе есть довольно острые места, которые приводят князя Голицына в отчаяние.— Тургенев был недоволен приглашенностью перевода Голицына, которому он писал: «Я только что просмотрел первые главы «Дыма» в «Корреспондан» — и скажу откровенно, что я не мог освободиться от тягостного чувства при виде своего имени, помещенного под работой, изобилующей — должен это сказать — ошибками и нелепостями. Вы не приняли во внимание исправления, которые я поспешил отправить вам через посредство г-на Мериме... Должен также признаться, что я не понимаю, как вам, при ваших, сообщенных мне в последнем письме, сомнениях относительно того впечатления, которое может произвести на матерей семейств некая страница, касающаяся отношений Ирины и Потугина,— как вам могла придти мысль переводить мою повесть; отношения между Литвиновым и Ирриной гораздо более недвусмысленны — и я не вижу никакого способа смягчить их, разве что внести такие изменения, которые исказили бы все повествование. Мне неприятно говорить, милостивый государь, но если бы я мог предвидеть все это, то думаю, что я просил бы вас отказаться от вашего замысла».

№ 91. ...окончание первой части «Петра Великого»...— Речь идет о седьмой статье Мериме о юности Петра. Статья увидела свет в феврале.

Понсон дю Террайль, Пьер-Алексис (1829—1871) — французский писатель, автор длинного бульварного авантюрного романа «Приключения Рокамболя».

..болтовню о Пушкине.— Статья Мериме «Александр Пушкин» появилась в газете «Монитор юниверсель» 20 и 27 января.

Диксон, Вильям (1821—1879) — английский литератор и публицист; Мериме читал его книгу в двухтомном издании 1867 года,

Республика Маунт-Либенона — одно из крупнейших объединений мормонов в районе Соленого озера (штат Юта). Мериме живо интересовался этой религиозной сектой; в 1853 году он напечатал в газете «Монитор юниверсель» большую статью об американских мормонах.

...известная острога Талейрана...— Мериме имеет в виду следующую приписываемую Талейрану фразу, сказанную об американцах: «Это надменные свиньи, свиньи, полные гордости».

№ 92. *Вы обошлись с княгиней Долгорукой...*— В образе героини «Дыма» Ирины Ратмировой современники увидели портрет Александры Сергеевны Альбединской, рожд. княжны Долгоруковой (1836—1913), любовницы Александра II.

Игнатъев, Николай Павлович (1832—1908) — русский дипломат, посол России в Константинополе с 1864 по 1876 год.

Горчаков, Александр Михайлович (1798—1883) — министр иностранных дел с 1856 по 1881 год.

№ 93. *...допущенная мною незначительная ошибка...*— В статье о Пушкине Мериме написал, что в слове «душа» ударение падает на первый слог.

...о смерти племянника и-жи Габриэль.— Речь идет о смерти Бенжамена Делесера.

№ 94. *Колонна, Адель* (1836—1879) — приятельница Мериме. Дочь графа Луи д'Афри, она вышла в 1856 году замуж за римского аристократа графа Карло де Кастильоне-Колонна, который внезапно умер, не проживя и года с женой. После этого графиня Колонна переселилась в Париж и занялась скульптурой, выставив под псевдонимом «Марчелло» несколько своих работ на выставках 1863 и 1865 годов.

Ньюкки — клецки; переносн.— увальни (итал.).

Карлейль, Томас (1795—1881) — английский буржуазный философ, историк и публицист.

Бембо, Пьетро (1470—1547) — итальянский поэт и теоретик литературы; состоял в переписке со знаменитой Лукрецией Борджа.

Буркхардт, Жан (сер. XV в.— 1506) — средневековый французский историк, уроженец Эльзаса.

Герцог Немурский...— см. прим. к письму № 65.

№ 95. Печатается с небольшими сокращениями.

...приключение лейтенанта Ергунова...— Новелла Тургенева «История лейтенанта Ергунова» была переведена на французский язык самим автором и Л. Виардо и напечатана в «Ревю де де Монд» 1 апреля 1868 года.

№ 96. *...в состоянии ли Сент-Бев...*— Речь идет об ответе прогрессивных литераторов, и в частности Сент-Бева, на нападки поднимавшей голову католической реакции, одного из ее идеологов, епископа Орлеанского Дюпанлу.

№ 97. *...стал изобличать профессора...*— Жермена Сэ.

Кто такая эта мингрельская княжна...— В мае 1868 года Саломея Дадзани (род. 1848), дочь мингрельского князя Давида Ивановича Дадзани, вышла замуж за Ашиля-Шарля-Луи-Наполеона Мюрата (1847—1895).

...описавшей это свое приключение, о котором я где-то чи-

тал?—Мериме мог читать статью Анри-Ипполита Делаво в «Ревю де де Монд (1856), а также книгу Э. Мерлье «Русские княжны, похищенные на Кавказе. Воспоминания француженки, попавшей в плен к Шамилю» (1860).

№ 98. ...свадьба...— бракосочетание Эдварда Чайлда и Бланш де Трикети, вдовы Бенжамена Делесера.

...поэма о «Меджнуне и Лейле»...— Этот сюжет о трагической любви двух молодых людей был использован в ряде выдающихся произведений восточной литературы, в том числе в поэмах Низами, Навои и Джами. Мериме, очевидно, имеет в виду произведение Джами.

...великая княгиня...— очевидно, Екатерина Павловна, рожд. Фредерика-Шарлотта-Мария Саксен-Кобург-Готская (1806 — 1873), жена великого князя Михаила Павловича (1798—1849), подолгу жившая за границей.

Эдуар — сын г-жи Делесер.

№ 99. Монганьес, Хуан-Мартинес (1568—1649) — испанский скульптор, автор раскрашенных статуй, украшающих ряд соборов и церквей Севильи.

Берругете, Алонсо (ок. 1480—1561) — испанский скульптор, ученик Микеланджело.

Виндишгрец, Людвиг-Иосиф-Николай (род. 1830) — австрийский офицер, командир драгунского полка, сын австрийского генерала Альфреда Виндишгреца (1787—1862). Графиня Колонна познакомилась с ним во время своего путешествия по Европе.

Кергорлэ, Луи, граф — молодой человек, сопровождавший герцогиню Колонна в ее поездке по Испании.

..две не изданные еще новеллы...— Мериме имеет в виду свои новеллы «Локис» и «Голубая комната».

№ 100. ...своего «Медоведа»...— то есть новеллу «Локис».

...Ламаргин и Берье очень больны.— Французский поэт-романтик и общественный деятель Альфонс де Ламаргин скончался 1 марта 1869 года. Французский адвокат-легитимист Антуан Берье (1790—1868) умер 29 ноября 1868 года.

№ 101. Вы совершенно правы насчет колдуньи.— Мериме пишет об одном из эпизодов своей новеллы «Локис» (гл. III).

...прекрасной дамы...— императрицы Евгении.

...то заменю эту сцену...— Этой замены писатель не сделал.

Этцель, Пьер-Жюль (1814—1886) — парижский издатель и литератор. Познакомившись с Тургеневым в начале 60-х годов, он стал одним из его близких друзей. Этцель осуществил большинство изданий произведений Тургенева во Франции.

...из «Фигаро», которые вполне способны сделать из этого фельетон.— Газета «Фигаро», враждебно настроенная к Мериме, поместила 28 января 1868 года фельетон Б. Жувена «Господин Проспер Мериме».

Я еще не получил книг...— Тургенев сообщал Мериме о высылке ему словаря Н. П. Макарова и стихотворений Баратынского.

№ 102. Берг.— Очевидно, Мериме имеет в виду одну из работ немецкого ученого-филолога, полиглота, знатока восточных языков Иоганна Берга (1737—1800).

...его автобиографию...— Речь идет о книге Гете «Поэзия и правда» (1811—1822).

Баратынского...— Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) был знаком с Мериме; их познакомил в декабре 1843 года Соболевский, который ввел русского поэта в салон Ансло.

№ 103. Гобино, Жозеф-Артюр (1816—1882) — французский писатель, философ и дипломат; долго жил на Востоке. Многие его художественные и философские сочинения посвящены восточным темам.

Лагден, Фанни — англичанка, ученица Леонора Мериме; жила в Париже с 1822 года. После смерти матери писателя (1852) жила вместе с сестрой в его доме и вела его хозяйство.

...ее сестра...— Эмма Лагден.

«Афроэсса» — книга Гобино, вышедшая в январе 1869 года.

№ 104. Ваш переезд мне совершенно непонятен.— Тургенев переехал в Карлсруэ вслед за семейством Виардо.

«Несчастливая» — новелла Тургенева, напечатанная в журнале «Русский вестник» в январе 1869 года.

№ 105. Моль, Жюль (1800—1876) — французский востоковед, близкий друг Ж.-Ж. Ампера.

№ 106. ...Пелион, взгроможденный на Оссу.— Пелион и Осса — горы в Фессалии; гиганты, восставшие против Зевса, желая взобраться на небо, взгромодили Пелион на Оссу, но не смогли подняться по ним и достичь цели (греч. миф.).

...некой прекрасной княгини...— Лоры Бофремон, на мужа которой якобы было совершено покушение.

...отца короля Португальского.— В то время королем Португалии был дом Луис I.

№ 107. Я был очень болен.— Враждебная Мериме газета «Фигаро» сообщила 10 марта: «Согласно слухам, распространившимся вчера вечером в Париже, г-н Проспер Мериме скончался позавчера в Канн, в четыре часа пополудни. Надеемся, что эти слухи будут опровергнуты». О смерти Мериме сообщило еще несколько парижских газет. «Монитор юниверсель» напечатал 12 марта опровержение.

Гужон, Жан (ок. 1510 — ок. 1565) — французский скульптор и архитектор эпохи Возрождения, один из строителей Лувра.

Прадье, Джемс (1794—1852) — французский скульптор, представитель салонного искусства.

№ 109. Литре, Эмиль (1801—1881) — французский ученый-лексикограф и общественный деятель, автор знаменитого «Словаря французского языка». С 1867 года издавал в Париже совместно с Вырубовым «Журнал позитивной философии».

Вырубов, Григорий Николаевич (1843—1913) — русский публицист и общественный деятель, естествоиспытатель и философ-позитивист.

Смирнова, Александра Осиповна (1810—1882) — хозяйка популярного петербургского литературного салона, близкий друг А. С. Пушкина.

...одной самозванке...— На основании этих материалов Мери-

ме написал статью «История Лже-Елизаветы II» («Журналь де Саван», июнь — июль 1869).

...я обратил внимание на одну русскую картину...— Речь идет об известном полотне Константина Дмитриевича Флавицкого (1830—1866) «Княжна Тараканова» (1864).

...прочел бы корректуры.— Парижский издатель Этцель готовил сборник новелл Тургенева, куда должны были войти «Жид», «Петушков», «Собака», «Призраки» (в переводе Мериме), «Аннушка» (под таким названием во Франции печаталась повесть «Ася»), «Бригадир», «История лейтенанта Ергунова» (в переводе самого Тургенева).

№ 110. Печатается с небольшими сокращениями.

Дагобер — французский король в 628—638 годах.

...сделать трех бессмертных...— Мериме пишет о предстоящих (29 апреля) выборах во Французскую академию.

№ 111. ...о наших выборах? — Мериме имеет в виду очередные парламентские выборы.

Шербюлье, Виктор (1829—1899) — французский писатель и публицист, швейцарец по происхождению. Его роман «Приключения Владислава Больского» печатался в «Ревю де де Монд» в апреле—июне 1869 года.

№ 112. Флао, Жозеф (1785—1870) — французский военачальник и дипломат, адъютант Наполеона I, французский посол в Лондоне при Наполеоне III.

№ 113. ...в «Ревю».— «Ревю де де Монд».

...наше дельце — чрезвычайная сессия Сената, вызванная ростом оппозиции режиму Второй Империи и революционными выступлениями народных масс.

Фери, Жюль (1832—1893) — французский политический деятель, умеренный либерал; в мае 1869 года он был избран депутатом от департамента Сена.

...написать статью «Жизнь Сервантеса»...— Эта работа Мериме увидела свет лишь в 1877 году. См. V том настоящего издания.

№ 114. Леви, Мишель (1821—1875) — парижский издатель и книготорговец; им были выпущены почти все наиболее значительные произведения французской литературы второй половины XIX века.

«Воспитание чувств».— Роман Флобера вышел из печати в ноябре 1869 года.

...его пьесы.— Речь идет о пьесе Эмиля Ожье «Львы и лисички», премьеры которой состоялась 6 декабря 1869 года; пьеса успеха не имела.

№ 115. Брольи, Леонс-Виктор (1785—1870) — министр при Луи-Филиппе.

...о новом издании Ваших произведений или о продолжении старого? — Речь идет о собрании сочинений Тургенева в семи томах, изданном братьями Салаевыми в Москве в 1868—1869 годах.

Битва при Ватерлоо, изображенная В. Гюго...— В романе «Отверженные».

...следующие два стиха...— Мериме цитирует стихотворение Эрнеста д'Эрвильи «Происшествия».

..опубликовал ли мой друг Устрялов новый том своего «Петра Великого»? — Эта работа Устрялова осталась незавершенной.

...о недавних русских аннексиях в Азии? — Речь идет о присоединении к России Бухары и Самарканда

№ 116. ...я буду Вас переводить... — Этот перевод Мериме был напечатан в «Ревю де де Монд» 1 марта 1870 года.

№ 117. ...смерть юного Лаборда. — Речь идет о смерти от дифтерита девятилетнего племянника г-жи Делесер Франсуа (сын Леона де Лаборда).

...по образцу истории Тьера... — Мериме имеет в виду работу Адольфа Тьера (1797—1877) «История Консульства и Империи» (21 тт., 1845—1869).

Мартино, Генриэтта (1802—1876) — английская писательница, автор нескольких сборников рассказов.

Лэмб, Чарльз (1775—1834) — английский литератор первой половины XIX века.

№ 119. Оливье, Эмиль (1825—1913) — французский политический деятель и адвокат, в 1870 году министр. 7 апреля был избран во Французскую академию; Мериме не принимал участия в голосовании.

Что касается истории... — Мериме имеет в виду свою новеллу «Джуман».

№ 120. ...этого избежать было нельзя. — Мериме пишет о назревавшем военном столкновении Франции и Пруссии. На следующий день, 19 июля, война была объявлена. Мериме узнал эту новость в Париже, где он пробыл до 10 сентября.

Я не отослал Вам книг... — Мериме обещал послать Женни Дакен «Письма» г-жи де Севинье и томик Шекспира.

№ 121. Я думал, что Вы сейчас в Веймаре... — Тургенев находился в это время в Баден-Бадене.

Прево-Парадоль, Люсьен-Анатоль (1829—1870) — французский писатель, публицист и государственный деятель, посол Франции в США. Покончил с собой 20 июля 1870 года.

№ 122. Солдаты у нас храбрые, но нет ни одного полководца. — Мериме имеет в виду разгром французской армии под Сен-Прива 18 августа.

№ 123. ...посетить нашего друга... — императрицу Евгению.

№ 124. Это — последнее письмо Мериме к Тургеневу, который позже писал: «Последнюю его записку ко мне от 23-го сентября я едва мог разобрать, — до того изменился его красивый и четкий почерк».

Я прочитал Вашу статью... — Мериме имеет в виду статью Тургенева «Казнь Тропмана», напечатанную в «Вестнике Европы» (1870, № 6).

Дю Кан, Максим (1822—1894) — французский писатель и журналист, знакомый Тургенева, с которым он особенно часто встречался в 1867—1870 годах. Тургенев присутствовал на казни Тропмана по приглашению Дю Кана, который напечатал 1 января 1870 года статью «Площадь Рокет. Квартал приговоренных к смертной казни и эшафот». Мериме, очевидно, имеет в виду именно эту статью Дю Кана.

№ 125. Это — последнее письмо Мериме, написанное его слабеющей рукой. Через несколько часов, в девять часов вечера, 23 сентября Мериме скончался.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Включенные в этот том пьесы Мериме написаны примерно в одно и то же время, но очень различны и по содержанию, и по жанру, и по стилю. Первая из них, «Семейство Карвахалья» (1828), примыкает к вышедшему тремя годами ранее «Театру Клары Гасуль». История написания пьесы, как ее изложил сам писатель в предисловии к ней, — это еще одна литературная мистификация, обычная для Мериме 20-х годов. Иронический тон, откровенное пародирование распространенного в то время жанра мелодрамы также сближают «Семейство Карвахалья» с «Театром Клары Гасуль».

Одноактная комедия «Недовольные» (1830) была написана в подражание пьесам-«пословицам» популярного в те годы драматурга Теодора Леклерка. Но в отличие от последнего Мериме насытил свою пьесу острым политическим содержанием, создав сатирические образы беспринципных дворян-заговорщиков.

«СЕМЕЙСТВО КАРВАХАЛЯ»

Впервые напечатано в 1828 году в одном томе с «Жакерией» (книга была отпечатана в типографии, принадлежавшей Бальзаку). Переиздано в 1842 году вместе с «Жакерией» и «Театром Клары Гасуль».

Перевод эпиграфа из «Арауканы» принадлежит Т. Щепкиной-Куперник. Перевод эпиграфа из «Дон Жуана» Байрона принадлежит П. Козлову.

Стр. 272. В книге несчастного Устариса о Новой Гранаде...— В действительности такой книги и такого автора не существовало, их придумал сам Мериме.

Писарро, Гонсалес (1502—1548) — испанский конкистадор; вместе со своим братом Франсиско Писарро (ок. 1471—1541) совершил две захватнические экспедиции в Перу и подчинил эту страну Испании.

Стр. 273. Беатриче Ченчи.— Судьба итальянки Беатриче Ченчи, казненной в Риме в 1599 году за убийство развратника отца, привлекла внимание многих писателей; в 1819 году о ней написал драму Шелли, а в 1837-м Стендаль — одну из своих лучших «итальянских хроник».

Стр. 274. Парри, Вильям-Эдуард (1790—1855) — английский мореплаватель, исследователь Арктики; совершил несколько путешествий к Северному полюсу.

Стр. 276. Кауик — глава племени южноамериканских индейцев.

Стр. 287. Раймунд Люллий (ок. 1235—1313) — каталонский средневековый писатель-схоласт и ученый-алхимик, автор латинского трактата «Большое искусство».

Под названием «Недовольные. 1810» и с подзаголовком «Пословица» напечатано в «Ревю де Пари» в марте 1830 года. В 1833 году включено в сборник новелл «Мозаика», в составе которого переиздавалось при жизни писателя несколько раз (1842, 1845, 1851 и т. д.— всего 11 раз).

На русском языке печатается впервые.

Стр. 313. *Комитет общественного спасения* — так назывался руководящий орган якобинской диктатуры, обладавший неограниченными полномочиями; создан 6 апреля 1793 года. Прекратил свое существование одновременно с роспуском Конвента (26 октября 1795).

Стр. 316. «Государь» Макнавелли.— Эта книга итальянского писателя эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469—1527) вышла впервые в 1532 году (написана в 1513); она прославляет сильного государя, использующего любые средства в борьбе за власть. Графиня де Турнель в годы бонапартистского террора не случайно заказывает в книжной лавке именно эту книгу.

Стр. 317. *...в Венсенском... замке.*— При Наполеоне здесь содержали особо опасных государственных преступников.

...гнусное предательство.— Графиня имеет в виду так называемое Свидание в Байоне (5 мая 1808 года), когда Наполеон, делая вид, что хочет примирить испанского короля Карла IV и его наследника Фердинанда VII, арестовал обоих и заставил отречься от престола в пользу его брата Жозефа.

...ибо они принадлежат к августейшему семейству...— В Испании в то время правила одна из ветвей рода Бурбонов.

Стр. 318. «Заговоры» Сен-Реаля.— Речь идет о двух работах савойского историка аббата Сезара де Сен-Реаля (1639—1692): «История заговора испанцев против Венеции» и «Заговор Гракхов».

Стр. 323. *...госпожи де Помпадур, любовницы Людовика Шестнадцатого!* — Эдуар, слабо знающий историю французского королевского дома, путает: Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур (1721—1764), была фавориткой Людовика XV, а не Людовика XVI.

Стр. 323—324. *Маскариль* — персонаж из комедии Мольера «Смешные жеманницы» (1659).

Стр. 324. «Скачи, маркиз!» — слова из комедии Жана-Франсуа Реньяра (1655—1709) «Игрок» (1696).

Стр. 325. *Детей Людовика Шестнадцатого?* — После казни короля роялисты считали наследником престола его сына дофина Людовика; он умер в тюрьме в 1795 году.

...братья короля — в изгнании... — то есть будущие французские короли Людовик XVIII и Карл X.

Стр. 329. *...осаде Гибралтара.*— Франко-испанские войска дважды (в 1779 и 1782 годах) тщетно пытались овладеть Гибралтаром, захваченным Англией в 1704 году.

Стр. 330. *Ваграмскую битву.*— Сражение под Ваграмом про-

изошло 6 июля 1809 года и закончилось полным поражением австрийцев. Однако и французская армия понесла большие потери.

Эрцгерцог Карл Австрийский (1771—1847) — брат австрийского императора Франца II, главнокомандующий австрийской армии.

Калькрейт (1737—1818) — прусский фельдмаршал; в битве под Ауэрштедтом своим бездействием способствовал поражению немецких войск.

Стр. 331. *Национальные имущества* — конфискованная государством в период Французской буржуазной революции конца XVIII века движимость и недвижимость, принадлежавшая королевской семье, эмигрантам, монастырям и т. д. Эти имущества поступали в продажу и попадали в руки молодой буржуазии. В период Реставрации аристократы, вернувшиеся из эмиграции, получили солидную компенсацию за отобранное у них имущество.

Стр. 332. *Боншан, Шарль (1759—1793)* — французский офицер, участник американской войны за независимость; затем командир отряда вандейских повстанцев.

Стр. 333. *...разделила славу Гармодия и Аристокитона.* — Плутарх рассказывает об афинской куртизанке Лоэне, подруге Гармодия и Аристокитона, организовавших заговор против тиранов. Когда заговор был раскрыт, Лоэна, несмотря на пытки, не выдала участников заговора (V в. до н. э.). У Плутарха, однако, не сказано, что Лоэна откусила себе язык.

Владислав — очевидно, Владислав IV Сигизмунд (1595—1648), польский король с 1632 года; в 1610 году пытался захватить московский престол.

Стр. 334. *Великий дофин* — так называли сына Людовика XIV и Марии-Терезы, родившегося в 1661 году.

Стр. 339. *Жан Шуан* — Жан Котеро, сапожник из Лавалья, прозванный «Шуаном» за условный крик («шуан-шуан»), которым он сзывал своих сообщников-контрабандистов; в 1792 году он организовал первый отряд вандейских крестьян, сражавшихся против республиканских войск, носивших синие мундиры.

Стр. 341. *«Рыцари лебеда», «Справедливые судьи»* — мелодрамы, с успехом шедшие в 20-е годы на сцене парижских театров «Амбигю» и «Гете».

Стр. 342. *Лескюр, Луи-Мари (1766—1793)* — французский кавалерийский офицер, один из вождей контрреволюционного восстания в Вандее.

Шарет, Франсуа (1763—1796) — французский морской офицер, возглавивший в 1793 году контрреволюционное восстание крестьян провинции Пуату. Расстрелян в Нанте.

Рошжаклен, Анри (1772—1794) — вождь вандейских повстанцев, возглавивший их после смерти Лескюра.

Стр. 345. *Главная квартира в С... 179... г.* — то есть в Савене, 1793 год.

А. Михайлов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений П. Мериме, включенных в 1—6 тт.
собрания сочинений

	Том	Стр.
Аббат Обен	2	390
Александр Пушкин	5	243
Арман Мараст	5	189
Арсена Гийо	2	286
Африканская любовь	3	96
Байрон	5	114
Баллады и народные песни Румынии	5	199
Брантом	5	211
Венера Илльская	2	128
Взятие редута	1	370
Видение Карла XI	1	362
Виктор Жакмон	5	129
Голубая комната	2	470
Гузла (сб.)	1	53
Двойная ошибка	2	4
Джуман	2	486
Дневник Сэмюэла Пеписа	5	278
Драматическое искусство в Испании	5	101
Души чистилища	2	68
Жакерия	3	249
Женщина — дьявол, или Испытание святого. Антония	3	79
Жемчужина Толедо	1	410
Жизнь и творчество Сервантеса	5	290

	Том	Стр.
Заметка о Кларе Гасуль	3	5
Заметки о путешествии по западу Франции	4	285
Заметки о путешествии по Корсике	5	7
Заметки о путешествии по югу Франции	4	7
Иван Тургенев	5	268
Il vicolo di madama Lucrezia	2	404
Инес Мендо, или Победенный предрассудок	3	107
Инес Мендо, или Торжество предрассудка	3	130
Испанцы в Дании	3	10
История Рондино	1	520
Карета святых даров	3	215
Кармен	2	332
Коломба	2	158
Крепостное право и русская литература	5	192
Локис	2	428
Маттео Фальконе	1	348
Мозаика (сб.)	1	348
Небо и ад	3	166
Недовольные	6	313
Об испанской литературе	5	171
Партия в триктрак	1	412
Переписка г-жи дю Дефан	5	237
Письма	6	5
Письма из Испании	1	454
Письмо Ж. Шарпантье	5	235
Семейство Карвахалья	6	271
Случайность	3	183
Сражение	1	516
Стендаль	5	160
Таманго	1	376
Театр Клары Гасуль (сб.)	2	5
Федерико	1	398
Хроника царствования Карла IX	1	149
Шарль Нодье	5	141
Этрусская ваза	1	430

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1822—1849

Перевод Е. Булаковой и Э. Леонидовой

1. Жозефу Линге. 9 апреля 1822	5
2. Жозефу Линге. 21 сентября 1823	7
3. Анри Бейлю. <Февраль 1825>.	9
4. Доктору Эдвардсу. <Март 1828>.	10
5. Альберу Стапферу. 16 декабря 1828	11
6. Сюттон Шарп. 8 янв<аря> 1829	13
7. Виктору Гюго. <14 февраля 1830>.	15
8. Софи Дювосель. <22 февраля 1830>.	16
9. Софи Дювосель. <3 марта 1830>.	17
10. Виктору Гюго. <6 июня 1830>.	18
11. Альберу Стапферу. 4 сентября 1830	19
12. Эжену Сю. <Май — июнь 1831>.	22
13. Графу д'Аргу. 14 декабря 1832	23
14. Женни Дакен. 14 августа <1834>.	27
15. С. А. Соболевскому. 18 января 1835	29
16. Анри Бейлю. 12 февраля 1837	32
17. Альберу Стапферу. 2 сентября 1837	34
18. Рекьену. 30 сент<ября 1839>.	36
19. Рекьену. 15 октября <1839>.	38
20. Г-же де Монтихо. 16 октября <1840>.	40
21. Этьену Конти. 12 ноября <1840>.	43
22. Эдуару Грасе. <2> июня 1841	46
23. Женни Дакен. 14 мая 1842	48
24. Женни Дакен. 24 октября 1842	51
25. Женни Дакен. 3 января 1843	54
25. Проспер Мериме. Т. 6.	335

26.	Барону А. Гиро. 2 апреля <1843>	57
27.	Женни Дакен. 15 апреля 1843	58
28.	Женни Дакен. 4 мая 1843	60
29.	Г-же де Монтихо. 3 февраля 1844	62
30.	Женни Дакен. 14 марта 1844	65
31.	Женни Дакен. 17 марта 1844	66
32.	Г-же де Монтихо. 23 марта <1844>	67
33.	Шарлю де Ремюза. 22 июля <1844>	70
34.	Г-же де Монтихо. 8 февраля 1845	71
35.	Г-же де Монтихо. 16 мая 1845	72
36.	Г-же де Монтихо. 20 февраля <1847>	75
37.	Эдуару Делесеру. 26 июля <1847>	77
38.	Элуа Жоано. 11 нояб<ря> 1847	79
39.	Эдуару Делесеру. 1 февраля 1848	81
40.	Г-же де Монтихо. 25 февраля <1848>	83
41.	Эдуару Делесеру. 24 апреля <1848>	84
42.	Г-же де Монтихо 28 декабря 1848	86
43.	<Шарпантье>. 1 июня <1849>	87
44.	Леонсу де Лавернь. 21 июля 1849	88
45.	Эдуару Делесеру. 24 августа 1849	90
46.	Г-же де Лагрене. 31 августа <1849>	93
47.	С. А. Соболевскому. 31 августа <1849>	95

1850—1860

Перевод В. Топер

48.	Женни Дакен. 1 июня 1850	98
49.	Шарлю Ленорману <24 ноября 1850>	100
50.	Г-же де Сиркур. <26 декабря 1850>	101
51.	Л. С. Пушкину. 19 августа <1851>	102
52.	Г-же де Лагрене. 22 сентября <1851>	103
53.	Эрнесту Шарьёру. 20 мая 1854	105
54.	Женни Дакен. 2 августа 1854	106
55.	Миссис Сениор. 23 марта 1855	108
56.	Миссис Сениор. 10 апреля <1855>	111
57.	Г-же де ла Рошжаклен. 21 июня 1855	114
58.	Миссис Сениор. 16 февраля 1856	116
59.	Г-же де Буань. 26 июля 1856	119
60.	Г-же де ла Рошжаклен. 29 окт<ября> 1856	122
61.	Г-же де ла Рошжаклен. 18 февраля 1857	125
62.	И. С. Тургеневу. 5 апреля 1857	128
63.	Г-же де ла Рошжаклен. <11 апреля 1857>	129
64.	Г-же де ла Рошжаклен. 9 июня <1857>	131
65.	Г-же де ла Рошжаклен. 26 июля 1857	135
66.	Полю Лакруа. 3 января 1859	140
67.	Г-же де ла Рошжаклен. 27 июля <1859>	142
68.	Г-же де ла Рошжаклен. 9 августа <1859>	146
69.	Г-же де ла Рошжаклен. 11 марта <1860>	149
70.	И. С. Тургеневу. 12 июня 1860	153

1860—1867

Перевод В. Станевич

71.	И. С. Тургеневу.	2 дек<абря 1860>	155
72.	И. С. Тургеневу.	10 декабря <1860>	158
73.	И. С. Тургеневу.	18 января <1861>	161
74.	Миссис Сениор.	30 мая 1862	164
75.	И. С. Тургеневу.	24 ноября <1862>	167
76.	Женни Дакен.	5 декабря 1862	169
77.	Женни Дакен.	3 января 1863	171
78.	Женни Дакен.	30 августа 1863	173
79.	И. С. Тургеневу.	9 декабря <1863>	175
80.	И. С. Тургеневу.	15 января <1865>	177
81.	И. С. Тургеневу.	27 янв<аря 1865>	179
82.	И. С. Тургеневу.	2 марта <1865>	182
83.	И. С. Тургеневу.	21 марта <1865>	184
84.	И. С. Тургеневу.	2 июня <1865>	186
85.	И. С. Тургеневу.	8 февраля 1866	189
86.	И. С. Тургеневу.	28 февраля <1867>	192
87.	И. С. Тургеневу.	18 мая <1867>	194
88.	И. С. Тургеневу.	25 мая 1867	196
89.	Адольфу де Сиркуру.	6 августа <1867>	198
90.	Женни Дакен.	27 сентября 1867	200

1868—1870

Перевод Н. Рыковой

91.	Женни Дакен.	6 января 1868	202
92.	И. С. Тургеневу.	18 января 1868	203
93.	И. С. Тургеневу.	13 февраля 1868	206
94.	Герцогине Колонна.	26 февраля 1868	208
95.	И. С. Тургеневу.	18 марта 1868	211
96.	Женни Дакен.	20 апреля 1868	213
97.	И. С. Тургеневу.	24 мая 1868	215
98.	Г-же Делесер.	22 июня 1868	217
99.	Герцогине Колонна.	26 сентября 1868	219
100.	Женни Дакен.	16 ноября 1868	221
101.	И. С. Тургеневу.	22 ноября 1868	223
102.	И. С. Тургеневу.	3 дек<абря> 1868	225
103.	Графу де Гобино.	13 января 1869	228
104.	И. С. Тургеневу.	10 февраля 1869	230
105.	Альберу Стапферу.	10 февраля 1869	232
106.	Г-же де Боленкур.	25 февраля 1869	234
107.	Герцогине Колонна.	13 марта 1869	236
108.	И. С. Тургеневу.	14 марта 1869	238
109.	И. С. Тургеневу.	31 марта <1869>	241
110.	И. С. Тургеневу.	21 апреля 1869	243
111.	И. С. Тургеневу.	2 июня 1869	245
112.	Г-же Делесер.	23 июня 1869	247

113. Женни Дакен. 7 сентября 1869	249
114. Мишелю Леви. 23 ноября 1869	251
115. И. С. Тургеневу. 23 декабря 1869	252
116. И. С. Тургеневу. 2 февраля 1870	254
117. Эдварду Чайльд-сыну. 17 марта 1870	256
118. И. С. Тургеневу. 25 марта 1870	258
119. Женни Дакен. 7 апреля 1870	260
120. Женни Дакен. 18 июля 1870	262
121. И. С. Тургеневу. 2 августа 1870	263
122. Паницци. 21 августа 1870	264
123. Г-же де Боленкур. 13 сентября 1870	265
124. И. С. Тургеневу. 23 сентября 1870	267
125. Женни Дакен. 23 сентября 1870	268

ПРИЛОЖЕНИЕ

Семейство Карвахаля. Перевод Н. Любимова	271
Недовольные. Перевод О. Моисеенко	313
Письма Мериме. А. Михайлов	351
Комментарии	354
Алфавитный указатель произведений П. Мериме, вошедших в 1—6 тома собрания сочинений	383

Проспер Мериме

Собрание сочинений в 6 томах.

Том VI.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 19/ХН 1963 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 2234.
Зак. № 2625. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 12,13.
Условн. печ. л. 19,88. Уч.-изд. л. 17,2. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, улица «Правды», 24.

